

Научный журнал

Основан в 2006 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
ПИ № ФС77-61039 от 5 марта 2015 г.

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тверской государственный университет»

Редакционная коллегия серии:

д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ О.Ю. Ильина (*глав. редактор*);
д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ Л.В. Туманова;
д-р юрид. наук, доц. Н.А. Антонова;
д-р юрид. наук, проф. Л.Т. Бакулина;
д-р юрид. наук, проф. М.В. Баранова;
д-р юрид. наук, проф. А.Г. Безверхов;
д-р юрид. наук, проф. А.А. Воротников;
д-р юрид. наук, ассоциированный проф. Б.А. Джандарбек;
д-р юрид. наук, проф. И.Г. Дудко;
д-р юрид. наук, проф. М.А. Ефремова;
д-р юрид. наук, проф. А.И. Коробеев;
д-р юрид. наук, проф. В.И. Крусс;
д-р юрид. наук, проф. А.Н. Кузбагаров;
д-р юрид. наук, доц. А.Н. Левушкин;
д-р юрид. наук, проф. Т.Н. Михеева;
д-р юрид. наук, проф. Ю.А. Попова;
д-р юрид. наук, проф. В.Д. Потапов

Адрес редакции:

Россия, 170021, г. Тверь, ул. 2-я Грибоедова, д. 22, каб. 222
Тел.: +7 (4822) 70-06-57

*Все права защищены. Никакая часть этого издания
не может быть репродуцирована без письменного разрешения издателя.*

© Тверской государственный
университет, 2025

Scientific Journal

Founded in 2006

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media
PI № ФC77-61039 of March 5, 2015

Translated Title:

Herald of Tver State University. Series: Law

Founder:

Federal State Budget Educational Institution
of Higher Education
«Tver State University»

Editorial Board of the Series:

Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation O.U. Ilina
(editor-in-chief);
Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation L.V. Tumanova;
Doctor of Law, Professor N.A. Antonova;
Doctor of Law, Professor L.T. Bakulina;
Doctor of Law, Professor M.V. Baranova;
Doctor of Law, Professor A.G. Bezverkhov;
Doctor of Law, Professor A.A. Vorotnikov;
Doctor of Law, Professor B.A. Dzhandarbek;
Doctor of Law, Professor I.G. Dudko;
Doctor of Law, Professor M.A. Efremov;
Doctor of Law, Professor A.I. Korobeev;
Doctor of Law, Professor V.I. Kruss;
Doctor of Law, Professor A.N. Kuzbagarov;
Doctor of Law, Professor A. N. Levushkin;
Doctor of Law, Professor T.N. Mikheeva;
Doctor of Law, Professor Yu.A. Popova;
Doctor of Law, Professor V.D. Potapov

Editorial Office:

Office 222, 22, 2nd Griboyedova st., 170021, Tver, Russia
Tel.: +7 (4822) 70-06-57

*All rights reserved. No part of this publication
may be reproduced without the written permission of the publisher.*

© Tver State University, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Актуальные вопросы частного права

<i>Ильина О.Ю.</i> О Материнстве в Год Семьи.....	9
<i>Баранов И.В.</i> Конвенция ООН о правах ребенка в системе международного права...11	11
<i>Барткова О.Г.</i> Некоторые теоретические аспекты значения гражданско-правовых механизмов в реализации прав и обязанностей матери.....	19
<i>Гринева А.В.</i> Конфликт интересов в семейном правоотношении с участием несовершеннолетних родителей.....	27
<i>Громоздина М.В.</i> Правовой статус несовершеннолетних матерей: особенности раннего родительства и материнства.....	37
<i>Емелина Л.А., Яворский С.А.</i> Механизмы защиты имущественных прав ребенка и матери при разводе: правовой анализ.....	43
<i>Жукова О.В.</i> Равенство прав и обязанностей родителей по отношению к детям или приоритет матери?	54
<i>Иванова М.С.</i> Права матери на эмбрион при расторжении брака.....	64
<i>Ильина О.Ю., Русаковская О.А., Харитонова Н.К.</i> Социально-правовые риски материнства женщин, страдающих психическими расстройствами.....	73
<i>Карпенюк О.С.</i> Эмбрион in vitro как нематериальное благо будущих родителей.....	83
<i>Козырева Е.В.</i> О компенсации морального вреда в связи с утратой родственных связей с матерью.....	94
<i>Кокова Д.А.</i> Обеспечение интересов ребенка при нотариальном удостоверении семейно-правовых соглашений.....	100
<i>Комиссарова Е.Г.</i> Установление материнского происхождения ребенка: проблема интерпретации действующих семейно-правовых норм.....	110
<i>Короткевич М.П.</i> Обеспечение интересов матери в семейных отношениях.....	122
<i>Косова О.Ю.</i> О понятии материнства.....	131
<i>Крусс И.А.</i> Интересы родителей и детей при рассмотрении налоговых споров.....	139

Кувырченкова Т.В.

Защита уязвимых групп населения в условиях действия особых правовых режимов.....146

Кузьмина А.В.

Ответственность супругов по общим обязательствам в деле о несостоятельности (банкротстве) одного из супругов.....155

Максимович Л.Б.

Принцип защиты материнства как правовое средство обеспечения интересов матери (на примере статьи 17 Семейного кодекса Российской Федерации).....165

Низамиева О.Н.

Проблемы правосубъектности семьи: быть или не быть.....173

Огаркова Н.О.

Информационная безопасность детей: правовые основы и социальные проблемы.....182

Ординарцев И.И.

Об особом статусе матери при решении вопроса об ограничении родительских прав.....189

Русенчик Т.М.

Отдельные аспекты правового статуса матери в законодательстве Республики Беларусь.....197

Сладкова А.А.

Порядок выезда за границу несовершеннолетних граждан Российской Федерации.....206

Тарусина Н.Н.

Одинокое материнство: социально-юридический этюд.....213

Титаренко Е.П.

Влияние частного и публичного интереса на формирование содержания соглашения об осуществлении семейных прав и/или исполнении семейных обязанностей.....222

Толстова И.А., Акатова Н.С.

Правовые аспекты защиты и поощрения материнства.....230

Ульянова М.В.

Материнство и отцовство в правовом контексте: возможно ли фактическое и юридическое равенство?.....239

Федина А.С.

Защита интересов семьи в ходе принудительного исполнения судебных актов по делам административного судопроизводства.....248

Храпина О.В.

Проблемы государственной защиты материнства в Российской Федерации.....261

Юстус О.И.

Финансово-правовые аспекты обеспечения интересов многодетных семей.....266

Трибуна молодого ученого

Баунов И.В.

Некоторые вопросы правовой защиты имущественных интересов матери.....277

Ерёмин И.Д.

Баланс интересов всех кредиторов плательщика алиментов при решении вопроса о недействительности соглашения об уплате алиментов на несовершеннолетних детей при банкротстве граждан.....282

CONTENT

Topical issues of private law

<i>Ilyina O.</i> About Motherhood in the Year of the Family	9
<i>Baranov I.</i> The UN Convention on the Rights of the child in the system of international human rights law	11
<i>Bartkova O.</i> Some theoretical aspects of the importance of civil law mechanisms in the realization of the rights and responsibilities of the mother	19
<i>Grineva A.</i> Conflict of interests in a family legal relationship involving minor parents	27
<i>Gromozdina M.</i> Legal status of minor mothers: features of early parenthood and motherhood	37
<i>Emelina L., Yavorsky S.</i> Mechanisms to protect the property rights of the child and mother during divorce: a legal analysis	43
<i>Zhukova O.</i> Equality of rights and duties of parents in relation to children or the priority of the mother?	54
<i>Ivanova M.</i> The rights of the mother to the embryo at the dissolution of marriage	64
<i>Ilyina O., Rusakovskaya O., Kharitonova N.</i> Social and legal risks of women' with mental disorders motherhood	73
<i>Karpenyuk O.</i> In vitro embryo as intangible benefit of future parents	83
<i>Kozyreva E.</i> On compensation for moral damage in connection with the loss of family ties with the mother	94
<i>Kokova D.</i> Ensuring the interests of the child in the framework of family law agreements' notary certification	100
<i>Komissarova E.</i> Establishing the maternal origin of a child: the problem of interpretation of current family law rules	110
<i>Korotkevich M.</i> Ensuring the interests of the mother in family relationships	122
<i>Kosova O.</i> About the concept of motherhood	131

Kruss I.

The interests of parents and children in the consideration of tax disputes.....139

Kuvyrchenkova T.

Protection of vulnerable population groups under special legal regimes.....146

Kuzmina A.

Liability of spouses for common obligations in the case of insolvency (bankruptcy) of one of the spouses.....155

Maksimovich L.

The principle of protection of motherhood as a legal means of ensuring the interests of the mother (using Article 17 of the Family Code of the Russian Federation as an example)165

Nizamieva O.

Problems of legal capacity of the family: to be or not to be.....173

Ogarkova N.

Information security of children: legal bases and social problems.....182

Ordinartsev I.

On the special status of the mother when deciding on the restriction of parental rights.....189

Rusenchyk T.

Several aspects of the legal status of the mother in the legislation of the Republic of Belarus.....197

Sladkova A.

Procedure for traveling abroad for minor citizens of the Russian Federation.....206

Tarusina N.

Single motherhood: a socio-legal study.....213

Titarenko E.

The influence of private and public interest on the formation of the agreement content on the exercise of family rights and/or family responsibilities.....222

Tolstova I., Akatova N.

Legal aspects of protection and promotion of motherhood.....230

Ulyanova M.

Motherhood and paternity in the legal context: is actual and legal equality possible?.....239

Fedina A.

Protecting the interests of the family during compulsory execution of judicial acts in cases of administrative proceedings248

Khrapina O.

Problems of state protection of maternity in the Russian Federation.....261

Justus O.

Financial and legal aspects of ensuring the interests of large families.....266

Tribune of young scientist

Bazunov I.

Some issues of legal protection of property interests of the mother.....277

Eremin I.

The balance of interests of all creditors of the alimony payer when deciding on the invalidity of the agreement on the payment of alimony for minor children in the bankruptcy of citizens.....282

Актуальные вопросы частного права

О Материнстве в Год Семьи

Вопросы охраны и защиты интересов семьи, материнства, отцовства и детства в современный период приобрели особое звучание, чему есть социальные, политические и экономические причины. Провозглашение Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 2024 г. Годом Семьи обусловило и новый вектор в теоретическом осмыслении правовых аспектов регламентации отношений между членами семьи.

Безусловно, основой семьи выступает материнство, поскольку именно женщина традиционно ассоциируется с продолжением рода, именно мать выступает хранительницей домашнего очага.

Женщина наслаждается статусом материнства лишь потому, что у нее есть ребенок. Ребенок, нуждающийся в заботе и внимании со стороны родителей и государства. В связи с этим отметим актуальность вопросов защиты прав и интересов детей в свете 35-летия Конвенции ООН о правах ребенка – источника, нормы которого в настоящее время тоже нуждаются в переосмыслении.

Вышеизложенные формальные обстоятельства стали основанием для инициативы проведения очередной Международной научно-практической конференции «Правовые средства обеспечения интересов матери и их реализация» на юридическом факультете Тверского государственного университета. Это мероприятие уже стало традиционным, объединяет представителей науки семейного и иных отраслей юриспруденции, сферы правоприменения, всех, кто интересуется актуальной проблематикой семейно-правового регулирования.

Примечательно, что научная школа доктора юридических наук, профессора, Заслуженного юриста РФ Ольги Юрьевны Ильиной постоянно пополняется новыми оригинальными исследованиями аспирантов и докторантов, а научная школа «Проблемы гармонизации частных и публичных интересов в семейном праве» зарегистрирована в качестве базы данных (свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2024623927).

Как всегда, программа мероприятия включала очень интересные доклады и выступления, посвященные различным аспектам охраны и защиты материнства нормами не только семейного, но и иного отраслевого законодательства.

Участники конференции имели возможность насладиться оригинальными идеями и необычной постановкой сложных вопросов,

обладающих теоретической и практической значимостью, вступить в дискуссию с учеными и представителями правоприменительной сферы.

В работе конференции приняли участие более 80 гостей, это ведущие ученые вузов России, Белорусского государственного университета (г. Минск). Российско-Армянского (Славянского) университета, в том числе 20 докторов наук. Заметим, что с каждым годом расширяется как «география» представительства, так и состав участников, интерес к семейно-правовой проблематике становится все ярче, что не может не радовать. Ведь теоретические исследования позволяют выявить сложные вопросы, нуждающиеся в разрешении со стороны либо законодателя, либо правоприменителя, либо необходим комплексный подход.

Мы благодарим всех, кто проявил интерес к конференции, и предлагаем читателям возможность ознакомиться с докладами некоторых участников.

Не сомневаемся, что уже скоро «семейка» и все, кому она интересна и дорога, встретятся на гостеприимной Тверской земле!

*Заслуженный юрист РФ,
д-р юрид. наук, профессор Ильина О.Ю.*

Конвенция ООН о правах ребенка в системе международного права

И.В. Баранов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье рассматриваются условия и предпосылки принятия Конвенции ООН о правах ребенка, место и значение данного универсального международного договора в системе международного права прав человека. Автором поднимается ряд актуальных проблем, связанных с определением понятия «интересы ребенка».

Ключевые слова: *Конвенция ООН о правах ребенка, статус личности, интересы ребенка.*

В соответствии с Резолюцией Генеральной Ассамблеи Организации объединенных наций (далее – ООН) от 25.09.2015 г. № 70/1 «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» одной из главных задач международного сообщества является создание мира, в котором осуществляются инвестиции в своих детей и в котором каждый ребенок растет, не зная, что такое насилие и эксплуатация. При этом дети, наряду с молодыми женщинами и мужчинами, являются главной движущей силой перемен, способной употребить свои безграничные возможности по преобразованию окружающей действительности на построение лучшего мира [1].

В 2024 г. исполнилось 35 лет Конвенции ООН о правах ребенка, которая в свое время открыла новую страницу международного сотрудничества в сфере защиты прав и свобод человека, сконцентрировав свое внимание на главном элементе будущего всего человечества – детях. Положения данного универсального договора также стали важным фундаментом развития национального, в том числе российского, законодательства, став основой для таких уникальных

(в том числе и в общемировом масштабе) событий, как объявление в 2017 г. Указом Президента Российской Федерации Десятилетия Детства [9], а в 2024 – Года семьи [8].

Конвенция прошла огромный путь с зарождения идеи, в том числе и на нашей земле, благодаря выдающему русскому мыслителю и педагогу Константину Николаевичу Вентцелю, который еще в 1917 г. определил основные восемнадцать параграфов, содержащих права ребенка, обязательные для соблюдения не только родителями, но и в

целом обществом и всеми государствами, назвав их «Декларацией прав ребенка» [11].

В 1924 г. первая в истории международного права Декларация прав ребенка («Женевская декларация») была принята в рамках Лиги Наций. Она состояла из пяти базовых принципов, закрепляющих основные права несовершеннолетних, а также права «особых детей», имеющих отставание в развитии или попавших в сложную жизненную ситуацию – сирот и бездомных. Женевская декларация вошла в историю международного права как первый источник «мягкого права» в отношении правового статуса несовершеннолетних, определив, что ребенку должны быть предоставлены средства, необходимые для его нормального развития, как физического, так и духовного, а в сложных ситуациях дети должны получать помощь в первую очередь.

Созданная в 1945 г. Организация объединенных наций при разработке и принятии в 1948 г. базового международного соглашения в сфере статуса личности – Всеобщей декларации прав человека – закрепила фундаментальный принцип, что все дети имеют право на особую заботу, помощь и защиту, независимо от того, родились ли они в браке или нет [7].

Затем ООН потребовалось еще более 10 лет, чтобы в 1959 г. обратить свое максимально пристальное внимание на данный вопрос и принять новую Декларацию прав ребенка [6], поставив детей в центр всех социально-экономических и гуманитарных отношений, обеспечив максимальной защитой на национальном и международном уровнях. Появление этого документа фактически стало новой вехой в международном праве прав человека, породив тенденцию по отдельному специальному упоминанию прав ребенка в последующих международных договорах, связанных с правовым статусом личности, как на глобальном, так и региональном и двустороннем уровнях сотрудничества.

В Декларации было указано, что ребенку законом и другими средствами должна быть обеспечена специальная защита и предоставлены возможности и благоприятные условия, которые позволяли бы ему развиваться физически, умственно, нравственно, духовно и в социальном отношении здоровым и нормальным путем, в условиях свободы и достоинства, а при издании с этой целью законов главным соображением должно быть наилучшее обеспечение его интересов. Данный принцип впоследствии стал базовым для всей концепции правового статуса несовершеннолетнего в международном праве.

Принятые в 1966 г. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах [4] и Международный пакт о гражданских и политических правах [5] уже содержали большее количество норм, посвященных детям, определив, что особые меры охраны и помощи должны приниматься в отношении всех

несовершеннолетних со стороны его семьи, общества и государства без какой бы то ни было дискриминации по признаку семейного происхождения или по иному основанию. В свою очередь, право каждого человека на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья должен достигаться в том числе за счет обеспечения сокращения мертворождаемости и детской смертности и здорового развития ребенка.

Спустя 20 лет после принятия Декларации прав ребенка Генеральная Ассамблея ООН провозгласила 1979 г. Международным годом ребенка. Существующие на тот момент проблемы, связанные с плачевным положением несовершеннолетних в отдельных частях мира, потребовали принятия ряда резолюций, основной из которых стала Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 03.12.1986 г. № 41/85 «Декларация о социальных и правовых принципах, касающихся защиты и благополучия детей, особенно при передаче детей на воспитание и их усыновлении на национальном и международном уровнях», в очередной раз провозглашающей, что каждое государство должно уделять первоочередное внимание благополучию семьи и ребенка [3].

Аналогичная тенденция стала прослеживаться и в деятельности национальных органов власти, прежде всего судов. Прецедентными стали постановление Верховного суда США по делу «In Re Gault» 1967 г. и постановление Палаты лордов по делу «Gillick v. West Norfolk and Wisbech АНА» 1985 г., в которых высшие инстанции признали, что дети имеют право требовать тех же гарантий, которые предусмотрены для взрослых, а возможность самостоятельно принимать решение зависит от наличия достаточного понимания и интеллекта для принятия решения, а не от какого-либо установленного законом возраста [15, 16].

В итоге длительной и кропотливой работы в 1989 г. был разработан и согласован новый универсальный документ – Конвенция ООН о правах ребенка (далее – Конвенция) [2]. Стоит отметить, что в работе над текстом Конвенции приняли участие многие межправительственные организации, профильные общественные организации, представители науки и даже сами несовершеннолетние, что позволило комплексно и сбалансированно подойти к вопросу статуса детей, закрепив за ними все категории прав и свобод – личных, гражданских, социально-экономических и культурных. Особого внимания требовали права таких уязвимых категорий детей, как дети-беженцы, дети в чрезвычайных ситуациях, дети-инвалиды, дети в конфликте с законом, дети-сироты, а также гарантии равных прав для девочек и мальчиков [12].

Конвенция является одной из самых массовых по количеству участников, к ней присоединились все члены ООН, за исключением Соединенных Штатов Америки, которые активно участвовали в подготовке текста и его подписании, однако до сих пор ее так и не ратифицировали.

К основным достижениям Конвенции следует отнести следующее:

1. Закрепление универсального принципа наилучшего обеспечения интересов ребенка (англ. – “the best interests of the child”) в целях его единообразного понимания и применения на всех уровнях: универсальном, региональном и национальном, наряду с такими принципами, как недискриминация; обеспечение права на жизнь, выживание и здоровое развитие ребенка; обеспечение права ребенка быть заслушанным. Указанные принципы служат смысловым ориентиром при толковании и применении всех положений Конвенции как вместе, так и по отдельности. При этом принцип наилучшего обеспечения интересов ребенка является центральным и руководящим, подтверждается и раскрывается в разных статьях Конвенции, затрагивая различные аспекты его содержания.

2. Определение особой роли семьи как базовой ячейки общества и естественной среды для роста и благополучия всех ее членов и особенно детей. Семье должны быть предоставлены необходимые защита и содействие, с тем чтобы она могла полностью возложить на себя обязанности в рамках общества, а ребенку для полного и гармоничного развития его личности необходимо расти в семейном окружении, в атмосфере счастья, любви и понимания.

3. Указание на особый статус ребенка, обусловленный его физической и умственной незрелостью, потребностью в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту как до (еще в утробе матери), так и после рождения.

4. Закрепление общечеловеческих личных, гражданских и социально-экономических прав детей: на жизнь; имя; гражданство; семью и родителей; свободу мнения и его свободное выражение; свободу мысли; совести и религии; свободу ассоциации и мирных собраний; доступ к информации и защиту от информации; наносящей вред его благополучию; доступное, справедливое и беспристрастное правосудие; защиту от пыток и иного жестокого или небрежного обращения; от сексуальной эксплуатации и торговли людьми; от произвольного лишения свободы; на доступ к здравоохранению; социальное обеспечение; образование; отдых, досуг и участие в культурной и творческой жизни; защиту от экономической эксплуатации и достойный труд. А также фиксация особых прав ребенка на защиту от незаконного употребления наркотиков и на уровень жизни, необходимый для его физического, умственного, духовного, нравственного и социального развития, что, в свою очередь, подкрепляется определением специальных обязательств государств–участников Конвенции, направленных на обеспечение и реализацию прав и свобод детей, в частности таких как отказ от применения смертной казни; запрет на участие в военных действиях и обязательный

призыв в вооруженные силы; особое отношение к детям, обвиняемым в совершении правонарушений.

5. Гибкость соглашения, позволяющая оперативно вносить в него необходимые дополнения по самым актуальным проблемам в виде факультативных протоколов. Так, 25.05.2000 г. Генеральной Ассамблеей ООН были одобрены Факультативный протокол, касающийся участия детей в вооруженных конфликтах, конкретизирующий обязательства государств по выполнению положений ст. 1 и 38 Конвенции, и Факультативный протокол, касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии, дополняющий и развивающий ст. 1, 11, 21, 32–36 Конвенции путем расширения и конкретизации обязательства участников в сфере их применения. При этом факультативные протоколы не провозглашают новых прав.

6. Международные организации, в функции которых входит в том числе защита прав и свобод человека, пересмотрели свои приоритеты и направления работы в сторону всестороннего обеспечения интересов несовершеннолетних.

7. Региональное международное нормотворчество в скором времени после принятия Конвенции пополнилось специализированными соглашениями в области прав детей: Африканской хартией о правах и благополучии ребенка 1990 г., Европейской конвенцией об осуществлении прав детей 1996 г., а позднее и Соглашением о правах детей в исламе 2005 г.

8. Конвенция заняла центральное место в системе правовых источников, регулирующих права детей не только на международном, но и на национальном уровнях, что, в свою очередь, повлекло необходимость приведения текущего законодательства государств-участников в соответствие с нормами Конвенции, а также постоянный учет ее положений при разработке новых нормативно-правовых актов.

Безусловно, ключевым понятием Конвенции являются именно интересы ребенка. Тем самым подчеркивается, что несовершеннолетним требуется особый уровень защиты всеми субъектами, начиная с семьи, прежде всего родителей, и заканчивая в целом обществом и государством, без какой-либо дискриминации, независимо от расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального, этнического или социального происхождения, имущественного положения, состояния здоровья и рождения ребенка, его родителей или законных опекунов или каких-либо иных обстоятельств.

При этом интересы ребенка должны обладать приоритетом перед интересами всех других лиц и общественных институтов. Во всех действиях в отношении детей, независимо от того, предпринимаются они государственными или частными учреждениями, занимающимися

вопросами социального обеспечения, судами, административными или законодательными органами, первоочередное внимание уделяется наилучшему обеспечению интересов ребенка.

Согласно этой норме Конвенции при принятии решений, связанных с детьми на государственном или частном уровнях, несовершеннолетние имеют право на максимальную оценку и принятие во внимание в качестве первоочередного соображения их интересов. Абсолютным приоритетом выступает именно союз этих двух элементов – «первоочередного внимания» и «наилучшего обеспечения интересов ребенка». Однако Конвенция этим не ограничивается и содержит ссылку на данный принцип применительно к различным ситуациям: ст. 9 (разлучение с родителями); ст. 10 (воссоединение семьи); ст. 18 (родительские обязанности); ст. 20 (лишение семейного окружения и альтернативный уход); ст. 21 (усыновление); ст. 37 (с) (отделение от взрослых в случае лишения свободы); ст. 40 п. 2 (b, iii) (процессуальные гарантии, включая присутствие родителей на судебном разбирательстве по уголовным делам в отношении детей правонарушителей).

Принцип наилучшего обеспечения интересов ребенка зафиксирован не только в самой Конвенции, но также и в обоих факультативных протоколах к ней: в преамбуле и ст. 8 Факультативного протокола, касающегося торговли детьми, детской проституции и детской порнографии, и в преамбуле, ст. 2–3 Факультативного протокола, касающегося процедуры сообщений 2011 г. [14, с. 61–62].

В каждой конкретной ситуации понимание интересов детей может варьироваться и наполняться определенным смыслом с учетом специфики каждого несовершеннолетнего, с учетом позиции его родителей (лиц, их замещающих) и самого ребенка. Это должно стать осознаваемым барьером для злоупотребления правом и догмой для всех государств, их органов власти и должностных лиц, а также негосударственных институтов, связанных с детьми, которые априори являются более сильными по отношению к более уязвимым в силу своего возраста и положения субъектам.

В целом в контексте международной защиты прав человека юридически предметно себя обозначают права ребенка. Все государства–члены ООН обязаны обеспечивать права каждого несовершеннолетнего без какой-либо дискриминации по любому из оснований. Общий позитив здесь установлен в режиме скорейшего присоединения к выработанной по результатам процесса кодификации и прогрессивного развития права Конвенции [13, с. 6].

Очевидно, что исходя из этой специфики, ребенок, как лицо физически и умственно незрелое, нуждается в специальной правовой защите. При этом постоянно развиваясь и принимая все более осознанные, самостоятельные и ответственные решения, несовершеннолетний является личностью, находящейся в процессе

активного становления, на которого оказывают огромное воздействие родители и другие окружающие лица, в том числе государственные служащие, задача которых состоит в создании наиболее благоприятных условий для самоопределения детей.

Так, например, существует достаточно неординарная правовая проблема поступления несовершеннолетнего обучающегося в образовательную организацию высшего образования, связанная в том числе с правом ребенка самостоятельно принимать решение о выборе своей образовательной и профессиональной траектории [10]. При том, что начиная с дошкольного уровня дети юридически тесно связаны с другими участниками образовательных отношений, прежде всего своими родителями (законными представителями), которые в силу своего статуса обладают особыми правами и обязанностями, носящими преимущественный характер, наделяющими их фактическим правомочием делать соответствующий выбор за ребенка.

Список литературы

1. Конвенция о правах ребенка (Нью-Йорк, 20.11.1989 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 03.12.1986 г. № 41/85 «Декларация о социальных и правовых принципах, касающихся защиты и благополучия детей, особенно при передаче детей на воспитание и их усыновлении на национальном и международном уровнях» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (Нью-Йорк, 19.12.1966 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 16.12.1966 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Декларация прав ребенка (провозглашена Резолюцией 1386 (XIV) Генеральной Ассамблеи ООН от 20.11.1959 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
6. Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10.12.1948 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
7. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 25.09.2015 г. № 70/1 «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» // СПС «КонсультантПлюс».
8. Указ Президента РФ от 22.11.2023 г. № 875 «О проведении в Российской Федерации Года семьи» // СЗ РФ. 2023. № 48. Ст. 8560.
9. Указ Президента РФ от 29.05.2017 г. № 240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства» // РГ. 2017. № 115.
10. Баранов И.В. Особенности правового статуса несовершеннолетнего при поступлении в образовательную организацию высшего образования // Интерес вчера, сегодня и навсегда...: сборник научных работ. Выпуск 3. Тверь: издательство Тверского государственного университета, 2024. С. 25–28.
11. Вентцель К.Н. Отделение школы от государства и Декларация прав ребенка. М.: Типолит. т-ва И.Н. Кушнерев и К, 1918. 16 с.

12. Кабанов В.Л. К тридцатилетию создания Конвенции о правах ребенка: история и новые задачи // Социальные науки и детство. 2020. Т. 1, № 1. С. 88–99.

13. Кабанов В.Л., Каламкарян Р.А. Международное право прав человека. Права ребенка в международной защите прав прав человека: учебник. М.: Русайнс, 2024. 365 с.

14. Международная защита прав ребенка: учебное пособие / А.Х. Абашидзе, А.И. Абдуллин, А.А. Амирова [и др.]; под ред. А.Х. Абашидзе, А.А. Белоусовой. М.: РУДН, 2021. 469 с.

15. House of Lords. *Gillick v. West Norfolk and Wisbech AHA*. 3 All ER 402. 1985. Judgment-2: Lord Scarman. [Электронный ресурс] URL: <http://www.cirp.org/library/legal/UKlaw/gillickvwestnorfolk1985/> (дата обращения: 14.10.2024).

16. United States Supreme Court. In *Re Gault*. 387 U.S. 1. 1967. P. 13. [Электронный ресурс] URL: <https://www.law.cornell.edu/supremecourt/text/387/1> (дата обращения: 14.10.2024).

Об авторе:

БАРАНОВ Иван Валентинович – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного, административного и таможенного права ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 2695-4324, AuthorID: 597261; e-mail: Baranov.IV@tversu.ru

The UN Convention on the Rights of the child in the system of international human rights law

I.V. Baranov

Tver State University, Tver

The article examines the conditions and prerequisites for the adoption of the UN Convention on the Rights of the Child, the place and importance of this universal international treaty in the system of international human rights law. The author raises a number of topical issues related to the definition of the concept of "child's interests".

Keywords: *UN Convention on the Rights of the Child, personality status, child's interests.*

About author:

BARANOV Ivan – PhD in Law, Associate Professor of the Department of Constitutional, Administrative and Customs Law of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova St., 33), SPIN-code: 2695-4324, AuthorID: 597261; e-mail: Baranov.IV@tversu.ru

Баранов И.В. Конвенция ООН о правах ребенка в системе международного права // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 1 (81). С. 11–18.

Статья поступила в редакцию 23.01.2025 г.
Подписана в печать 12.03.2025 г.

Некоторые теоретические аспекты значения гражданско-правовых механизмов в реализации прав и обязанностей матери¹

О.Г. Барткова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Объектом исследования выступают правовые отношения, складывающиеся в процессе осуществления прав и исполнения обязанностей матери, как одного из родителей. Целью работы является обоснование на примере отдельных положений Гражданского кодекса РФ значения гражданско-правовых механизмов, обеспечивающих осуществление матерью ее прав и исполнение обязанностей. Поставлены следующие задачи: на основе анализа положений цивилистической науки о гражданской правоспособности и дееспособности доказать их взаимосвязь с правовым статусом «родителя», «матери»; установить основные гражданско-правовые механизмы, без применения которых невозможна реализация прав и обязанностей матери, предусмотренных семейным законодательством РФ. Практическая значимость исследования состоит в возможности использования авторских выводов в практике применения норм гражданского права, в которых юридически значимыми являются статус «родителя», «матери». Права и охраняемые законом интересы ребенка в таких случаях будут иметь приоритет. Результаты исследования могут быть представлены следующими основными выводами. Статус матери имеет не только семейно-правое, но и гражданско-правовое значение. Без использования гражданско-правовых механизмов невозможна реализация родительских прав и обязанностей матери. Осуществление собственных субъективных гражданских прав и обязанностей матери, как правило, требует учета прав и законных интересов ее ребенка. Методологическую основу исследования составил диалектический метод познания социально-правовых явлений. Помимо этого были применены общенаучные методы (в частности общелогические методы теоретического анализа), междисциплинарные методы (аксиологический, метод системного анализа) и специализированные методы юридических наук (формально-юридический, метод технико-юридического анализа, конкретизации, толкования).

Ключевые слова: гражданско-правовой механизм, гражданская правоспособность, дееспособность, субъективное гражданское право, родители, мать, несовершеннолетний гражданин, ребенок, реализация прав, исполнение обязанностей.

¹ Данная работа выполнена при информационной поддержке Компании СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.12.2024).

Исходя из закреплённого в Гражданском кодексе РФ (далее – ГК РФ) субъектного состава участников отношений, регулируемых гражданским законодательством, прямого толкования абз. 2 ст. 2 ГК РФ, совершенно очевидно, что мать в качестве одного из них в этом перечне прямо не предусмотрена [1].

Данная посылка будет относительно верной, если мы имеем в виду специальный термин, используемый в исследовании, – «мать», который значим прежде всего в отрасли семейного права, а в более широком аспекте – во всех правовых отношениях, где имеет значение правовая характеристика связи «ребенок – мать».

В силу ст. 17 ГК РФ способность гражданина иметь гражданские права и нести юридические обязанности признается в равной мере за всеми гражданами. При этом она не зависит от возраста, пола, различных социальных статусов. Такое утверждение, как правило, встречается в современной цивилистической литературе, прежде всего в учебной. Но так ли это на самом деле? По крайней мере, особенности ее содержания могут быть связаны с состоянием гражданства, а также спецификой применения норм международного частного права. Наличие и объем гражданской дееспособности также не зависит от статуса «мать».

Действительно гражданское законодательство, на первый взгляд, не придает значения этому особому правовому статусу. Этот вывод, как можно было бы полагать, следует даже из поиска термина «мать» по тексту всех частей ГК РФ. Он прямо упоминается только один раз в третьей части ГК РФ, в ст. 1143. В положениях указанной статьи речь идет о наследниках второй очереди по закону, категории которых определяются исходя из качества родства, как со стороны отца, так и со стороны матери.

Однако следует сделать несколько важных оговорок, обратив внимание на те самые юридически значимые обстоятельства, без которых рассуждения выше не могут считаться верными.

Совершенно очевидно, что мать – это прежде всего физическое лицо, а значит является субъектом гражданско-правовых отношений со всеми характеристиками такого субъекта, включая гражданскую правоспособность и дееспособность. Любой субъект гражданского права, а значит и женщина (как являющаяся матерью для кого-то, так и не являющаяся матерью), обладает способностью иметь имущественные и личные неимущественные права и обязанности, а также способна их осуществлять (права), исполнять (обязанности), приобретать новые права и обязанности при наличии определенных юридических условий.

Вместе с тем, изложенный ниже краткий анализ определенных гражданско-правовых норм позволит утверждать, что именно статус матери предопределяет ряд особенностей, связанных с приобретением ею субъективных гражданских прав и юридических обязанностей, с осуществлением ею собственных субъективных гражданских прав и исполнением гражданских обязанностей как субъектом – физическим

лицом. Это никак не противоречит принципу юридического равенства, автономии воли, имущественной самостоятельности, а также диспозитивности, дозвоительности, правонаделению, которые, как правило, указываются в качестве сущностных характеристик метода гражданско-правового регулирования в современной доктрине гражданского права.

Обоснуем это утверждение. Если обратиться к истории цивилистической мысли применительно к понятию гражданской правоспособности, то уже в источниках дореволюционного периода изложена позиция о том, что гражданская правоспособность не является одинаковой для всех участников гражданского оборота, даже в пределах одной группы субъектов – физических лиц. Так, выдающийся юрист-правовед Ю.С. Гамбаров считал, что на объем не только гражданской дееспособности, но и правоспособности влияет множество факторов, среди которых он называл возраст, место рождения, подданство, здоровье, национальность, сословие и пр. Уместна в этом случае цитата из его лекций по гражданскому праву: «равенство перед законом означает не математическое равенство, а равноценность юридической личности, вовсе не исключаящую градацию правоспособности по различию тех фактических условий, от которых никто не может уйти» [5]. Учитывая, что указанный выше перечень не был исчерпывающим, а также тот факт, что автор согласен с таким взглядом ученого, можно утверждать, что состояние материнства также является обстоятельством, влияющим на гражданскую правоспособность и дееспособность как в общем, так и в частности, когда мы имеем в виду конкретное физическое лицо, конкретную, идентифицированную среди прочих – женщину, мать. Именно материнство для каждой женщины будет тем качеством, которое обогащает ее юридическую личность, влияет на формирование собственных имущественных и неимущественных потребностей, которые в последующем реализуется, в том числе через вступление в определённые гражданско-правовые отношения.

Безусловно, такой упрощенный подход – присоединение к мнению уважаемого ученого – недостаточен для обоснования авторской позиции. Важно учитывать, что в дореволюционном законодательстве не было прямо прописано как таковое понятие гражданской правоспособности. Его закрепление связывают с Проектом Гражданского Уложения Российской империи. Однако это не лишало возможности научно-теоретических рассуждений по вопросам о гражданской правоспособности. Для принятия вышеизложенного мнения Ю.С. Гамбарова автор дополнительно обоснует свою позицию также анализом тех норм гражданского права, содержание которых подтверждает актуальность такого мнения и в современный период.

Кроме того, важно упомянуть и о теории динамической правоспособности, авторство которой принадлежит, в частности, другому цивилисту советского периода – профессору, доктору юридических наук М.М. Агаркову. Он считал, что гражданская правоспособность «для каждого данного лица в каждый определённый момент означает возможность иметь определенные конкретные права и обязанности в зависимости от взаимоотношений с другими лицами» [4, с. 72]. Конечно, в контексте рассуждений речь шла о взаимоотношениях, имеющих характер правовой связи. А в контексте темы настоящего исследования это может означать правовую связь между женщиной-матерью и ее ребенком.

Наконец, отсутствие по тексту ГК РФ слова «мать» не означает полное и безусловное отсутствие самого понятия и уж тем более безразличное отношение законодателя к этому состоянию в механизме гражданско-правового регулирования и охраны.

Наиболее близкими к этому понятию и соответствующими ему терминами являются: родители, законные представители. Установление происхождения ребенка от определенной женщины-матери является важнейшим юридическим фактом в семейном праве. Он важен и для понимания матери как особого субъекта определённых гражданско-правовых отношений. Основываясь на положениях Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ) [2], а также Федерального закона от 15.11.1997 г. № 143-ФЗ (ред. от 08.08.2024 г.) «Об актах гражданского состояния» (ст. 17) [3] отметим, что родителями ребенка являются его отец и мать. Согласно ст. 34 СК РФ именно родители являются законными представителями своего ребенка. На них в первую очередь возлагается защита прав и интересов своих детей. С этой целью они вступают в отношения с третьими лицами, с любыми физическими и юридическими лицами, при этом без специальных на то полномочий, в силу прямого указания в законе. Важно также в контексте темы сделать акцент на то, что родители должны действовать в интересах своего ребенка, а для этого они должны уметь эти интересы обнаружить, осознать, реализовать, в том числе через правовые формы и инструменты гражданского права. О значимости категории «интерес физического лица (в том числе несовершеннолетнего, ребенка)» свидетельствуют многие нормы в составе ГК РФ и в гражданском законодательстве РФ в целом.

Итак, если следовать изложенной выше логике, то понятие «мать» необходимо искать во всех тех положениях ГК РФ, где речь идет о родителях. При таком подходе мы обнаруживаем 28 фрагментов в составе части первой ГК РФ, где упоминается термин «родители», а следовательно, подразумевается и мать, как один из них. Эти случаи относятся: к понятию места жительства гражданина, а значит и к субъективному личному неимущественному праву физического лица на место жительства, на его выбор и изменение. При этом таким правом обладает не только каждый из родителей ребенка (включая его мать), но

и сам ребенок (в гражданском праве – несовершеннолетний гражданин). Уже на примере п. 2 ст. 20 ГК РФ можно утверждать, что осуществление этого субъективного гражданского права как ребенком, так и его родителями (матерью) обусловлено наличием правовой связью родителей и детей. Во-первых, для ребенка, не достигшего 14 лет, самостоятельный выбор места жительства невозможен. Такой выбор за него (от его имени и, как можно полагать, в его интересах) вправе и обязаны сделать его родители. И во-вторых, родители, как можно предполагать, выбирая место жительства для себя, должны будут руководствоваться в определенной степени и интересами ребенка. В связи с ограниченным объемом настоящего исследования, автор не может далее развить комментирование ст. 20 ГК РФ в контексте других значимых обстоятельств, в частности, если это несовершеннолетний в возрасте от 14 до 18 лет, если у ребенка есть только мать или местом жительства ребенка определено место жительства одного из его родителей.

Следующая группа фрагментов статей ГК РФ со словами «родители» относится к гражданско-правовому механизму восполнения недостающего объема несовершеннолетних физических лиц. Эти нормы из общей части гражданского права являются, пожалуй, базовыми для участия несовершеннолетнего гражданина в имущественных и личных неимущественных отношениях. В этой связи, безусловна правовая роль родителей, в том числе матери. С этой целью законодатель закрепляет порядок совершения законными представителями определённых действий в интересах своего несовершеннолетнего ребенка, направленных на осуществление им гражданских прав и исполнение обязанностей в зависимости от достижения определённого возраста, состояния здоровья и других юридических фактов (ст. 26–28 ГК РФ). Следует хотя бы упомянуть, что ребенок, исходя из положений главы 11 в составе СК РФ, наделен целым комплексом неимущественных и имущественных прав, осуществление которых исключительно через семейно-правовые механизмы невозможно, что следует непосредственно из текста ч. 3 ст. 45, ч. 3 и ч. 5 ст. 60 СК РФ, а опосредованно – через толкование с учетом темы исследования ст. 4 и ст. 5 СК РФ.

Многие из положений главы 2 ГК РФ указывают также и на придание законодателем юридического значения такому факту, как отсутствие у несовершеннолетнего гражданина родителей, что находит свое отражение в институтах опеки и попечительства; оставление без попечения родителей, что следует не только из содержания названных институтов, но и других норм, например, применительно к правам несовершеннолетних членов семьи собственника имеет значение в случаях отчуждения жилого помещения (ч. 4 ст. 292 ГК РФ).

Другая группа фрагментов из ГК РФ, где упоминаются родители, – это нормы об основаниях недействительности сделки. Родители, в том

числе и мать, могут инициировать спор о недействительности сделки и применении последствий недействительности сделки (ст. 172, 175 ГК РФ).

Во второй части ГК РФ обнаружен 21 фрагмент с упоминанием слова «родители»: в ст. 575 (о запрещении дарения от имени малолетних их законными представителями), что совершенно очевидно свидетельствует о заботе законодателя об имущественных правах ребенка и корреспондирует в частности положениям ст. 37 ГК РФ.

Практически все договорные конструкции, предусмотренные во второй части ГК РФ могут быть использованы родителями для реализации дееспособности малолетнего гражданина, если это отвечает его потребностям. Они же могут быть использованы несовершеннолетним от 14 до 18 лет с согласия родителей (матери), если только закон не допускает самостоятельное их заключение таким физическим лицом. К числу таких договоров, конечно, не относятся те, для которых законом предусмотрены особые требования к специальному субъектному составу сторон (например, все договоры для удовлетворения государственных или муниципальных нужд, договоры, участниками которых могут выступать исключительно лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность).

Можно выделить несколько правовых договорных форм, которые по своей природе позволяют родителям (матери) использовать их для удовлетворения имущественных и неимущественных потребностей своего ребенка. К таковым можно отнести договор купли-продажи (§ 1, 2, 6, 7 гл.30), договор дарения (гл. 32 ГК РФ), договор банковского вклада в пользу третьего лица (ребенка), предусмотренный ст. 842 ГК РФ, договор страхования, где выгодоприобретателем (застрахованным лицом) будет указан ребенок. При этом, безусловно, важно положение родителей (матери) в этих и других договорах с учетом того, кто является стороной договора – ребенок, а родители в этом случае действуют как его законные представители, либо это случаи заключения договора непосредственно родителями как самостоятельными субъектами правовых отношений, имеющими намерение через использование определенной договорной формы удовлетворить не только собственные потребности, но и потребности своего ребенка, реализуя родительские права и обязанности.

Далее, в ст. 1073–1075, 1078, 1088 ГК РФ определены особенности ответственности несовершеннолетних (недееспособных) за вред, причиненный в результате их поведения, где в качестве лиц, ответственных за такой вред, при определенных условиях будут выступать родители (или один из них).

К числу лиц, имеющих право требовать возмещения вреда, причиненного смертью кормильца, закон, среди прочих, относит и одного из родителей, а таковым может быть и мать.

Таким образом, проведенный автором анализ некоторых теоретических положений цивилистической науки, а также отдельных норм в составе ГК РФ, позволяет утверждать, во-первых, что статус матери имеет не только семейно-правое значение, но и гражданско-правовое. Во-вторых, очевидно наличие гражданско-правовых механизмов, необходимых для реализации родительских прав и обязанностей матери, предусмотренных прежде всего нормами семейного законодательства РФ. В-третьих, при применении нормы гражданского права, где в гипотезе предусмотрен такой юридический факт, который связан со специальным правовым статусом физического лица «родитель», «мать», следует обращать внимание на соотношение основных начал гражданского законодательства и основных начал семейного законодательства РФ, где, скорее всего, права и охраняемые законом интересы ребенка будут иметь приоритет. В-четвертых, осуществление собственных субъектных гражданских прав и обязанностей матери, как правило, требует учета прав и законных интересов ее ребенка. Следовательно, один из основных принципов осуществления гражданских прав – осуществление их в своем интересе и своей воле, по своему усмотрению (п.1, 2 ст. 1, п. 1 ст. 9 ГК РФ), ограничен предписаниями норм императивно-правового характера, содержащимися прежде всего в семейном законодательстве РФ, а также в гражданском законодательстве РФ, когда законодатель совершенно обоснованно проявляет заботу об интересах несовершеннолетнего физического лица, как более слабого участника гражданско-правовых отношений.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.10.2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон от 15.11.1997 г. № 143-ФЗ (ред. от 25.12.2023 г.) «Об актах гражданского состояния» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву // Ученые труды ВИОН НКЮ СССР. Вып. 3. М., 1949. 193 с. // Архив открытого доступа Санкт-Петербургского государственного университета [Электронный ресурс]. URL: <http://hdl.handle.net/11701/45565> (дата обращения: 02.12.2024).
5. Гамбаров Ю.С. Гражданское право. Общая часть. М., 1898 [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/gambarov_yu_s_grazhdanskoe_pravo_obshchaya_chast/ (дата обращения: 02.12.2024).

Об авторе:

БАРТКОВА Ольга Георгиевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 1716-9636, e-mail: bartkova_og@mail.ru

Some theoretical aspects of the importance of civil law mechanisms in the realization of the rights and responsibilities of the mother

O.G. Bartkova

Tver State University, Tver

The object of the study is the legal relations that develop in the process of exercising rights and fulfilling duties of the mother as one of the parents. The purpose of the work is to substantiate, using the example of individual provisions of the Civil Code of the Russian Federation, the importance of civil-law mechanisms that ensure the mother's exercise of her rights and fulfillment of duties. The following tasks are set: based on the analysis of the provisions of civilistic science on civil legal capacity and legal capacity to prove their relationship with the legal status of "parent", "mother"; to establish the main civil law mechanisms, without the application of which it is impossible to implement the rights and obligations of the mother, stipulated by the family legislation of the Russian Federation. The practical significance of the study consists in the possibility of using the author's conclusions in the practice of applying the norms of civil law, in which the status of "parent", "mother" is legally significant. The rights and legally protected interests of the child in such cases will have priority. The results of the study can be presented in the following main conclusions. The status of the mother has not only family-law, but also civil-law significance. Without the use of civil-law mechanisms, it is impossible to implement the parental rights and duties of the mother. The implementation of the mother's own subjective civil rights and duties, as a rule, requires taking into account the rights and legitimate interests of her child. The methodological basis of the study was the dialectical method of cognition of socio-legal phenomena. In addition, general scientific methods (in particular, general logical methods of theoretical analysis), interdisciplinary methods (axiological, method of system analysis) and specialized methods of legal sciences (formal legal, method of technical and legal analysis, specification, interpretation) were used.

Keywords: *civil law mechanism, civil legal capacity, legal capacity, subjective civil right, parents, mother, minor citizen, child, exercise of rights, performance of duties.*

About author:

BARTKOVA Olga – PhD in Law, Associate Professor, Department of Civil Law, Tver State University (170100, Tver, 33 Zhelyabova St.), SPIN-код: 1716-9636, e-mail: bartkova_og@mail.ru

Барткова О.Г. Некоторые теоретические аспекты значения гражданско-правовых механизмов в реализации прав и обязанностей матери // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 1 (81). С. 19–26.

Статья поступила в редакцию 23.01.2025 г.

Подписана в печать 12.03.2025 г.

Конфликт интересов в семейном правоотношении с участием несовершеннолетних родителей

А.В. Гринева

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», г. Курск

Автор выявляет и обосновывает специфику семейного правоотношения, возникающего при рождении ребенка у несовершеннолетних родителей, не состоящих в браке. Правовой статус несовершеннолетних родителей исследуется сквозь призму конфликта частных интересов непосредственно несовершеннолетнего родителя, ребенка несовершеннолетнего родителя и родителей несовершеннолетнего родителя, а также публичного интереса, демонстрируемого органом опеки и попечительства и опекуном, назначаемым ребенку несовершеннолетнего родителя.

Ключевые слова: *родительское правоотношение, интересы ребенка, публичный интерес, несовершеннолетний родитель.*

Родительское правоотношение традиционно определяется в науке семейного права как юридическая связь между лицами, записанными в качестве отца и матери ребенка, и непосредственно самим ребенком. При этом варианты формы и видов родительского правоотношения весьма разнообразны.

Однако подчеркнем, что независимо от тех или иных обстоятельств (состояние в браке между собой, усыновление, рождение ребенка суррогатной матерью, раздельное проживание ребенка с одним из родителей и т. д.) объем и содержание родительских прав и обязанностей, как правило, одинаковы, поскольку на одной стороне всегда выступают родители (или единственный родитель), а на другой стороне находится несовершеннолетний (иногда совершеннолетний, но нетрудоспособный) ребенок, обеспечение интересов которого и должно быть в соответствии с п. 1 ст. 65 Семейного кодекса Российской Федерации [1] (далее – СК РФ) предметом основной заботы родителей.

В этом контексте хотелось бы обратить внимание на родительское правоотношение с участием несовершеннолетних родителей. Справедливости ради отметим, что результаты исследования статуса несовершеннолетних родителей достаточно полно представлены О.И. Величковой еще в 2006 г. [9], что, однако, не снижает степени теоретической и практической значимости многих проблемных вопросов при периодической актуализации отдельных из них.

На наш взгляд, соответствующая сфера семейных правоотношений выступает благодатной почвой для развития теории интереса в семейном

праве. Представляется, что родительское правоотношение с участием несовершеннолетних родителей явно демонстрирует несколько реальных и потенциальных конфликтов частных и публичных интересов, чему в науке семейного права не уделяется внимание.

Учитывая возможное многообразие уточняющих признаков и их сочетания, с целью демонстрации обозначенных нами конфликтов предлагаем в рамках настоящей статьи рассматривать только тот вариант, когда несовершеннолетними являются оба родителя, они еще не достигли возраста шестнадцати лет и не состоят в браке между собой.

Во-первых, в данном правоотношении мы наблюдаем «наложение» двух самостоятельных родительских правоотношений (в классическом понимании данного вида семейных правоотношений):

- правоотношение между несовершеннолетним родителем и его ребенком,

- правоотношение между несовершеннолетним ребенком (который уже сам стал родителем) и его родителями в рамках соответствующей семьи.

В данном случае каждый из несовершеннолетних родителей является ребенком по отношению к своим родителям, следовательно, последние несут обязанности по его содержанию и воспитанию, а также ответственность за обеспечение интересов своего ребенка в полном объеме. В то же время рождение ребенка, последующее установление отцовства и материнства придали несовершеннолетним лицам дополнительный статус – они стали родителями, что сопровождается наделением их соответствующими правами и обязанностями. Безусловно, разграничить два вида правоотношений в пределах одной семьи просто невозможно, однако практически значимым видится вопрос установления статуса каждого из членов этой большой семьи.

О.Ю. Ситкова, указывая на некоторые проблемы в определении статуса несовершеннолетних, ссылается на мнение Я.Р. Веберса [8, с. 205], в соответствии с которым возможность осуществления семейных прав и обязанностей предполагает наличие полной дееспособности в области гражданского права. В связи с этим, подчеркивает О.Ю. Ситкова [15, с. 60], отдельными учеными предлагалось дополнить перечень оснований для приобретения полной дееспособности указанием на рождение ребенка [16, с. 11; 13, с. 8–9].

Кстати, более десяти лет назад О.А. Чаусская отмечала, что приобретение несовершеннолетним полной дееспособности влечет прекращение прав и обязанностей этого несовершеннолетнего, т. е. он лишается опеки со стороны родителей, что противоречит его интересам [18, с. 237].

Позволим себе не согласиться с таким подходом. Да, безусловно, осуществление семейных прав предполагает, как правило, наличие гражданской дееспособности в полном объеме. Однако, как известно, в

определенных случаях возможность приобретения семейных прав законодатель соотносит с достижением лицом определенного возраста, а не наличием дееспособности в полном объеме. Так, например, в ст. 127 СК РФ предусмотрено, что усыновителями могут быть совершеннолетние лица, следовательно, получение гражданской дееспособности в полном объеме в силу оснований, указанных в п. 2 ст. 21 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) (вступление в брак до совершеннолетия) и в ст. 27 ГК РФ (эмансипация), не позволяет в то же время таким лицам усыновить ребенка.

На наш взгляд, сам факт рождения ребенка не может стать основанием для полной гражданской дееспособности несовершеннолетних матери и (или) отца.

Как следует из содержания вышеупомянутых законоположений, лишь заключение брака несовершеннолетним родителем станет основанием для признания его полностью дееспособным в гражданских правоотношениях, и только в этом случае совпадают нормы гражданского и семейного законодательства: несовершеннолетние родители самостоятельно осуществляют свои родительские права. Учитывая, что законы некоторых субъектов РФ допускают возможность заключения брака лицом, не достигшим возраста шестнадцати лет, то несовершеннолетний может стать полностью дееспособным по достижении даже четырнадцати лет. Хотя при этом нужно обязательно подчеркнуть, что именно беременность или рождение ребенка предполагаются многими региональными законами в качестве основания для снижения брачного возраста [5–7].

Совершенно справедливо отдельные ученые подчеркивают «определенную фиктивность в таком подходе», т. к. «несовершеннолетний родитель, вступивший в брак и формально признанный дееспособным, тем не менее, остается несформированной и незрелой личностью» [12, с. 373].

Во всех иных случаях, даже если отцовство и материнство установлены в порядке п. 3 ст. 62 СК РФ, т. е. по достижении возраста четырнадцати лет, родительские права не могут осуществляться в полном объеме, потому как несовершеннолетний родитель не состоит в браке.

Кстати, если уж вернуться к «продолжительности» родительских прав и обязанностей, то применительно только к алиментным обязательствам установлено соответствующее правило в ст. 120 СК РФ: «выплата алиментов, взыскиваемых в судебном порядке, прекращается по достижении ребенком совершеннолетия или в случае приобретения несовершеннолетними детьми полной дееспособности до достижения ими совершеннолетия».

По общему же правилу, говоря о наличии у родителей прав и обязанностей в отношении ребенка, надлежит руководствоваться ст. 52 СК РФ: «Ребенком признается лицо, не достигшее возраста восемнадцати

лет (совершеннолетия)». Априори в науке семейного права устоялось мнение, в соответствии с которым родительское правоотношение прекращается в случаях совершеннолетия ребенка, при вступлении в брак, при эмансипации [14, с. 183]. По мнению Н.Н. Тарусиной, основанием прекращения родительских прав, кроме упомянутых оснований, выступает еще лишение родительских прав [17, с. 318].

По нашему мнению, такой категоричный подход не только недопустим, но и противоречит положениям семейного и иного отраслевого законодательства, наделяющим родителей правами и обязанностями в отношении детей.

В ст. 62 СК РФ одним из условий, позволяющих несовершеннолетнему родителю самостоятельно осуществлять свои родительские права, является состояние в браке. Следовательно, если брак будет расторгнут до достижения несовершеннолетним родителем возраста 16 лет, абсолютно обоснованным станет вопрос о назначении ребенку несовершеннолетнего родителя опекуна, хотя гражданская дееспособность в этом случае сохранится в полном объеме (ст. 21 ГК РФ).

Непосредственно родительское правоотношение продолжается при рождении у несовершеннолетнего своего ребенка, родители сохраняют в полном объеме все свои права и обязанности, несут ответственность за жизнь и здоровье своего ребенка, в том числе и после достижения им возраста шестнадцати лет, когда он «допускается» к осуществлению своих родительских прав самостоятельно, без участия опекуна. Единственное исключение – вступление в брак и состояние в браке до момента достижения как минимум шестнадцати лет.

Таким образом, родительское правоотношение с участием субъектов, одновременно выступающих и несовершеннолетними детьми, и несовершеннолетними родителями, характеризуется конфликтом интересов в сфере осуществления родительских прав и обязанностей старшим поколением.

Во-вторых, как известно, в ст. 62 СК РФ законодатель установил императивное правило: ребенку несовершеннолетних родителей, не достигших возраста шестнадцати лет, должен быть назначен опекун. Следовательно, в правоотношении по воспитанию малолетнего появляется еще один субъект, что опять-таки не исключает озвученное нами ранее «наложение статуса». Маловероятно, что опекуном будет назначено постороннее лицо. Скорее всего это будет кто-то из родителей несовершеннолетних родителей, т. е. бабушка или дедушка ребенка.

Не стоит забывать и о том, что родители несовершеннолетнего родителя приобретают статус бабушек/дедушек, вследствие чего у них и у ребенка возникает взаимное право на общение, а у несовершеннолетних родителей, соответственно, обязанность по обеспечению реализации данного права [11].

Полагаем, что предусмотренное ст. 62 СК РФ императивное назначение опекуна усложняет новое правоотношение, возникшее внутри семьи между несовершеннолетними родителями и назначенным их ребенку опекуном, и влечет возникновение конфликта интересов.

По нашему мнению, если семья благополучная, то отношения внутри семьи выстраиваются гармонично, бабушки и (или) дедушки занимаются внуком, и по достижении несовершеннолетними родителями возраста шестнадцати лет последние «автоматически» приобретают самостоятельные права и обязанности по воспитанию ребенка.

При обязательном назначении опекуна (как это предусмотрено действующим законодательством) возникает конфликт интересов. Статья 148.1 СК РФ предусматривает, что воспитанием ребенка занимается опекун, он же принимает решения, касающиеся здоровья, образования, места проживания ребенка.

В соответствии со ст. 63 СК РФ именно родители (не важно совершеннолетние они или нет) имеют преимущественное право на воспитание. Таким образом, несовершеннолетние родители, не состоящие в браке и не достигшие возраста шестнадцати лет, фактически ограничены в родительских правах.

В то же время в названии ст. 62 СК РФ мы наблюдаем некий обоснованный реверанс законодателя, ведь статья именуется «Права несовершеннолетних родителей», что не может не обращать на себя внимания.

Таким образом, один и тот же субъект (для упрощения восприятия ситуации – пусть это будет мама несовершеннолетней мамы) одновременно может выступать в семейных правоотношениях как мать несовершеннолетней, бабушка малолетнего ребенка и его же опекун. Дополнительным аргументом в пользу назначения опекуном малолетнего именно близкого родственника является завуалированная «угроза» применения ст. 20 ГК РФ, п. 2 ст. 36 ГК РФ, согласно положениям которых опекун должен совместно проживать со своим подопечным. Согласимся, вряд ли проживание в семье постороннего человека, назначенного опекуном малолетнего, будет соответствовать интересам всех членов этой семьи.

Казалось бы, под такой тройной заботой со стороны одного из членов семьи интересы ребенка должны быть максимально обеспечены, однако с формальной точки зрения возможно возникновение ряда вопросов. В частности, именно назначенный опекун будет являться законным представителем как малолетнего, так и его несовершеннолетнего родителя.

В то же время законодатель не предполагает полного освобождения несовершеннолетнего родителя от исполнения родительских прав и обязанностей, наоборот, делает в той же ст. 62 СК РФ соответствующий акцент: «... ребенку назначается опекун, который осуществляет его

воспитание совместно с несовершеннолетними родителями ребенка». Согласимся, буквальное толкование данного предписания позволяет утверждать, что опекун помогает несовершеннолетним родителям, но не принимает на себя (во всяком случае не должен принимать) в полном объеме родительские права и обязанности.

Далее законодатель указывает на то, что «разногласия, возникающие между опекуном и несовершеннолетними родителями, разрешаются органом опеки и попечительства». К сожалению или к счастью (скорее, к счастью), практику, позволяющую изучить механизм такого взаимодействия, найти не удалось, можно лишь теоретически предположить варианты разрешения разногласий.

Однако представляется необходимым отметить следующее. До 2015 г., т. е. в течение двадцати лет применения СК РФ, редакция ст. 62 предусматривала иной вариант: ребенку несовершеннолетних родителей мог быть назначен опекун. Действующая редакция, напомним, содержит императив. Предпосылки и причины внесения соответствующих изменений в редакцию ст. 62 СК РФ имеют характер предположения, очевидно, мы наблюдаем усиление публичного контроля в сфере обеспечения прав и интересов определенной категории детей, а именно – детей несовершеннолетних родителей.

Стоит указать и на то, что опекун, назначенный ребенку несовершеннолетних родителей, имеет право на предоставление ему отпуска по уходу за ребенком до достижения последним возраста полутора лет (ст. 256 Трудового кодекса Российской Федерации) [2], а также на получение соответствующего пособия [4]. В связи с этим вполне закономерным может быть вопрос об использовании матерью несовершеннолетнего родителя имеющегося у нее права на предоставление названного отпуска в качестве бабушки или же в качестве назначенного опекуна.

Таким образом, исследуемое семейное правоотношение характеризуется наличием трех самостоятельных правоотношений, участие в которых одних и тех же субъектов провоцирует конфликт их интересов, при этом участие опекуна, назначенного органом опеки и попечительства, привносит в эти правоотношения конфликт частных и публичных интересов.

В-третьих, применительно к установлению опеки над ребенком несовершеннолетних родителей есть не менее значимый вопрос, характеризующий, на первый взгляд, лишь процедуру. Однако, по нашему мнению, соблюдение процедурных вопросов напрямую соотносится с содержанием и сроком осуществления своих прав как родителями несовершеннолетних родителей, так и последними, а также полномочий опекуном ребенка несовершеннолетних родителей.

Действующее семейное законодательство специально не регулирует основания и особенности назначения ребенку

несовершеннолетних родителей опекуна. Статья 121 СК РФ предусматривает открытый перечень оснований для признания ребенка оставшимся без попечения родителей и наступления соответствующих правовых последствий, в частности передачи ребенка под опеку. Порядок установления опеки над ребенком достаточно детально регламентирован и СК РФ, и Федеральным законом «Об опеке и попечительстве» (далее – Закон об опеке) [3], но в то же время совершенно отсутствует механизм назначения опекуна ребенку несовершеннолетних родителей.

В соответствии со ст. 11 Закона об опеке назначение опекуна производится в течение месяца с момента, когда органу опеки и попечительства по месту нахождения ребенка несовершеннолетних родителей стало известно о необходимости установления опеки. Кто и в каком порядке должен сделать соответствующее заявление, может ли это быть инициатива несовершеннолетнего родителя или же его родителей? Или же назначение производится «автоматически» при получении информации из медицинского учреждения, где был рожден ребенок, или же из органов записи актов гражданского состояния, где было зарегистрировано рождение ребенка несовершеннолетних родителей?

Кроме того, закономерным видится вопрос, в полной ли мере должны применяться требования, предъявляемые к личности и состоянию здоровья опекуна? Должен ли опекун проходить специальную подготовку и т. д. Напомним, что применительно к потенциальным усыновителям, например, установлено преимущество близких родственников, распространяется ли это правило при назначении опекуна в рассматриваемой ситуации? Может ли быть назначен опекуном совершенно посторонний человек? Учитывается ли мнение/согласие несовершеннолетних родителей при назначении их ребенку кого-либо в качестве опекуна?

В то же время Закон об опеке содержит специальное указание относительно прекращения опеки над ребенком несовершеннолетних родителей (п. 2 ст. 29): кроме общих оснований законодатель предусматривает, что полномочия опекуна прекращаются только по достижении несовершеннолетними родителями возраста восемнадцати лет (оговорка про вступление в брак и эмансипацию), а вовсе не шестнадцати, как это следует из ст. 62 СК РФ.

По поводу данного противоречия О.И. Величкова пишет: «Рассуждая, какое же положение здесь будет иметь большую юридическую силу, можно пойти различными юридическими логиками: если по соотношению общей нормы и специальной, то необходимо признать большую силу за положением Федерального закона “Об опеке и попечительстве”, если применить п. 2 ст. 3 СК РФ, а именно идею, что все федеральные законы не должны противоречить СК РФ, то, безусловно, указанное положение Федерального закона “Об опеке и

попечительстве” применяться не должно, и будут работать правила прекращения опеки, заложенные в ст. 62 СК РФ. Прогнозируя действия органов опеки и попечительства в подобной ситуации, предполагаем, что для них более значимым будут положения специального федерального закона, тем более сейчас, когда назначение опеки над ребенком такого родителя стало обязанностью для них» [10].

Позволим себе не согласиться с данным автором в части высказанного прогноза. Согласно ст. 148.1 СК РФ опекун имеет право и обязан воспитывать ребенка, заботиться о его здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии, вправе самостоятельно определять способы воспитания ребенка, а также иные права и обязанности, по сути своей аналогичные родительским правам и обязанностям, предусмотренным СК РФ. При этом в соответствии с п. 7 данной статьи имущественные права и обязанности опекуна определяются гражданским законодательством и Законом об опеке, а надзор за деятельностью опекунов несовершеннолетних граждан осуществляется в соответствии с Законом об опеке (п. 8). По нашему мнению, та цель назначения опекуна ребенку несовершеннолетних родителей, которая четко обозначена в ст. 62 СК РФ, а именно – воспитание ребенка опекуном совместно с несовершеннолетними родителями, должна предопределять и приоритет семейно-правовых норм о моменте прекращения такой опеки.

Эти и другие вопросы, на наш взгляд, свидетельствуют не столько о наличии пробела в правовом регулировании весьма значимой сферы семейных отношений, сколько об отсутствии баланса частных и публичных интересов. Остается открытой дискуссия, каким образом государство может обеспечить охрану и защиту интересов ребенка несовершеннолетних родителей, не нарушив преимущественное право таких родителей на воспитание своего ребенка, обеспечив при этом права несовершеннолетних родителей во взаимоотношениях со своими родителями, которые по-прежнему продолжают нести за них ответственность...

Список литературы

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.10.2023) // СПС «КонсультантПлюс»
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 08.08.2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс»
3. Федеральный закон от 24.04.2008 г. № 48-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об опеке и попечительстве» // СПС «КонсультантПлюс»
4. Федеральный закон от 19.05.1995 г. № 81-ФЗ (ред. от 29.10.2024) «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» // СПС «КонсультантПлюс»

5. Закон Республики Адыгея от 30.11.1998 г. № 101 «О порядке и условиях вступления в брак граждан Российской Федерации в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет, постоянно или преимущественно проживающих на территории Республики Адыгея» // Собрание Законодательства Республики Адыгея. 1998. № 11.

6. Закон Калужской области от 06.06.1997 г. № 10-ОЗ «О порядке и условиях вступления в брак на территории Калужской области лиц, не достигших возраста шестнадцати лет» // Весть. 1997. № 135. 11 июня.

7. Закон Тверской области от 26.09.1996 г. № 38 «Об условиях и порядке вступления в брак на территории Тверской области лиц, не достигших возраста шестнадцати лет» // Тверские ведомости. 1996. № 81. 4–10 октября.

8. Веберс Я.Р. Правосубъектность граждан в советском гражданском и семейном праве. Рига: изд-во «Зинатне», 1976. 231 с.

9. Величкова О.И. Семейно-правовое положение несовершеннолетних родителей по семейному законодательству Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 26 с.

10. Величкова О.И. Правовое положение несовершеннолетних родителей: достаточно ли состоявшихся изменений законодательства // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2020. № 2 (41). С. 74–78.

11. Ильина О.Ю. О правах и обязанностях бабушек и дедушек в семейных правоотношениях с участием детей // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2021. № 4 (68). С. 20–28.

12. Меняйло Л.Н., Тищенко И.В., Меняйло Д.В. Правовой статус несовершеннолетних родителей // Право и государство : теория и практика. 2023. № 1 (227). С. 371–374.

13. Савельева Н.М. Правовое положение ребенка в Российской Федерации: гражданско-правовой и семейно-правовой аспекты: автореф. дис. ... канд.юрид.наук. Белгород, 2004. 24 с.

14. Семейное право: учебник / Б.М.Гонгало, П.В.Крашенинников, Л.Ю.Михеева, О.А.Рузакова; под ред. П.В.Крашенинникова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2019. 319 с.

15. Ситкова О.Ю. Проблемы реализации права на защиту несовершеннолетними гражданами // Вестник Омской юридической академии. 2013. № 2 (21). С. 59–63.

16. Стрегло В.В. Правовое регулирование личных неимущественных отношений между родителями и детьми: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1987. 16 с.

17. Тарусина Н.Н. Семейное право. Очерки из классики и модерна: монография. Ярославль: ЯрГУ, 2009. 616 с.

18. Чаусская О. А. Права несовершеннолетних родителей // Актуальные проблемы частного права в России: межвузовский сборник научных статей. Саратов, 2012. С. 236–237.

Об авторе:

ГРИНЕВА Анна Владимировна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (305040, Курская область, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94), SPIN-код: 2936-2603, annagrין@rambler.ru

Conflict of interests in a family legal relationship involving minor parents

A.V. Grineva

Southwest State University, Kursk

The author identifies and substantiates the the specific legal aspects of family relationships that arise when a child is born to unmarried minor parents. The legal status of minor parents is examined through the prism of the conflict of private interests of the minor parent, the child of the minor parent and the parents of the minor parent, as well as public interest represented by the guardianship and trusteeship authority and the guardian assigned to the child of the minor parent.

Keywords: *parental legal relation, interests of the child, public interest, minor parent.*

About author:

GRINEVA Anna – PhD in Law, Associate Professor of the Department of Civil Law of the Southwest State University (305040, Kursk region, Kursk, st. 50 years of October, 94), SPIN-code: 2936-2603, e-mail: annagrin@rambler.ru

Гринева А.В. Конфликт интересов в семейном правоотношении с участием несовершеннолетних родителей // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 1 (81). С. 27–36.

Статья поступила в редакцию 25.01.2025 г.

Подписана в печать 12.03.2025 г.

Правовой статус несовершеннолетних матерей: особенности раннего родительства и материнства

М.В. Громоздина

ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный университет экономики
и управления», г. Новосибирск

Раннее материнство и родительство охватывают широкий круг проблем, в том числе правовых, социальных, психологических, педагогических и др. Они настолько взаимосвязаны, что их изучение возможно только комплексно. Вместе с тем правовой анализ ситуации демонстрирует необходимость более четкой регламентации правового статуса несовершеннолетней матери, с позиции того, что она сама является незрелой личностью (ребенком в силу возраста), и факт рождения ребенка является для нее психотравмирующей ситуацией, оказывающей влияние в том числе и новорожденного. В семейном законодательстве отсутствует понятие «несовершеннолетняя мать», что, по мнению автора, является упущением и требует внесения изменений, направленных на конкретизацию правового статуса несовершеннолетней матери.

Ключевые слова: дееспособность, материнство, родительство, ребенок, несовершеннолетняя мать, несовершеннолетние родители, опекунов.

Проблема родительства несовершеннолетних, в общем и целом, представлена в научных исследованиях и дискуссиях, а потому определенные проблемные аспекты уже сформулированы и нуждаются не только в правовом регулировании, но и в междисциплинарном изучении на стыке юриспруденции, психологии, социологии и экономики [12]. По мнению ряда исследователей [3, с. 161; 4], ключевыми вопросами раннего родительства являются: возраст родителей; наличие/отсутствие зарегистрированного брака, что влияет на способность осуществлять родительские права самостоятельно; недееспособность несовершеннолетних родителей (зачастую матерей) либо фиктивность дееспособности, полученной в результате заключения брака; потенциальная угроза неблагополучной среды для ребенка и др.

Отметим, что в Семейном кодексе Российской Федерации (далее – СК РФ) 1995 г. впервые появилась норма о несовершеннолетних родителях, несмотря на то что случаи рождения детей у несовершеннолетних происходили и ранее. Можно предположить, что определенная общественная идеология не признавала и даже отрицала факт рождения детей «у детей», считая такое поведение аморальным и

даже антиобщественным и не подлежащим обнародованию и правовому регулированию¹.

С учетом действующего законодательства в РФ ребенком признается лицо, не достигшее 18 лет (п. 1 ст. 54 СК РФ) [1], из чего следует, что несовершеннолетними родителями являются те, кто не достиг этого возраста. При этом важно понимать, что зачастую речь идет о действительно очень юных родителях, едва переступивших порог 14–15 лет, как со стороны матери, так и со стороны отца², что уже само по себе требует правовой определенности в их статусах как родителей.

В настоящий момент СК РФ содержит положения о несовершеннолетних родителях в целом; ст. 62 раскрывает статус несовершеннолетних родителей, но не рассматривает особенности раннего материнства. Хотя именно девочки, ставшие матерями до достижения зрелого возраста, испытывают большие трудности, чем несовершеннолетние лица мужского рода. Это прежде всего связано с тем, что материнство для девочки наступает в результате ранней беременности, влияющей на здоровье и ребенка, и матери.

Нейтрально-гендерный подход к несовершеннолетним родителям не в полной мере отражает глубину проблемы не только в правовой сфере, но и в остальных. Такое безакцентное закрепление положений о раннем родительстве не порождает для «маленьких матерей» должной защиты и охраны со стороны государства и общества в целом, потому что рассматривается как нежелательное и даже «ущербное» явление, которое не подлежит правовому регулированию. Так, раннее материнство воспринимается обществом как чрезвычайная ситуация, девиация [2]. Вместе с тем несовершеннолетние беременные и матери относятся к одной из наиболее уязвимых категорий граждан, нуждающихся в оказании помощи государства³.

¹ К слову сказать, общественное мнение на обозначенную ситуацию не очень изменилось с тех пор, с точки зрения того, что рождение ребенка у несовершеннолетней девочки (при этом не важно, какого возраста отец ребенка) по-прежнему является неприемлемым, недопустимым, нежеланным событием, связанным скорее с плохим воспитанием или трудной жизненной ситуацией. Общество чаще «жалеет» ребенка и мать, в том числе принимая меры защиты и заботы о них вместе взятых.

² Безусловно, истории известны факты рождения детей у лиц более раннего возраста, а также, когда возраст одного из родителей (чаще мужского пола) значительно превышает возраст матери. Но это уже другая история...

³ По сведения Росстата ежегодно каждый десятый новорожденный ребенок в России появляется на свет у матери моложе 15 лет, чаще всего вне юридического брака. Коэффициент рождаемости у 15–19-летних наших современниц в 2,5 раза выше, чем тридцать лет назад. Каждый год в России фиксируют 4–4,5 тысячи рожениц, не достигших 15 лет; 9 тысяч – 16-летних мам и более 30 тысяч 17-летних // Методические рекомендации по внедрению типовой модели социально-психологической поддержки несовершеннолетних матерей, включая воспитанниц организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей,

Исследуя правовой статус несовершеннолетней матери, отметим, что легальное определение «несовершеннолетняя мать» отсутствует, однако в ряде исследований авторы используют такие понятия, как подростковое материнство, малолетнее материнство, юное материнство и др. [8, с. 4–5].

Сам факт рождения ребенка у несовершеннолетней девочки уже является показателем того, что есть проблемы в семье, в которой она живет и воспитывается, либо это результат бесконтрольного взросления, если девочка воспитывается вне семьи. Нельзя однозначно утверждать, что ранняя беременность – это исключительно показатель неблагополучия, но при этом не вызывает сомнений, что раннее материнство – это всегда проблема, которая таит в себе множество сложностей как для самой матери, так и для ребенка. Поэтому, безусловно, важно, в каких условиях проживает несовершеннолетняя мать, кто может и готов ее поддержать, способна ли она в силу психических и умственных способностей осуществлять родительские функции самостоятельно. Вопрос об отце ребенка также имеет важное значение для оценки его моральных качеств, финансовых и иных жизненных возможностей, а также планов на будущее с матерью ребенка.

Высказывается мнение, что несовершеннолетние родители, сами являясь детьми, ментально незрелы, вследствие чего они не способны качественно, а зачастую в принципе, осуществлять родительские права и, более того, совершать действия в пользу своего ребенка. Возраст несовершеннолетних родителей имеет значение и влияет на способность осуществления родительских прав, а потому законодатель различает родителей, достигших 16 лет и не достигших 16 лет. Именно поэтому п. 2 ст. 62 СК закрепляет положение о назначении опекуна ребенку несовершеннолетних родителей, не достигших 16 лет и не состоящих в браке. Как совершенно справедливо отмечено О.Ю. Ильиной, «до недавнего времени законодатель иным образом регламентировал такую ситуацию: ребенку не быть назначен опекун» [6, с. 589]. Правовой статус назначенного опекуна представляется неоднозначным и вызывает дискуссию и о том, на кого могут быть возложены функции опекуна (например, на мать несовершеннолетней матери или обоих родителей), и какой объем прав в таком случае сохраняется за несовершеннолетним родителем [5, 10].

В литературе встречаются рассуждения о том, что исходя из названия ст. 62 СК РФ следует, что у несовершеннолетних родителей отсутствуют обязанности в отношении ребенка, а есть только некоторые права [7]. Полагаю, что в действительности анализ комплекса родительских прав у несовершеннолетних раскрывает наличие и

обязанностей, но с учетом особенностей правового статуса таких родителей. Положения п. 1 ст. 63 СК РФ закрепляют, что родители имеют право и обязаны воспитывать своих детей, что подтверждает неразрывность родительских прав и обязанностей. Родительские права и обязанности не могут осуществляться по раздельности, а потому права родителей являются в то же время их обязанностью [11, с. 164].

Вместе с тем есть мнение, что у несовершеннолетних родителей «спектр родительских прав не характеризуется полновесностью», в отличие от полновесных прав совершеннолетних родителей [13]. Некоторые авторы высказывают мнение, что положения ст. 62 СК РФ о назначении опекуна свидетельствуют об ограничении родительских прав, хотя семейное законодательство прямо их не выделяет [9].

Определяя возраст несовершеннолетних родителей (до и после 16 лет), законодатель исходит из потенциальных возможностей заботиться о ребенке, однако для регистрации ребенка в отделе ЗАГС возраст ни матери, ни отца не имеет значение, так же как и не требуется предварительное или фактическое согласие законных представителей несовершеннолетних родителей. Таким образом, несовершеннолетняя мать в любом юном возрасте будет зарегистрирована матерью только по причине рождения у нее ребенка, что априори наделяет ее родительским статусом.

Как отмечается специалистами, психологическая незрелость, функциональная неготовность к семейной жизни и эффективному материнству, несформированность родительских позиций и материнских установок представляют собой комплекс проблем, требующих разрешения. Но решить их самостоятельно несовершеннолетней матери не под силу, а на помощь и поддержку близкого круга, включая отца ребенка, далеко не всегда можно рассчитывать. В связи с этим разрабатываются меры социально-психологической поддержки несовершеннолетних матерей [2].

Обращаясь к вопросу об охранительно-правовых мерах защиты несовершеннолетних матерей и их детей следует предусмотреть возможность пересмотра принятых ими решений об оставлении детей в детских учреждениях по типу периода охлаждения, для того чтобы оставленные ими дети не были удочерены/усыновлены в очень короткие сроки, а несовершеннолетние матери не лишались родительских прав до достижения ими возраста 20 лет. Также следует учитывать, что наделять несовершеннолетних родителей полной дееспособностью в результате юридически оформленного брака, например в 14–15 лет, нельзя по причине правовой неэффективности и социальной нецелесообразности с учетом всего вышесказанного.

Очень интересной видится мысль о том, что в ситуации раннего материнства очевиден конфликт ценностей, которые всегда были неразрывны, но в данном случае они вступили в противоречие:

ценность семьи и ценность деторождения [8, с. 10]. На современном этапе развития и сохранения традиционных семейных ценностей это противоречие представляется особенно заметным. Рассмотрим этот конфликт ценностей в последующем.

В заключение отметим, что рассматриваемая проблема не является новой с позиции жизненных реалий и ее регламентации в разных сферах общественной жизни. Однако риски, возникающие для несовершеннолетней матери в результате вынашивания и рождения ребенка, а также последующие уход и забота о нем носят иной (более сложный) характер, нежели для отца ребенка. Именно поэтому изучение вопроса о статусе молодой, а точнее несовершеннолетней девочки-матери является самостоятельным предметом исследования в сравнении с правами несовершеннолетних родителей в целом. Озабоченность законодателя этим вопросом будем способствовать обеспечению прав и интересов как матерей, так и их детей – будущих граждан российского общества.

Список литературы

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.10.2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Письмо Министерства Просвещения России от 30.03.2023 № АБ-137/07 «О направлении информации» (с методическими рекомендациями: Методические рекомендации по внедрению типовой модели социально-психологической поддержки несовершеннолетних матерей, включая воспитанниц организаций для детей сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, нуждающихся в помощи и поддержке государства, в субъектах Российской Федерации от 30.03.2023 // СПС «КонсультантПлюс».
3. Антокольская М.В. Семейное право: учебное пособие, М.: Норма, 2013, 431 с.
4. Беспалов Ю.Ф. Несовершенство российского законодательства о семье и семейных ценностях и пути его преодоления. М.: Проспект, 2021, 192 с.
5. Великова О.И. опека над детьми несовершеннолетних родителей // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 4. С. 41–46.
6. Ильина О.Ю. О правах и обязанностях бабушек и дедушек в семейных правоотношениях с участием детей // Гармонизация частных и публичных интересов в семейном праве Российской Федерации. М.: Закон и право, 2023. 639 с.
7. Казанцева А.Е., Титаренко Е.П. Права несовершеннолетних родителей // Семейное и жилищное право. 2016. № 4. С. 11–14.
8. Ковалева Е.А. Раннее материнство как феномен культуры: автореферат дис. ... канд. философ. наук. Волгоград, 2018. 24 с.
9. Куропацкая Е.Г. Судебные дела об ограничении родительских прав // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 1. С. 28–33.

10. Леканова Е. Е. Законный интерес несовершеннолетних родителей в воспитании ребенка // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 11. С. 34–42.

11. Рясенцев В. А. Семейное право. Советское изобретательское право. Избранные труды. М.: Проспект, 2023. 480 с.

12. Тарусина Н. Н. Несколько тезисов о родительстве, осложненном особыми обстоятельствами // Семейное и жилищное право. 2023. № 6. С. 9–12.

13. Швец А.В., Чубукина А.Е. Правовое положение несовершеннолетних родителей // Семейное и жилищное право. 2022. № 5. С. 21–23.

Об авторе:

ГРОМОЗДИНА Мария Владимировна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права ФГОУ ВО «Новосибирский государственный университет экономики и управления» (Россия, Новосибирск, ул. Каменская, 56), SPIN-код: 8584-3204, AuthorID: 590630, e-mail: gromlaws@mail.ru

Legal status of minor mothers: features of early parenthood and motherhood

M.V. Gromozdina

Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk

Early motherhood and parenthood cover a wide range of issues, including legal, social, psychological, pedagogical, etc. They are all so interconnected that their study is possible only in a comprehensive way. At the same time, the legal analysis of the situation demonstrates the need for a clearer regulation of the legal status of a minor mother, from the position that she herself is not a mature person (a child due to age), and the fact of the birth of a child is a traumatic situation for her, affecting the newborn, including. At the same time, there is no concept of a "minor mother" in family legislation, which, in the author's opinion, is an omission and requires changes aimed at specifying the legal status of a minor mother.

Keywords: *legal capacity, motherhood, parenthood, child, minor mother, minor parents, guardianship.*

About author:

GROMOZDINA Maria – PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil and Entrepreneurial Law of the Novosibirsk State University of Economics and Management (Russia, Novosibirsk, Kamenskaya St., 56), SPIN-code: 8584-3204, AuthorID: 590630, e-mail: gromlaws@mail.ru

Громоздина М.В. Правовой статус несовершеннолетних матерей: особенности раннего родительства и материнства // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 1 (81). С. 37–42.

Статья поступила в редакцию 15.11.2024 г.
Подписана в печать 12.03.2025 г.

Механизмы защиты имущественных прав ребенка и матери при разводе: правовой анализ

Л.А. Емелина¹, С.А. Яворский²

¹ ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Москва

² ООО «ИТ АЛЪЯНС», г. Москва

Статья посвящена исследованию правовых аспектов раздела супружеского имущества в бракоразводных процессах с учетом защиты прав и интересов ребенка. Авторы анализируют современные проблемы, связанные с разграничением долей супругов в совместной собственности, и выдвигают предложения по совершенствованию законодательного регулирования в этой сфере. В частности, рассматриваются вопросы установления приоритетов в распределении имущества, когда в семье есть несовершеннолетние дети, что требует особого внимания к их материальному благополучию. Авторами предлагаются изменения в правовом механизме защиты имущественных интересов ребенка и усиление правовых гарантий для защиты материнских прав при разводе. В ходе исследования выявлены пробелы в законодательстве, которые создают трудности при разрешении имущественных споров, и предложены меры по их устранению для более справедливого распределения совместно нажитого имущества супругов в контексте интересов семьи и детей.

Ключевые слова: *совместно нажитое имущество, принцип равенства долей супругов, имущественные права ребенка, интересы несовершеннолетних детей.*

Проблема защиты прав матери и ребенка при разделе совместного имущества супругов занимает особое место в правоприменительной практике. Мать и ее ребенок, нуждающийся в усиленной правовой защите, являются в подобных спорах слабой стороной. Это также обусловлено тем, что мать после развода в большей степени несет ответственность за воспитание ребенка и его содержание. В связи с этим тема защиты имущественных прав матери и ее ребенка становится весьма актуальной.

Задача судебной системы при разделе имущества супругов в данном контексте – создать баланс интересов супругов и интересов детей, отдавая приоритетность в пользу несовершеннолетних. Особенно это касается вопросов раздела совместно нажитого жилья, а вопрос обеспечения ребенка жильем для дальнейшего проживания является ключевым в судебной практике. В противном случае ребенок теряет возможность на достойный образ жизни, делает жизнь матери и ребенка

социально уязвимой и дискриминирует в ряде социальных сторон жизни. Данный аспект является частью задач, связанных с укреплением социальной справедливости и защиты семейных ценностей [12, с. 116], нашедших свое отражение в Указе Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [7].

Согласно Декларации прав ребенка [1], несовершеннолетние дети нуждаются не только в охране и заботе, но и в защите их правовых интересов. Защита жилищных прав является важным положением, т. к. сами дети не в состоянии повлиять на них или улучшить их. В этой связи часто один из родителей, игнорируя свои обязанности в отношении ребенка, может предъявить иск об утрате права пользования жилым помещением. Местом проживания лица, не достигшего четырнадцатилетнего возраста, будет считаться адрес его родителей или законных представителей–опекунов (п. 2 ст. 20 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ)), которые несут ответственность за воспитание и защиту их прав (п. 1 ст. 56 и п. 1 ст. 63 Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ)). Ребенок может не иметь права собственности, но наделяется правом проживания в данном помещении (ст. 31 Жилищного кодекса РФ (далее – ЖК РФ)).

Только собственник жилого помещения имеет право вселить в него несовершеннолетнего ребенка (ст. 30, 31 ЖК РФ), однако такое право Пленум Верховного Суда РФ № 14 в 2009 г. [14], ссылаясь на ч. 1 ст. 70 ЖК РФ и ст. 679 ГК РФ, распространил в том числе и на всех нетитульных собственников. При этом российским законодательством до настоящего времени не разработан механизм, обеспечивающий сохранение и соблюдение «прав для проживания ребенка до момента достижения им совершеннолетия» [10, с. 143].

Исследуя судебную практику, мы выяснили, что по запросу «право пользования несовершеннолетним жилым помещением» было 959 186 дел (100 %), из них Высшие суды вынесли решение только по 738 делам (0,08 %). За последние три года соотношение составило 191 564 против 95 (0,05 %), а за последний год – 58 954 и 28 (0,05%) дел соответственно. Было бы уместным скорейшее внедрение аналитических инструментов искусственного интеллекта в судебное делопроизводство, чтобы можно было провести статистику, сколько из судебных споров закончились в пользу детей, а сколько нет. Это позволило бы понять, какие нормы права стали коллизионными, устаревшими, а какие, напротив, обеспечивают защиту прав детей в жилищной сфере. Мы также считаем, «что проверка судебных решений искусственным интеллектом только повысит качество правосудия» [11, с. 82].

В деле № 4-КГ22-3-К1 Верховный Суд РФ в 2022 г. [22] выяснил следующие обстоятельства. В.А. Ульянов подал иск к Ульяновой С.А.,

своей снохе, как к законному представителю своей несовершеннолетней внучки Ульяновой С.А. (Софии) о признании утратившей право пользования жилым помещением и снятии с регистрационного учета. Изучая обжалуемое дело № 33-11934/2021 Московского суда от 2021 г. [17], очевидным является тот факт, что Ульянов В.А. женился на Ульяновой Л.А., у которой были дети от предыдущего брака: дочь Ульянова А.С. (Отрышко) и сын Ульянов А.С. (Отрышко). Все перечисленные персонажи дела были прописаны в спорной квартире, предоставленной Ульянову В.А. и его семье на основании договора социального найма жилого помещения на пять человек, как следует из материалов дела.

Позднее приемный сын Ульянова В.А. Ульянов А.С. (Отрышко) женится на Ульяновой С.А., у них рождается дочь Ульянова С.А. (София), которая приходится внучкой истцу. По всей видимости, квартира становится тесной для проживания прописанных в ней семерых жильцов, в связи с чем Ульянов В.А. и Ульянова Л.А. выезжают из квартиры. Вскоре брак между Ульяновым А.С. и Ульяновой С.А. распадается, в связи с чем мать Ульянова С.А. и ее дочь Ульянова София выезжают из квартиры, причем несовершеннолетняя Ульянова София остается в ней прописанной. Ульянов (Отрышко) А.С. женится во второй раз, снимается с регистрационного учета и также выезжает из квартиры.

Все нижестоящие суды однозначным решением снимают с регистрации несовершеннолетнюю Ульянову Софию, ошибочно применяя норму п. 2 ст. 20 ГК РФ и полагая, что ребенок должен жить по месту жительства его родителей. Как нам видится, Ульянов (Отрышко) А.С. в связи с этим неслучайно снялся с регистрационного учета и, возможно, на время суда выехал из квартиры, чтобы его дочь Ульянова София фактически не могла проживать с ним в спорной квартире. Такие решения судов, безусловно, ставят вопрос об их компетенции в вопросах применения норм Семейного, Гражданского и Жилищного кодексов. В данном случае Верховный Суд РФ уточнил, что ч. 2 ст. 69 ЖК РФ предоставляет равные права членам семьи нанимателя жилого помещения, занимаемого по договору социального найма, независимо от их возраста. Расчет Ульянова (Отрышко) А.С. на то, что он, возможно, фиктивно, съехав со спорной квартиры вслед за Ульяновым В.А., создаст пространство для применения ч. 3 ст. 83 ЖК РФ о прекращении действия договора социального найма со дня выезда, действительно выглядит убедительно в суде. Однако Ульянова София не приобрела после выезда с данной квартиры право пользования иным жилым помещением, следовательно, в силу действия ч. 2 ст. 69 ЖК РФ право пользования спорным помещением не утратила.

Особый интерес авторов вызывает определение Верховного Суда РФ от 11.10.2022 г. [19]. Супруги Нисковская А.И. и Вагин И.А. после

развода начали процесс раздела имущества. У них были несовершеннолетние дети – Вагина А.И. и Вагина С.И., владеющие по 25/100 долей в спорной квартире площадью 44,5 м². Нисковская А.И. владела 38/100 долями, а Вагин И.А. владел 12/100 долями в квартире. Одной из главных тем судебного разбирательства было определение законности определения компенсации долей в расчетах между супругами и признание доли супруга значительной.

Как следует из выводов судебной коллегии, отец детей вначале проживал у своей матери, где и был прописан, но после развода вселился в спорное жилье, создав при этом невозможность проживания в данной квартире своих детей и их матери. Дети супругов из-за их разногласий и последующего вселения в квартиру ответчика Вагина И.А. стали проживать вместе с их матерью по другому адресу. Нижестоящие суды не дали оценку того факта, что для несовершеннолетних детей спорная квартира являлась единственным жильем. Верховный Суд посчитал, что Вагин И.А. вынудил несовершеннолетних детей и их мать Нисковскую А.И. выехать из квартиры и направил дело на новое рассмотрение, заострив внимание на имущественных аспектах спора, возникших между супругами. Тем не менее вопрос создания условий для проживания в данной квартире несовершеннолетних детей с их матерью Верховный Суд обошел стороной. Возможно, в законе появится административная и уголовная ответственность за вынуждение второго супруга и детей покинуть место их проживания, неслучайно суд сделал в своем решении акцент на определении «вынудил».

Уникальность подобного случая заключается в том, что дети могут обладать имущественными правами в квартире, а вот проживать в ней они не могут из-за конфликта между родителями. Такое положение дел вызывает тревогу. Возникновение обстоятельств, не позволяющих детям жить в своих законных квадратных метрах и отсутствие правовых инструментов, регламентов защиты интересов детей создает правовой пробел, деструктивно влияющий на психико-эмоциональное и физическое состояние детей. Думается, что решение таких проблем возможно с привлечением медиации или участия специалистов ООП.

При рассмотрении подобных дел судам стоит обратить внимание на норму ст. 216 ГК РФ, где п. 2 наделяет ребенка вещными правами в качестве лица, не являющегося собственником данного жилого помещения, а переход права на данное имущество, согласно п. 3 данной статьи, не лишает ребенка этого права.

Однако это право, как оказалось, не может быть абсолютным: лишить такого права могут органы опеки и попечительства (п. 4 ст. 292 ГК РФ), а также титульный владелец жилого помещения в случае прекращения им семейных отношений (п. 4 ст. 31 ЖК РФ) или при продаже данного помещения (п. 2 ст. 292 ГК РФ).

Очевидно, что отличие в содержании нормы п. 2 ст. 292 ГК РФ в редакции от 29.07.2004 г. [3] и в редакциях Федерального закона от 24.04.2008 г. № 49-ФЗ [4], действующих и по сей день, заключается лишь в частице «не», стоящей перед фразой «является основанием для прекращения права пользования жилым помещением членами семьи прежнего собственника» [3]. Чьи интересы защищал законодатель в 2004 г., лишив фактического права на проживание детей в жилье, принадлежащем одному из родителей, нам неизвестно, но как нам видится, уж точно не права детей. Кто был интересантом подобного, на наш взгляд преступного, нововведения тоже неизвестно. Существующая сегодня правовая дискриминация в отношении имущественных прав несовершеннолетних детей замалчивается уже более 20 лет. Стоит отметить, что с 2017 по 2027 гг. идет так называемое «Десятилетие детства», также озаглавленное Указом Президента [8], а отнятые имущественные права детей с 2004 года детям так и были не возвращены. Также и провозглашенная в 2023 г. Президентом России «Стратегия комплексной безопасности детей» [6] не содержит на этот счет необходимых положений. При этом 2024 г. объявлен Указом Президента «Годом семьи» [5], который также не содержит положений, обеспечивающих возвращение права детей на проживание в жилом помещении, принадлежащем одному из родителей после прекращения им семейных отношений или имеющего намерение его продать.

Из этого следует вывод, что вопрос защиты имущественных прав детей в Российской Федерации носит чаще всего декларативный характер. Кроме того, судебная практика в отношении схожих дел имеет неоднородный характер. Авторы считают, что наше государство в лице исполнительной судебной власти в аспекте положений «Конвенции о правах ребенка» [2] в имущественном вопросе, касающемся непосредственно детей, должно придерживаться понимания того, что именно «наилучшие интересы ребенка являются полезным инструментом для решения проблемы» [9, с. 49].

Решение данной проблемы нам видится, например, в применении существующей эластичности свободы договора продажи или дарения недвижимого имущества. По смыслу ст. 157 ГК РФ содержит положения отменительного (отлагательного) условия совершения сделки. Данное положение может подразумевать наличие определенного ограничительного условия, касающегося передачи прав собственности новому владельцу в контексте сделок по продаже жилого помещения, где проживает несовершеннолетний ребенок, в соответствии с п. 2 ст. 216 ГК РФ. Это ограничение действует до достижения ребенком совершеннолетия, а также в случаях, когда он проживает с одним из родителей или опекуном после расторжения брака.

Например, двухкомнатная квартира может быть продана отцом ребенка, но одну из комнат имеет право занимать ребенок до момента

своего совершеннолетия и проживать там со своей матерью. Если это обстоятельство устраивает покупателей такой квартиры, которые должны быть уведомлены об этом «недостатке» вещи согласно ст. 580 ГК РФ, то сделка может состояться. Как показывает судебная практика, суды действительно встают на защиту имущественных прав детей и сделки купли-продажи спорной недвижимости могут быть признаны недействительными, если они были зарегистрированы в этом объекте [23].

При дарении такой квартиры или иного жилого помещения или дома судам стоит обратить внимание на ст. 581 ГК РФ, которая содержит диспозитивность данной нормы и предполагает некое условие, что также согласуется с частью 2 п. 1 ст. 432 ГК РФ. Обременение продаваемой квартиры с правом проживания несовершеннолетнего ребенка вписывается в концепцию Римского права «modus», где сделка совершалась с учетом общепользовательских целей или в интересах третьих лиц. Стоит отметить, что судебная практика относительно дарения под условием весьма обширна: только в период с 2021 по 2024 гг. было рассмотрено свыше 1,4 тысячи дел относительно дарения жилых помещений с правом пожизненного проживания [24], что в четыре раза меньше, чем в аналогичный период с 2019 по 2021 гг. (свыше 5,5 тысяч дел) [25]. Авторы считают, что в силу ст. 168 ГК РФ дарение может быть расценено судом как притворная или ничтожная сделка [16], однако право несовершеннолетнего ребенка проживать в такой квартире рассматривать как встречное обязательство нельзя, следовательно при отсутствии встречного исполнения сделку по дарению следует отнести к безвозмездной передаче, что позволяет сохранить правовую чистоту сделки [13, с. 77]. Кроме того, ст. 421 ГК РФ допускает возможность заключения смешанного договора – дарения и права проживания ребенка в даримом жилом помещении до достижения им совершеннолетия в рассматриваемой нами ситуации.

Стоит отметить еще один коллизионный вопрос, возникающий при разделе имущества между супругами. Большое значение в этом аспекте стала играть роль судьи, учитывающего интересы детей и материнства. Пункт 2 ст. 254 ГК РФ содержит положения, которые говорят о том, что при разделе совместно нажитого имущества супругов доли признаются равными, однако согласно п. 3 ст. 254 ГК РФ спорное имущество может быть поделено между супругами в других пропорциях и законодатель отсылает нас к ст. 252 ГК РФ. Законодатель наделил каждого супруга правом выдела своей доли из их общего имущества, но не дал пояснений, по какому принципу из спорного имущества личная доля одного из супругов может быть выделена. Этим вопросом, повидимому, и должна заниматься третья сторона.

В судебной практике нередко встречаются подобные споры, основанные на норме п. 2 ст. 39 СК РФ и п. 17 постановления Пленума ВС РФ от 05.11.1998 г. [15]. Имеется веская причина, по которой суд

действительно может отойти от принципа равенства долей супругов. Такой причиной могут быть интересы несовершеннолетних детей. Это обусловлено тем, что в настоящее время закон не выделяет перечень интересов детей, на основании которых можно было бы увеличить их долю в спорном имуществе супругов и тем самым отступить от принципа равенства долей в их совместно нажитом имуществе. В связи с этим истцу необходимо предоставить доказательства необходимости такого отступления, которые суд оценит в совокупности на основании ч. 4 ст. 67 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее – ГПК РФ), которые суд сможет либо принять, либо отклонить согласно ч. 4 ст. 198 данного Кодекса. Примером отмены увеличения доли истицы Белой В.В. до $\frac{3}{4}$, поддержанной нижестоящими судами [18], является дело, рассмотренное Коллегией ВС РФ от 26.05.2020 г. [21], которая нашла отсутствующим в деле объяснение мотивов отступления от принципа равенства долей супругов. Другими словами, тот факт, что несовершеннолетние дети после развода остались с их матерью, не дает нижестоящим судам увеличивать долю матери в совместно нажитом имуществе с $\frac{1}{2}$ до $\frac{3}{4}$ без существенных причин. Кроме того, Верховный Суд РФ пояснил, что раздел имущества не лишил детей жилищных прав и алиментного содержания.

Совершенно под иным углом было рассмотрено дело истицы Кеменчижи И.П. к своему супругу Кеменчижи Г.Ю., где ставился вопрос об увеличении доли истицы в совместно нажитом имуществе. Районный суд Ростовской области, а впоследствии и Ростовский областной суд в 2014 г., оставили без внимания доводы Кеменчижи И.П. о том, что их общий с ответчиком сын инвалид и нуждается в лечении, в связи с чем истец получила только $\frac{1}{2}$ доли в доме и земельном участке. Однако Коллегия ВС РФ в 2015 г. решила, что инвалидность общего ребенка является юридически значимым фактом в деле, и этот существенный факт явился причиной отмены решений нижестоящих судов [20].

Как мы видим, в законе нет четких сформулированных критериев или возможностей отступления от принципа равенства долей супругов при учете интересов их несовершеннолетних детей, и суды в такой ситуации будут оценивать доказательства и принимать решения по своему внутреннему убеждению, согласно ч. 1-3 ст. 67 ГПК.

Изучив судебную практику по данной проблематике, мы делаем вывод, что вероятность успешной защиты жилищных прав несовершеннолетних детей в суде и получение справедливого решения находятся статистически в сотых долях одного процента. До сих пор в законе существует достаточное количество норм и коллизий, направленных на то, чтобы в любой момент один из родителей мог лишиться своего ребенка права проживания в его квартире при прекращении брака.

Большую роль в процессе признания факта нарушения имущественных прав несовершеннолетних играют органы опеки и попечительства: отсутствие согласия данных специалистов может стать основанием для признания сделки по продаже или дарению спорного жилого помещения недействительной.

Считается некоей нормой, когда прилично зарабатывающий отец с помощью нехитрых финансовых оптимизаций мстит своей бывшей жене алиментами в размере МРОТ, обрекая ребенка на уровень жизни, который не позволит ему развить свои таланты и способности. Государство может создать ряд условий, при которых на отцов, имеющих детей после развода будет накладываться обеспечительное ограничение недвижимого или движимого имущества, реализация которого позволит ребенку гарантировать алиментные выплаты вплоть до его совершеннолетия. Именно для этих целей мы рекомендуем законодателю при разделе имущества супругов выделять долю детей в спорном имуществе супругов, которая гарантировала бы им получение алиментов от его плательщика. По-видимому, в этом аспекте возникает необходимость внесения изменений в п. 4 ст. 60 СК РФ, которые бы для некоторых категорий детей, например инвалидов, делали бы исключение от нормы, не дающей ребенку претендовать на долю родителей в их имуществе.

Также просматриваются и значительные правовые недостатки в регулировании вопросов раздела имущества между супругами при разводе. Особенно это проявляется в тех случаях, когда затрагиваются имущественные интересы детей. Текущее законодательство не обеспечивает должной защиты имущественных прав несовершеннолетних и создает условия для возникновения имущественных дисбалансов. Для решения выявленных проблем требуется пересмотр и модернизация законодательных норм с учетом следующих предложений:

1. Закрепление приоритета интересов детей. Введение специальных норм, гарантирующих первоочередное удовлетворение имущественных потребностей несовершеннолетних при разделе совместно нажитого имущества. Это может включать установление минимальной имущественной квоты для детей и их опекунов (в случае матери), что позволит поддерживать стабильные условия жизни после развода.

2. Дифференциация подхода к разделу имущества. Разработка гибких механизмов, позволяющих судам учитывать конкретные обстоятельства семейной ситуации (доходы супругов, количество детей, их потребности и т. д.), чтобы обеспечить справедливое и пропорциональное распределение имущества в каждом отдельном случае.

3. Повышение ответственности супругов. Ужесточение контроля за сокрытием активов и манипуляциями с имуществом перед разводом, с введением дополнительных санкций и мер воздействия. Это позволит избежать случаев неравномерного распределения имущества и недобросовестного поведения.

4. Разработка процессуальных инструментов для упрощения разрешения споров. Введение обязательного медиационного процесса перед обращением в суд, что поспособствует достижению консенсуса между супругами без затяжных судебных разбирательств.

Предложенные меры направлены на повышение прозрачности имущественных споров и обеспечение должной защиты интересов детей и уязвимых членов семьи, что позволит снизить социальную напряженность и повысить эффективность правоприменительной практики.

Подводя итоги, также хочется выразить надежду, что реформирование норм Семейного, Гражданского и Жилищного права будет продолжаться, ставя своей целью не следование существующим рыночным стандартам по повышению уровня гражданского оборота недвижимости, а защиту имущественных прав детей, превращая декларативные понятия семейных ценностей и традиций в гарантированное будущее наших детей.

Список литературы

1. Декларация прав ребенка (провозглашена Резолюцией 1386 (XIV) Генеральной Ассамблеи ООН от 20.11.1959 г.) // СПС «Гарант».

2. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989 г.) (вступила в силу для СССР 15.09.1990 г.) // Сборник международных договоров СССР. 1993. Выпуск XLVI.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 29.07.2004 г.) // Российская газета. 1994. № 238–239.

4. Федеральный закон от 24.04.2008 г. № 49-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “Об опеке и попечительстве”» // Российская газета. 2008. № 94.

5. Указ Президента РФ от 22.11.2023 г. № 875 «О проведении в Российской Федерации Года семьи» // СЗ РФ. 2023. № 48. Ст. 8560.

6. Указ Президента РФ от 17.05.2023 г. № 358 «О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2023. № 21. Ст. 3696.

7. Указ Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СЗ РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.

8. Указ Президента РФ от 29.05.2017 г. № 240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства» // Российская газета. 2017. № 115.

9. Емелина Л.А. Основные принципы защиты прав детей в соответствии с Конвенцией о правах ребенка // Право и образование. 2023. № 3. С. 41–50.

10. Емелина Л.А., Яворский С.А. Актуальные проблемы защиты жилищных прав несовершеннолетних // Детство – территория безопасности: сборник материалов конференции, Москва, 07 декабря 2023 года. М.: Центр вынужденных переселенцев «Саратовский источник», 2023. С. 142–145.

11. Емелина Л.А., Яворский С.А. Судебное правотворчество в эпоху цифровизации: перспективы и ограничения // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 3 (79). С. 76–85.

12. Ильина О.Ю. Семейные ценности и ценность семьи: единство и борьба противоположностей Ильина // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 2 (78). С. 116–125.

13. Митрофанова И.А. Право пожизненного проживания дарителя как условие в договоре дарения // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16, № 9 (130). С. 76–81.

14. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 02.07.2009 г. № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2009. № 123.

15. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.11.1998 г. № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» // Библиотечка Российской газеты. 1998. Выпуск № 34.

16. Апелляционное определение СК по гражданским делам Челябинского областного суда от 19.04.2024 г. по делу № 11-4701/2024 // СПС «Гарант».

17. Апелляционное определение СК по гражданским делам Московского областного суда от 14.04.2021 г. по делу № 33-11934/2021 // СПС «Гарант».

18. Апелляционное определение СК по гражданским делам Краснодарского краевого суда от 21.05.2019 г. по делу № 33-17329/2019 // СПС «Гарант».

19. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 11.10.2022 г. № 82-КГ22-3-К7 // СПС «Гарант».

20. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 14.07.2015 г. № 41-КГ15-11 // СПС «Гарант».

21. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 26.05.2020 г. № 18-КГ20-15 // СПС «Гарант».

22. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 29.03.2022 г. № 4-КГ22-3-К1 // К7 // СПС «Гарант».

23. Определение СК по гражданским делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 17.06.2024 г. по делу № 8Г-8229/2024[88-9695/2024] // СПС «Гарант».

24. Банк судебной практики СПС «Гарант» [Электронный ресурс]. URL: <https://arbitr.garant.ru/#/doclist/302:1> (дата обращения: 02.10.2024).

25. Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 02.10.2024).

Об авторах:

ЕМЕЛИНА Людмила Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры правового обеспечения рыночной экономики ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (Россия, г. Москва, проспект Вернадского, 82),
SPIN-code: 4545-3214, AuthorID: 451805, e-mail: urconsul1@yandex.ru

ЯВОРСКИЙ Сергей Анатольевич – юрист компании ООО «ИТ АЛЬЯНС» (123557, г. Москва, вн.тер.г. муниципальный округ Пресненский, ул.

Климашкина, д. 21, помещ. 3/П), SPIN-код: 1205-5526, AuthorID: 1246219, e-mail: 491899@mail.ru

Mechanisms to protect the property rights of the child and mother during divorce: a legal analysis

L.A. Emelina¹, S.A. Yavorsky²

¹ Russian Academy of national economy and public service under the President of the Russian Federation, Moscow

² LLC «IT ALLIANCE», Moscow

The article is devoted to the study of legal aspects of the division of marital property in divorce proceedings, taking into account the protection of the rights and interests of the child. The authors analyze modern problems related to the delimitation of spouses' shares in joint property, and put forward proposals to improve legislative regulation in this area. In particular, they consider the issues of prioritizing the distribution of property when there are minor children in the family, which requires special attention to their material well-being. The authors propose changes in the legal mechanism for protecting the property interests of the child and strengthening legal guarantees for the protection of maternal rights in divorce. The study reveals gaps in the legislation that create difficulties in resolving property disputes and proposes measures to eliminate them for a more equitable distribution of jointly acquired property of spouses in the context of the interests of the family and children.

Keywords: *jointly acquired property, principle of equality of spouses' shares, property rights of a child, interests of minor children.*

About authors:

EMELINA Ludmila – PhD in Law, associate professor of the department of legal support of market economy of the Russian Academy of national economy and public administration under the President of the Russian Federation (Russia, Moscow, Vernadskogo Avenue, 82), SPIN-code: 4545-3214, AuthorID: 451805, e-mail: urconsul1@yandex.ru

YAVORSKY Sergey – lawyer of the company LLC “IT ALLIANCE” (108808, Moscow, Presnensky Municipal District, 21, Klimashkina St., premises 3/P), SPIN-код: 1205-5526, AuthorID: 1246219, e-mail: 491899@mail.ru

Емелина Л.А., Яворский С.А. Механизмы защиты имущественных прав ребенка и матери при разводе: правовой анализ // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 1 (81). С. 43–53.

Статья поступила в редакцию 15.11.2024 г.
Подписана в печать 12.03.2025 г.

Равенство прав и обязанностей родителей по отношению к детям или приоритет матери?

О.В. Жукова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье проанализирована судебная практика по делам о защите интересов несовершеннолетних с точки зрения реализации равенства прав и обязанностей родителей по отношению к детям. Обосновывается вывод о том, что при рассмотрении любого спора, затрагивающего права и законные интересы несовершеннолетнего, необходимо исходить, прежде всего, из положений семейного законодательства о равенстве родителей в их правах и обязанностях по отношению к детям. Отступление от равенства в родительских правах – это исключение, которое может быть обусловлено только интересами ребенка. Родители должны совместно воспитывать детей и заботиться об их здоровье и развитии, осуществлять родительские права в соответствии с интересами детей. Исполнение этих обязанностей не должно зависеть от наличия или отсутствия брака между родителями, а также их совместного проживания. Автор отмечает необходимость определения процессуального статуса родителей ребенка, вопрос о котором рассматривается в суде. Особенно это важно при рассмотрении дел в порядке административного судопроизводства, когда ограничиваются права и свободы несовершеннолетних или требуется защита их интересов при оказании медицинской помощи. Во многих случаях сложившаяся судебная практика в известной степени предопределяет необходимость решить вопрос о том, кто из родителей в случаях их раздельного проживания и (или) отсутствия брака между ними будет назначен законным представителем ребенка. Сформулированы предложения по внесению изменений в законодательство об административном судопроизводстве о том, что при рассмотрении дел о защите интересов несовершеннолетних суд может определить своеобразную меру воздействия и на родителей.

Ключевые слова: защита прав и интересов ребенка, несовершеннолетний, родители, законные представители, гражданское судопроизводство, административное судопроизводство.

Трудно оспаривать роль матери в жизни ребенка, она традиционно рассматривается как «хранительница очага», а мужчины веками были «добытчиками в семье», защищали Отечество, поэтому воспитание и забота о детях ложились на плечи матери. Хотя сегодня законодательном и установлено равенство прав и обязанностей родителей, но даже буквальный текст Конституции Российской Федерации [1] говорит о приоритете материнства. Ведь в ст. 38

закрепляется, что материнство и детство, семья находятся под защитой государства. И только в ст. 1 Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ) [2] указано, что под защитой государства находятся не только семья, материнство и детство, но и отцовство. Видимо, именно этим тенденциям следует и судебная практика, в которой на протяжении длительного периода времени складывается определенный стереотип роли матери как единственного заботливого родителя ребенка. И в случае возникновения споров между родителями суды в подавляющем большинстве принимают решения именно в пользу матери ребенка. Например, при рассмотрении дел об определении места жительства ребенка после расторжения брака.

Семейным законодательством установлена приоритетная защиты прав и интересов несовершеннолетних, которая должна осуществляться прежде всего родителями ребенка. Но с учетом конституционной нормы, государство в лице прокуратуры и иных государственных органов осуществляет контроль за выполнением родителями своих обязанностей в отношении детей.

Необходимо обратить внимание на то, что родители имеют равные права и несут равные обязанности в отношении своих детей (ст. 61 СК РФ). И мать, и отец ребенка вместе должны воспитывать детей и заботиться об их развитии. Самое главное – обязанности родителей должны выполняться независимо от наличия или отсутствия брака между ними или совместного проживания, поскольку из закона следует, что они в равной степени являются законными представителями своего ребенка. Но так ли это происходит на практике? К сожалению, если между родителями есть разногласия, они не могут договориться между собой, родитель, с которым проживает ребенок, может манипулировать «интересами» ребенка, по сути, злоупотребляя своими правами как родитель. Например, если женщина, обиженная на отца своего ребенка, умышленно не дает отцу общаться с ребенком, то ее статус матери нивелируется статусом обиженной женщины. И тогда нет вины отца в том, что он не принимает участие в жизни ребенка, не проявляет заботу о нем. Вместе с тем в практике распространены другие случаи, когда один из родителей после расторжения брака самоустраняется из жизни ребенка, не принимает участие в его воспитании, не интересуется жизнью ребенка, выполняя только обязанность по выплате алиментов. При этом такой «родитель» может быть и не лишен родительских прав. В такой ситуации второй родитель вынужден стать фактически «единственным заботливым родителем» по отношению к своему ребенку, в одиночку воспитывать и заботиться о нем.

Безусловно, важно, каким образом на формирование интересов ребенка влияют его родители, их нравственные и иные личные качества; отношения, существующие между родителями и каждым из родителей со своим ребенком, возможности создания ребенку условий для его

развития. Ведь любой спор между родителями затрагивает интересы детей: при разводе, разделе совместно нажитого имущества, банкротстве законных представителей и т. д. Сложно представить, какие у ребенка будут сформированы семейные ценности, если родители не могут договориться о его месте жительства или определить порядок общения, а для разрешения своих разногласий обращаются в суд. В этих случаях интересы ребенка точно остаются в стороне, имея лишь формальное значение, фактически же превалируют интересы родителей. Напротив, для каждого родителя ребенок должен быть самым ценным, что у него есть [2, с. 96–105].

Необходимо отметить, что анализ судебной практики показывает, что при рассмотрении дел, затрагивающих права и законные интересы несовершеннолетних, сложился определенный стереотип роли матери как единственного заботливого родителя ребенка. Возможно, это объясняется тем, что функция деторождения, естественно, присуща женщине, и семья, в которой есть дети, соотносится исключительно с институтом материнства, поэтому может быть фактическое и формальное преимущественное положение матери ребенка [7, с. 468]. Вместе с тем скорее исключением является постановление Конституционного Суда РФ, представляющее «интерес с точки зрения формирования новой модели родительского правоотношения и семьи в целом» [8, с. 301], в котором было подтверждено нарушение права на получение материнского (семейного) капитала мужчины, признанного в установленном порядке в качестве единственного родителя (отца) детей, рожденных для него суррогатной матерью, а впоследствии вступившего в брак и воспитывающего своих детей в семье совместно с усыновившей (удочерившей) их супругой [4]. Но и конечно, не умаляя особого значения матери, материнский капитал должен однозначно быть именно семейным и по существу, и по названию.

Но принцип равенства прав родителей должен применяться с учетом конкретных семейных обстоятельств. Так, в судебной практике получили распространение случаи, когда матери погибших военнослужащих вынуждены обращаться в суд с требованиями о признании их единственным родителем, который проявлял заботу о ребенке на протяжении его жизни, а также лишения права отца на выплаты как члену семьи погибшего (умершего) военнослужащего. Эти доводы обоснованы тем, что после расторжения брака ребенок оставался проживать с матерью, она одна вырастила и воспитала сына, отец от исполнения обязанностей родителя уклонялся, алименты выплачивал в незначительном размере и (или) имел значительную задолженность по выплате алиментов, т. е. фактически семейные связи между ребенком и отцом были утеряны. Вместе с тем, подобные выплаты имеют целью не столько восполнить материальные потери, сколько выразить от имени государства признательность гражданам,

вырастившим и воспитавшим достойных членов общества – защитников Отечества [10, 11]. Получается, что в этих случаях отец фактически лишался родительских прав уже после смерти своего ребенка, поскольку не участвовал в жизни ребенка, не воспитывал и не заботился о нем.

Безусловно, все вопросы, касающиеся воспитания и образования детей, должны решаться родителями по их взаимному согласию, исходя из интересов детей и с учетом мнения детей. Ведь семейное законодательство при регулировании отношений между родителями и детьми исходит из принципа равного обеспечения и материнства, и отцовства [7, с. 470]. Но в административном судопроизводстве есть несколько очень сложных категорий дел с точки зрения определения состава лиц, участвующих в деле, и решения вопроса о законном представителе несовершеннолетнего. Например, когда речь идет об угрозе жизни и здоровью ребенка. Пока родители будут согласовывать свою позицию, обращаться за разрешением разногласий в орган опеки и попечительства или в суд, может быть поздно. Поэтому при оказании медицинской помощи несовершеннолетнему решение должно быть за медицинской организацией. В экстренных ситуациях врач должен получить согласие от одного из родителей, если это требуется для спасения жизни ребенка [6, с. 94–108]. И в этих случаях отступление от равенства в родительских правах – это исключение, которое обусловлено интересами ребенка.

Конечно, при оказании медицинской помощи несовершеннолетнему нельзя допустить и злоупотребление правами родителей, что может в дальнейшем стать основанием для применения к ним мер юридической ответственности. Так, например, медицинская организация предъявила административное исковое заявление о защите интересов несовершеннолетнего в связи с отказом матери новорожденного ребенка проводить обследование и химиопрофилактику перинатальной передачи ВИЧ от матери ребенку в послеродовом и раннем неонатальном периодах. В обосновании своего отказа мать ребенка мотивировала свои действия тем, что, по ее мнению, проведение химиопрофилактики передачи ВИЧ может навредить ребенку, поскольку эти препараты имеют серьезный побочный эффект, что пагубно может отразиться на ребенке. Она кормит новорожденного ребенка грудным молоком и полагает, что материнское молоко является лучшим средством защиты и профилактики для новорожденного от ВИЧ. Судом было установлено, что мать новорожденного ребенка своим отказом от медицинского вмешательства ставит под угрозу жизнь и здоровье ребенка, злоупотребляя своими правами [13].

Можно привести и другой пример из судебной практики, в котором ребенку требовалась пересадка костного мозга, перед которой

предварительно необходимо было провести противорецидивную химиотерапию в два этапа. После проведения первого этапа химиотерапии ребенок заболел пневмонией, что явилось следствием низкого иммунитета. После этого мать забрала ребенка из медицинской организации, от проведения второго этапа химиотерапии отказалась. Врачи провели беседу, разъяснили все последствия отказа, в том числе о возможной гибели ребенка при отказе от продолжения химиотерапии. Но несмотря на угрозу жизни ребенка, мать письменно отказалась от второго этапа химиотерапии и госпитализации в отделение детской онкологии и гематологии [12].

Вместе с тем при рассмотрении дел, предусмотренных гл. 31.1, 31.2 и 31.3 Кодекса административного судопроизводства РФ (далее – КАС РФ) [3], когда брак между родителями не расторгнут, они проживают совместно с ребенком, должно применяться положение о равенстве прав и обязанностей родителей в отношении своих детей, и однозначно решаться вопрос о процессуальном статусе и обязательном участии в деле обоих родителей ребенка. Но поскольку эти административные дела должны рассматриваться в максимально короткие сроки, то при невозможности вызова второго родителя или неявки в судебное заседание, следует рассматривать дело без их участия.

Так, например, прокурор обратился с административным иском к родителям несовершеннолетней К. о возложении обязанности продолжить обследование и диспансерное наблюдение в детском реабилитационном центре, пройти лечение от наркомании [14]. Требования прокурора обоснованы тем, что в результате проверки эффективности индивидуально-профилактической работы было установлено, что несовершеннолетняя К., состоящая на учете в комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав для организации профилактической работы, реабилитационный центр не посещает, от наблюдения уклоняется. Судом установлено, что мать несовершеннолетней не признает проблему дочери, препятствует выздоровлению несовершеннолетней, уменьшая значимость ее асоциального образа жизни. Неоднократные предложения специалистов по оказанию содействия в посещении врача-психиатра и врача-нарколога матерью и несовершеннолетней были проигнорированы. Административные исковые требования прокурора были удовлетворены полностью. Судом возложена обязанность на несовершеннолетнюю К. продолжить обследование и диспансерное наблюдение в научно-практическом центре наркологии, а в случае необходимости – пройти лечение от наркомании. Суд возложил обязанность обеспечить обследование К. до достижения совершеннолетия, диспансерное наблюдение, а в случае необходимости – прохождение лечения от наркомании, только на мать несовершеннолетней. Вопрос о другом родителе – отце

несовершеннолетней К. – не рассматривался, в судебное заседание для дачи пояснений он не вызывался, никакие обязанности на него не возлагались. При этом в решении суда не отражено, что мать несовершеннолетней является единственным законным представителем.

В судебной практике встречаются случаи, когда на момент рассмотрения дела родители несовершеннолетнего состоят в браке, вместе с ребенком проживают в одной квартире, но отец ребенка в качестве лица, участвующего в деле, не привлекается, в судебное заседание не вызывается, пояснений по делу не дает. Так, например, было рассмотрено административное исковое заявление Межмуниципального управления МВД России «Ногинское» к несовершеннолетнему Н., законному представителю несовершеннолетнего Н. о помещении Н. в Центр временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей ГУ МВД России. Судом установлено, что несовершеннолетний Н. проживает совместно с мамой и отцом в двухкомнатной благоустроенной квартире, где для ребенка созданы все необходимые условия. Административным ответчиком по делу была только мать несовершеннолетнего. В судебном решении проанализированы только обстоятельства, которые касаются матери. В частности указано, что она не выполняет свои родительские обязанности, была привлечена к административной ответственности по ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ, не пользуется авторитетом у сына, не знает круг общения и увлечения сына, не интересуется успеваемостью сына в школе, не посещает родительские собрания. В судебном заседании пояснения давала только мать несовершеннолетнего, которая возражала против административного иска и уверяла, что как законный представитель сделала вывод о необходимости ужесточения контроля за поведением, учебой, кругом общения и образом жизни сына [16].

Можно привести и другой пример из судебной практики, в котором рассмотрено административное исковое заявление Управления МВД РФ о помещении 13-летней несовершеннолетней К.О.И. в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа. В судебном решении подробно описаны факты, которые касаются матери несовершеннолетней – К.Е.Н. В частности, что мать несовершеннолетней не трудоустроена; не имеет родительского авторитета у дочери; не занимается воспитанием дочери, не знает ее интересы и увлечения, не контролирует интернет-общение, не осуществляет контроль за пребыванием несовершеннолетней после 22.00 часов на улице и в общественных местах, не обеспечивает условия для нравственного и духовного развития несовершеннолетней. Судом установлено, что мать не имеет возможности оказывать воздействие на ребенка, который полностью вышел из-под контроля на протяжении продолжительного периода времени совершает социально-опасные противоправные деяния. Кроме того, за ненадлежащее

исполнение обязанностей по воспитанию и обучению дочери, отсутствие должного контроля, мать несовершеннолетней неоднократно привлекалась к административной ответственности по ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ. При этом в отношении отца несовершеннолетней – К.И.В. – судом установлено только то, что он проживает отдельно, контакт с дочерью не поддерживает, а также то, что в производстве этого же суда находится дело по иску администрации района к К.И.В. о лишении его родительских прав в отношении несовершеннолетней К.О.И и взыскании алиментов [15].

Безусловно, в таких случаях нужно говорить о злостном уклонении от выполнения обязанностей родителей как матерью, так и отцом несовершеннолетней. При этом и меры ответственности за неисполнение родительских обязанностей должны быть применены к обоим родителям, поскольку на момент рассмотрения дела в суде несовершеннолетней исполнилось только 13 лет, а судом было установлено, что К.О.И. неоднократно совершала общественно опасные деяния, но было отказано в возбуждении уголовных дел в связи с недостижением возраста привлечения к уголовной ответственности; длительный период времени состоит на профилактическом учете; образование не получает; отсутствует результативность комплекса профилактических мероприятий, что приводит к совершению повторных правонарушений.

Представляется, что при рассмотрении дел о защите интересов несовершеннолетних при оказании медицинской помощи, о помещении в Центр временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей, о помещении несовершеннолетних в учреждение закрытого типа, суд может определить своеобразную меру воздействия и на родителей. Поскольку самостоятельно суд не может возбудить дело о лишении родительских прав, то необходимо предусмотреть соответствующие разъяснения Пленума Верховного Суда РФ о том, что если при рассмотрении дел, предусмотренных гл. 31.1, 31.2 и 31.3 КАС РФ, будет установлено, что родители не исполняют надлежащим образом свои обязанности по воспитанию и заботе о ребенке, создают угрозу для жизни и здоровья несовершеннолетнего, прокурор и органы опеки и попечительства, которые привлекались для участия в деле, должны использовать материалы этого административного дела как доказательство по делу о лишении родительских прав.

В настоящее время в п. 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ закреплено только то, что при разрешении административных дел, связанных с пребыванием несовершеннолетнего в центре временного содержания, в учебном учреждении закрытого типа, суду следует исходить из необходимости защиты детей от факторов, негативно влияющих на их физическое, интеллектуальное, психическое, духовное и нравственное развитие; оценивать поведение несовершеннолетнего после совершения правонарушения, поведение его родителей (законных представителей) и их готовность оказать

содействие ребенку, находящемуся в трудной жизненной ситуации, отношения в семье, наличие отрицательного воздействия на несовершеннолетнего со стороны иных лиц; выяснять, осуществлялась ли в отношении несовершеннолетнего, его родителей (иных законных представителей) индивидуальная профилактическая работа, и проверять ее полноту, достаточность и эффективность [9].

В заключение необходимо отметить, что жизненные ситуации гораздо многообразнее, чем просто требование, закрепленное в законе. И равенство прав и обязанностей родителей существует только в идеале, а фактически по целому ряду причин, начиная от их личностных характеристик, жизненных установок, определенных сложившихся в жизни обстоятельств, родители могут не принимать участие в воспитании ребенка, не проявлять о нем заботу или безразлично относиться к его судьбе. Поэтому необходимо четкое определение процессуального статуса родителей ребенка, вопрос о котором рассматривается в суде. Особенно это важно при рассмотрении дел в порядке административного судопроизводства, когда ограничиваются права и свободы несовершеннолетних или требуется защита интересов при оказании медицинской помощи. Во многих случаях сложившая судебная практика в известной степени предопределяет необходимость пересмотреть существующий подход и «де-факто» привести в соответствие с «де-юре», решить вопрос о том, кто из родителей в случаях их раздельного проживания и (или) отсутствия брака между ними будет назначен законным представителем ребенка. И, безусловно, данный вопрос должен быть решен именно судом, а не органом опеки и попечительства. Тогда и матери погибшего военнослужащего не надо будет обращаться в суд с требованиями о признании единственным родителем, который воспитывал и проявлял заботу о ребенке на протяжении его жизни.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12.12.1993 г., с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г. // СПС «КонсультантПлюс».
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
3. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8.03.2015 г. № 21-ФЗ (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2021 г. № 30-П «По делу о проверке конституционности статьи 3 Федерального закона “О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей” в связи с запросом Конаковского городского суда Тверской области» // СЗ РФ. 2021. № 28. Ст. 5629.
5. Жукова О.В. Защита прав и интересов ребенка как главной семейной ценности // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 2 (78). С. 96–105.

6. Жукова О.В. Право несовершеннолетнего на медицинскую помощь: де-юре и де-факто // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 4 (80). С. 94–108.

7. Ильина О.Ю. Отцовство вне сферы конституционно-правовой охраны: к вопросу о гармонизации частных и публичных интересов в семейных правоотношениях // Гармонизация частных и публичных интересов в семейном праве Российской Федерации: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2023. С. 467–472.

8. Ильина О.Ю. Совершенствование Семейного Кодекса Российской Федерации как процесс поиска баланса частных и публичных интересов // Актуальные вопросы обеспечения и защиты публично-правовых интересов: монография / отв. ред. Л.В. Туманова. М.: Проспект, 2023. С. 293–302.

9. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25.06.2024 г. № 20 «О некоторых вопросах, возникающих в практике судов общей юрисдикции при рассмотрении административных дел, связанных с пребыванием несовершеннолетнего в центре временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органа внутренних дел, в специальном учебно-воспитательном учреждении закрытого типа (главы 31.2 и 31.3 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» // Российская газета. 2024. 9 июля.

10. Определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 22.01.2024 г. № 30-КГ23-9-К5 [Электронный ресурс]. URL: <https://internet.garant.ru> (дата обращения: 16.01.2025).

11. Определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 01.07.2024 г. № 56-КГ24-6-К9 [Электронный ресурс]. URL: <https://internet.garant.ru> (дата обращения: 16.01.2025).

12. Решение Киевского районного суда города Симферополя от 03.07.2019 г. по делу № 2а-3391/2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--90afdbaav0bd1afybeub5d.xn--p1ai> (дата обращения: 16.01.2025).

13. Решение Саянского городского суда Иркутской области от 13.04.2021 г. № 2а-409/2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://sayansky--irk.sudrf.ru> (дата обращения: 16.01.2025).

14. Решение Солнцевского районного суда г. Москвы от 30.06.2023 г. по делу № 2а-0206/2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/solncevskij> (дата обращения: 16.01.2025).

15. Решение Октябрьского районного суда г. Барнаула Алтайского края от 30.08.2023 г. по делу № 2а-2851/2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 16.01.2025).

16. Решение Ногинского городского суда Московской области от 13.12.2023 г. по делу № 7641/2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 16.01.2025).

Об авторе:

ЖУКОВА Олеся Витальевна – кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой судебной власти и правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 4257-9631, AuthorID: 322563, e-mail: Zhukova.OV@tversu.ru

Equality of rights and duties of parents in relation to children or the priority of the mother?

O.V. Zhukova

Tver State University, Tver

The article analyzes judicial practice in cases of protection of the interests of minors from the point of view of the realization of equality of rights and duties of parents in relation to children. The author substantiates the conclusion that when considering any dispute affecting the rights and legitimate interests of a minor, it is necessary to proceed, first of all, from the provisions of family legislation on the equality of parents in their rights and duties towards children. Derogation from equality in parental rights is an exception that can only be determined by the interests of the child. Parents should jointly raise their children and take care of their health and development, exercise parental rights in accordance with the interests of the children. The fulfillment of these duties should not depend on the presence or absence of marriage between the parents, as well as their cohabitation. The author notes the need to determine the procedural status of the child's parents, the issue of which is being considered in court. This is especially important when considering cases in administrative proceedings, when the rights and freedoms of minors are restricted or their interests need to be protected when providing medical care. In many cases, the established judicial practice to a certain extent determines the need to decide which of the parents, in cases of their separation and (or) the absence of marriage between them, will be appointed the legal representative of the child. Proposals have been formulated to amend the legislation on administrative proceedings, stating that when considering cases on the protection of the interests of minors, the court can determine a kind of measure of influence on parents.

Keywords: *protection of the rights and interests of a child, minor, parents, legal representatives, civil proceedings, administrative proceedings.*

About author:

ZHUKOVA Olesya – PhD in Law, Associate Professor, Head at the Department of Judicial Power and Law Enforcement of the Tver State University (Tver, Zhelyabova st., 33), SPIN-code: 4257-9631, AuthorID: 322563, e-mail: Zhukova.OV@tversu.ru

Жукова О.В. Равенство прав и обязанностей родителей по отношению к детям или приоритет матери? // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 1 (81). С. 54–63.

Статья поступила в редакцию 25.01.2025 г.
Подписана в печать 12.03.2025 г.

Права матери на эмбрион при расторжении брака

М.С. Иванова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Автор рассматривает вопрос о правовом положении эмбриона, правах родителей на эмбрион, правовой судьбе эмбриона при расторжении брака, обосновывается право женщины на материнство. Объектом исследования является комплекс правоотношений, возникающих в ходе применения вспомогательных репродуктивных технологий. Цель работы – обосновать право женщины, использующей вспомогательную репродукцию в период брака, стать матерью и после расторжения брака, сохранив за ней право на имплантацию полученных эмбрионов. С помощью общелогических методов теоретического анализа, системного анализа, формально-юридического метода и толкования исследуются вопросы правового режима эмбриона, приводятся примеры из судебной практики, обосновывается преимущественное право женщины на материнство через соотношения прав мужчины и женщины быть родителями после расторжения брака. Предлагаются критерии для разрешения споров о судьбе эмбрионов при отсутствии однозначно выраженного согласия.

Ключевые слова: *супруги, расторжение брака, родительство, права матери, эмбрион, вспомогательные репродуктивные технологии.*

Развитие современных медицинских технологий приводит к новым отношениям в обществе и, как следствие, к необходимости правового регулирования тех из них, которые имеют особую значимость для государства. Качественные изменения в методах диагностических и лечебных мероприятий, позволяющих реализовать детородную функцию, не только влияют на стимулирование рождаемости, но и вызывают правовые вопросы, на которые у законодателя пока нет ответа, у правоприменителей, в частности судов, нет наработанной практики, а у участников ряда вспомогательных репродуктивных технологий (далее – ВРТ) нет ясности в правах, обязанностях и возможных способах защиты интересов.

Согласно данным министерства здравоохранения, в России по ОМС за 11 месяцев 2023 г. было проведено более 86 000 циклов экстракорпорального оплодотворения (далее – ЭКО) [10]. Методы терапии бесплодия, при которых все или некоторые этапы зачатия и раннего развития эмбриона осуществляются вне организма (в том числе с использованием донорских и (или) криоконсервированных половых клеток и эмбрионов) [6] совершенствуются, позволяя разделять во времени разные этапы медицинских процедур. За этот период правовой

статус участников отношений не всегда остается неизменным. Супруги, давшие согласие на применение ВРТ, могут умирать, разводиться, вступать в новые браки, что влияет на последующую возможность использования криоконсервированных эмбрионов, прежде всего в связи с правовой неопределенностью таких действий и последствий. Все это свидетельствует об актуальности выбранной для исследования темы.

Следует отметить, что сама необходимость научного обоснования, изучения, исследования и последующего нормативного закрепления и регулирования такого правового явления, как ВРТ может быть предметом дискуссии. Если с появлением, например, новых методов обмана граждан уголовно-правовая наука просто вынуждена оперативно реагировать, а законодатель обязан криминализировать определенные действия и внести соответствующие изменения в нормативно-правовые акты, то в вопросах регулирования репродукции человека все не так однозначно.

Это тема, с одной стороны, безусловно, затрагивает интересы государства. И это не только вопросы численности населения, регулирования и стимулирования рождаемости, но и идеологические, политические и нравственные аспекты. Публичная власть своей волей и в своем интересе вправе установить запрет на использование, например, суррогатного материнства, как это сделано во Франции, Германии, Австрии и некоторых других странах, или достаточно жестко ограничить использование методов искусственного оплодотворения, как в Китае. Государство может никак не регулировать вопросы вспомогательной репродукции, как в Корее.

С другой стороны, поскольку российское государство прямо не запрещает, а в целом даже поощряет использование репродуктивных технологий, то медицинскими организациями оказываются услуги за плату, в результате таких действий появляются дети, и это уже вопросы не публичного, а частного права, гражданского и семейного при тесной взаимосвязи с медицинскими протоколами. Следовательно, самоустранение государства от правовой регламентации вопросов, связанных с использованием и последствиями ВРТ, нецелесообразно, и в ряде случаев может привести к крайне нежелательным последствиям от так называемого медицинского туризма до черного рынка эмбрионов. На сегодняшний день необходимо выработать единую научную и правовую концепцию, на которую могли бы опираться физические лица, использующие технологии вспомогательной репродукции, медицинские организации, суды, разрешающие споры.

Основным вопросом, который требует единообразного понимания, является правовое положение эмбриона. Согласно легальному определению эмбрион человека – зародыш человека на стадии развития до восьми недель [4].

Очевидно, что рассуждать о правовом статусе эмбриона было бы опрометчиво, поскольку правовым статусом обладают лишь субъекты права, которые имеют в рамках правовой системы права, обязанности, несут ответственность и могут воспользоваться защитой, обеспечиваемой государством. Эмбрион субъектом права не является. Признаков автономной способности обладать правами и обязанностями не имеет. Иное понимание приводило бы к правовой неопределенности, которая вряд ли оправданна и с точки зрения публичного, и с позиций частного права.

Но и к предмету материального мира, отвечающему признакам вещи, эмбрион тоже нельзя отнести ни по идеологическим, ни по правовым основаниям. Даже использование юридической фикции не позволяет говорить об эмбрионе как о предмете или вещи.

Открытый перечень ст. 128 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) [2] вроде бы дает основания относить эмбрион либо к иному имуществу, либо к иным имущественным правам, либо к результатам работ. Однако более тщательный анализ понятий опять возвращает к ситуации, что эмбрион не имеет традиционных признаков вещи, разве что материальность и объективные границы. При этом эмбрион до переноса его в тело женщины является биологическим объектом, из которого при определенных условиях может развиваться человек, что исключает рассмотрение эмбриона в качестве объекта имущественных прав. В противном случае можно было бы говорить о применении к нему всех норм ГК РФ, касающихся владения, распоряжения, переработки, находки, приобретательной давности, что привело бы к абсурдным и нарушающим добрые нравы ситуациям.

Суды, рассматривая конкретные споры, приходят к выводам, что эмбрион можно обязать выдать, потому что он хранится, а в случае нарушения договора хранения, то, что было передано по обязательству, подлежит возвращению [7].

Проверяя законность решения, суд апелляционной инстанции в одном из дел указал, что с учетом согласованных сторонами условий договора о том, что эмбрионы подлежали передаче в собственность медицинского учреждения по истечении трех месяцев со дня окончания указанного сторонами срока хранения, не усматривает правовых оснований для удовлетворения иска о взыскании задолженности по оплате хранения, а доводы о несоответствии законодательству условий о переходе эмбрионов в собственность медицинского учреждения отклонил [8].

Из приведенных судебных решений следует, что эмбрионом можно распоряжаться как вещью и при неоплате хранения передать в собственность клиники. Что клиника может сделать со своей собственностью? Ответ очевиден: совершить любые действия, доступные собственнику в соответствии с законом. Даже не утрируя и не моделируя ситуацию, а оставаясь в рамках правового поля, последствия такого решения могут быть катастрофичными не только с

точки зрения правопорядка, но и с морально-этических и идеологических соображений.

Более последовательной и обоснованной является такая судебная позиция, что действующее российское законодательство не указывает биологический материал в качестве объекта собственности (вещи, вещного права, вещной обязанности), а также не перечисляет возможность получения имущественных прав на него, прямо исключая органы и (или) ткани человека из гражданского оборота [9].

Полагаем, что правовое положение эмбриона следует определять как правовой режим, через описание характеристик и возможных действий с эмбрионом со стороны субъектов права. Описание необходимо давать через биологический, медицинский и юридический критерии, эта тема заслуживает отдельного и детального исследования и обсуждения, что невозможно в рамках данной статьи. Действия с эмбрионом также нуждаются в детализации и легальном закреплении в рамках единого нормативно-правового акта, это перспективная задача ученых и практиков. В настоящее время проанализировать действия с эмбрионом возможно через толкование положений уже упоминавшегося приказа Министерства здравоохранения Российской Федерации от 31.07.20220 г. № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаний и ограничениях к их применению» и содержания информированного согласия лиц, использующих ВРТ. Спорные ситуации, возникающие при применении вспомогательной репродукции с получением некоего биологического материала, в том числе эмбрионов, достаточно многообразны, касаются и хранения, и волеизъявления на случай смерти, и использования в суррогатном и отложенном материнстве.

Одним из таких неурегулированных вопросов являются права матери на эмбрион при расторжении брака. Матерью является женщина, выносившая и родившая ребенка, либо приобретающая этот статус в результате установленной законом процедуры усыновления. Женщина, которая не прошла совокупность этих этапов, как такового статуса матери не имеет. Получается, что права матери возникают тогда, когда ребенок родился, пройдя все стадии эмбрионального развития. Этот процесс занимает определенное время и характеризуется волевым моментом со стороны женщины.

Мать – это один из родителей. Исходя из системного толкования законодательства, можно говорить о будущем родительстве (материнстве), если со стороны женщины осуществляются определенные указанные в правовых актах действия, выражающие ее волю на материнство. Конклюдентные действия, находящиеся вне правового поля, не рассматриваем.

Поскольку выносить и родить ребенка может только женщина, то в контексте темы репродукции полагаем, что целесообразнее говорить не

о правах матери, а о правовом интересе женщины как будущей матери и ее правах на материнство как таковое. Дефиниции интересов как семейно-правовых категорий определены профессором О.Ю. Ильиной. Законный частный интерес в семейном праве – это признанная правовыми нормами потребность члена семьи в достижении определенных благ как прямо предусмотренных законом, так и не запрещенных им. Законные интересы члены семьи реализуют при осуществлении своих субъективных прав и интересов [10, с. 78].

В целях реализации права женщины быть матерью государство создает определенные социальные условия. Разработаны правовые механизмы обеспечения этого права, к которым, в том числе, относятся и ВРТ. В соответствии с ч. 1 ст. 55 Федерального закона от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [5] (далее – Закон об основах охраны здоровья) вспомогательные репродуктивные технологии представляют собой методы лечения бесплодия. Медицинская помощь с использованием ВРТ оказывается в рамках первичной специализированной медико-санитарной помощи и специализированной медицинской помощи. Из приведенных норм права однозначно следует, что основная цель вспомогательной репродукции – восстановление здоровья. Обращение к тесту Приказа № 803н также позволяет сделать вывод, что ВРТ направлены на поддержание и (или) восстановление здоровья, прежде всего женского. Конституция РФ [1] устанавливает, что материнство и детство находятся под защитой государства.

Системное толкование норм позволяет сделать вывод, что право быть матерью и законные интересы женщины в ходе ВРТ в приоритете. Законодательно установлено право женщины, не состоящей в браке, но имеющей партнера, и право одинокой женщины (не состоящей в браке и не имеющей партнера) стать матерью, прибегнув к вспомогательной репродукции. Не вдаваясь в обсуждение этических и идеологических мотивов закрепления подобного правила, право быть матерью гарантируется, поддерживается и стимулируется государством, причем независимо от семейного статуса.

Когда же при расторжении брака встает вопрос о судьбе эмбрионов, полученных и законсервированных в целях отложенного материнства в период супружества, то между бывшими супругами возникают споры, как с ними обходиться. Рассмотрим возможные ситуации. В супружеской паре лечить бесплодие с помощью ВРТ могут как у одного из супругов, так и у обоих. То есть могут быть донорские ооциты, донорские сперматозоиды, обе клетки донорские с пересадкой полученного эмбриона жене, может быть генетический материал супругов. При всех указанных условиях в соответствии с п. 4 ст. 51 Семейного кодекса РФ [3] (далее – СК РФ) муж и жена, давшие

согласие на применение ВРТ, в случае рождения ребенка будут записаны в качестве родителей ребенка.

В ч. 2 ст. 19 Конституции РФ установлено, что государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от их пола. В соответствии с п. 1 ст. 1 СК РФ семейное законодательство исходит из недопустимости вмешательства кого-либо в дела семьи, обеспечения беспрепятственного осуществления членами семьи своих прав; при этом в соответствии с п. 3 ст. 1, п. 2 ст. 31 СК РФ регулирование семейных отношений осуществляется в соответствии с принципом равенства супругов в семье. Права мужчины и женщины на выбор своего семейного и родственного статуса являются безусловными, равными и могут быть ограничены исключительно с целью защиты прав другого лица. Получается, что при решении судьбы эмбриона при разводе равные права мужчины и женщины на родительство, выраженные ими путем согласия на ВРТ, должны быть оценены для определения «чье право важнее» с помощью каких-то критериев. Такими критериями, полагаем, могут быть волевой, социальный и идеолого-политический. Под идеолого-политическим в рамках рассматриваемой темы понимается общее направление государственной семейной политики, связанных с ней нравственных норм и формированием идеологии семьи в обществе. Исходя из этого критерия, с учетом законодательно определенных семейных ценностей и установленного запрета на использование суррогатного материнства одинокими мужчинами, можно сделать однозначный вывод, что при отсутствии соглашения между супругами о судьбе эмбрионов при разводе, право на имплантацию, т. е. использование надо признавать за бывшей супругой, независимо от того какой (донорский или собственный) биоматериал использовался.

Социальный критерий, т. е. то, как в обществе воспринимаются те или иные явления, насколько они допустимы и комфортны как в моменте, так и в долгосрочной перспективе, так же свидетельствует о преимущественном праве женщины после расторжения брака воспользоваться полученными в браке эмбрионами. Ситуация, в которой возможно принудительно (по решению суда в случае спора) передать эмбрионы мужчине, пусть и вступившему в новый брак, выглядит странно, особенно если генетически матерью является бывшая супруга. В этом случае право женщины, использовавшей ВРТ в качестве метода лечения бесплодия, быть матерью очевидно нарушается.

Можно, конечно, привести экономический аргумент, сославшись на значительную стоимость процедур вспомогательной репродукции, криоконсервации и хранения эмбрионов, что бывшие супруги равны в правах, и мужчина тоже получал медицинскую помощь и лечение от бесплодия (в случае использования донорского материала, например). Но все взаиморасчеты могут быть решены установлением компенсации

бывшему мужу его доли расходов на хранение в период после расторжения брака, а не передачей эмбриона, поскольку это противоречило бы и идеологии, и нравственности, и сущности правового регулирования в области семейных отношений.

Следующим спорным моментом является вопрос отцовства и права мужчины выбирать быть или не быть отцом ребенка или детей, которые могут родиться у бывшей жены в случае имплантации полученных в браке эмбрионов. И если с отцовством все решено законом, мужчина, давший согласие на применение ВРТ, в случае рождения ребенка признается его отцом, то с самим правом на отцовство все не так однозначно. Для решения этого вопроса целесообразно использовать волевой критерий. Вступив в брак по доброй воле, мужчина и женщина становятся супругами, предполагая, что в семейной жизни у них появятся дети, решения о рождении которых они принимают по взаимному согласию. Обращение к ВРТ тоже волевое осознанное действие. Давая информированное согласие на использование биоматериала, донорских клеток, получение эмбриона, и мужчина, и женщина понимают последствия своих действий и решений. Такое согласие выражает волю быть родителем, как отцом, так и матерью. И поскольку подготовка к беременности, вынашивание и рождение ребенка занимает достаточно длительный период, выраженная воля мужчины не может быть изменена тогда, когда процесс начался. Иное понимание противоречит стабильности как семейно-правовых отношений, так и обычных житейских. Можно передумать быть мужем женщины, но не отцом ребенка, который потенциально должен родиться, если эмбрион уже есть. В естественном процессе деторождения государство устанавливает запрет на инициирование развода мужчиной в период беременности супруги и до достижения ребенком полутора лет. Криоконсервированный эмбрион потенциально может стать ребенком, поэтому выражая волю на создание эмбриона, мужчина может в информированном согласии предусмотреть, что в случае расторжении брака не дает согласие на имплантацию бывшей жене. Именно в этот момент в правовом контексте он реализует право быть или не быть отцом. В случае, если в согласии прямо не выражен запрет на имплантацию эмбриона после развода, право женщины быть матерью будет иметь преимущество.

При этом защита интересов женщины как будущей матери в спорах с потенциальным отцом на стадии, когда в результате использования медицинских технологий получен эмбрион, практически никак не осуществляется. Документами, в которых содержатся права и обязанности потенциальных родителей, является договор на оказание медицинских услуг и информированное согласие. Они к нормативным актам не относятся, единственное требование – они не должны нарушать закон. Тем не менее именно праву на материнство при прочих

равных правах на лечение от бесплодия и праву на отцовство надлежит давать приоритетную защиту.

Возможным механизмом защиты интересов женщины как будущей матери, ее права на материнство при возникновении споров будет указание на уровне закона или подзаконного акта перечня обязательных вопросов, по которым должно быть достигнуто согласие супругов, использующих ВРТ, с указанием, что приоритетное право на эмбрионы в случае расторжения брака остается у женщины, если супруг прямо не выразил запрет в нотариальном информированном согласии.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
4. Федеральный закон от 20.05.2002 г. № 54-ФЗ «О временном запрете на клонирование человека» // СЗ РФ. 2002. № 21. Ст. 1917.
5. Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.
6. Приказ Минздрава России от 31.07.2020 г. № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202010190041>, (дата обращения: 27.10.2024).
7. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 21.06.2023 г. № 88-17141/2023 по делу № 2-1-7031/2022 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 08.02.2023 г. № 88-3842/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Решение Советского районного суда г. Ростова-на-Дону от 05.10.2018 г. по делу № 2-2540/2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://судебныерешения.рф/35603427> (дата обращения: 29.10.2024).
10. Киселева А. В России растет число проведенных циклов ЭКО [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2024/01/17/1015383-v-rossii-rastet-chislo-provedennih-tsiklov-eko> (дата обращения: 29.10.2024)
11. Ильина О.Ю. Проблемы интереса в семейном праве Российской Федерации. М.: Городец, 2007. 192 с.

Об авторе:

ИВАНОВА Мария Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (ул. Желябова, 33, 170100 Тверь, Россия), SPIN-код: 3509-5382, AuthorID: 1185103, e-mail: ivanova.ms@tversu.ru

The rights of the mother to the embryo at the dissolution of marriage

M.S. Ivanova

Tver State University, Tver

The author examines the issue of the legal status of the embryo, the rights of parents to the embryo, the legal fate of the embryo upon dissolution of marriage, substantiates the right of a woman to motherhood. The object of the study is a complex of legal relations arising during the application of assisted reproductive technologies. The aim of the work is to substantiate the right of a woman using assisted reproduction during marriage to become a mother even after the dissolution of marriage, while retaining her right to implant the embryos obtained. With the help of general logical methods of theoretical analysis, system analysis, formal legal method and interpretation, the issues of the legal regime of the embryo are investigated, examples from judicial practice are given, the preferential right of a woman to motherhood is justified through the ratio of the rights of a man and a woman to be parents after the dissolution of marriage. Criteria are proposed for resolving disputes about the fate of embryos in the absence of unequivocal consent.

Keywords: *spouses, divorce, parenthood, mother's rights, embryo, assisted reproductive technologies.*

About author:

IVANOVA Maria – PhD in Law, Associate Professor of the Department of Civil Law, Tver State University (Zhelyabova str., 33, 170100 Tver, Russia), SPIN-code: 3509-5382, AuthorID: 1185103, e-mail: ivanova.ms@tversu.ru

Иванова М.С. Права матери на эмбрион при расторжении брака // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 1 (81). С. 64–72.

Статья поступила в редакцию 25.01.2025 г.
Подписана в печать 12.03.2025 г.

Социально-правовые риски материнства женщин, страдающих психическими расстройствами

О.Ю. Ильина¹, О.А. Русаковская^{2,3}, Н.К. Харитонов²

¹ ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

² ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии
и наркологии им. В.П. Сербского», г. Москва

³ ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический
университет», г. Москва

В статье акцентируется внимание на социальных и правовых аспектах воспитания ребенка матерью, имеющей психическое расстройство. Авторы исследуют имеющиеся организационные возможности, позволяющие оказать содействие семье по надлежащему воспитанию и обеспечению интересов ребенка. Отмечается необходимость учета специфики оказания психиатрической помощи в разрезе обеспечения врачебной тайны, социализации ребенка и формирования его личности. На основе анализа имеющихся эмпирических данных сделан вывод о возможности осуществления родительских прав женщинами, страдающими психическими расстройствами. Использование общенаучных методов (анализ, синтез, дедукция, индукция и др.) позволило также выявить и продемонстрировать взаимосвязь и взаимозависимость гражданской и семейной дееспособности женщин, страдающих психическими расстройствами.

Ключевые слова: материнство, психические расстройства, ограничение родительских прав, врачебная тайна, межведомственное взаимодействие.

Воспитание ребенка в семье имеет частноправовую и публично-правовую природу. Право гражданина иметь детей, заботиться о детях и воспитывать их относится к основным правам и свободам гражданина, гарантированным Конституцией Российской Федерации [1], что в то же время соотносится с обязанностью родителей воспитывать детей и проявлять о них заботу (ст. 38). Семейным кодексом Российской Федерации [2] (далее – СК РФ) определено преимущественное право родителей на воспитание детей перед всеми другими лицами (ст. 63 СК РФ).

Основываясь на основополагающем принципе приоритета интересов ребенка, Семейный кодекс РФ не раскрывает содержательную часть воспитания детей, определяя родительские права и обязанности в самом общем виде и конкретизируя лишь пределы осуществления родительских прав, обеспечивающие, в первую очередь, безопасность ребенка в широком значении этого слова. Согласно п. 1 ст. 65 СК РФ родители не вправе причинять вред физическому и

психическому здоровью детей, их нравственному развитию. Способы же воспитания детей должны исключать пренебрежительное, жестокое, грубое, унижающее человеческое достоинство обращение, оскорбление или эксплуатацию детей.

В то же время, категория воспитания, весьма часто используемая в нормах СК РФ как регулятор отношений, прежде всего, между родителями и детьми [15], определена в ст. 2 Федерального закона от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [5]. Законодатель предполагает в качестве результата воспитания социализацию и подготовку ребенка к самостоятельной жизни в обществе на основе «социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства».

Безусловно, воспитание детей происходит в сфере реализации частных интересов в пределах семьи, но социальные характер и значение результатов воспитания наряду обуславливают проявление публичного контроля как за процессом воспитания в семье, так и за его результатами [10], подразумевая в том числе необходимость контроля за уровнями социально-правовых рисков.

С точки зрения семейного права, наиболее благоприятными для ребенка условиями воспитания являются уход и забота родителей, то есть пребывание несовершеннолетнего в кровной семье. При невозможности сохранения таких условий государство, обеспечивая принцип приоритета семейного воспитания детей (ст. 1 СК РФ), принимает все меры для передачи ребенка на воспитание в семью иных лиц, и лишь временно ребенок может находиться в специальной организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (ст. 123 СК РФ).

В психологии развития в настоящее время в качестве постулата рассматривается то, что условия, в которых ребенок развивается согласно своим задаткам и особенностям, влияют на его социальную и эмоциональную компетентность, когнитивное развитие, успешность социализации и реализации в последующей жизни [16]. С точки зрения теории рисков, развитие ребенка, определяющееся множеством биологических, социальных, психологических, экономических и иных факторов, как любой сложный процесс, всегда сопряжено с множеством факторов риска. Такими факторами могут быть бедность, хронические болезни, конфликтные отношения со сверстниками, сиротство или воспитание в интернатном учреждении, психотравмирующие ситуации. Факторы риска, могут нарушать процесс развития ребенка, если не компенсированы действием протективных факторов, в качестве которых могут выступать любовь и забота в семье, наличие в окружении ребенка авторитетных и поддерживающих его взрослых, позитивные взаимоотношения в детском коллективе, интересы и увлечения, игра и творчество и т.п.

Как показывают многочисленные исследования, проведенные в области психологии развития, клинической психологии и психиатрии, наличие у матери психического расстройства может и должно рассматриваться как один из факторов риска, определяющих социальную ситуацию развития ребенка [19]. При этом результаты исследований, предполагающих оценку лиц с психическими расстройствами, имеющих детей, свидетельствуют о том, что: 1) во многих случаях наличие у матери психического расстройства не определяет опасность оставления с ней ребенка и не причиняет вред его психическому здоровью и развитию [13, 17]; 2) благополучное родительство возможно даже у пациентов с тяжелыми психическими расстройствами [14]; 3) для лиц с психическими расстройствами родительство может являться ведущей и смыслоопределяющей деятельностью и мощнейшим ресурсом социально-личностного восстановления [18]; 4) высокую эффективность имеет психотерапевтическая работа с такими семьями и их комплексное медико-психолого-социальное сопровождение [20].

Признавая равенство прав и обязанностей родителей (ст. 61 СК РФ), следует отметить, что именно мать в силу физиологии имеет более тесную эмоциональную связь с ребенком, поэтому и осуществление родительских прав матерью имеет ряд особенностей [11].

Разные психические расстройства сопровождаются различными рисками материнства, которые, в свою очередь, должны определять и самостоятельные «мишени» как психотерапии и медико-социальной реабилитации в рамках оказания психиатрической помощи, так и социального, в том числе социально-психологического сопровождения. Кстати, в соответствии с п. 4 ст. 65 СК РФ при осуществлении родительских прав родители (лица, их заменяющие) имеют право на оказание им содействия в предоставлении семье медицинской, психологической, педагогической, юридической, социальной помощи. Необходимо подчеркнуть, что при всех психических расстройствах взаимосвязь между выраженностью клинко-психопатологических симптомов и величиной прогнозируемого риска для ребенка имеет не линейный характер, а определяется сложными взаимодействиями с иными факторами риска и протективными факторами, а также неконтролируемыми случайными обстоятельствами.

При шизофрении, шизотипических и бредовых расстройствах существуют риски непосредственной опасности для ребенка, которые в большинстве случаев связаны с продуктивной психотической симптоматикой. Наличие обманов восприятия, бредовых идей может определять неадекватное поведение матерей и их общественную опасность, в том числе в отношении ребенка. В таких случаях основным способом профилактики является своевременное оказание психиатрической помощи, в том числе в условиях психиатрического стационара.

При этом, с одной стороны, для обеспечения своевременности оказания психиатрической помощи необходимо установление в отношении матерей, в структуре психического расстройства которых имеются симптомы, обуславливающие склонность к совершению общественно опасных действий, активного диспансерного наблюдения, регламентированного Порядком диспансерного наблюдения за лицом, страдающим хроническим и затяжным психическим расстройством с тяжелыми стойкими или часто обостряющимися болезненными проявлениями [8]. С другой стороны, наличие у женщины, страдающей психическим расстройством, детей, было бы целесообразно рассматривать в периоды обострения заболевания как фактор, расширяющий основания для недобровольной госпитализации в соответствии со ст. 29 Закона РФ от 02.07.1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» [7].

Негативные симптомы шизофрении могут проявляться апатией, снижением энергетического потенциала, пассивностью, бездеятельностью и нарушать способность самостоятельно ухаживать за ребенком, активно взаимодействовать с ним и осуществлять его воспитание. При отсутствии у матери социально-поддерживающего окружения указанные симптомы, если они выражены значительно, могут определять опасность оставления ребенка с таким родителем, в том числе рассматриваться как основание для ограничения родительских прав порядке применения ст. 73 СК РФ. В то же время, у таких больных могут быть сохранены эмоционально теплое отношение к ребенку, понимание и способность представлять его интересы, в связи с чем такие проявления заболевания оцениваются судом в совокупности с другими обстоятельствами, в частности, учитывается участие в воспитании ребенка другого родителя, совместно или отдельно от ребенка он проживает и т.п.

Такие негативные симптомы заболевания родителя, как социальная отгороженность, аутизация могут приводить к социальной изолированности семьи и определять нарушения социализации ребенка. Эффективными мерами профилактики в подобных случаях являются медико-социальная реабилитация и психотерапевтическая помощь, предусмотренные Порядком оказания психиатрической помощи [9], а также пролонгированное психолого-педагогическое сопровождение семьи, предоставляемое в рамках социального обслуживания семьи (п. 4 ст. 65 СК РФ) или услуг социально ориентированных некоммерческих организаций. Следует иметь в виду, однако, что в рамках оказания как психиатрической помощи, так и социального обслуживания, названные услуги могут предоставляться исключительно в добровольном порядке.

При расстройствах интеллектуального развития, не сопровождающихся нарушениями поведения (умственной отсталости), основные риски неспособности должным образом осуществлять родительские обязанности определяются недостаточностью житейских

знаний, отсутствием необходимых для ухода за ребенком и его воспитания знаний и навыков, недооценкой повседневных рисков и неспособностью обеспечить его безопасность [12]. Как показывает зарубежный опыт, эффективными мерами профилактики снижения рисков в подобных случаях являются социальное сопровождение семьи, специальные обучающие программы для родителей, тренинги.

Связанные с различными психическими расстройствами изменения эмоциональной сферы и личности могут быть причиной нарушений социального и межличностного взаимодействия матерей как со своими детьми, так и со специалистами государственных служб (образовательных и медицинских организаций, органов опеки и попечительства, организаций социального обслуживания), что на практике может приводить к социальной некомпетентности родителя, препятствовать предоставлению ребенку медицинской помощи, образовательных и социальных услуг. В свою очередь это, с учетом возраста, состояния здоровья и иных особенностей ребенка, может определять опасность оставления его с матерью.

Представляется, что наиболее эффективной мерой профилактики неблагоприятных последствий воспитания ребенка матерью, страдающей психическим расстройством, является организация своевременного получения психиатрической помощи, оказываемой в соответствии с Порядком оказания медицинской помощи при психических расстройствах и расстройствах поведения, который предусматривает не только лекарственную терапию, но и психотерапевтическую помощь и медико-социальную реабилитацию, а также социальное сопровождение семьи, предусмотренное ст. 22 Федерального закона «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» [6]. Положительный опыт подобного социального сопровождения семей, где родители имеют психические расстройства, имеется как у государственных (г. Москва, ГБУ Ресурсный центр по вопросам опеки и попечительства «Содействие»), так и негосударственных (г. Смоленск, Региональный православный центр защиты семьи, материнства и детства «Смоленский дом для мамы») организаций.

Представляется, что эффективность профилактики может повысить межведомственное взаимодействие между медицинскими организациями, оказывающими психиатрическую помощь, социальными и некоммерческими общественными организациями.

В соответствии со ст. 13 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [4], ст. 9 Закона РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» сведения о факте обращения гражданина за психиатрической помощью, состоянии его психического здоровья и диагнозе психического расстройства, иные сведения, полученные при оказании ему

психиатрической помощи, составляют врачебную тайну, охраняемую законом.

Редакция упомянутой статьи Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» претерпела изменения, которые вступают в силу с 01.03.2025 г. В частности, предусмотрен обмен информацией между медицинскими организациями и органами внутренних дел в осуществлении наблюдения за пациентами со склонностью к совершению общественно-опасных действий. Таким образом, в отношении родителей, входящих в 5-ю группу диспансерного наблюдения (активное диспансерное наблюдение), которое устанавливается в отношении пациентов, потенциально представляющих общественную опасность, в том числе в связи с наличием у лица в структуре психического расстройства симптомов, обуславливающих склонность к совершению общественно опасных действий (императивные галлюцинации, некоторые формы бреда, психопатоподобные состояния с повышенной поведенческой активностью и патологией влечений и проч.), будет осуществляться обмен информацией.

При этом обмен соответствующей информацией между медицинскими организациями и организациями, осуществляющими социальное обслуживание, или общественными организациями, оказывающими соответствующие услуги, законом не предусмотрен. Следует отметить, что в субъектах РФ организация межведомственного взаимодействия в настоящее время обеспечивается в рамках реализации требований Федерального закона от 24.06.1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [3] в части реализации комплекса мер, включающего социальные, правовые, психолого-педагогические и иные мероприятия, направленные на выявление и устранение причин и условий, способствующих детской безнадзорности и совершению несовершеннолетними антиобщественных действий. Так, например, на сайте Министерства труда и социальной защиты Новосибирской области представлен Порядок межведомственного взаимодействия, утвержденный приказом министерства труда и социального развития Новосибирской области, министерства образования Новосибирской области, министерства здравоохранения Новосибирской области, министерства культуры Новосибирской области, министерства физической культуры и спорта Новосибирской области, ГУ МВД России по Новосибирской области, содержащий алгоритмы работы с получателями соответствующих услуг, методические разъяснения, реестр учреждений.

Нельзя не отметить и те неблагоприятные последствия для ребенка, которые могут возникнуть для него, например, при нарушении элементарной этики администрацией образовательной организации,

получившей информацию об оказании семье соответствующей помощи в связи с наличием у матери психического расстройства.

Отмечая безусловную целесообразность межведомственного взаимодействия по обмену информацией о лицах, имеющих психические расстройства, отметим некоторые вопросы, обладающие теоретической и практической значимостью, необходимость разрешения которых определяет перспективу исследования заявленной в настоящей статье проблематики:

– существующие гарантии защиты права пациента на врачебную тайну ограничивают возможности своевременного выявления матерей, нуждающихся в социальном сопровождении вследствие имеющегося у них психического расстройства;

– введенный порядок межведомственного взаимодействия по обмену информацией, так или иначе касающейся определенной категории лиц с психическими расстройствами, предполагает обеспечение частных и публичных интересов. С одной стороны, при обмене информацией раскрывается врачебная тайна, с другой стороны, целью обмена информацией является профилактика неблагоприятных последствий проявления склонности гражданина к совершению общественно опасных деяний;

– осуществление родительских прав матерью, страдающей психическим расстройством, безусловно, сопровождается социально-правовыми рисками, имеющими актуальный и перспективный характер с точки зрения, как перспективы ограничения родительских прав в случае невозможности снижения потенциальных рисков и опасности оставления с ней ребенка, так и сохранения родительских прав матери при достаточной эффективности протективных факторов, в условиях психиатрической помощи и социальной поддержки.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
3. Федеральный закон от 24.06.1999 г. № 120-ФЗ (ред. от 21.11.2022 г.) «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // РГ. 1999. № 121.
4. Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 25.12.2023 г.) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2024 г.) // РГ. 2011. № 263.
5. Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 22.06.2024 г.) «Об образовании в Российской Федерации» // РГ. 2012. № 303.

6. Федеральный закон от 28.12.2013 г. № 442-ФЗ (ред. от 25.12.2023 г.) «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» // РГ. 2013. № 295.

7. Закон РФ от 02.07.1992 г. № 3185-1 (ред. от 04.08.2023 г.) «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 33. Ст. 1913.

8. Приказ Минздрава России от 30.06.2022 г. № 453н (ред. от 28.11.2022 г.) «Об утверждении Порядка диспансерного наблюдения за лицом, страдающим хроническим и затяжным психическим расстройством с тяжелыми стойкими или часто обостряющимися болезненными проявлениями» (зарегистрировано в Минюсте России 28.07.2022 г. № 69429) // СПС «КонсультантПлюс».

9. Приказ Минздрава России от 14.10.2022 г. № 668н «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи при психических расстройствах и расстройствах поведения» (зарегистрировано в Минюсте России 14.11.2022 г. № 70940) // СПС «КонсультантПлюс».

10. Ильина О.Ю. Проблема гармонизации частных и публичных интересов в семейном праве Российской Федерации. Науч. школа докт. юрид. наук, проф. О.Ю. Ильиной: монография. М., 2015. 431 с.

11. Ильина О.Ю., Русаковская О.А. Правовые аспекты контроля в сфере реализации репродуктивных прав лицами, страдающими психическими расстройствами // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. Научный журнал. 2021. Т. 11, № 3. С. 28–42.

12. Материнство и отцовство родителей, страдающих интеллектуальными нарушениями (обзор литературы) / О. А. Русаковская, Г. П. Костюк, С. А. Голубев [и др.] // Обозрение психиатрии и медицинской психологии имени В.М. Бехтерева. 2019. № 1. С. 16–25.

13. Русаковская О.А. Проблемы судебно-психиатрической экспертизы по искам об ограничении родительских прав лиц с психическими расстройствами // Российский психиатрический журнал. 2018. № 6. С. 27–34.

14. Русаковская О.А. Родители, страдающие психическими расстройствами: ограничение родительских прав или адекватные меры психиатрической и социальной помощи // Социально-правовые аспекты трансформации института современной семьи в контексте реализации государственной семейной политики: Сб. статей по материалам международной научно-практической конференции, посвящённой 25-летию принятия Семейного кодекса Российской Федерации, Тверь, 29 октября 2020 года / под общ. ред. О.Ю. Ильиной. Тверь: Тверской государственный университет, 2020. С. 195–200.

15. Сафуанов Ф.С., Русаковская О.А. Категория воспитания в семейном праве: культурно-исторический анализ // Культурно-историческая психология. 2017. Т. 13, № 3. С. 6–15.

16. Холодова О.Л., Кузьменко М.Ю., Арбекова О.А. О рисках нарушений развития в раннем возрасте и их профилактике // Современная зарубежная психология. 2023. Т. 12, № 4. С. 37–50.

17. Good-enough" and "not good enough" parenting of persons under long-term follow-up psychiatric observation / О. А. Русаковская, Г. П. Костюк, С. А. Голубев [и др.] // European Psychiatry. 2020. Т. 63, № S1. P. 190–191.

18. Grové, C., & Reupert, A. (2017). Moving the field forward: Developing online interventions for children of parents with a mental illness. *Children and Youth Services Review*, 82, 354–358 [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1016/j.chidyouth.2017.10.003> (дата обращения: 10.01.2025).

19. Piché G, Davidson G, Dunkley-Smith A, Grant A, Yates S, Maybery D. Exploring past research to move forward: a scoping review of aims, outcomes, and recommendations in parental mental illness qualitative research. *Front Public Health*. 2024 Oct 16;12:1427432 [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.3389/fpubh.2024.1427432> (дата обращения: 10.01.2025).

20. Radley J, Grant C, Barlow J, Johns L. Parenting interventions for people with schizophrenia or related serious mental illness // *Cochrane Database of Systematic Reviews* 2021, Issue 10 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/?term=Radley+J%2C+Grant+C%2C+Barlow+J%2C+Johns+L.+Parenting+interventions+for+people+with+schizophrenia+or+related+serious+mental+illness> (дата обращения: 10.01.2025).

Об авторах:

ИЛЬИНА Ольга Юрьевна – Заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, заведующий кафедрой гражданского права юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 8737-6386, e-mail: Iilina.OY@tversu.ru

РУСАКОВСКАЯ Ольга Алексеевна – кандидат медицинских наук, старший научный сотрудник отдела судебно-психиатрической экспертизы в гражданском процессе ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России; доцент кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», г. Москва; SPIN-код: 4041-0613, AuthorID: 698745, ResearcherID: N-2989-2017, ORCID: 0000-0001-5602-3904, e-mail: rusakovskaya.o@serbsky.ru

ХАРИТОНОВА Наталья Константиновна – доктор медицинских наук, профессор, руководитель отдела судебно-психиатрической экспертизы в гражданском процессе ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России, г. Москва, SPIN-код: 2371-4731, AuthorID: 465226, ORCID: 0000-0002-0238-1690, e-mail: nkharitonova@ro.ru

Social and legal risks of women' with mental disorders motherhood

O.Yu. Ilyina¹, O.A. Rusakovskaya^{2,3}, N.K. Kharitonova²

¹ Tver State University, Tver

² National Medical Research Center of Psychiatry and Narcology named
after V. P. Serbsky, Moscow

³ Moscow State Psychological and Pedagogical University, Moscow

The article focuses on the social and legal aspects of upbringing children by mother s suffering from mental disorders. The authors explore available organizational possibilities to assist the proper upbringing in the family and ensuring the interests of the child. The need to take into account the specifics of providing psychiatric care in terms of ensuring medical confidentiality, socialization of the child and the formation of his personality is noted. Based on the analysis of available empirical data, a conclusion was made about the possibility of exercising parental rights by women suffering from mental disorders. The use of general scientific methods (analysis, synthesis, deduction, induction, etc.) also made it possible to identify and demonstrate the relationship and interdependence of the civil and family capacity of women suffering from mental disorders.

Keywords: *motherhood, mental disorders, restriction of parental rights, medical confidentiality, interdepartmental interaction.*

About authors:

ILYINA Olga – Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Dean of the Faculty of Law, Head of the Department of Civil Law of the Faculty of Law of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova St., 33), SPIN-code: 8737-6386, e-mail: Ilyina.OY@tversu.ru

RUSAKOVSKAYA Olga – PhD in Medical Sciences, Senior Researcher, Department of Forensic Psychiatric Examination in Civil Procedure, V.P. Serbsky National Medical Research Center of Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation; Associate Professor, Department of Clinical and Forensic Psychology, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow; SPIN-code: 4041-0613, AuthorID: 698745, ResearcherID: N-2989-2017, ORCID: 0000-0001-5602-3904, e-mail: rusakovskaya.o@serbsky.ru

KHARITONOVA Natalya – Doctor of Medical Sciences, Professor, Head of the Department of Forensic Psychiatric Examination in Civil Procedure, V.P. Serbsky National Medical Research Center of Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation. V.P. Serbsky" of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, SPIN-code: 2371-4731, AuthorID: 465226, ORCID: 0000-0002-0238-1690, e-mail: nkharitonova@ro.ru

Ильина О.Ю., Русаковская О.А., Харитоновна Н.К. Социально-правовые риски материнства женщин, страдающих психическими расстройствами // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 1 (81). С. 73–82.

Статья поступила в редакцию 23.01.2025 г.
Подписана в печать 12.03.2025 г.

Эмбрион *in vitro* как нематериальное благо будущих родителей

О.С. Карпенюк

ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
г. Брянск

Развитие современных репродуктивных технологий привело к тому, что такое нематериальное благо, как жизнь стало нуждаться не только в защите, но и в правовом регулировании самого момента ее зарождения. Исследование оценивает эмбрион человека как нематериальное благо посредством изучения и сравнения научных подходов, судебной практики национальных и международных судов. Исследование показало, что эмбрион создается в результате реализации личного неимущественного права на родительство, исключительное право на который принадлежит мужчине и женщине, чей биологический материал использован для создания эмбриона. Распоряжение эмбрионом возможно только по взаимному согласию до того момента, как эмбрион будет перенесен в тело женщины. Решение вопроса о правовой природе эмбриона имеет значение для защиты прав и соблюдения интересов мужчины и женщины, особенно в тех случаях, когда по тем или иным причинам один из партнеров передумал иметь совместных детей либо один или оба партнера умерли.

Ключевые слова: эмбрион *in vitro*, личное неимущественное право, родительство, распоряжение эмбрионом, нематериальное благо, исследование эмбриона до имплантации.

Сложно представить, но еще четверть века назад донорство гамет и развитие медицинских технологий, связанных с возможностью создания эмбрионов *in vitro*, считались угрозой человечеству и почвой для правового беспредела. Даже рассматривались законопроекты о запрете репродуктивных технологий и манипуляций с эмбрионами [11].

По статистике в России за 2023 г. было проведено более 86 000 циклов экстракорпорального оплодотворения (далее – ЭКО) по ОМС [10], а доля рожденных от ЭКО в 2023 г. составила 2,4 % от всех родов [6]. Вспомогательные репродуктивные технологии дали возможность бездетным парам стать родителями. Однако широкое использование современных репродуктивных технологий затрагивает как морально-этические аспекты, так и правовые вопросы.

Появление технической возможности хранения человеческих эмбрионов в замороженном состоянии породило существенное различие между искусственным оплодотворением и оплодотворением путем полового контакта. А именно – возникновение периода, порой достаточно продолжительного, между зачатием эмбриона и его

имплантацией в матку женщины. Поскольку между моментом зачатия эмбриона и его переносом могут пройти годы, ко времени переноса эмбриона пара может расстаться или кто-то из партнеров передумает становиться родителем или вообще умереть. У партнеров могут возникнуть разногласия относительно судьбы оставшихся эмбрионов после ЭКО.

Отсюда возникает вопрос: кому принадлежит право распорядиться эмбрионом? Какое право выше: право иметь детей или право на отказ стать родителем? Можно ли передать эмбрион по наследству? Кто будет распоряжаться эмбрионом, если оба родителя умрут?

Основополагающим в решении этих вопросов стало решение Европейского Суда по правам человека по делу «Эванс против Соединенного Королевства» (жалоба № 6339/05) [20]. Именно это решение международного суда задавало вектор правового подхода в решении конфликтов партнеров по распоряжению эмбрионами.

В деле «Эванс против Соединенного Королевства» перед Европейским Судом по правам человека был поставлен вопрос: вправе ли женщина, прошедшая специальную процедуру в целях рождения генетического ребенка, иметь возможность произвести имплантацию эмбриона, невзирая на то, что ее бывший партнер мужчина–донор гамет отозвал свое согласие?

Надо отдать должное тщательному подходу Европейского Суда по правам человека при изучении вопроса о правах родителей на эмбрион. В частности, международный суд тщательно исследовал отчет Комитета Уорнок 1984 г., законодательство европейских государств, США и Израиля, а также имевшуюся судебную практику по спорам между партнерами, мнения которых о судьбе эмбрионов разошлись или стали противоположными к моменту переноса эмбриона в тело женщины.

Как оказалось, внутринациональное регулирование права на отзыв согласия на перенос эмбриона не отличается единством в европейских государствах и достаточно противоречиво. Так, в некоторых странах либо на законодательном уровне, либо в судебной практике закреплён подход – доноры гамет вправе отозвать согласие в любой момент до имплантации эмбриона (Бельгия, Финляндия, Франция, Нидерланды).

Иным образом решается вопрос в Австрии и Эстонии. Мужчина вправе передумать только до момента осеменения яйцеклетки. После образования эмбриона право продолжать процедуры или отказаться от имплантации принадлежит только женщине. Законодательство Болгарии также предоставляет исключительное право женщине завершить процедуру ЭКО в случае расторжения брака с супругом или смерти последнего при условии отсутствия прямого возражения от мужчины-донора. В Испании право мужчины отозвать согласие обусловлено заключением брака и фактическим проживанием с женщиной. В Исландии установлен максимальный срок хранения

эмбрионов, если пара расторгает брак до его окончания, эмбрионы подлежат уничтожению [20, п. 41, 42].

В США суды при решении споров о распоряжении эмбрионами также исходят из того, что сторона, которая против рождения ребенка, имеет преимущество. Так, в деле «A.Z. против B.Z.» (A.Z. v. B.Z.), (2000, 431 Mass. 150; 725 N.E. 2d 1051) жена после развода решила продолжить процедуру ЭКО, несмотря на возражения мужа. Бывшая жена ссылаясь на соглашение, по которому эмбрионы в случае развода передавались ей. В другом деле – «J.B. против M.B.» [J.B. v. M.B., 2001 WL 909294], который рассматривал Верховный суд штата Нью-Джерси, уничтожения эмбрионов требовала жена, в то время как муж просил их сохранить для использования с будущей женой. В обоих делах имело место соглашение между бывшими супругами о принадлежности эмбрионов. Однако несмотря на наличие договора суды по обоим делам пришли к выводу о недопустимости принудительного деторождения и необходимости «свободы выбора в вопросах брака и семьи» [20, п. 46].

В Израиле, напротив, предпочтение отдано защите прав и интересов женщины, у которой нет иного способа стать матерью, как имплантировать эмбрионы. В деле «Нахмани против Нахмани» (Nachmani v. Nachmani) (50(4) P.D. 661 (Isr)) суд пришел к выводу, что после оплодотворения яйцеклетки мужчина не вправе отозвать свое согласие иметь детей, не имеет значение, каким образом осуществляется оплодотворение – in vitro или in vivo [20, п. 49].

В деле «Эванс против Соединенного Королевства» Европейскому суду по правам человека также нужно было разрешить конфликт двух частных лиц с противоположными интересами. С одной стороны, принуждение бывшего партнера стать отцом, с другой – лишение заявительницы Эванс возможности стать генетическим родителем.

Большая Палата Европейского Суда, испытывая сочувствие к заявительнице, для которой сохранение и перенос эмбрионов был единственным шансом стать родителем генетически родного ребенка, тем не менее пришла к выводу: «праву заявительницы на уважение ее решения стать родителем в генетическом смысле не должен быть придан больший вес, чем праву J. на уважение его решения не иметь от нее генетически связанного с ним ребенка» [20, п. 90].

Споры, связанные с распоряжением эмбрионами, поднимают вопрос о его правовой природе. Чем является эмбрион с точки зрения права: субъектом или объектом?

Сторонники признания эмбриона субъектом права (А.А. Малышева [13], Е.В. Перевозчикова, Е.А. Панкратова [16], Н.Н. Федосеева, Е.А. Фролова [17]) утверждают, что эмбрион – зародыш человеческой жизни, и потому его право на жизнь должно защищаться до момента рождения. В качестве обоснования приводятся наследственные права детей, зачатых, но не родившихся на дату смерти наследодателя. Также

делаются отсылки к преамбуле Декларации прав ребенка: «Ребенок, ввиду его физической и умственной незрелости, нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту как до, так и после рождения».

Однако действующее российское законодательство не признает эмбрион субъектом права. Об отсутствии правосубъектности эмбриона можно сделать вывод из содержания ст. 17 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) [1], согласно которой правоспособность – способность иметь гражданские права и нести обязанности – возникает в момент рождения гражданина.

Безусловно, понимание того, что эмбрион – это зародыш, который может развиваться в человека, затрагивает моральную и этическую сторону искусственных методов репродукции. Между тем, если посмотреть на причины криоконсервации эмбрионов, то они связаны исключительно с медицинской возможностью в будущем провести успешный перенос эмбриона в тело женщины.

Процедура экстракорпорального оплодотворения требует от женщины проведения серии гормональных инъекций для стимуляции производства зрелых ооцитов (яйцеклеток). Лекарство заставляет яичники выделять несколько яйцеклеток во время менструального цикла, а не одну яйцеклетку, которая обычно производится. Яйцеклетки извлекаются из организма женщины и исследуются врачом, который оценивает их качество для оплодотворения. Яйцеклетки, готовые к осеменению, затем объединяют с образцом спермы и дают инкубироваться в течение примерно двенадцати-восемнадцати часов. Успешное оплодотворение приводит к образованию зиготы, которая развивается в преэмбрион из четырех-восьми клеток. На этой стадии преэмбрионы либо возвращаются в матку женщины для имплантации, либо криоконсервируются при температуре -196°C и хранятся для возможного использования в будущем.

Ограниченное количество преэмбрионов имплантируется за один раз, чтобы снизить риск многоплодной беременности. Криоконсервация неиспользованных преэмбрионов снижает и, возможно, устраняет необходимость в дальнейшей стимуляции яичников и заборе яйцеклеток, тем самым снижая медицинские риски и затраты, связанные как с гормональной схемой, так и с хирургическим удалением яйцеклеток из организма женщины. Криоконсервация также позволяет ввести преэмбрионы в матку в оптимальное время естественного цикла для беременности. Яйцеклетки должны быть оплодотворены перед прохождением криоконсервации, потому что неоплодотворенные клетки трудно сохранить, а после консервации их трудно оплодотворить.

Таким образом, криоконсервация эмбрионов связана исключительно с особенностями медицинской процедуры, сохранением здоровья женщины и повышением шансов на развитие беременности.

Создание нескольких эмбрионов изначально не предполагает, что все они смогут развиваться в человека.

Если эмбрион не субъект, то значит ли это, что он объект права? Если да, то какой? Один из тех объектов, что перечислены в ст. 128 ГК РФ, или совершенно новый объект права?

В российской науке широко распространилась позиция Ю.А. Дружининой, что эмбрион – это индивидуально-определенная, движимая, неделимая, потребляемая вещь [7, с. 134]. Свою позицию автор обосновывает наличием у пациентов права собственности на гаметы на момент создания эмбриона. Эмбрион *in vitro* по своей правовой природе является созданием нового объекта из материалов заказчика. Близкую позицию также занимает В.В. Момотов, указывая, что «эмбрион может быть квалифицирован как особый вид имущества, с которым неразрывно связаны неимущественные права родителей» [15, с. 47].

Данная позиция была воспринята и судебной практикой. Верховный Суд Республики Хакасия в апелляционном определении от 11.06.2024 г. по делу № 33-1363/2024 определяет эмбрион *in vitro* как объект гражданских прав, обладающий признаками индивидуально-определенной, движимой, неделимой и потребляемой вещи, хоть и с определенной спецификой.

Между тем отнесение эмбриона к вещам является очень спорным. Вещь – это материальный объект, имеющий экономическую стоимость [5, с. 337]. А если эмбрион вещь, то значит он может быть предметом вещных прав. Такой подход вызывает много вопросов. Если на эмбрион возникает право собственности, значит ли это, что эмбрион находится в общей собственности партнеров, чьи гаметы использовались для его создания? Если эмбрион находится в общей собственности, то может ли партнер продать свою долю в праве на эмбрион? Как оценивать стоимость доли в праве на эмбрион?

Европейский Суд по правам человека в деле «Паррилло (Parrillo) против Италии» (жалоба № 46470/11) указал, что эмбрион не может рассматриваться в качестве «имущества», несмотря на то что по смыслу ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод «имущество» имеет автономное и достаточно широкое значение, которое не ограничивается владением материальными объектами и включает также имущественные права, а значит, и в качестве «имущества» для целей применения этой статьи могут также рассматриваться некоторые другие права и интересы имущественного характера [19, п. 211–216]. В силу экономической и имущественной направленности содержания ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции человеческие эмбрионы нельзя приравнять к имуществу.

Рассматривая правовую природу эмбриона *in vitro* Д.А. Белова, основываясь на приведенном решении Европейского суда по делу «Паррилло (Parrillo) против Италии», приходит к выводу о

невозможности отнесения эмбриона к категории вещей, а также к более широкой категории имущества ввиду отсутствия стоимостного эквивалента и недопустимости ценовой оценки эмбриона, поскольку иное противоречит основам нравственности [4, с. 126]. Автор предлагает рассматривать эмбрион как «*sui generis* с определением его в качестве самостоятельного объекта гражданских прав с особым правовым режимом».

Критикуя подход к эмбриону как к объекту права собственности, М.Э. Шодонова, С.В. Лозовская, Е.Ц. Дугарон отмечают, что ценностью обладает не сам по себе эмбрион, а связанная с ним возможность, которая носит неимущественный характер. В связи с этим авторы предлагают рассматривать криоконсервацию и донорство эмбрионов как часть процесса по оказанию медицинской услуги по лечению бесплодия [18].

Развивая данный подход, следует отметить, что эмбрион – это результат реализации личного неимущественного права – права стать родителем, права продолжить свой род. Результатом реализации этих прав является появление эмбриона. И исключительное право на эмбрион *in vitro* принадлежит мужчине и женщине, которые предоставили свой материал для создания эмбриона.

Абсолютность права и принадлежность его только потенциальным отцу и матери означает, что только они могут распоряжаться эмбрионом, и такое распоряжение возможно только по взаимному согласию. В случае отсутствия согласия эмбрион должен быть передан медицинской организации для уничтожения [3, п. 18, 64]. Поэтому целесообразно в согласии на криоконсервацию предусмотреть максимальный срок хранения эмбрионов, по истечении которого в случае, если между партнерами не будет достигнуто согласие о судьбе эмбрионов, они подлежат уничтожению. Это связано прежде всего с тем, что появление ребенка порождает обязанности родителей по отношению к этому ребенку, в том числе влечет материальные затраты на воспитание. Нельзя насильно, против воли возложить как обязанность материнства, так и обязанность отцовства. Как отмечает Л.Ю. Михеева, решение о создании новой жизни должен иметь право принять любой из генетических родителей: как женщина, так и мужчина [14, с. 25].

Право стать родителем – личное неимущественное право. В свою очередь личные неимущественные права в силу своей неотъемлемости от личности, не могут отчуждаться, а значит невозможна динамика субъектного состава в личных неимущественных отношениях [9, с. 86]. Реализация личного неимущественного права не может приводить к созданию обязанностей у третьих лиц. Поэтому реализация права стать родителем не может создавать родительские обязанности у лица, которое не высказало намерения им становиться.

Позиция о невозможности отозвать данное согласие на создание и перенос эмбриона как возможность сохранить эмбриону жизнь и защитить чувства матери [12] не соответствует праву на уважение частной и семейной жизни, приводит к дискриминации, фактически посягает на личность как ценность. Вопросы материнства и отцовства должны решаться из принципа равенства супругов, как того требует ст. 31 Семейного кодекса РФ, без перекося в сторону принуждения мужчины к нежелательному отцовству [2; 8, с. 31]. Право «передумать» иметь совместных детей должно принадлежать как женщине, так и мужчине. Следовательно, и распоряжение замороженными эмбрионами должно осуществляться по взаимному согласию.

Отечественная судебная практика идет именно по этому пути. В одном из дел медицинская организация отказалась провести ЭКО женщине в отсутствие согласия ее бывшего мужа, несмотря на то что по условиям информированного согласия в случае расторжения брака права на распоряжение эмбрионом полностью переходят к жене. Женщина оспорила отказ произвести ей ЭКО. Суды первой и апелляционной инстанций поддержали медицинскую организацию, указав что использование донорского биологического материала в лечении с использованием вспомогательных репродуктивных технологий допускается только при наличии информированного добровольного личного согласия на его применение как супруги, так и супруга [21].

К аналогичному выводу пришел и Ростовский областной суд при рассмотрении требования женщины обязать медицинскую организацию имплантировать эмбрион в отсутствие согласия партнера-мужчины, чей материал использовался для оплодотворения яйцеклетки истицы [23]. Суд отметил, что при реализации на основе обоюдного согласия мужчины и женщины их права на применение вспомогательных репродуктивных технологий, женщина не может воспользоваться правом на применение метода искусственного оплодотворения, в том числе на имплантацию эмбриона, без письменного согласия на то мужчины, который не лишен, в том числе, права на отзыв ранее данного согласия вплоть до имплантации эмбриона.

Реализация права на родительство приводит к появлению эмбриона. Эмбрион как сгусток клеток представляет собой материальный объект, но из него может развиваться жизнь, которая приведет к появлению нового субъекта. Поскольку эмбрион представляет зародыш жизни, его следует рассматривать как нематериальное благо, права на которые принадлежат будущим родителям.

Исключительное право на эмбрион принадлежит обоим потенциальным супругам до момента переноса эмбриона в тело женщины. После мужчина это право теряет, поскольку перенос эмбриона и развитие беременности является результатом реализации мужчиной своего права стать родителем. После внедрения эмбриона он

становится частью организма женщины, и, как в случае естественного оплодотворения, право распоряжения эмбрионом или плодом остается только у женщины, поскольку в дальнейшем развитие беременности и сами роды связаны со здоровьем и жизнью только женщины. Именно с целью охраны здоровья женщины ей предоставлено право на редукцию (уничтожение) эмбрионов в случае наступления многоплодной беременности для профилактики осложнений во время беременности и родов [3, п. 19]. Поэтому согласие на редукцию дает именно женщина, согласие от мужчины, чей генетический материал использован для создания эмбриона, не требуется.

Нематериальные блага неотчуждаемы от лица, не могут использоваться другими гражданами. В силу этого личные неимущественные права и нематериальные блага не могут передаваться по наследству. Эмбрионы не могут включаться в наследственную массу (ст. 1112 ГК РФ).

Нематериальность правовой природы эмбриона находит подтверждение и в судебной практике. Так, Верховный суд Республики Хакасия отказал включить в наследственную массу эмбрионы. Суд отметил отсутствие экономической составляющей в человеческом эмбрионе, в отличие от вещей. Единственными вариантами распоряжения эмбрионом лицом, которому он принадлежит, будут либо использование для себя (с сохранением или прекращением прав), либо отказ от прав (путем передачи прав на эмбрион третьим лицам или прекращения прав путем уничтожения) [22], следовательно в наследство эмбрионы не включаются.

В решении Одинцовского городского суда Московской области от 21.11.2022 г. по делу № 2-12139/2022 суд отказал супруге в признании за ней права на единоличное распоряжение судьбой криоконсервированных эмбрионов, оставшихся после смерти супруга, несмотря на соответствующее указание в информированном добровольном согласии. Суд в решении отметил, что эмбрионы не входят в наследство и право на них не переходят к другим лицам ни в порядке универсального, ни в порядке сингулярного правопреемства. Использование эмбриона должно осуществляться по взаимному согласию правообладателей. При этом суд не посчитал такое согласие в данном случае достигнутым.

Признание эмбриона нематериальным благом, полученным в результате реализации права на родительство, а также необходимость получения согласия обоих родителей на перенос эмбриона в тело женщины, не приводит к возникновению родительских прав и обязанностей в отношении ребенка у лица, не давшего согласие на перенос. Как следствие, не приводит к возникновению наследственных прав детей, которые могут появиться намного позже смерти своих родителей, чьи гаметы использовались для создания эмбриона. Признание прав наследования без согласия одного из родителей на

имплантацию эмбриона приведет к тому, что круг наследников может сильно расшириться, и наследники, вступившее в наследство, будут находиться длительное время в неопределенном состоянии в ожидании появления других наследников.

Шестой кассационный суд отказал в признании отцовства в отношении ребенка, который был зачат и родился после смерти мужчины, несмотря на то что родители состояли в фактических брачных отношениях, вели общее хозяйство, планировали рождение ребенка. Разрешая спор, суд пришел к выводу, что мужчина после смерти являлся лишь донором генетического материала, обязательств по участию в воспитании и содержании детей на себя не принимал, не состоял в браке, в связи с чем у мужчины не возникли родительские права и обязанности в отношении родившегося у его сожительницы ребенка [24]. Таким образом, согласие требуется не только для предоставления генетического материала для оплодотворения, но также требуется согласие и на распоряжение полученным эмбрионом. Иное приведет к понуждению стать родителем, приобрести родительские права и обязанности.

Подводя итог, можно сделать вывод, что эмбрион является нематериальным благом, поскольку создается в результате реализации права на родительство с использованием современных репродуктивных технологий. По этой причине лицам, чьи гаметы использовались для его создания, принадлежат равные абсолютные права на эмбрион, а значит распоряжаться эмбрионом они могут только по взаимному согласию. Как нематериальное благо, эмбрион не может быть включен в наследственную массу. В случае переноса эмбриона и рождения ребенка в отсутствие согласия одного из родителей, у последнего принудительно не возникают родительские права и обязанности в отношении ребенка.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.10.2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Приказ Министерства здравоохранения РФ от 31.07.2020 г. № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» (Зарегистрировано в Минюсте России 19.10.2020 г. № 60457) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Белова Д.А. Правовая природа эмбриона *in vitro* // Lex Russica. 2019. № 6 (151) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-priroda-embriona-in-vitro> (дата обращения: 20.10.2024).
5. Гражданское право: учебник: в 4 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., перераб и доп. М.: Статут, 2019. Т. 1. 576 с.
6. Доля рожденных от ЭКО в РФ в 2023 году составила 2,4% от всех родов [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/22013901> (дата обращения: 22.10.2024).

7. Дружинина Ю.А. Правовой режим эмбриона in vitro // Журнал Российского права. 2017. № 2. С. 129–141.

8. Ильина О.Ю. Права отцов: де-юре и де-факто // Проблема гармонизации частных и публичных интересов в семейном праве Российской Федерации. Науч. Школа докт. Юрид. наук, проф О.Ю. Ильиной: монография. М: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2015. 431 с.

9. Карнушин В.Е. Секундарные права в гражданском праве Российской Федерации: общие вопросы теории, секундарные права в Гражданском кодексе РФ / под ред. В.П. Камышанского. М.: Статут, 2016. 256 с.

10. Киселева А.В. В России растет число проведенных циклов ЭКО // Ведомости. 2024. 17 января [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2024/01/17/1015383-v-rossii-rastet-chislo-provedennih-tsiklov-eko> (дата обращения: 22.10.2024).

11. Красс В.И. Личностные («соматические») права человека в конституционном и философско-правовом измерении: к постановке проблемы // Государство и право. 2000. № 10. С. 43–50.

12. Останина Е.А. Право на свое тело: распоряжения в отношении органов, тканей, клеток и эмбрионов с позиций гражданского права // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 8 // СПС «КонсультантПлюс».

13. Малышева А.А. Право на жизнь: особенности правовой защиты эмбрионов // Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека. 2017. № 3. С. 168–179.

14. Михеева Л.Ю. Проблемы правового регулирования вспомогательных репродуктивных технологий на современном этапе // Вестник Уральской медицинской академической науки. 2013. № 3. С. 24–25.

15. Момотов В.В. Биоэтика в контексте законодательства и правоприменения (вспомогательные репродуктивные технологии) // Российское правосудие. 2018. № 12. С. 42–52.

16. Панкратова Е.А., Перевозчикова Е.В. Конституционное право на жизнь и правовой статус эмбриона человека // Медицинское право. 2006. № 2. С. 16–23.

17. Федосеева Н. Н., Фролова Е. А. Проблема определения правового статуса эмбриона в международном и российском праве // Медицинское право. 2008. № 1. С. 36–39.

18. Шодонова М.Э., Лозовская С.В., Дугарон Е. Ц. Эмбрион человека как объект имущественных отношений // Семейное и жилищное право. 2019. № 6. С. 29–32.

19. Постановления Европейского Суда по правам человека от 27.08.2015 г. по делу «Паррилло (Parrillo) против Италии» (жалоба № 46470/11) [Электронный ресурс]. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/?i=001-157263> (дата обращения: 16.10.2024).

20. Постановления Европейского Суда по правам человека от 10.04.2007 г. по делу «Эванс (Evans) против Соединенного Королевства» (жалоба № 6339/05) (Большая Палата) [Электронный ресурс]. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/?i=001-80046> (дата обращения: 16.10.2024).

21. Апелляционное определение СК по гражданским делам Московского областного суда от 10.07.2024 г. по делу № 33-24667/2024 // СПС «Гарант».

22. Апелляционное определение СК по гражданским делам Верховного Суда Республики Хакасия от 11.06.2024 г. по делу № 33-1363/2024 // СПС «Гарант».

23. Апелляционное определение СК по гражданским делам Ростовского областного суда от 27.04.2022 г. по делу № 33-7002/2022 // СПС «Гарант».

24. Определение СК по гражданским делам Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 25.10.2022 г. по делу № 8Г-20879/2022[88-22341/2022] // СПС «Гарант».

Об авторе:

КАРПЕНЮК Ольга Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Брянский филиал (241050, г. Брянск, ул. Дуки, д. 61), SPIN-код: 6136-5900, AuthorID: 1140683, e-mail: os.karpenyuk@gmail.com)

In vitro embryo as intangible benefit of future parents

O.S. Karpenyuk

The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Bryansk

The development of modern reproductive technologies has led to the fact that such an intangible benefit as life became necessary not only for protection, but also in legal regulation of the very moment of its birth. The study assesses human embryo as an intangible benefit by studying and comparing legal doctrine, judgements of national and international courts. The study showed that the embryo is created by the exercise of a personal non-economic right of paternity, an exclusive right of the man and woman whose biological material was used to create the embryo. The disposal of the embryo is possible only by mutual consent before the embryo is transferred into the woman's body. The legal nature of the embryo is important for the protection of the rights and interests of both men and women, especially when one partner has changed his or her mind about having joint children, or when one or both partners have died.

Keywords: *embryo in vitro, personal rights, parenting, use of embryo, non-economic benefit, inheritance of the pre-implantation embryo.*

About author:

KARPENYUK Olga – PhD in Law, associate professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Bryansk branch (241050, Bryansk, Duki st., 61), SPIN-код: 6136-5900, AuthorID: 1140683, e-mail: os.karpenyuk@gmail.com

Карпенюк О.С. Эмбрион in vitro как нематериальное благо будущих родителей // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 1 (81). С. 83–93.

Статья поступила в редакцию 15.11.2024 г.
Подписана в печать 12.03.2025 г.

О компенсации морального вреда в связи с утратой родственных связей с матерью

Е.В. Козырева

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» г. Тверь

Статья посвящена компенсации морального вреда в связи с утратой родственных связей с матерью. В ней автор анализирует имеющуюся судебную практику, связанную с претерпеванием нравственных страданий, и представляет систему критериев указанного вреда, которые учитываются судом при вынесении решения по конкретному делу. Особое внимание уделяется «заслуживающим внимания обстоятельствам» (ст. 151 ГК РФ). Методами исследования являются: формальная логика, сравнительный анализ правовых категорий, синтез (обобщение), комплексность и системный подход.

Ключевые слова: *компенсация морального вреда, утрата родственных связей с матерью, критерии определения размера компенсации морального вреда, «заслуживающие внимания обстоятельства».*

Вопросы компенсации морального вреда в связи с утратой родственных связей с матерью являются актуальными, и это вполне объяснимо, поскольку они недостаточно изучены в науке [5–7, 9], а наличие проблем требует их разрешения.

Как показал анализ судебной практики, суды испытывают трудности при определении размера компенсации морального вреда в связи с утратой родственных связей, в частности, с матерью, и порой не всегда учитываются критерии, сформулированные законом: не все обстоятельства дела выясняются, свидетельствующие о причинении членам семьи как физических так и нравственных страданий, что приводит к произвольному размеру либо взысканию символических сумм указанного вреда [8].

В настоящее время наметилась устойчивая тенденция по увеличению количества исков по данной категории дел в связи с утратой родственных связей, что также предопределяет необходимость в исследовании. Отметим, что такая утраченная связь с матерью является невосполнимой потерей для человека на всю оставшуюся жизнь. И как бы физические и нравственные страдания ни притуплялись с годами, последствия ее утраты всегда будут стоять во главе угла, что непременно отразится на качестве жизни человека и ее комфортности, а ведь человек является высшей ценностью (ст. 2 Конституции РФ) [1].

Обратимся к ст. 151 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), в которой сформулировано понятие морального вреда. В соответствии со

ст. 151 ГК РФ: «Если гражданину причинен моральный вред (физические или нравственные страдания) действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину другие нематериальные блага, а также в других случаях, предусмотренных законом, суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда» [2]. Указанный вред компенсируется при нарушении нематериальных благ, личных неимущественных и имущественных прав (ст. 151 ГК РФ, ст. 1099 ГК РФ). К личным неимущественным правам относят в числе других и право на уважение родственных и семейных связей (п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» от 15.11.2022 г. № 33) [10].

В абз. 3 п. 32 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинение вреда жизни или здоровью гражданина» указывается о круге лиц, имеющих право на компенсацию морального вреда в связи со смертью потерпевшего (члены семьи, иждивенцы) и сформулировано, что «наличие факта родственных отношений само по себе не является достаточным основанием для компенсации морального вреда» [11]. Представляется важным такое разъяснение о необходимости установления обстоятельств, свидетельствующих о том, что «лица обратившееся за компенсацией морального вреда, действительно испытывают физические и нравственные страдания в связи со смертью потерпевшего, что предполагает в том числе выяснение характера отношений (семейные, родственные, близкие, доверительные), сложившихся между погибшим и этими лицами, утрата которых привела бы их к нравственным и физическим страданиям, имело ли место совместное проживание с погибшим и ведение с ним общего хозяйства до наступления смерти последнего, обращение за медицинской и психологической помощью в медицинские органы вследствие причиненных им физических и нравственных страданий (морального вреда)» [12].

Право на компенсацию морального вреда в связи с утратой родственных связей с матерью возникает при наличии следующих условий: претерпевания физических и или нравственных страданий потерпевшим или потерпевшими; неправомерных действий (бездействия) причинителя вреда; причинной связи между неправомерными действиями (бездействиями) и моральным вредом; вины причинителя вреда (ст. 151, 1064, 1099 и 1100 ГК РФ) [2, 3].

Особого внимания среди названных условий заслуживает такое условие как претерпевание нравственных страданий. Заметим, что нравственные страдания в исках о компенсации морального вреда всегда будут присутствовать при утрате родственных связей с матерью, в

отличие от физических страданий, которые также являются составляющими понятия морального вреда и могут отсутствовать в наличии. Под нравственными страданиями следует понимать: «страдания, относящиеся к душевному неблагополучию (нарушению душевного спокойствия) человека (чувства страха, унижения, беспомощности, стыда, разочарования, осознание своей неполноценности из-за наличия ограничений, обусловленных причинением увечья, переживания в связи с утратой родственников)» [10].

Так, истец, действующий от своего имени и в интересах несовершеннолетней дочери, обратился в суд с иском к бюджетному учреждению «Больница скорой медицинской помощи» о компенсации морального вреда. В обосновании исковых требований истец указал, что «гибель матери и супруги является необратимым обстоятельством, нарушающим психическое благополучие, а также право на родственные и семейные связи. Утрата матери для ребенка является тяжелейшим событием и невозполнимой потерей в жизни, влечет состояние стресса и эмоционального расстройства, препятствующие нормальной жизнедеятельности». Справедливости ради отметим, что судом при определении размера компенсации морального вреда были «учтены фактические обстоятельства дела, среди которых дефекты оказания медицинской помощи, а также «характер и степень нравственных страданий истцов от потери близкого человека, в том числе несовершеннолетнего ребенка, лишенного необходимого физического контакта с матерью, вынужденного в последующем расти и воспитываться в неполной семье в отсутствии материнской заботы и любви..» [14].

Приведем и другой наглядный пример из судебной практики, раскрывающий нравственные страдания в связи с утратой родственных связей с матерью. Так, истец, дочь погибшей, обратилась в суд с иском к Управлению вневедомственной охраны, отделу Министерства внутренних дел РФ о компенсации морального вреда, причиненного в результате дорожно-транспортного происшествия, в связи с утратой родственных связей с матерью. Представляется правильной мотивация суда об отклонении доводов ответчика и третьего лица на том основании, что наличие личных неприязненных отношений между истицей и ее матерью, а также отсутствие доказательств претерпевания нравственных страданий не может явиться основанием для отказа в удовлетворении исковых требований о компенсации морального вреда, поскольку сам «факт смерти матери свидетельствует о причинении указанных страданий, невозполнимой утрате родного человека. Ссылки на конфликтные отношения между матерью и дочерью не свидетельствует о личной неприязни или тем более разрыве родственной связи...» [13].

Анализ судебной практики позволил отметить, что с исками о компенсации морального вреда в связи с утратой родственных связей с

матерью, как правило, обращаются истцы в тех случаях, когда причиняется вред в результате ненадлежащего оказания медицинских услуг либо при причинении вреда деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих.

С учетом изложенного представляется, что все критерии компенсации морального вреда, которые легально сформулированы в гражданском законодательстве следует учитывать и в случаях утраты родственных связей с матерью. К ним следует отнести: степень вины нарушителя; характер и степень физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями лица, которому причинен вред; требования разумности и справедливости, а также иные заслуживающие внимания обстоятельства (ст. 151 ГК РФ, 1101 ГК РФ).

Особое значение приобретает такой критерий определения размера компенсации морального вреда, как «заслуживающие внимания обстоятельства», который впервые был уточнен в вышеназванном постановлении Пленума Верховного Суда РФ [10], но явно недостаточно раскрыт применительно к утрате родственных связей с матерью. Так, к заслуживающим внимание обстоятельствам, применительно к рассматриваемому вопросу, следует отнести: «характер родственных связей между потерпевшим и истцом, длительность неблагоприятного воздействия».

Итак, с учетом действующего законодательства и судебной практики все критерии определения размера компенсации морального вреда в связи с утратой родственных связей с матерью можно объединить в две группы.

В первую группу входят общие критерии, которые легально сформулированы в законе в ст. 151, 1101 ГК РФ.

Во вторую группу следует отнести те критерии определения размера компенсации морального вреда, которые сложились исходя из анализа судебной практики и раскрывают «заслуживающие внимания обстоятельства»:

- характер отношений с матерью (семейные, родственные, близкие, доверительные);
- степень близости матери с потерпевшим (истцом, истцами);
- совместное проживание и ведение общего хозяйства с матерью либо раздельное проживание с ней;
- способы общения матери и потерпевшего (регулярность и продолжительность встреч, иные способы общения (письма, телефон);
- обращение потерпевшего (истца) за медицинской и психологической помощью;
- утрата возможности ведения прежнего образа жизни;
- стойкое неблагоприятное воздействие страданий потерпевшего в виду утраты связи с матерью;

- лишение поддержки со стороны матери, ее заботы, помощи и ухода (если он был);
- характер наступивших последствий для члена семьи в связи с причинением вреда потерпевшему (истцу, истцам);
- характер получения информации о смерти (был ли очевидцем);
- семейное положение потерпевшего (истца);
- имущественное положение потерпевшего (истца).

Представляется, что учет данных критериев и, в особенности, раскрывающих «заслуживающие внимания обстоятельства», имеет важное значение как для науки, так и для практики, поскольку позволяет суду объективно установить в действительности тех лиц, которые по праву могли претерпевать главным образом нравственные страдания в связи с утратой родственных связей с матерью, а также оценить их значимость для потерпевшего с тем, чтобы вынести законное и обоснованное решение по существу дела. Ведь компенсация морального вреда в российском законодательстве в сравнении с зарубежным определяется однократно [4].

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022 г.) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.09.2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Гражданское и торговое право зарубежных государств / отв. ред. Е.А. Васильева и С.А. Комарова. М.: Международные отношения, 2006. Т. 2. 640 с.
5. Малеина М. Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. Монография. М. : МЗ Пресс, 2000. 244 с.
6. Малеина М.Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. Монография. М., 2000. С. 19-21;
7. Малеина М.Н. Система критериев определения компенсации неимущественного вреда как способа защиты гражданских, семейных и трудовых прав граждан // Журнал российского права. 2015. № 5. С. 59–73.
8. Методические рекомендации по определению компенсации морального вреда при посягательствах на жизнь, здоровье и физическую неприкосновенность человека. М.: Статут, 2023. 82 с.
9. Пушкина Т.Н. Критерии определения размера компенсации морального вреда как основная проблема гражданско-правового института морального вреда // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. 2013. Вып. 1. С. 170–175.
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» // СПС КонсультантПлюс.

11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» // СПС «КонсультантПлюс».

12. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 10.07.2017 г. № 24-КГ17-15 // СПС «КонсультантПлюс».

13. Определение судебной коллегии по гражданским делам Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 25.04.2023 г. № 88-8499/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

14. Определение судебной коллегии по гражданским делам Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 04.10.2022 г. по делу № 8Г-17985/2022/88-18725/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

Об авторе:

КОЗЫРЕВА Елена Владимировна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Тверского государственного университета» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), ORCID: 0000-0002-3103-6386, SPIN-код: 4580-8101, e-mail: Kozyreva.EV@tversu.ru

On compensation for moral damage in connection with the loss of family ties with the mother

E.V. Kozyreva

Tver State University, Tver

The article is devoted to compensation for moral damage in connection with the loss of family ties with the mother. In it, the author analyzes the existing judicial practice related to the suffering of moral suffering, and presents a system of criteria for the specified harm, which are taken into account by the court when making a decision on a specific case. Special attention is paid to "circumstances that deserve attention" (Article 151 of the Civil Code of the Russian Federation). The research methods are formal logic, comparative analysis of legal categories, synthesis (generalization), complexity and a systematic approach.

Keywords: *compensation for moral damage, loss of family ties with the mother, criteria for determining the amount of compensation for moral damage, "noteworthy circumstances".*

About author:

KOZYREVA Elena – PhD in Law, associate Professor of the Department of Civil Law of the Tver State University (33 Zhelyabova Str., Tver, 170100), ORCID: 0000-0002-3103-6386, SPIN-code: 4580-8101, e-mail: Kozyreva EV@tversu.ru

Козырева Е.В. О компенсации морального вреда в связи с утратой родственных связей с матерью // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 1 (81). С. 94–99.

Статья поступила в редакцию 25.01.2025 г.
Подписана в печать 12.03.2025 г.

Обеспечение интересов ребенка при нотариальном удостоверении семейно-правовых соглашений

Д.А. Кокова

ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет
им. Х.М. Бербекова», г. Нальчик

В статье идет речь о существующих пробелах в регулировании нотариальной процедуры удостоверения семейных соглашений в контексте обеспечения интересов ребенка. Автор акцентирует внимание на вопросах защиты прав и интересов несовершеннолетнего в нотариальной практике, апеллируя к совершению таких нотариальных действий, как удостоверение семейно-правовых соглашений. При этом отмечается ряд проблем, исследование которых позволяет автору утверждать о необходимости совершения нотариусом дополнительных действий, не предусмотренных законодательством. Так, в статье предлагается возможный механизм применения норм действующего законодательства об обязательном учете мнения ребенка в возрасте старше 10 лет при решении в семье любого вопроса, затрагивающего его интересы; говорится о соответствии размера алиментов, выплачиваемых на содержание ребенка по соглашению, о размере, предусмотренном семейным законодательством, и др.

Ключевые слова: семья, нотариус, нотариальное удостоверение, супруги, родители, дети, интересы детей, принцип законности, гарантии прав несовершеннолетних, алименты, место жительства ребенка.

Все более возрастающий интерес к регулированию семейных отношений, к всесторонней поддержке семьи, а также публичное признание семьи основным институтом общества в очередной раз подтверждают актуальность исследований, посвященных изучению семейных правоотношений.

Сегодня всем становится очевидна та важнейшая функция, которую несет семья как в контексте стабилизации общественных отношений в целом, так и в контексте обеспечения прав и интересов граждан в пределах отдельно взятой семьи, представляющей собой комплекс соответствующих семейных правоотношений. Бесспорен особенный характер семейных правоотношений: каждый субъект этих отношений в течение жизни проявляет себя в том или ином статусе, зачастую одновременно обладая соответствующими правами и обязанностями. В свою очередь, это предполагает учет статуса лица в рамках того или иного семейного правоотношения при совершении юридически значимых действий органами публичной власти, в том числе и нотариусами.

Придание некоего стратегического социального значения семейным отношениям обусловлено в числе прочего часто возникающими в

последнее время конфликтами в данной сфере, особенно когда речь идет о разрешении разногласий и споров между родителями по поводу воспитания детей, а также обеспечения их интересов.

Именно в сфере семейных отношений государство как носитель публичной власти формирует и регламентирует социальные связи, которые впоследствии становятся основанием и сутью семейных правоотношений.

Заметим, что государство непосредственно не принимает участия в данных отношениях, поскольку не является их субъектом, но одновременно сохраняет свой публичный интерес, проявляющийся и во всестороннем формировании семейной политики (Указ Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [8], Указ Президента Российской Федерации от 09.10.2007 г. № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года», Национальная стратегия в интересах детей, Распоряжение Правительства РФ от 25.08.2014 г. № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года», Указ Президента Российской Федерации от 22.11.2023 г. № 875 «О проведении в РФ Года Семьи»), и в закреплении основополагающих положений семейно-правового характера (ст. 38 Конституции РФ) [2].

В то же время нельзя отрицать, что органы опеки и попечительства, специальные организации, осуществляющие полномочия по защите прав и интересов детей, не будучи субъектами семейных отношений, безусловно, обладают рядом полномочий, позволяющих им вмешиваться непосредственно в семейные отношения. Так, органы опеки и попечительства разрешают в соответствии с законом разногласия между родителями, они обязаны назначить представителя, если будет установлено наличие противоречия между интересами родителей и интересами детей (ст. 64 Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ)), названные субъекты могут инициировать ограничение родительских прав (ст. 73 СК РФ) и т. д.

В связи с этим полагаем необходимым обратить внимание на нотариат, который представляет собой институт, позволяющий придать публично-правовой характер форм выражения частных интересов членов семьи. Как известно, для совершения достаточно многих нотариальных действий предполагается не только установление семейно-правового статуса лица, но и соблюдение нотариусом положений семейного, гражданского и иного отраслевого законодательства. Особый характер нотариальной деятельности проявляется в том, что нотариус одновременно и осуществляет публичную функцию, действуя от имени государства, и обеспечивает гарантии охраны прав и интересов обратившегося к нотариусу гражданина.

В тех случаях, когда совершение нотариального действия сопряжено с обеспечением прав и интересов несовершеннолетних, роль нотариуса

возрастает еще больше. Нельзя не согласиться с И.М. Леженниковой с тем, что «нотариус, совершая нотариальные действия, направленные на защиту законных прав и интересов ребенка, действует от имени государства, а не как частное лицо или представитель какого-либо государственного органа или учреждения» [10].

Необходимость соблюдения нотариальной формы большей части сделок, совершаемых членами семьи (ст. 41, 100, 38 СК РФ, ст. 20 ФЗ от 15.08.1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию», Федеральный закон от 13.07.2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» [5, 7]) подтверждает как понимание особой роли нотариальной процедуры и силы нотариального акта, так и крайнюю необходимость придания особого правового значения оформлению семейных правоотношений.

В соответствии со ст. 163 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) нотариальное удостоверение сделки означает проверку ее законности, что предполагает неукоснительное соблюдение, во-первых, Основ законодательства о нотариате и, во-вторых, тех положений действующего законодательства, которые определяют специфику регулирования соответствующих семейных отношений, в том числе особенности соглашения, предложенного членами семьи для нотариального удостоверения.

Как уже упоминалось, нотариальная практика свидетельствует о достаточно большом числе семейно-правовых соглашений различных видов, которые либо в соответствии с прямым предписанием законодателя подлежат нотариальному удостоверению, либо такая форма придается договоренности членов семьи по их желанию.

Нотариус должен проводить в каждом случае правовую экспертизу, в первую очередь, на предмет неукоснительного соблюдения законности. В том случае, когда предлагаемое для нотариального удостоверения соглашение затрагивает права и интересы несовершеннолетних, такая экспертиза должна быть еще более скрупулезной, особенно в тех случаях, когда нотариальная форма сделки не является обязательной.

Кстати, в связи с этим вполне обоснованным видится вопрос: почему соглашения, связанные с осуществлением неимущественных прав детей, таким же образом не подлежат обязательному нотариальному удостоверению, как, например, соглашение об уплате алиментов? Согласимся с О.Ю. Ильиной в том, что в правоприменительной практике возможна и так называемая конкуренция соглашений о детях [9].

Принимая во внимание межведомственное взаимодействие и обозначая все более увеличивающуюся нагрузку на судебную систему, вопросы расширения компетенции нотариуса в сфере сопровождения семейно-правовых соглашений неимущественного (и имущественного тоже, но об этом чуть позже) характера становятся все более

актуальными в контексте реализации нотариатом превентивной функции как основной в сфере охраны и защиты прав граждан.

Важно подчеркнуть, что именно в целях обеспечения интересов детей обозначенная нами тема приобретает еще большую значимость. Правоприменитель нередко акцентирует внимание на специфике рассмотрения судами споров, связанных с воспитанием детей, в частности, по определению места жительства ребенка, по взысканию алиментов на содержание ребенка, по определению порядка общения ребенка с родителем, проживающим отдельно, о снятии запрета на выезд ребенка за пределы Российской Федерации и др. В связи с этим вполне обоснованным видится предположение об эффективности регулирования соответствующих вопросов посредством заключения семейно-правовых соглашений, в названных случаях речь идет о соглашениях между родителями несовершеннолетних детей.

Полагаем необходимым обозначить несколько вопросов, возникающих в практике нотариального удостоверения семейно-правовых соглашений, затрагивающих интересы несовершеннолетних.

Достаточно часто в нотариальной практике встречается соглашение родителей об определении места жительства ребенка и осуществлении родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка. Заметим, что подобное соглашение совершенно не обязательно должно удостоверяться нотариусом, но родители, как правило, на этом настаивают.

Кроме согласования условия о месте жительства несовершеннолетнего, родители определяют график встреч с ребенком того из них, кто проживает отдельно, права и обязанности родителей в части взаимного информирования о различных обстоятельствах общения с ребенком, а также включают в текст документа и другие условия, регламентирующие взаимоотношения между родителями, между каждым из родителей и ребенком.

Не вызывает сомнения, что эти и другие вопросы напрямую затрагивают интересы ребенка. В таком случае означает ли это, что в силу предписания, содержащегося в ст. 57 СК РФ, нотариус должен установить мнение ребенка?

Итак, согласно ст. 57 СК ребенок вправе выражать свое мнение при решении в семье любого вопроса, затрагивающего его интересы. Учет мнения ребенка, достигшего возраста 10 лет, обязателен [4].

Предположим, что родители каким-то образом предварительно выяснили и даже учли мнение ребенка, включив в текст соглашения те или иные условия, но может ли нотариус быть в этом уверен?

Как уже отмечалось, в ст. 163 ГК нотариальное удостоверение сделки определяется через механизм проверки законности сделки [3]. Следовательно, нотариус при удостоверении соглашения между родителями об определении места жительства и порядка общения с несовершеннолетним должен проверить законность соглашения родителей как сделки, совершение которой затрагивает интересы ребенка, т. е.

проверить соблюдение нормы, предусмотренной в ст. 57 СК РФ. Хотя нотариус и действует в рамках бесспорной юрисдикции, соглашение об определении места жительства представляет собой вопрос семейного характера, по поводу которого ребенок имеет право выразить свое мнение.

Подобные положения базируются на понятии международно-правового характера «наилучшее обеспечение интересов ребенка», закрепленного в Конвенции ООН о правах ребенка. Согласно ст. 12 Конвенции о правах ребенка дети, которые способны формировать свою собственную точку зрения, должны обладать правом выражать эту точку зрения в любых ситуациях, где затрагиваются их интересы [1]. Пунктом 1 ст. 3 Конвенции о правах ребенка провозглашено, что «во всех действиях в отношении детей независимо от того, предпринимаются они государственными или частными учреждениями, занимающимися вопросами социального обеспечения, судами, административными или законодательными органами, первоочередное внимание уделяется наилучшему обеспечению интересов ребенка».

Как известно, нотариус, осуществляя нотариальную деятельность, руководствуется, исходя из примата международного права, положениями международно-правового характера.

Однако в отсутствие предусмотренной законом обязанности выявить/выслушать мнение ребенка, достигшего возраста 10 лет, при удостоверении семейно-правового соглашения нотариус фактически не может обеспечить учет предпочтений ребенка.

Кроме того, при удостоверении этого же семейно-правового соглашения нотариус должен обеспечить соблюдение нормы, содержащейся в ст. 20 ГК РФ. Местом жительства несовершеннолетних, не достигших 14 лет, или граждан, находящихся под опекой, признается место жительства их законных представителей – родителей, усыновителей или опекунов.

Это означает, что несовершеннолетний, в отношении места жительства которого родители договариваются, достиг возраста 14 лет, должен/может не только выразить мнение, но и вообще самостоятельно решить вопрос о месте своего жительства.

На наш взгляд, поставленные вопросы определяют необходимость разрешения ситуации с точки зрения обеспечения нотариусом прав и интересов несовершеннолетних. В частности, полагаем возможным предусмотреть либо участие ребенка в возрасте старше десяти лет непосредственно при процедуре удостоверения соглашения, затрагивающего его права и интересы, либо информирование родителями нотариуса в любой форме о том, что мнение ребенка учтено.

Следует признать, что хотя нотариальное удостоверение семейно-правовых соглашений является, с нашей точки зрения, лучшей альтернативой, исходя из цели обеспечения интересов детей как имущественного, так и неимущественного характера, в процессе исполнения таких соглашений могут возникать различные сложности.

Например, при неоспоримых преимуществах обязательного нотариального удостоверения алиментного соглашения (в частности, такое соглашение имеет силу исполнительного листа) следует также отметить проблемные вопросы, демонстрирующие необходимость учета нотариусом специальных положений семейного законодательства.

Так, в ст. 81 СК РФ установлен минимальный процент, составляющий размер алиментов на содержание несовершеннолетнего ребенка, который, как правило, не может быть уменьшен. Однако, поскольку родители заключают алиментное соглашение, то стороны в силу принципа диспозитивности вправе устанавливать размер алиментов, выплачиваемых на содержание ребенка, самостоятельно, причем это совершенно не обязательно будут ежемесячные платежи.

На примере обозначенной ситуации проявляется уже упомянутая специфика семейных правоотношений: представления родителей о благе для их собственных детей не должны выходить за императивно установленные государством рамки, опосредующие публичный интерес.

Так, в Обзоре судебной практики по делам, связанным со взысканием алиментов на несовершеннолетних детей, а также на нетрудоспособных совершеннолетних детей (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 13.05.2015 г. указано, что при установлении размера алиментных платежей суду необходимо в первую очередь брать во внимание сохранение уровня жизни ребенка. Критериями, имеющими значение, могут быть и индивидуальные потребности детей, и необходимость оплаты посещения конкретных специалистов или секций дополнительного образования и т. д. Примечательно, что Организация Объединенных Наций во внутренних распоряжениях также указывала на первоочередность обращения внимания на уровень благополучия несовершеннолетнего при определении размера его содержания. Причем, делается акцент на объяснение понятия «благополучие», которое представляет собой не просто базовые потребности в еде и доме, но и все то, что может иметь влияние на физическое, психологическое и нравственное развитие ребенка [11].

Как следует из содержания п. 2 ст. 103 СК РФ, размер алиментов, выплачиваемых на несовершеннолетних детей по соглашению, удостоверенному нотариусом, не может быть ниже размера алиментов, который ребенок получал бы при взыскании их в судебном порядке.

Однако ни федеральное законодательство, ни подзаконные акты, ни регламенты не устанавливают для нотариуса обязанность истребовать справку с места работы плательщика алиментов со сведениями о выплачиваемой заработной плате. В связи с этим считаем возможным очередной раз поставить вопрос: каким образом нотариус может одновременно обеспечить соблюдение принципа законности и реализацию наилучших интересов ребенка?

Соответственно, затруднительным для нотариуса является установление источников дохода алиментоплательщика в целях

соблюдения императивных положений ст. 81, 103 СК РФ, тогда как для обеспечения законных интересов несовершеннолетнего выявление данного факта является принципиальным.

Не менее важным с позиций выполнения нотариусом правореализационной и правоохранительной функций является возможность удостоверения алиментного соглашения в период наличия финансовых проблем у алиментоплательщика. Имеет ли право нотариус удостоверить данное соглашение, если одна из сторон является банкротом? Будут ли соблюдены все условия действительности такой сделки?

Во-первых, при удостоверении любых договоров от имени лица, являющегося банкротом, договор подписывается конкурсным управляющим, тогда как право заключения семейно-правового соглашения, исходя из смысла ст. 99 СК РФ, имеет строго личный характер. Во-вторых, неизбежно встает вопрос о соотношении прав ребенка и иных кредиторов, о потенциальном злоупотреблении своим правом со стороны алиментоплательщика. Примечательно, что судебная практика по данной проблеме также неоднозначна. Так, в Определении ВС РФ № 305-ЭС22-10847 по делу № А40-144662/2020 об оспаривании платежей должника бывшей супруге на содержание несовершеннолетнего ребенка гражданина-банкрота Судебная коллегия по экономическим спорам ВС РФ, даже при отсутствии надлежаще оформленного соглашения по уплате алиментов и наличии фактических супружеских отношений (очевидно, максимально отстаивая законную защиту прав несовершеннолетнего), отменила решения нижестоящих инстанций, не удовлетворив требования конкурсного управляющего о признании сделок по переводу денежных средств на ребенка недействительными, подчеркнув тем самым, что для того, чтобы лишить ребенка средств, предназначенных для его содержания, суду необходимо исследовать обстоятельства дела не с формальной точки зрения, а исходя из действительного содержания и направленности денежных средств.

Размышляя над обоснованностью данной позиции, считаем необходимым опять-таки обозначить проблему гармонизации интересов родителей по обеспечению интересов ребенка и исполнению обязанности по содержанию детей и интересов кредиторов в удовлетворении своих требований по обязательствам гражданско-правового характера. На наш взгляд, в данном случае нет места сомнениям, поскольку безусловным должен быть приоритет интересов несовершеннолетнего. Законодатель транслирует такую же позицию: ст. 213.27 Федерального закона от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 29.05.2024 г., с изм. от 04.06.2024 г.) «О несостоятельности (банкротстве)» устанавливает первоочередность погашения алиментных обязательств [6]. Конституция Российской Федерации как социальное государство гарантирует защиту прав детей (ст. 7, ст. 38).

Еще одной сферой, в пределах которой возникает вопрос обеспечения нотариусом интересов родителей и детей, являются отношения, связанные с выездом несовершеннолетнего за пределы РФ.

Так, одним из направлений полемики является анализ потенциального злоупотребления одним из родителей своим правом в случае реализации возможности, предусмотренной Федеральным законом от 15.08.1996 г. № 114-ФЗ (ред. от 25.12.2023 г.) «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» (далее – ФЗ № 114), когда один из родителей вправе подать заявление с требованием о запрете выезда ребенка за границу [5].

Некоторую ясность в дискуссию о равенстве прав родителей в решении вопроса о выезде общего ребенка за пределы страны внес Конституционный Суд РФ (далее – КС РФ) в Постановлении № 29-П по жалобе на ч. 1 ст. 21 ФЗ № 114. КС РФ признал неконституционной норму, закрепляющую исключительно судебный порядок отмены запрета на выезд ребенка от одного из родителей. Суд констатирует важность и справедливость возможности, которую предоставляет законодатель в части выражения несогласия одним из родителей с передвижением общего ребенка, как инструмент реализации принципа равноправия в воспитании обоими родителями. Однако суд подчеркнул, что родитель, с которым проживает несовершеннолетний, как правило, осведомлен лучше о том, является ли выезд за границу в интересах ребенка или нет. И отсутствующая допустимость внесудебного урегулирования данной проблемы, как средство, которое нивелирует затягивание получения разрешения на выезд, нарушает законные интересы, в первую очередь, самого ребенка.

Кроме того, видится разумным предусмотреть нотариальную форму запрета на выезд, аналогичную форме согласия на выезд несовершеннолетнего за пределы РФ, что способствовало бы, по нашему мнению, более эффективной защите интересов несовершеннолетнего.

Заслуживающим внимания является также вопрос определения в удостоверяемом согласии (соглашении) сроков поездки и сроков действия согласия на выезд. Закрепленная в абз. 1 ч. 1 ст. 20 ФЗ № 114 норма, согласно которой «...срок выезда несовершеннолетнего...», порождает ряд проблем [5]. При толковании этой нормы Федеральная нотариальная палата и Министерство юстиции РФ выражают различные точки зрения. Федеральная Нотариальная Палата исходит из анализа ст. 190 ГК РФ, полагая, что без привязки к конкретной поездке выдача согласия на выезд может привести к нарушению прав и законных интересов несовершеннолетнего. Департамент правового регулирования Минюста РФ избирает расширительное толкование этой же статьи и исчисляет сроки годами, месяцами, а также указанием на определенные события.

При этом судебная практика по данному вопросу неоднозначна. К примеру, в одном из решений Спасского городского суда Приморского края от 03.03.2010 г. изложено, что истец оспаривал законность удостоверенного

нотариусом согласия на выезд ребенка в сопровождении старшей сестры, в котором нотариус указал сроки пребывания несовершеннолетнего за границей, ограничив территорию его передвижения одним городом, а также только трехдневным пребыванием, несмотря на волеизъявление законных представителей о более длительном сроке и о более обширной территории передвижения в стране пребывания. Истица обосновывала свои требования в том числе положениями ч. 2 ст. 38 Конституции РФ, ст. 65 СК РФ, утверждая, что ее интересы и интересы ее ребенка были нарушены. Суд согласился с доводами истицы.

Полагаем, что, исходя из обстоятельств каждой конкретной ситуации, опираясь на мнение законного представителя, есть смысл указывать не только определенный срок отдельной поездки, но и по запросу родителя иные сроки, необходимость установления которых должна быть обоснована (например, при путешествии по нескольким странам).

Резюмируя, можно утверждать, что вопросы, связанные с применением действующего законодательства при регулировании семейных отношений, всегда составляли особую сферу внимания правоприменителя. Представляется, что нотариат является частью системы органов, обеспечивающих и гарантирующих защиту законных прав и интересов ребенка. Существующие проблемы правового регулирования семейных отношений, в том числе при осуществлении нотариальной деятельности, демонстрируют потребность в пересмотре определенных положений законодательства и подзаконных актов.

Список литературы

1. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // Сборник международных договоров СССР. Выпуск XLVI. 1993.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 14.04.2023 г.) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
4. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023 г.) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
5. Федеральный закон от 15.08.1996 № 114-ФЗ (ред. от 13.06.2023) «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.12.2023) // СЗ РФ. 2022. № 34. Ст. 4029.
6. Федеральный закон от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 29.05.2024 г., с изм. от 04.06.2024 г.) «О несостоятельности (банкротстве)» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Федеральный закон от 13.07.2015 г. № 218-ФЗ (ред. от 14.02.2024 г.) «О государственной регистрации недвижимости» // СПС «КонсультантПлюс».
8. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению

традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СЗ РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.

9. Ильина О.Ю. Конкуренция соглашений о детях в семейном законодательстве Российской Федерации и Республики Беларусь // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 4 (72). С.15-23

10. Леженникова И.М. Может ли нотариус защитить имущественные права несовершеннолетних при удостоверении брачного договора с их участием // Нотариус, 2013. № 4. С. 14–16.

11. United Nations Standard Minimum Rules for the Administration of Juvenile Justice ("The Beijing Rules") Adopted by General Assembly resolution 40/33 of 29 November 1985.

Об авторе:

КОКОВА Диана Аслановна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса ИПЭиФ Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова (360004, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173), SPIN-код: 4452-2498, e-mail: d.kokowa@yandex.ru

Ensuring the interests of the child in the framework of family law agreements' notary certification

D.A. Kokova

Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik

The article discusses the existing gaps in the regulation of the notarial procedure for certifying family agreements, in terms of ensuring the interests of the child. Based on the most important imperative – the principle of legality – a notary, implementing the provisions of the law, certainly protects the rights and interests of a minor. However, the notary process of notarization of agreements concluded by family members does not provide for mandatory consideration of the opinions of the children themselves, which jeopardizes the observance and guarantee of the implementation of their best interests.

Keywords: *family, notary, notarization, spouses, parents, children, interests of children, principle of legality, guarantees of the rights of minors, alimony, place of residence of the child.*

About author:

Kokova Diana – PhD in Law, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov (360004, Nalchik, Chernyshevsky St., 173), SPIN-код: 4452-2498, e-mail: d.kokowa@yandex.ru

Кокова Д.А. Обеспечение интересов ребенка при нотариальном удостоверении семейно-правовых соглашений // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 1 (81). С. 100–109.

Статья поступила в редакцию 23.01.2025 г.

Подписана в печать 12.03.2025 г.

Установление материнского происхождения ребенка: проблема интерпретации действующих семейно-правовых норм

Е.Г. Комиссарова

ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный
исследовательский университет», г. Пермь,
ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет», г. Тюмень

Автор анализирует основополагающие идеи, положенные законодателем в основу действующего порядка установления материнского происхождения. Этот аспект проблемы фактически выпал из научных рассуждений, сделав алгоритм ее теоретического описания тенденциозным и во многом гибридным, где оказалось много смещений и неточностей. В целях достижения концептуальной ясности по проблеме и стабилизации ее логических смыслов сформулированы выводы о том, что установление происхождения ребенка «по матери» – это всегда поиск связи с актом рождения, а не актом зачатия, кровным родством, браком, отцовским происхождением; материнство в праве – это не расплывчатое биологическое и социальное понятие, а унитарная юридическая категория, имеющая соответствующее правовое наполнение; порядок установления материнского происхождения является учредительным, и по общему правилу в нем нет места желаниям, намерениям и индивидуальной воле третьих лиц. Эти юридические сущности делают бессмысленными рассуждения о «разных» матерях – законных, частично биологических, частично генетических, приемных, социальных. Цель семейного законодательства связана с защитой биологической основы материнства – это стратегия действующего официального правопорядка. Следуя ей, законодатель сопротивляется тем случаям, когда речь идет о признании материнства за нерожавшей женщиной, допуская иное в порядке исключения.

Ключевые слова: материнство, установление материнского происхождения, потомственная поколенная связь, кровное родство, биологический приоритет, брак, рожденный ребенок.

Практически ординарным в науке семейного права стало то положение, при котором любые рассуждения об установлении происхождения ребенка оказываются сведенными к технологическим возможностям и эффектам. Ситуация в равной мере затронула как проблему материнского, так и отцовского происхождения. Это позволило возникнуть теоретической иллюзии, согласно которой эволюцией семейно-правовых норм о происхождении ребенка управляет не позитивное право, опирающееся на предшествующие традиции и прошлый опыт советских кодификаций, а биомедицинская реальность.

На самом деле это, конечно, не так – сенсационные возможности репродуктивной медицины сами по себе не способны изменить законодательное видение того, как должен быть устроен институт происхождения ребенка, а нормы о происхождении ребенка не являются простой копией такой реальности. Как отметила А.М. Нечаева, «семейное право и его институты далеко не реалистичные явления ... их объективное понимание в значительной степени зависит от глубины понимания целей семейного права, изучения происходящих в его недрах процессов и их сочетания с вопросами общегосударственного масштаба» [5]. Опора на эту максиму дает возможность подойти к описанию семейно-правового порядка установления материнского происхождения и его ценностей методологически обоснованно, не обходя научным вниманием базовую стратегию действующего правопорядка, защищающего биологическую основу материнства.

Для права понятия «материнство» и «установление материнского происхождения» являются исключительно юридическими. Прежде чем обрести качество юридической конструкции, материнство прошло долгий путь – от естественного, вневременного и обыденного компонента женской идентичности до его природного и после биологического описания. Дольше других состояний оно просуществовало в границах простого онтологического закона, который, отражая реально существующую телесность материнства, гласил, что матерью ребенка является та, которая рождает. В средневековой культуре природная логика биологического материнства слилась с божественно должным и многие века составляла суть церковного порядка определения принадлежности ребенка родившей матери и ее супругу.

Это было актом отмены безразличия к природе женщины, способной воспроизводить человеческое потомство. О нем свидетельствовало признание кровного родства не просто фактом природным, а священным фактом. Благодаря этому открытию рождение ребенка стало приниматься исключительно как происхождение «плоти от плоти» и это понимание ушло в следующие века. Продолжением плотского видения материнского происхождения ребенка стало понимание того, что функция женщины как матери особенно ценна в брачном союзе. Так материнство оказалось «привязанным» к брачной связи. Эта привязка породила легализацию брачного происхождения ребенка, пробудив мысль о необходимости защиты брака. В целях его защиты христианский мир разделил материнское происхождение на брачное и внебрачное.

После того как порядок установления материнского происхождения попал в сферу нормативного регулирования, было выпестовано окончательное юридическое правило, по смыслу которого «материнство устанавливается на основании документа, подтверждающего рождение ребенка в медицинской организации» (п. 1 ст. 48 Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ)) [1].

Точное прочтение законодательной логики позволяет понять, что это правило активно всегда, включая последствия гестационной беременности, исход которой подчинен правилу биологического приоритета в материнском происхождении. И значит, рождение ребенка суррогатной матерью не отменяет эту максиму автоматически. Нормативный ориентир, согласно которому «законная мать и мать рожающая – это одно и то же лицо», может быть отменен лишь в том случае, если гестационная мать реализует данное ей законное право выразить согласие на запись родителями лиц, находящихся в (медицинском) статусе потенциальных родителей. Если суррогатная мать отказалась дать согласие на запись родителями этих третьих лиц, правило о материнстве рожающей женщины вступает в силу в качестве общего (п. 4 ст. 51 СК РФ).

Установление в законе порядка установления материнского происхождения, при всей его биологической видимости, указывает на то, что материнство по нормам СК РФ – это не просто определение лица, которому надо передать или приписать рожденного ребенка, а специальный нормативный, а значит, предсказуемый порядок, учреждаемый в нормах семейного права. Цель такого учреждения – идентифицировать родившую мать, через нее предполагаемого брачного отца или столь же предполагаемого внебрачного отца, давшего согласие на отцовство, или же отца действительного, установленного принудительно в судебном порядке. Юридическая и одновременно культурная ценность такого порядка состоит в том, что по его итогам рожденный ребенок, имеющий право на семейный уход, заботу и воспитание (ст. 7 Конвенции о правах ребенка, ст. 54 СК РФ) включается в семью происхождения.

Рождение ребенка – событие многоаспектное и разноотраслевое. В его описании отметились философы, богословы, антропологи, представители медицины, биоэтики и юристы. В этом аспекте всегда есть, что описать, сообщить и пересказать с заходом в область чувств, намерений, сокровенных желаний, медицины и биоэтики, фактических взаимодействий разных участников «родительских проектов» и т. д. Но юридический интерес к акту рождения является строго предметным и потому ограниченным и сосредоточен он исключительно на семейно-правовых последствиях состоявшегося акта рождения жизнеспособного ребенка. Отсюда берет свое начало каталог идей, принципов, императивов, оформляющих смысл этих последствий, и специальный семейно-правовой словарь терминов, с помощью которого создано такое нормативное построение как «установление происхождения ребенка».

Терминологический ряд, оформляющий порядок установления материнского происхождения, большой просторностью не отличается (п. 1, 2 ст. 48; ст. 51 СК РФ). Он ограничен такими юридическими понятиями, как: материнство; рождение ребенка матерью; мать ребенка;

мать, не состоящая в браке; лица, состоящие в браке или одинокая женщина, давшая согласие в письменной форме на имплантацию эмбриона другой женщине в целях вынашивания и рождения ребенка; суррогатная мать как женщина, родившая ребенка; оспаривание материнства. Наряду с нормативным существует более развернутый научный словарь. Его ценность заключена в возможности проведения формально-логического анализа действующих норм о происхождении ребенка и способности дать развернутую теоретическую интерпретацию тому, что хотел сказать законодатель. Несмотря на различие целей, степень емкости и разнообразия, нормативный и научный словарь должны действовать в сопряжении, не допускать смысловых и концептуальных расхождений, поскольку речь идет об описании не просто явления, а явления юридического. Однако при описании порядка установления материнского происхождения эти расхождения случились.

Причина такого положения малоизвестна, но она реально существует. И состоит она в том, что все современные авторы, в той или иной мере прикоснувшиеся к проблеме установления происхождения ребенка, неявно и пока неосознанно разделились на две группы: те, которые подходят к проблеме, описывая ее в традиционном видении (рождение – государственная регистрация – родительские права и обязанности), и те, которые оказались заложниками техногенного подхода. Первые ориентируются на обычаи, традиции, медленные темпы эволюции семейно-правовых норм о происхождении ребенка и силу регламентирующих процедур. Вторые избегают погружения в культуру преемственности и традиции ею порожденные, уходят в динамичные и, как представляется, более актуальные представления о репродуктивной вариативности, технологической новизне. Неизбежным спутником техногенных взглядов является создание новых ценностей (прогресс, индивидуальная воля, новые виды прав) и новых понятий (технологическое зачатие, родительский проект, социальная мать (отец), социальное происхождение и т. д.).

Система ориентиров, идей и ценностей, образующих основу традиционного подхода, основанного на человеческой телесности, существенно отличается от ценностей, продвигаемых техногенным подходом, где биология теснится генами, технологическое зачатие становится точкой отсчета для рассуждений о происхождении ребенка, а воля участников «родительского проекта» может отменить учредительный порядок установления материнского происхождения.

Если учесть, что все, что связано с семьей и человеческим воспроизводством, во всех государствах уходит своими корнями в глубокую греко-римскую цивилизацию, подчиняясь медленной и потому естественной эволюции развития, то следует признать, что ценности техногенного подхода к обсуждению семейно-правовой проблемы происхождения ребенка имеют весьма ограниченное

значение. Он как минимум ударяет по традициям этого института, а как максимум ориентирован на отторжение той эталонной модели, которая в качестве цельной и во многом неразделимой зафиксирована в действующем законодательстве (гл. 10 СК РФ). Для автора этот тезис является методологически значимым и его последующие суждения о порядке установления материнского происхождения будут основаны на традиционном видении этого порядка – том, которое совпадает с его позитивно-правовым видением и в основе которого лежит ориентир на биологическую реальность как общее правило, в содержании которого есть краткие «технологические» исключения, находящиеся под прикрытием биологической реальности.

Вопросу о материнском происхождении в его собственном предметном значении как в истории, так и в современности досталось не так много внимания, если не считать таковым многочисленные линейные описания истории незаконнорожденности. Итоги такого невнимания в конце XX в. весьма метафорично описали представители американского феминистического движения, указав, что «мы знаем больше о воздухе, которым дышим, о морях, по которым путешествуем, чем о природе и значении материнства» [12]. Были также названы и причины концептуальной обедненности этой проблематики в виде указания на то, что «материнская сфера относится к числу особенно приватных, где индивидуальное измерение слишком высоко, в то время как следовало думать о жизни коллективной» [10].

Действительно, будучи признанным «плотью от плоти», «материнство мало о чем спрашивало» [4, с. 125] – за него слишком многое говорила биология (кровнородственная потомственная связь) и явная очевидность (беременность и роды). На готическом языке материнская терминология имела общеизвестный корень «матка», а достоверная этимология слов «мать», «материнство», «ребенок» была бесспорной. Это априори придавало материнскому происхождению ребенка доказанность без дополнительных фактов – ясность того, что ребенок произошел от матери и он плод ее чрева, считалась явной.

Факт бесспорной явленности очевидного повлиял не только на терминологию его современного описания, но и на устройство юридического порядка его установления по нормам позитивного права. В нем конструкция материнского происхождения нормативно выстроена как унитарная, в которой всегда есть биологический (телесный) компонент, акт рождения и намерение родившей женщины заботиться о рожденном ребенке. Это слияние дало основания для однозначного утверждения того, что мать беременная, мать рожающая и юридически признанная мать – это одно и то же лицо без риска ошибки. Отсюда по нормам закона матерью является женщина, выносившая и родившая ребенка (п. 1 ст. 48 СК РФ).

Из этого правила есть два исключения. Первый случай – фиктивный, когда женщина усыновляет ребенка и на основании фикции, установленной в законе (ст. 124, 136 СК РФ), ребенок считается произошедшим от нее. Второе исключение также следует из закона, указывая на специальные правовые последствия в случае рождения ребенка суррогатной матерью, давшей впоследствии согласие на запись родителями лиц, предоставивших свой репродуктивный материал (п. 4 ст. 51 СК РФ). Как уже было замечено, речь идет именно об исключении, т.к. общий порядок установления материнского происхождения, применимый «для всех» остается действующим. Несмотря на то что это правило отступает от императива о биологическом приоритете, оно на самом деле поддерживает этот приоритет для всех остальных случаев.

Вопрос о вынужденной в таких случаях «раздвоенности» материнского происхождения, от которой категорически отказались немцы и французы, не желая по множеству причин конструировать специальные последствия этой диссоциации, оказался одним из спорных и весьма неметодологичным в своей конфликтной научной судьбе. Законодательный замысел «проконтролировать технологическую инновацию под маской традиционности» [7, с. 99] оказался распознан не всеми. Как и решение законодателя, основанное на необходимости исключить или скрыть одну из матерей – гестационную или потенциальную.

Предметом научного спора стал как вопрос о приоритете рожавшей (суррогатной) матери, так и вопрос о ее праве давать или не давать согласие, в зависимости от наличия или отсутствия которого законодатель постановляет, чья личность будет учтена при установлении материнского происхождения. В случае дачи суррогатной матерью согласия на запись матери генетической, согласившейся на имплантацию эмбриона в целях его вынашивания и рождения, гестационный приоритет рожавшей матери не действует и такая мать выпадает из процесса установления происхождения ребенка. Если суррогатная мать такого согласия не дала, то из процедуры установления материнского происхождения исключается личность генетической матери.

Юридические инструменты, позволяющие прибегнуть к таким исключениям, известны – вымысел или фикция того, что ребенок рожден суррогатной матерью, чтобы вывести эту мать из пространства права, если она дала согласие на запись матери генетической. И второй прием – умолчание в тех случаях, когда материнское происхождение установлено в отношении суррогатной матери как матери рожавшей, с сокрытием того факта, что репродуктивный материал принадлежал третьим лицам и было расщепление генетического и кровного происхождения.

Логика такого подхода общепонятна. Технологические инновации в организации репродуктивного процесса с точки зрения семейно-правовых последствий должны приниматься семейным законодателем в общей последовательности с тем, что является универсальным для случаев классического плотского деторождения, каких, безусловно, большинство. В этом состоит ведущая причина того, что ребенку, зачатому в результате искусственного оплодотворения, выношенному и рожденному суррогатной матерью, законодатель дает то материнское происхождение, которое сопоставимо с происхождением детей, зачатых физиологическим путем. Так достигается сохранение приверженности биологическим факторам в человеческом воспроизводстве и понятным критериям идентификации родивших и рожденных – беременность, роды, кровное родство.

Непрочитанность этой законодательной логики или ее обход по причине техногенного крена в семейно-правовом мышлении породили разное научное видение о том, на что следует ориентироваться при установлении материнского происхождения, если суррогатная мать не дала согласия на запись родителями родителей потенциальных.

Не станем воспроизводить все то множество технологических, генетических, прагматических и просто чувственных аргументов и высказываний, которых, в этом оппозиционном по отношению к законодательному видению, дискурсе высказано немало. Назовем те юридические дефициты, которые позволили ему стать таким – исключительно технократическим, негуманным, исторически безоглядным и монологовым. Наиболее явных три. Первый связан с недооценкой классического антропологического знания о кровном родстве и переоценкой знания биомедицинского. Второй – с отсутствием научного стремления признать, что в праве происхождения есть фундаментальное, всенаправляющее и универсальное знание, способное адаптироваться к интеграции в него всей той новизны, что пришла вместе с технологическими возможностями. Третий указывает на критичный отрыв семейно-правовых взглядов на последствия суррогатного материнства от биоэтических канонов.

Поскольку заданный объем текста не позволяет большего, остановимся на третьем виде научного дефицита – ему меньше всего досталось научного внимания в спорах на тему о том, кто «должен быть матерью» в том случае, если суррогатная мать «передумала».

Как указал Международный комитет по биоэтике ЮНЕСКО (IBC), серьезно озабоченный произвольной трансформацией видения того, кому отдается приоритет в случае спора по итогам гестационной беременности, принцип использования родов для признания материнства продолжает оставаться актуальным и сегодня, в том числе в контексте суррогатного материнства, законы в этом смысле не изменились [11, с. 140]. Подход основан на важном антропологическом послые, согласно

которому «рожающая суррогатная мать не может оставаться неизвестной для закона» и «отказать родившей матери в материнстве, если она его желает, негуманно». Истину о законодательном приоритете интересов беременной женщины, который техническому прогрессу отменить не дано [13, с. 380], блюдут все страны. Следует ей и российский законодатель, задавший суррогатной матери нормативную известность и наделивший ее правом законного приоритета.

Ценность такого подхода заключена не только в сохранении значимости рожающей матери – он соответствует императиву о том, что «по соглашению» участников родового обязательства происхождение ребенка не устанавливается. Это всегда задача семейно-правового закона, ориентирующегося на концепцию кровного родства и биоэтические стандарты, которые видят безнравственным произвольное переопределение материнского и отцовского происхождения в случае вовлечения в репродуктивный процесс возможностей третьих лиц.

Биоэтические императивы с очевидностью основаны на том, что развитие репродуктивных биотехнологий не направлено на то, чтобы обходить биологические аспекты происхождения – ни сама биомедицина, ни биоэтика, ни семейный законодатель не заинтересованы в резких антропологических разрывах, последствия которых для человечества во многом являются непредсказуемыми. Отсюда в случае спора, возникшего по итогам конкуренции между генетическим и биологическим родством, законодателю разумнее и антропологически выгоднее имитировать естественный акт репродукции и его общий семейно-правовой исход в виде указания на биологическое происхождение ребенка, нежели автоматически отдавать приоритет тому, что искусственно технологизировано в целях оказания медицинской помощи лицам, страдающим бесплодием.

Отказ от этой истины и сугубо прагматический подход к проблеме установления материнского происхождения в случаях вовлечения в репродуктивный процесс ресурсов суррогатной матери, не пожелавшей дать согласие, породили тенденцию к трансгуманизации этой проблематики. Взглядов о том, что такую мать надо лишить права давать согласие потенциальным родителям после рождения ребенка, что равнозначно лишить ее материнства, немало. Но весьма заметно и то, что суррогатная мать как личность «пропадает» из поля зрения участников «родительского проекта» сразу после того, как заключен договор суррогатного материнства и подписано согласие на медицинские манипуляции. Она оказывается просто женщиной, которая обязана исполнить условия заключенного договора. Это противоречит философским, а сейчас уже и биоэтическим убеждениям о том, что «всякий раз, когда техническое новшество приводит к очень уж решительным поворотам в жизни общества, естественно предполагать существование и некоей гуманитарной парадигмы» [3, с. 13].

Однако пока философские и биоэтические аргументы остаются практически невидимыми в текущих дискурсах об установлении материнского и отцовского происхождения. Тогда как этот ресурс обладает наибольшим ресурсом нейтрализации того, что связано со заметным шлейфом дегуманизации в проблеме суррогатного материнства, уводящего в сторону инструментализации тела гестатора. О том, что этим телом руководит личность и, соответственно, поведение его обладателя, юристы вспоминают нечасто. Поводы разные, но чаще несуразные, обычно сводимые к запретам, имеющим отношение к договору суррогатного материнства, стороны которого «ни при каких условиях не должны иметь права на односторонний отказ от него после того как факт беременности суррогатной матери установлен» [9, с. 65].

Как представляется, наибольшим объяснительным потенциалом для преодоления подобных научных заблуждений обладает такая категория, как «достоинство личности». В попытках гуманизировать дискурс о человеке, она давно и надежно возведена юристами в универсальный и общезначимый принцип, в существовании которого можно никогда не сомневаться. В философском и юридическом знании концепция достоинства личности основана на цельности тела и личности его обладателя – человек априори обладает достоинством только потому, что он человеческая личность. Но в текущих представлениях о суррогатном материнстве этот принцип не вовлекается в процесс аргументации. Стертая личность суррогатной матери изредка возвращается к ней, но не в позитивных суждениях, а в девиантных. Обычно, когда надо указать на ее «недобросовестность в случае отказа дать согласие на запись родителями генетических родителей вопреки условиям договора» [2, с. 92] либо для целей констатации, что «суррогатная мать пользуется чужими биоматериалами неправомерно» [6, с. 130].

Неудобства, причиняемые суррогатной матери с помощью аргументов, не учитывающих ее личностное начало, в науке семейного права часто компенсируются за счет социальной легитимации такой матери. Утвердительные суждения о том, что отношения по суррогатному материнству являются «ярким примером социального родительства» [8, с. 20], стали по сути ординарным способом отказа от аксиомы о том, что суррогатная мать, несмотря на всю специфику ее фактического и юридического положения, не лишена права на законное материнство и тот приоритет, который установлен для нее законом.

На деле название социальной матери матерью социальной – это не более чем теоретический прием, с помощью которого она заранее «выдворяется» за пределы действующего порядка установления материнского происхождения. Такая весьма примитивная форма теоретико-правового покровительства лиц, не имеющих по какой-либо причине законного родительского статуса «по рождению» ребенка или «по воспитанию», в последнее десятилетие стала научным штампом.

По умолчанию считается, что упоминание о социальности снижает порог конфликтности в проблеме родительского признания.

На самом деле социальные образы, весьма типичные для техногенного видения разных юридических проблем, ничего не меняют. Фактическим отцом или матерью считать себя может каждый – для этого не нужна ни законодательная власть, ни сила теоретического слова. Главное, чтобы при этом не нарушался норматив о том, что «родители вправе требовать возврата ребенка от любого лица, удерживающего его у себя не на основании закона или не на основании судебного решения» (п. 1 ст. 68 СК РФ).

Отказать суррогатной матери в законном статусе можно только в единственном случае – если она дала свободное и осознанное согласие на запись лицам, предоставившим репродуктивный материал для вынашивания и рождения ребенка. Но это уже не столько отказ в материнстве, сколько юридический способ включить ребенка в ту семью, которая готова заботиться о нем и воспитывать его в благополучии. Если суррогатная мать такого согласия не дала, то в юридическую пустоту отправляется мать генетическая. Тогда, согласно идеологии «социального родства», социализируется эта мать и эта самая социализация ей также ничего не добавляет. Она на самом деле вытесняется из сферы действия права и это единственное последствие для семейного-правового регулирования.

Предметная заданность заявленной темы побудила автора «отделить» материнское происхождение от отцовского. Это разделение в рамках данной статьи не более чем условность, продиктованная намерением автора подчеркнуть аксиомы материнского происхождения. Сохраняя разность биологического назначения, материнское и отцовское происхождение в равной мере, работающие на персонификацию ребенка, друг друга дополняют и в интересах родившегося ребенка не являются разделимыми.

Список литературы

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.10.2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Борисова Т. Е. Суррогатное материнство в Российской Федерации: проблемы теории и практики: монография. М.: Проспект, 2016. 144 с.
3. Куракин А.Л. Наука, техника, культура в контексте субъектной реальности: Междисциплинарное обозрение. М.: Центр науч.-информ. исслед. по науке, образованию и технологиям, 2003. (Методологические проблемы развития науки и техники). 112 с.
4. Мицюк Н. А. Проблема материнства в современных зарубежных исторических исследованиях // Вестник Тверского государственного университета. Серия «История». 2015. № 2. С. 124–134.

5. Нечаева А.М. Семейное право. Актуальные проблемы теории и практики. 1-е изд. М.: ЮРАЙТ-ИЗДАТ, 2007.
6. Рубцова С.О., Бесецкая Н.А. Правовое регулирование суррогатного материнства в Республике Беларусь и странах Европейского Союза // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия юридические науки. 2022 С. 128–133.
7. Степин В. С. Идея права как социокультурный феномен // Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества: Доклады членов Российской академии наук Всероссийских научных конференций с международным участием / под общ. ред. А.Н. Савенкова. Т. 1. М.: Институт государства и права РАН, 2019. С. 93–112.
8. Хасимова Л. Н., Ющенко Н.А. Историко-правовые аспекты развития российского законодательства об установлении происхождения детей // Вопросы экономики и права. 2018. № 118. С. 18–22.
9. Шилко В.В. Правовое регулирование договоров по применению вспомогательных репродуктивных технологий: дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 2023. 210 с.
10. Knibiehler Y. Histoire des mères: du moyen-age à nos jours. Montalba, 1977 [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/histoiredesmresd0000yvon> (дата обращения: 11.11.2024).
11. Palazzani L. Technologies de la Reproduction et débat mondial sur la bioéthique: analyse philosophique du rapport du Comité international de bioéthique de l'UNESCO sur l'ART et la paternité phénoménologie et conscience. 2020. № 19. P. 138–149.
12. Rich A. Of Woman Born: Motherhood as Experience and Institution. New York: Norton, 1976 [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/ofwomanbornmothe00richhttps://archive.org/details/ofwomanbornmothe00rich> (дата обращения: 11.11.2024).
13. Sento B. Anthropologie et bioéthique: réflexions de Maurice Godelier «Systèmes de parenté et formes de familles» // Études en sciences religieuses. 2015. Т. 103. № 4. P. 373–384.

Об авторе:

КОМИССАРОВА Елена Генриховна – доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права, Пермский государственный национальный исследовательский университет; профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин, Тюменский государственный университет, SPIN-код: 4794-8799, AuthorID: 348863, ORCID: 0000-0003-4257-5673, e-mail: e.g.komissarova@utmn.ru

Establishing the maternal origin of a child: the problem of interpretation of current family law rules

E.G. Komissarova

Perm State National Research University, Perm
Tyumen State University, Tyumen

The author analyzes the fundamental ideas put forward by the legislator as the basis for the current procedure for establishing maternal origin. This aspect of the problem actually fell out of scientific reasoning, making the algorithm of its theoretical description biased and in many ways hybrid, where there were many confusions and inaccuracies. In order to achieve conceptual clarity on the problem and stabilize its logical meanings, the conclusions are formulated that establishing the child's "maternal" origin is always a search for a connection with the act of birth, not the act of conception, consanguinity, marriage, paternal origin; motherhood in law is not a vague biological and social concept, but a unitary legal category with appropriate legal content; The procedure for establishing maternal origin is constituent and, as a general rule, there is no place for the desires, intentions and individual will of third parties. These legal entities make it meaningless to talk about "different" mothers – legitimate, partly biological, partly genetic, adopted, social. The purpose of family legislation is related to the protection of the biological basis of motherhood – this is the strategy of the current official law and order. Following it, the legislator resists those cases when it comes to recognizing motherhood for an unborn woman, allowing otherwise by way of exception.

Keywords: *motherhood, establishment of maternal origin, hereditary generational relationship, consanguinity, biological priority, marriage, born child.*

About author:

KOMISSAROVA Elena – Doctor of Law, Professor of the Department of Civil Law, Perm State National Research University; Professor of the Department of Civil Law Disciplines, Tyumen State University, SPIN-code: 4794-8799, AuthorID: 348863, ORCID: 0000-0003-4257-5673, e-mail: e.g.komissarova@utmn.ru

Комиссарова Е.Г. Установление материнского происхождения ребенка: проблема интерпретации действующих семейно-правовых норм // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 1 (81). С. 110–121.

Статья поступила в редакцию 15.11.2024 г.

Подписана в печать 12.03.2025 г.

Обеспечение интересов матери в семейных отношениях

М.П. Короткевич

Белорусский государственный университет, г. Минск

В статье автор анализирует нормы, направленные на защиту интересов женщины-матери как самого важного субъекта, обеспечивающего полноценное функционирование семьи, без участия которой рождение детей, а значит и выполнение семьей репродуктивной функции, невозможно. Семейное законодательство предусматривает установление происхождения детей от матери исключительно на основании факта рождения ребенка, что подтверждает приоритетность признания правовой связи ребенка с матерью, оставляя возможность установления правовой связи ребенка с отцом на усмотрение управомоченных субъектов. В статье приводятся различные нормы Кодекса Республики Беларусь о браке и семье, подтверждающие значимость роли женщины-матери в семейных отношениях и обеспечивающие ее интересы. По мнению автора, нуждается в изменении законодательство, предусматривающее возможность изменения половой принадлежности женщины.

Ключевые слова: интересы матери, мать, отец, семья, брак, установление происхождения детей, семейное законодательство.

Семья, и особенно семья, воспитывающая детей, выступает объектом постоянного внимания государства, которое стремится обеспечить самые комфортные условия для ее жизнедеятельности. Согласно ст. 32 Конституции Республики Беларусь брак как союз женщины и мужчины, семья, материнство, отцовство и детство находятся под защитой государства [1]. В утвержденной Указом Президента Республики Беларусь № 196 от 28.06.2023 г. Концепции правовой политики Республики Беларусь среди положительных тенденций формирования и развития национальной правовой системы названо сохранение социальной направленности законодательства, которое защищает такие традиционные ценности, как семью – основную ячейку общества, а также материнство, отцовство и детство (подп. 26.1) [3].

В Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Решением Всебелорусского народного собрания от 25.04.2024 г. № 5, в демографической сфере основными национальными интересами названы в числе прочего укрепление семьи как социального института, наиболее благоприятного для реализации потребности в детях и их воспитании, развитие системы поддержки семей с детьми и улучшение условий их жизнедеятельности (п. 13). Основными целями государственной семейной политики, согласно п. 2 Основных

направлений государственной семейной политики Республики Беларусь, утвержденных Указом Президента Республики Беларусь от 21.01.1998 г. № 46, являются обеспечение улучшения социально-экономических условий жизнедеятельности семьи и выполнения ею репродуктивной, экономической и воспитательной функций, а также укрепление нравственных основ семьи и повышение ее престижа в обществе.

Приведенные положения важнейших документов Республики Беларусь, в которых определены и основы конституционного строя страны, и векторы развития правовой системы страны, и меры, принятие которых необходимо для обеспечения национальной безопасности страны, и основы семейной политики, свидетельствуют о нахождении семьи, материнства, отцовства и детства в фокусе внимания государства. При этом наиболее приоритетная поддержка государства предоставляется именно семье, выполняющей репродуктивную функцию, т. е. семье, которая обеспечивает воспроизводство населения, что просто необходимо в том числе ввиду естественной убыли населения. Однако без женщины-матери, женщины, выполняющей такую важную функцию, как деторождение, полноценное функционирование семьи как основной ячейки общества просто невозможно. Необходимость охраны здоровья матери обозначена в положениях Основных направлений государственной семейной политики Республики Беларусь. Так, к мерам по разработке и реализации семейной политики, принимаемым государственными органами, отнесено обеспечение охраны жизни и здоровья женщин, включая обеспечение охраны труда, с учетом материнской функции (подп. 4.3).

Учитывая значение семьи для общества, государства и отдельно взятого человека, можно констатировать, что роль женщины-матери в функционировании данного института общества является самой важной. В настоящем исследовании постараемся раскрыть вопросы обеспечения интересов матери нормами семейного законодательства, ведь обеспечивая интересы женщины-матери, защиту ее прав и законных интересов, гарантируя безопасные условия для осуществления функций матери, законодатель опосредовано стимулирует женщину к деторождению.

В семейных отношениях женщина, являющаяся матерью, с одной стороны, прямо не обозначена как какой-то особый субъект семейных отношений. Семейное законодательство не содержит и определения «мать», но из содержания норм следует, что «мать» – это женщина, имеющая ребенка (причем независимо от возраста ребенка).

Следует констатировать, что ввиду осуществления именно женщиной физиологической функции деторождения определение происхождения конкретного ребенка от матери при его рождении, как правило, не вызывает затруднений – мать та, которая родила. Данный факт удостоверяется в медицинской справке о рождении, которую

заполняет медицинский работник организации здравоохранения, в которой находилась женщина во время родов, или медицинский работник, который оказывал ей медицинскую помощь во время родов и (или) в послеродовом периоде при родоразрешении вне организации здравоохранения (п. 3 Инструкции о порядке заполнения формы 103/У-10 «Медицинская справка о рождении», утвержденной постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 16.12.2010 г. № 168). Поэтому при родоразрешении с участием медицинских работников мать всегда может быть определена, а отец – нет, поэтому женщина-мать по общему правилу выступает в некоторой степени «безусловным», а поэтому и «приоритетным» родителем с момента рождения ребенка. Несмотря на равенство прав и обязанностей родителей в отношении своих детей, закрепленное в ст. 76 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье (далее – Кодекса о браке и семье) [2], момент и условия возникновения этих прав и обязанностей у мужчины и женщины отличаются. Так, если момент возникновения прав и обязанностей отца зависит от того, состоит ли он в браке с женщиной, которая родила ребенка и является матерью этого ребенка, то момент возникновения прав и обязанностей матери в отношении своего ребенка от этого не зависит – права и обязанности матери по отношению к ребенку возникают с момента рождения ребенка независимо от того, рожден ребенок в браке или вне брака (ст. 50 Кодекса о браке и семье) (хотя есть нюанс относительно установления материнства в судебном порядке, если при регистрации рождения ребенка сведения о родителях, которые были неизвестны, внесены в запись акта о рождении ребенка со слов лиц, подавших заявление о регистрации рождения ребенка, однако данный случай редкое исключение, а не правило).

С одной стороны, как отметила А.М. Нечаева, «права и обязанности родителей относятся к числу традиционных, само собой разумеющихся, естественных по своей природе, т.е. основанных на моральных принципах» [9]. Однако с другой, следует констатировать, что законодатель в некоторой степени вынужден установить различия в моменте возникновения прав родителей у отца и матери, учитывая возможность рождения детей у женщин, не состоящих в браке.

На усмотрение матери, не состоящей в браке, оставляет законодатель решение вопроса установления происхождения ребенка от отца, предоставляя женщине, не состоящей в браке, родившей ребенка, произвести регистрацию рождения в органах, регистрирующих акты гражданского состояния, при отсутствии информации о биологическом отце ребенка. Так, согласно ст. 55 Кодекса о браке и семье при рождении ребенка у матери, не состоящей в браке, если не имеется совместного заявления родителей о регистрации установления отцовства или решения суда об установлении отцовства, сведения об отце ребенка вносятся в запись акта о рождении по фамилии матери, собственное имя

и отчество отца ребенка записываются по ее указанию (такой же подход возможен, если иное лицо подает заявление о регистрации рождения, например, близкие родственники матери). Безусловно, в дальнейшем вопрос об установлении происхождения ребенка от отца может быть решен или по совместному заявлению матери и предполагаемого отца, или в судебном порядке, однако именно данное обстоятельство – допустимость регистрации рождения ребенка без наличия данных об отце, без установления правовой связи с отцом – подтверждает приоритет родительства матери.

Во время беременности матери, подтвержденной медицинской справкой о состоянии здоровья, допускается подача родителями ребенка совместного заявления о регистрации установления отцовства в отношении еще не родившегося ребенка в орган, регистрирующий акты гражданского состояния, если имеются основания предполагать, что подача совместного заявления о регистрации установления отцовства после рождения ребенка станет невозможной или затруднительной (тяжелое заболевание, предстоящая длительная командировка и т. п.). При наличии такого заявления регистрация установления отцовства производится одновременно с регистрацией рождения без подачи родителями ребенка нового заявления (ст. 214 Кодекса о браке и семье).

Также ввиду физиологических особенностей женского организма именно в отношении женщины возможно применение вспомогательных репродуктивных технологий для зачатия ребенка. Если женщина состоит в браке, то супруг дает согласие на применение вспомогательных репродуктивных технологий в отношении своей супруги (ст. 52 Кодекса о браке и семье).

Согласно законодательству о здравоохранении, женщина самостоятельно решает вопрос о материнстве. В частности, именно женщина принимает решение об искусственном прерывании беременности при сроке беременности не более 12 недель (ст. 27 Закона Республики Беларусь от 18.06.1993 г. № 2435-XII «О здравоохранении») [4]. На последующих сроках беременности искусственное прерывание беременности возможно только при наличии установленных законодательством медицинских показаний для искусственного прерывания беременности, установленных постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 10.12.2014 г. № 88 [5], но искусственное прерывание беременности возможно также только при наличии согласия женщины (за исключением некоторых случаев, когда она такое согласие не может дать), следовательно, женщина может сохранить беременность даже при таких обстоятельствах. Кроме того, при наличии социальных показаний для искусственного прерывания беременности, установленных постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 23.10.2008 г. № 1580, и согласия женщины проведение искусственного прерывания

беременности допускается также при сроке беременности не более 22 недель в государственных организациях здравоохранения (ст. 27 Закона Республики Беларусь «О здравоохранении»).

На обеспечение интересов беременной женщины, будущей матери, направлены также следующие нормы Кодекса о браке и семье: ст. 29 и 30 Кодекса о браке и семье, закрепляющие возможность взыскания беременной женщиной, нуждающейся в материальной помощи, средств на свое содержание с ее супруга или бывшего супруга на период беременности, если беременность наступила до расторжения брака; положения ст. 35 Кодекса о браке и семье, устанавливающие запрет расторжения брака с беременной женщиной в судебном порядке без ее согласия. Как отмечается в доктрине семейного права, обязательность согласия беременной жены на расторжение брака носит безусловный характер; ни фактическое отцовство будущего ребенка, ни отношение жены к исполнению семейных обязанностей, ни другие факторы правового значения для действия данного запрета не имеют [10, с. 142].

В интересах будущей матери и ее ребенка в ст. 16 Кодекса о браке и семье предусмотрена возможность сокращения срока, истечение которого необходимо после подачи заявления о регистрации заключения брака до даты заключения брака.

Беременность невесты также выступает основанием для снижения брачного возраста лицам, вступающим в брак (ст. 18 Кодекса о браке и семье).

При установлении происхождения ребенка и в отношении матери, и в отношении отца возникают семейные родительские правоотношения. Родители наравне имеют права и несут обязанности, закрепленные в ст. 68 и 88 Кодекса о браке и семье. Наиболее важным и оказывающим наибольшее влияние на подрастающее поколение видится исполнение родителями обязанности по воспитанию ребенка, осуществлению ухода и надзора за ним. При наличии между отцом и матерью споров о воспитании ребенка, определении его места жительства, возможно привлечение суда.

Важные примеры о роли женщины в воспитании ребенка и проблемах решения вопроса определения места жительства ребенка при наличии спора между матерью и отцом приводит в своей монографии и иных публикациях П.А. Якушев [12, с. 30]. Например, как указано в одном из решений судов Владимирской области, из характеристики из детского сада следовало, что «мальчик у мамы всегда ухожен, опрятен», а от «отца ребенок может прийти не по погоде одетым, неопрятным». При этом ребенок выражал одинаковое желание жить и с матерью, и с отцом [12, с. 31]. Можно привести и иные примеры, свидетельствующие о разных подходах к уходу и заботе о ребенке отца и матери. При этом не вызывает сомнения значимость роли каждого из родителей в воспитании ребенка, поэтому приоритетным выступает решение всех

возникающих несогласованностей родителями по взаимному согласию и без обращения в судебные органы.

В Кодексе о браке и семье, постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 30.09.2004 г. № 11 «О практике рассмотрения судами споров, связанных с воспитанием детей» [6] не содержится императивного требования определения места жительства малолетнего ребенка, в том числе грудного возраста, при наличии спора родителей об определении места жительства именно с матерью. В материале, содержащем обзор судебной практики, подготовленном при участии судьи Верховного Суда Республики Беларусь В.Б. Круговой, также не содержится указаний по данному вопросу [8]. Отсутствует в данных актах и публикации указание на необходимость судам руководствоваться принципом 6 Декларации прав ребенка, принятой резолюцией 1386 (XIV) Генеральной Ассамблеи ООН от 20.11.1959 г., закрепляющем, что малолетний ребенок не должен кроме случаев, когда имеются исключительные обстоятельства, быть разлучаем со своей матерью. Однако данный принцип в полной мере отвечает интересам матери и ребенка. Поэтому поддерживаем подход о целесообразности учета именно данного принципа при решении судами вопроса определения места жительства малолетнего ребенка [11, с. 70; 12, с. 30].

Приведенные в данной статье примеры свидетельствуют об особой заботе законодателя о женщине, которая готовится стать матерью, о необходимости учета особой роли женщины-матери в воспитании особенно малолетних детей при разрешении родительских конфликтов.

Приоритетность возникновения прав и обязанностей у матери по отношению к ребенку следует из ст. 50 Кодекса о браке и семье, т. к. возникновение данных прав не связано с состоянием женщины в браке, а базируется на факте рождения ребенка данной женщиной (за исключением случаев рождения ребенка суррогатной матерью). Момент возникновения прав и обязанностей между матерью и ребенком определен законодателем моментом рождения, в отличие от отца, права и обязанности у которого по отношению к ребенку возникают в зависимости от того состоит ли он в браке с матерью ребенка или нет либо от порядка установления происхождения ребенка от него.

В заключение отметим, что в одной статье сложно охватить все предусмотренные семейным законодательством средства обеспечения интересов матери. При этом с учетом положений иного законодательства следует констатировать, что институт материнства нуждается в дальнейшей защите, а также принятии мер по его охране. В частности, требуют особого внимания вопросы изменения половой принадлежности лиц (смены пола человека). Как верно отмечает профессор О.Ю. Ильина, ведь «во многих семейных правоотношениях пол лица не только имеет юридическое значение, но и определяет семейно-правовой статус субъекта» [7, с. 10]. При смене пола женщиной возникают не только вопросы надлежащего

воспитания ребенка, уже рожденного такой женщиной, но также и в целом вопросы в сфере деторождения. Так, в Республике Беларусь согласно действующей редакции ст. 19 Закона «О здравоохранении» допускается изменение и коррекция половой принадлежности, которые проводятся в государственных организациях здравоохранения по желанию совершеннолетнего пациента при наличии медицинских показаний на основании решений Межведомственной комиссии по медико-психологической и социальной реабилитации лиц с синдромом отрицания пола при Министерстве здравоохранения. Инструкция о порядке изменения и коррекции половой принадлежности по желанию совершеннолетнего пациента в государственных организациях здравоохранения утверждена постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 09.12.2010 г. № 163. На основании анализа данного акта можно сделать вывод, что может иметь место ситуация, когда внесение изменений, дополнений, исправлений в запись акта о рождении женщины в связи с изменением, коррекцией половой принадлежности и последующий обмен документа, удостоверяющего личность, без проведения соответствующих медицинских вмешательств до этого, может приводить к ситуации, когда мужчина (по документу, удостоверяющему личность) может родить ребенка.

Полагаем, обозначенная проблема имеет особую значимость и нуждается во внимании со стороны законодателя. Возможным вариантом для предотвращения указанной ситуации может быть уточнение порядка проведения медицинских вмешательств, которые влекут необратимость процессов изменения половой принадлежности в соотношении с моментом изменения документа, удостоверяющего личность такого лица. В Российской Федерации Федеральным законом от 24.07.2023 г. № 386-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» просто введен запрет смены пола человека (за некоторыми обоснованными исключениями) (ст. 45.1).

Список литературы

1. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <https://russia.mfa.gov.by/ru/embassy/news/a8d9143b178c9aae.html> (дата обращения: 14.11.2024).
2. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [Электронный ресурс]. URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=hk9900278> (дата обращения: 14.11.2024).
3. Указ Президента Республики Беларусь № 196 от 28.06.2023 г. «О Концепции правовой политики Республики Беларусь» [Электронный ресурс]. URL: <https://president.gov.by/ru/documents/ukaz-no-196-ot-28-iyunya-2023-g> (дата обращения: 14.11.2024).

4. Закон Республики Беларусь от 18.06.1993 г. № 2435-XII «О здравоохранении» [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=v19302435> (дата обращения: 14.11.2024).

5. Постановление Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 10.12.2014 г. № 88 «Об установлении перечня медицинских показаний для искусственного прерывания беременности и признании утратившими силу некоторых постановлений Министерства здравоохранения Республики Беларусь и отдельного структурного элемента постановления Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 9 ноября 2007 г. № 105» [Электронный ресурс]. URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=W21429399> (дата обращения: 14.11.2024).

6. Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 30.09.2004 г. № 11 «О практике рассмотрения судами споров, связанных с воспитанием детей» [Электронный ресурс]. URL: https://court.gov.by/ru/jurisprudence/post_plen/civil/matrimony/e9050b2daca94052.html (дата обращения: 14.11.2024).

7. Ильина О.Ю. Новшества семейного кодекса Российской Федерации: предпосылки, содержание и последствия // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2023. № 3 (75). С. 7–15.

8. Кругова В., Горбачева С. Некоторые особенности рассмотрения судами дел о месте жительства ребенка и об участии отдельно проживающего родителя в воспитании детей // Судовы веснік. 2014. № 1. С. 60–66.

9. Нечаева А.М. Семейное право: актуальные проблемы теории и практики. М.: Юрайт-Издат, 2007. 280 с.

10. Семейное право: учеб. пособие / Годунов В.Н. [и др.]; под ред. В.Н. Годунова, М.П. Короткевич. Минск: Изд. центр БГУ, 2024. 392 с.

11. Тарусина Н.Н. Одинокое материнство как социально-правовое явление // Журнал российского права. 2022. № 7. С. 68–84.

12. Якушев П.А. Споры о детях: традиционные ценности и судебная практика: монография. М.: Проспект, 2022. 144 с.

Об авторе:

КОРОТКЕВИЧ Мария Павловна – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры гражданского права Белорусского государственного университета (Республика Беларусь, Минск, пр. Независимости, 4), SPIN-код: 2531-8022, AuthorID: 1124608, e-mail: MKorotkevich@mail.ru

Ensuring the interests of the mother in family relationships

M.P. Korotkevich

Belarusian State University, Minsk

In the article, the author analyzes the norms aimed at ensuring the interests of the woman-mother as the most important subject ensuring the full functioning of the family, without whose participation the birth of children, and therefore the family's performance of the reproductive function, is impossible. Family

legislation provides for the establishment of the origin of children from the mother solely on the basis of the fact of the birth of the child, which confirms the priority of establishing the legal connection of the child with the mother, leaving the possibility of establishing the legal connection of the child with the father at the discretion of authorized entities. The article presents various norms of the Code of the Republic of Belarus on Marriage and Family, confirming the importance of the role of a woman-mother in family relationships and ensuring her interests. According to the author, legislation that provides for the possibility of changing a woman's gender needs to be changed.

Keywords: *interests of the mother, mother, father, family, marriage, establishing the origin of children, family law.*

About author:

KOROTKEVICH Maria – PhD in Law, Associate Professor; Associate Professor of the Department of Civil Law, Faculty of Law, Belarusian State University (Republic of Belarus, Minsk, 4 Nezavisimosti Ave), SPIN-code: 2531-8022, AuthorID: 1124608, e-mail: MKorotkevich@mail.ru

Короткевич М.П. Обеспечение интересов матери в семейных отношениях // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 1 (81). С. 122–130.

Статья поступила в редакцию 23.01.2025 г.
Подписана в печать 12.03.2025 г.

О понятии материнства

О.Ю. Косова

ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции»
(РПА Минюста России), г. Иркутск

Материнство рассматривается в аспекте жизненно важных для общества традиционных ценностей. Автор исходит из того, что понятие материнства в смысловом содержании отражает два этапа жизни женщины: биологический (реализация репродуктивной функции) и социальный (взаимодействие матери и рожденного ею ребенка). Обосновывается мнение о необходимости сохранения в законодательстве основанной на факте родов презумпции материнства женщины, которая родила ребенка, обращается внимание на используемую юридическую терминологию.

Ключевые слова: *мать, материнство, традиционная ценность, юридический статус матери, презумпция материнства, суррогатное материнство, потенциальные родители.*

В правовом регулировании несомненное значение имеют отраженные в понятиях представления о состоянии общества и реальных складывающихся в нем общественных отношениях. Без отчетливого лексического оформления в понятиях сути явлений размываются их смысловые контуры, в обществе утрачивается понимание их роли и взаимосвязи друг с другом, что, в свою очередь, не способствует поиску и обнаружению адекватных правовых норм, разрешающих социальные проблемы.

«Материнство» – одно из тех базовых понятий, которые рождены биосоциальной сущностью человека, оно лежит в основе демографического благополучия, нравственности и духовного здоровья общества. Культивируемые представления о материнстве во многом определяют существование и жизнеспособность общества, они отражают объективные стороны архиважных социальных связей: между мужчиной и женщиной, родителями и детьми.

В силу своей социальной значимости термин «материнство» обретает свое преломление в системе знаний, используется в юриспруденции и государственной политике, достаточно упомянуть о конституционном принципе защиты и поддержки семьи, материнства, отцовства и детства (ст. 38 Конституции Российской Федерации). Бережное отношение к этой традиционной семейной ценности не может расцениваться лишь как временное «модное» направление правовых научных исследований, понимание ее места в системе духовно-нравственных ориентиров, переходящих от поколения к поколению и

составляющих жизненную опору общества, особенно важно сейчас на фоне катастрофического для судьбы страны демографического кризиса.

Процессы, протекающие в семейной сфере российского общества, свидетельствуют о глубоком кризисе института семьи: прежде всего речь идет об отказе российских женщин от материнства, на что указывают прежде всего масштабы абортирования среди россиянок и падение коэффициента рождаемости. По данным Росстата за первое полугодие 2024 г. «в стране появилось на свет 599,6 тыс. детей, что на 16,6 тыс. меньше, чем годом ранее. В июне 2024-го рождаемость в России побила антирекорд – она рухнула до 98,6 тыс. детей, ранее ниже 100 тысяч показатель опускался только в 1999 году. В это же время в стране зафиксировали рост естественной убыли населения в сравнении с 2023 г...» [13].

Состояние семейной сферы и отношение к материнству обуславливаются не только материальными факторами жизни, но и нравственными идеалами, системой духовных ценностей, которых придерживается общество. Нельзя не учитывать, что в развитии этого процесса негативную роль играет информационное поле, в котором живут молодые поколения. Указом Президента РФ № 809 [5] отмечается, что в настоящее время российскому народу насаждается чуждая ему и разрушительная для российского общества «система идей и ценностей», это выражается: в культивировании эгоизма и безнравственности, отрицании «естественного продолжения жизни, ценности крепкой семьи, брака, многодетности», в «разрушении традиционной семьи» и др. Материнство прямо не названо в Указе в перечне традиционных российских ценностей, однако полагаем, что оно полностью отвечает их определению, содержащемуся в этом документе. Кроме того, «крепкая семья» официально признана одной из таковых, а она строится главным образом на стремлении людей к отцовству и материнству и укрепляется во многом благодаря им. Поэтому нет сомнений, что материнство является духовно-нравственной, традиционной семейной ценностью.

Смысловое содержание термина «материнство» в энциклопедических изданиях несколько варьируется: при сохранении общей смысловой привязки к реализации репродуктивной женской функции в этот период (беременность, роды, кормление ребенка) в определение может дополнительно включаться также указание на психологическое отношение матери к своему ребенку [8, с. 589; 11] либо репродуктивный биологический функционал может быть дополнен социальной функцией матери – «воспитание ребенка, будущего гражданина своей страны» [7, с. 308].

Наиболее объемное, но так или иначе включенное в правовое поле определение обнаруживаем в следующих смысловых координатах: материнство – это «статус женщины и функция женского организма,

связанные с воспроизведением потомства и продолжением человеческого рода, которые включают социальный (воспитание человека), психологический (духовная забота и привязанность), экономический (материальное обеспечение), биологический (вынашивание, рождение, вскармливание ребенка) аспекты и снабжены системой юридических гарантий» [10, с. 86]. Подробный анализ возможных определений материнства в рамках ограниченной по объему работы невозможен, хотя стоит отметить, что если следовать последнему и пытаться уместить материнство в правовые рамки, то придется прийти к противоречащему действительности выводу, что без оформления юридического статуса и без юридических гарантий оно объективно существовать не может. К тому же эклектично соединение в одном понятии «статуса» и «функции женского организма».

Придать четкую смысловую определенность понятию материнства непросто, вероятно поэтому не во все энциклопедические источники этот термин включен. Но очевидно, что это слово производно от широко распространенного слова «мать», в сознании большинства людей это женщина, дарящая жизнь приходящему в мир человеку. В древнерусском языке матька (производное от мати), как и матица, означало «мать», а также «основа», «начало»; анатомически – «утроба», «чрево» [14, с. 515]. Современная лексика фиксирует несколько иные смысловые акценты: «матка» преимущественно обозначает женский орган, в котором происходит зарождение и развитие жизни человека, «мать» – женщина по отношению к рожденным ею детям [12, с. 288; 15, с. 341].

В то же время наблюдается процесс «расщепления» изначального смыслового содержания понятия «мать». По историческим меркам не так давно получили употребление термины «биологическая мать», «суррогатная мать», «потенциальные родители» (среди последних, по-видимому, значатся и «потенциальные матери»). На наш взгляд, они отражают не социальный прогресс, а разрушающие воспроизводство людей противные их природе процессы, протекающие в обществе. В своей части они укореняют ненаучную политически ангажированную идеологию «трансформации человека», постепенно ведущую к «расчеловечиванию» людей, когда они будут лишены прав отцовства и материнства, а рождение детей будет происходить противоестественным способом – с помощью технологий нормированного глобальными властями «искусственного зачатия детей», сопряженного с экспериментами над человеческими генами, «искусственной маткой» и другими вариантами ломки биосоциальной сущности людей. На этом опасном депопуляционном пути приоритета медико-технических решений перед натурой и достоинством человека – не создание условий для сохранения репродуктивного здоровья женщины и мужчины, не создание благоприятных условий для материнства, а апробация перевода естественных процессов

воспроизводства к искусственным, полностью управляемым с помощью технических средств и технологий, которые способны удовлетворить эгоистичные амбиции и желания, но не гарантируют счастья и здоровья всем, в отношении кого используются.

Издавна отказ от зачатого или рожденного ребенка сурово осуждался нормами традиционной морали и права, а отсутствие детей считалось несчастьем для семьи и рода. Тысячелетиями утверждалось основанное на реальности представление о том, что матерью ребенка является родившая его женщина, оно не оспаривалось даже когда заботу о его дальнейшем содержании и воспитании брала на себя другая женщина, заменившая ему родную («родовую») мать и по этой причине пользующаяся уважением в социуме. Напротив, отказавшаяся от ребенка или неоправдавшая себя в материнстве мать, если она становилась известной, безусловно осуждалась и в общественном мнении получала соответствующую репутацию. При соблюдении общего порядка общество допускало и переход социальных функций попечения о ребенке от матери к другим, более благополучным согражданам, что могло юридически оформляться, но все же было редким исключением. Известные юридические формы заботы о чужих детях, например усыновление (удочерение) и опека (попечительство), в отличие от попечения родной матери, как и ныне, не имели повсеместного распространения, к тому же зачастую уступали тем формам, которые определялись обычаями и моралью.

Важным условием передачи прав от матери другим лицам до настоящего времени является ее согласие как это имеет место при усыновлении (ст. 129 Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ)) [1]. Согласие матери может презумироваться как, например, в ситуациях ст. 19, 19.1 ФЗ «Об актах гражданского состояния» [2]. Согласие не требуется в случае смерти, недееспособности матери, а также при неосуществлении ею родительских прав (неисполнении обязанностей) в ущерб интересам ребенка и, как результат, лишения (ограничении) этих прав (ст. 69, 73 СК РФ). Но даже при таком жестком вмешательстве в отношения родителей и детей мать сохраняет свой семейно-правовой статус, пусть и существенно ограниченный; будучи отстраненной от обязанностей воспитания, защиты интересов ребенка, она все же несет обязанность его содержания, а также неблагоприятные последствия ненадлежащего воспитания ребенка (ст. 1075 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ)). Причем до внесения изменений в ст. 51 СК РФ [3], требование получения согласия так называемых «суррогатных» матерей на передачу социальной функции попечения о ребенке «заказчикам» по соответствующему договору носило безусловный характер, гипотеза нормы не указывала на какие-либо дополнительные обстоятельства ее применения.

В правилах СК РФ (ст. 47, 48, 51) и гл. II ФЗ «Об актах гражданского состояния» при определении женщины, которая юридически может

оформлять материнский статус, все еще превалирует, отражая реальную суть явлений, презумпция признания в качестве матери той женщины, которая его родила. Факт родов очевиден, может подтверждаться даже свидетельскими показаниями, указывает на безусловную его связь с предшествующими ему зачатием и вынашиванием ребенка. При каких обстоятельствах человеческий росток укоренился в чреве женщины, положив начало беременности, по большому счету не должно юридически определять признание ее матерью выношенного и рожденного ею ребенка, она в любом случае его «родительница». Создание эмбриона путем манипулирования биологическим материалом в пробирке не есть то, что веками считалось, а теперь вне парадигмы естества человека, увы, называется зачатием.

Любопытно, что в Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [4] «заказчики» именуются «потенциальными родителями». Считаем этот термин неудачным: во-первых, согласно ст. 55 названного закона «вспомогательные репродуктивные технологии представляют собой методы лечения бесплодия», значит договор суррогатного материнства должен заключаться по причине невозможности заказчиков самостоятельно реализовать репродуктивную функцию, т. е. естественным путем стать родителями. Значит, с биологической точки зрения слово «родитель», при его основной смысловой нагрузке, к ним неприменимо. Не может являться контраргументом то, что по договору был использован их генетический материал, поскольку при использовании донорского генетического материала для последующего рождения детей законодательство, несмотря на генное родство ребенка и донора, не считает последнего родителем. Во-вторых, с юридической точки зрения, все физические лица, а не только заключившие договор о «суррогатном материнстве», с момента рождения «потенциальные родители», в течение жизни они могут приобрести юридический статус «родителя», субъекта родительского правоотношения. Эта абстрактная возможность является составной частью семейной правоспособности.

Таким образом, факт рождения указывает на единство и последовательность процесса реализации женской репродуктивной функции, а кроме того, на значение этого процесса как естественной предпосылки дальнейшей социальной связи матери и ребенка. Материнство представляет собой имеющую биолого-психологические и социальные аспекты связь между матерью и ребенком от его зачатия до смерти одной из сторон. В нем обнаруживаются два основных протекающих во времени периода: первый – биологический (беременность от зачатия ребенка до отделения ребенка от тела выносившей его женщины); второй – социальный, когда взаимодействие матери и рожденного ею ребенка определяется действием главным образом внешних социальных и личностно-индивидуальных факторов,

оно окрашено эмоциями, формирует и корректирует особенности личности сторон, определяет не только выживание и развитие родившегося ребенка, но впоследствии, как правило, взаимную заботу друг о друге в одной семье или вне ее. Социальная связь лишь отчасти может иметь форму правовых отношений и по общему правилу прекращается со смертью одной из сторон.

Мать, ее тело и рожденный ею ребенок не могут расцениваться как объект каких-либо правовых притязаний, в том числе по договору, иное противоречит ценностным установкам жизнеспособного общества. В пришедшем в российское право с запада термине «суррогатное материнство», по-видимому, сознательно заложено искажение традиционных представлений о материнстве, отчетливо просматривается искажение смыслов, лексически вкладываемых в традиционное представление о матери. Уже сам термин «суррогатное материнство» – это удар по социальной ценности материнства [9]; вызывает сожаление тот факт, что он был укоренен в российском законодательстве. Суррогатной матерью скорее нужно считать женщину, которая, не выполнив репродуктивной функции, по сути купила социальный, в том числе юридический, статус матери. Неудивительно, что договор суррогатного материнства коммерциализирован и с недавних пор отнесен к числу гражданско-правовых [6].

Как бы то ни было, на текущее время важно вновь осмыслить категорию «материнство», вспомнить ее традиционное смысловое содержание и оценить юридические формы его поддержки и защиты, учитывая уникальное значение этой духовно-нравственной и жизненно важной для общества и семьи ценности.

Список литературы

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.10.2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 15.11.1997 г. № 143-ФЗ (ред. от 25.12.2023 г.) «Об актах гражданского состояния» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон от 19.12.2022 г. № 538-ФЗ (ред. от 28.04.2023 г.) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 25.12.2023 г.) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Указ Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Определение Конституционного Суда РФ от 27.09.2018 г № 2318-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан С.Д. и С.Т. на нарушение их конституционных прав п. 4 ст. 51, п. 3 ст. 52 Семейного кодекса Российской Федерации, п. 5 ст. 16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния», ч. 9 ст. 55 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

7. Большая энциклопедия: В 62 томах / гл. ред. С.А.Кондратов. М: Терра, 2006. 592 с.

8. Большой академический словарь русского языка / гл.ред. К.С. Горбачевич: Л-Медь. М.: Наука, 2007. Т. 9. 659 с.

9. Косова О.Ю. Семейное законодательство как инструмент государственной политики // Социально-правовые аспекты трансформации института современной семьи в контексте государственной семейной политики: сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию принятия Семейного кодекса Российской Федерации. 29.10.2020 г. / под общ.ред. О.И. Ильиной. Тверь: Тверской государственный университет, 2020. С. 111–118.

10. Новая российская энциклопедия: в 12 т. / гл. ред. В.И.Данилов-Данильян, А.Д.Никипелов. М.: Из-во «Энциклопедия»: ИНФРА-М., 2012. Т. X (2). 480 с.

11. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=13996>, свободный (дата обращения: 14.07.2024).

12. Толковый словарь ключевых слов русского языка / под общ. рук. Г.Н. Складчиковой. СПб: Филол. ф-т СПбГУ, 2014. 672 с.

13. Цыцур К. В России зафиксировали рекордно низкий уровень рождаемости [Электронный ресурс]. URL: https://360.ru/news/obschestvo/kak-v-1999-m-v-rossii-zafiksirovali-rekordno-nizkij-uroven-rozhdaemosti/?from=inf_cards, свободный (дата обращения: 30.09.2024).

14. Черных П.Я. Историко-лингвистический словарь современного русского языка: в 2-х т. 8 изд. М.: Русский язык-медиа, 2007. Т. 1. 621 с.

15. Шушков А.А. Толково-понятийный словарь русского языка: 600 семантических групп. М.: АСТ:Астрель:Хранитель. 2008. 988 с.

Об авторе:

КОСОВА Ольга Юрьевна – доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права и процесса ФГБОУ ВО «Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)», доцент (664011, г. Иркутск, ул. Некрасова, д. 4), SPIN-код: 1212-2373, AuthorID: 353085, e-mail: olurko@mail.ru

About the concept of motherhood

O.U. Kosova

All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia), Irkutsk

Motherhood is considered in the aspect of traditional values vital for society. The author proceeds from the fact that the concept of motherhood in its semantic content reflects two stages of a woman's life: biological (implementation of the reproductive function) and social (interaction between the mother and the child she gives birth to). The opinion on the need to preserve in legislation the presumption of motherhood of a woman who gave birth to a child, based on the fact of childbirth, is substantiated, and attention is drawn to the legal terminology used.

Keywords: *mother, motherhood, traditional value, legal status of the mother, presumption of motherhood, surrogacy, potential parents.*

About author:

KOSOVA Olga– Doctor of Law; Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Irkutsk Law Institute (branch) All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of the Russian Federation); Associate Professor; (66011, Irkutsk, Nekrasova street, 4), SPIN-code: 1212-2373, AuthorID: 353085, e-mail: olurko@mail.ru

Косова О.Ю. О понятии материнства // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 1 (81). С. 131–138.

Статья поступила в редакцию 25.01.2025 г.
Подписана в печать 12.03.2025 г.

Интересы родителей и детей при рассмотрении налоговых споров

И.А. Крусс

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Статья посвящена вопросам правового регулирования исполнения налоговых обязательств несовершеннолетними и последствиям нарушения этих обязательств. В статье позиционируется взгляд, связанный с необходимостью определения и надлежащей защиты интересов детей, а также интересов родителей при уплате налогов и санкций за несовершеннолетних при разрешении налоговых споров. Особый интерес представляет выявление разновидностей и специфики налоговых споров с участием детей. Методами исследования являются формальная логика, сравнительный анализ правовых категорий, синтез (обобщение), комплексность и системный подход.

Ключевые слова: *налоговое обязательство, интересы родителей, интересы детей, досудебный порядок урегулирования споров, судебная защита.*

Вопросы о налоговых обязательствах несовершеннолетних детей, принудительном взыскании соответствующих платежей и санкций не часто являются предметом научной дискуссии. Бытует такое представление, что налоговые органы не стремятся в принудительном порядке взыскивать долги с детей, уповая на институт добровольной уплаты родителями (законными представителями) соответствующих задолженностей. И действительно, если проанализировать практику, то такие дела есть, но они немногочисленны. Это связано, на наш взгляд, с тем, что в настоящее время действует институт досудебного урегулирования налоговых споров, а также имеет значение и то обстоятельство, что налоги могут быть уплачены третьим лицом за налогоплательщика. Но вопрос возникает в другом, а именно: в чем заключается действительный интерес родителей и детей, а также представителей контролирурующих органов по таким спорам?

Налоговыми органами предъявляются иски о взыскании налоговых задолженностей и санкций с лиц, допустивших нарушения налогового законодательства. Как правило, по инициативе налогоплательщиков и налоговых агентов, споры возникают при несогласии с налоговыми притязаниями государства и налоговых служб. Предметом таких споров может быть и возмещение убытков, причиненных незаконными решениями или действиями (бездействиями) налоговых органов и их должностных лиц.

В ситуациях, когда участниками налоговых споров выступают дети, к участию в деле привлекаются их законные представители. Среди споров налогового характера с участием детей следует выделить споры об уплате налоговых платежей и санкций. При этом такие споры могут возникнуть по причине неуплаты платежей и санкций по налогам на имущество несовершеннолетних лиц, в том числе по земельному налогу, налогу на доходы физических лиц (НДФЛ), а также налогу на профессиональный доход для самозанятых несовершеннолетних граждан.

Законодательство не устанавливает особенностей взыскания с несовершеннолетних задолженностей по налогу на имущество физических лиц, как и по другим имущественным налогам. Вместе с тем, как указано выше, в силу возраста несовершеннолетний налогоплательщик участвует в налоговых отношениях через своих законных представителей. Так, при взыскании задолженности по налогу на имущество несовершеннолетних требование о взыскании налоговый орган предъявляется в судебном порядке обычно к законным представителям несовершеннолетних.

Согласно п. 2. ст. 27 Налогового кодекса РФ (далее – НК РФ) [1] законными представителями налогоплательщика – физического лица признаются лица, выступающие в качестве его представителей в соответствии с гражданским законодательством, т. е. родители, усыновители, опекуны, попечители.

При этом НК РФ не возлагает на представителей обязанности по уплате налогов за представляемых ими лиц (детей). Соответственно эту обязанность несут сами налогоплательщики – дети. По смыслу п. 2. ст. 107 НК РФ к налоговой ответственности привлекаются субъекты, достигшие шестнадцатилетнего возраста. Однако это положение не освобождает лиц, не достигших 16 лет, исполнять свои налоговые обязательства, возникшие в связи с принадлежностью им имущества, являющегося объектом налогообложения, или получением доходов, в том числе от хозяйственной деятельности в качестве предпринимателей или самозанятых.

Так, по одному административному делу по иску Межрайонной инспекции Федеральной налоговой службы России по Кемеровской области – Кузбассу о взыскании обязательных платежей и санкций установлено, что административный ответчик на момент получения дохода от продажи квартиры достиг 16 лет, однако ни им, ни законными представителями обязанность по уплате налога не исполнена, на основании этого, довод ответчика о его несовершеннолетнем возрасте Судебной коллегией по административным делам Кемеровского областного суда признан несостоятельным [5]. Аналогичный подход усматривается из анализа ряда других решений, например: апелляционное определение СК по административным делам

Верховного Суда Чувашской Республики – Чувашии от 23.07.2018 г. по делу № 33а-3385/2018.

Более того, по этому поводу еще в 2008 го. была высказана позиция Конституционным Судом Российской Федерации, в которой обозначалось, что несовершеннолетние дети обязаны нести бремя содержания принадлежащего им имущества, включая участие в уплате налогов, что предполагает обязанность совершения от их имени необходимых юридических действий родителями [3].

Однако у налоговых органов на этот счет было свое мнение, базирующееся на том, что ответственность за неуплату налогов несет законный представитель несовершеннолетнего. Кроме того от имени несовершеннолетнего, получившего доход от продажи недвижимости, налоговую декларацию заполняет родитель.

Контролирующие органы неоднократно разъясняли в своих письмах, что родители (усыновители, опекуны, попечители) как законные представители несовершеннолетних детей, недееспособных или ограниченных в дееспособности граждан, которые имеют в собственности имущество, подлежащее налогообложению, осуществляют правомочия по управлению данным имуществом, в том числе и исполняют обязанности по уплате налогов (информация ФНС России от 14.09.2018 г., письма Минфина России от 18.05.2015 г. № 03-05-06-01/28396, от 05.11.2013 г. № 03-05-06-01/46944, от 28.08.2013 г. № 03-05-06-01/35251, от 15.01.2013 г. № 03-05-06-01/05 и др.) [8].

Налоговые споры с детьми случаются достаточно редко, так как обычно дети не имеют значительного дохода или имущества, поэтому актуальное значение приобретает досудебное урегулирование, где добросовестный законный представитель должен руководствоваться приоритетом защиты интересов несовершеннолетнего.

Законные представители могут обратиться с жалобой в вышестоящий налоговый орган в установленные законом сроки. На сегодняшний день набирает оборот институт урегулирования споров с помощью посредника (медиатора). Полагаем, что в скором будущем сфера налоговой конфликтности будет также предметом медиативных соглашений.

Считаем, что досудебное урегулирование налоговых споров с детьми является более надежным инструментом, так как позволяет избежать длительного и затратного судебного процесса, но главное способствует обеспечению и защите интересов ребенка, минимизируя возможный ущерб психо-эмоциональному состоянию последнего.

Как выше уже указывалось, к основным интересам родителей и детей при рассмотрении налоговых споров относятся освобождение от незаконных притязаний со стороны налоговых служб, а также возмещение имущественных потерь, возникших в силу совершения незаконных действий (бездействий) или признания незаконными решений соответствующих органов.

Вместе с тем, у родителей и детей возникает интерес при выполнении налоговых обязательств, связанный с возможностью получения налоговых вычетов. В соответствии с налоговым законодательством РФ налоговые вычеты позволяют либо уменьшить налогооблагаемую базу (размер дохода, с которого взимается налог), либо вернуть часть налога, который был уплачен в бюджет ранее (ст. 218–221 НК РФ). Таким образом, важное значение приобретает установление в судебном порядке фактов правомерности действий налогоплательщиков, родителей и несовершеннолетних, по уплате налоговых платежей в целях получения налоговых вычетов, а также фактов законности предоставления налоговых вычетов. Так, по одному делу, рассмотренному районным судом Кировской области, было удовлетворено требование истца о взыскании неосновательного обогащения в виде неправомерно (ошибочно) предоставленного имущественного налогового вычета в связи с тем, что была доказана ничтожность договора купли-продажи квартиры [6]. Указанная сделка совершалась между взаимосвязанными лицами (матерью и несовершеннолетней дочерью), когда налоговая льгота при таких условиях согласно положениям НК РФ не предоставляется.

В развитие исследуемых вопросов стоит указать и на законодательно предусмотренную возможность регистрации несовершеннолетних физических лиц в качестве индивидуальных предпринимателей (далее – ИП). Несовершеннолетние, зарегистрированные как ИП, вправе применять специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход». Соответственно, именно у них и возникает обязанность платить налоги от предпринимательской деятельности.

Однако, в связи с тем, что на сегодняшний день отсутствует четкая правовая регламентация ответственности родителей по налогам детей суды общей юрисдикции и арбитражные суды поставлены в ситуацию неопределенности, а именно вынуждены задаваться вопросом, кого именно привлекать к ответственности за налоговое правонарушение несовершеннолетнего лица.

Определенное нормативное подтверждение обязанностей родителей уплачивать налоги за детей следует из ст. 86 Семейного кодекса РФ, посвященной участию родителей в дополнительных расходах на детей [2].

При отсутствии соглашения и при наличии исключительных обстоятельств каждый из родителей может быть привлечен судом к участию в несении дополнительных расходов, вызванных этими обстоятельствами. Перечень исключительных обстоятельств не является исчерпывающим, что позволяет расширительно толковать эту норму относительно применения к налоговым обязательствам детей.

Определенный интерес вызывает Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 г. № 56 «О применении судам

законодательства при рассмотрении дел, связанных с взысканием алиментов», в соответствии с которым не усматривается оснований для исчисления размера алиментов на детей с учетом их налоговых обязательств [4].

Представляется, что включение налоговых обязательств ребенка в расчет алиментов не отвечало бы цели института алиментов, как-то: обеспечить нормальные условия жизни и развития ребенка. Но такой подход объективен в ситуации, когда налоговые обязательства детей минимальны и не влияют существенно на потребности несовершеннолетних. Однако, в случаях, когда налоговые обязательства ребенка высоки, что может указывать на наличие у него значительного дохода, например, от предпринимательской деятельности, полагаем, суду следует учитывать документально подтвержденный доход при определении алиментов, оценивая общее материальное положение или общую финансовую картину. И здесь необходимо подходить дифференцированно, когда ребенок финансово обеспечен и когда нет, и он не может справиться с налоговым бременем. В любом случае, решение суда должно основываться на обеспечении потребностей ребенка.

Другой вопрос, который также возникает в аспекте заявленной проблематики, в банкротных делах встречаются случаи, когда родители оформляют имущество на детей, тем самым противодействуют обращению взыскания со стороны кредиторов. Судебная коллегия по экономическим спорам при Верховном Суде РФ квалифицирует такие сделки как способ помешать кредиторам компании-банкрота взыскать с нее долг. Вместе с тем, удовлетворяя интерес избежать гражданско-правовую ответственность, налоговую ответственность такие родители все же обойти не могут. То есть образуется ситуация, при которой интерес родителя заключается в освобождении от гражданско-правовой ответственности по своим обязательствам по итогам банкротного процесса, с сохранением за собой налогового бремени в отношении переданного детям имущества, а соответственно и права управления им и получения налоговых вычетов.

При этом на сегодняшний день возможно взыскание долгов признанных несостоятельными компаний с родственников и даже несовершеннолетних детей участников (членов) корпораций в случае, если из-за умышленных сделок по передаче им имущества не удалось погасить задолженность банкрота. Ответственность таких родственников ограничивается стоимостью имущества [7]. В этом случае возникают отношения субсидиарной ответственности детей. И тогда интерес родителей и детей заключается в доказывании правомерности подобных сделок и действий.

Затронутые в статье вопросы – лишь часть проблем, возникающих в связи с рассмотрением налоговых споров с участием

несовершеннолетних детей. Как видно, интересы родителей и детей в налоговых спорах могут как совпадать, так и различаться.

Исходя из вышеизложенного следует, что при рассмотрении налоговых споров акцентируется внимание на защите прав и интересов менее защищенной категории граждан – несовершеннолетних. И здесь, в первую очередь, необходимо руководствоваться интересами детей, однако это не должно нарушать баланса между интересами детей и родителей.

Дети заинтересованы в минимальных налоговых обязательствах в целях сохранения средств для удовлетворения личных потребностей и интересов. Они имеют право на защиту от незаконных требований налоговых органов и заинтересованы в возмещении ущерба от неправомерных решений и действий.

Родители стремятся к тому, чтобы налоговые споры не приводили к обременительным имущественным последствиям для семьи, при этом они заинтересованы и в использовании налоговых вычетов в целях уменьшения своего налогового бремени. Но главный интерес, который должны преследовать родители – это обеспечение и защита интересов ребенка, забота о его эмоциональном состоянии и здоровье.

Список литературы

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 г. № 146-ФЗ (ред. от 12.07.2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.10.2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 13.03.2008 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений подпунктов 1 и 2 пункта 1 статьи 220 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.И. Аникина, Н.В. Ивановой, А.В. Козлова, В.П. Козлова и Т.Н. Козловой» [Электронный ресурс]. URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/1786212/paragraph/1:1> (дата обращения: 29.01.2024)
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 г. № 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов» // СПС «Гарант».
5. Апелляционное определение СК по административным делам Кемеровского областного суда от 13.09.2023 г. по делу № 33а-8482/2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/335882295/paragraph/1:0> (дата обращения: 29.01.2024).
6. Решение Слободского районного суда Кировской области от 21.03.2023 г. по делу № 2-194/2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/334329939/> (дата обращения: 29.01.2024)
7. ВС разъяснил правила взыскания долгов с детей владельцев компаний-банкротов [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/> (дата обращения: 15.11.2024).

8. Энциклопедия решений. Плательщики налога на имущество физлиц – несовершеннолетние, недееспособные или ограниченные в дееспособности [Электронный ресурс]. URL: <https://internet.garant.ru/#/document/58077212/paragraph/29/doclist/9/2/0/0/%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%20%D0%BD%D0%B5%D1%81%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D1%80%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D0%BB%D0%B5%D1%82%D0%BD%D0%B8%D1%85:2> (дата обращения: 15.11.2024).

Об авторе:

КРУСС Ирина Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной власти и правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), ORCID: 0000-0002-0261-9582, SPIN-код: 1394-2400, e-mail: Kruss.IA@tversu.ru

The interests of parents and children in the consideration of tax disputes

I.A. Kruss

Tver State University, Tver

The article is devoted to the issues of legal regulation of the fulfillment of tax obligations by minors and the consequences of violation of these obligations. The article positions a view related to the need to determine and protect the interests of parents in paying taxes and sanctions for minor children in the event of tax disputes. The research methods are formal logic, comparative analysis of legal categories, synthesis (generalization), complexity and a systematic approach.

Keywords: *tax liability, interests of parents and children, pre-trial dispute settlement procedure, judicial protection.*

About author:

KRUSS Irina – PhD in Law, assistant professor of the department of judiciary and law enforcement of the Tver State University (170100, Tver, ul. Zhelyabova, 33), ORCID: 0000-0002-0261-9582, SPIN-код: 1394-2400, e-mail: Kruss.IA@tversu.ru

Крусс И.А. Интересы родителей и детей при рассмотрении налоговых споров // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 1 (81). С. 139–145

Статья поступила в редакцию 25.01.2025 г.
Подписана в печать 12.03.2025 г.

Защита уязвимых групп населения в условиях действия особых правовых режимов

Т.В. Кувырченкова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Предметом исследования стали правовые нормы, регулирующие защиту прав и свобод уязвимых слоев населения, таких как женщины и дети, в условиях действия особых правовых режимов. Цель – установление возможных пробелов в международных источниках, российском законодательстве, регулирующих защиту этих групп, и формулирование предложений по совершенствованию национального законодательства. Основные методы, используемые в работе: сравнительный, системный. В ходе исследования установлено, что в российском чрезвычайном законодательстве отсутствуют отдельные положения, посвященные защите уязвимых слоев населения, таких как женщины и дети. В отличие от национального законодательства, ряд международных договоров включают указанные вопросы в качестве отдельных разделов, статей. В связи с изложенным, предлагается дальнейшее совершенствование российского законодательства и восполнение имеющихся пробелов.

Ключевые слова: особые правовые режимы, режим чрезвычайного положения, режим военного положения, режим чрезвычайной ситуации, режим контртеррористической операции, международные договоры, уязвимые группы населения, женщины и дети.

Административно-правовые режимы предполагают установление правил, порядка, специальных требований к организации определенной деятельности либо для населения, органов публичной власти. В последнем случае правовой режим вводится на отдельной территории. В научных публикациях предлагаются различные классификации административно-правовых режимов. Одна из них: постоянно действующие режимы и режимы, вводимые временно. Последние получили название особых правовых режимов. Правда, такая терминология разделяется не всеми авторами. Особые правовые режимы устанавливаются в чрезвычайных, экстраординарных условиях. Сюда относятся ситуации военных действий (военное положение), различные чрезвычайные ситуации (чрезвычайное положение, режим чрезвычайной ситуации), обстановка, когда совершен террористический акт либо существует угроза его совершения (режим контртеррористической операции) и др. Указанные административно-правовые режимы получили закрепление в российском законодательстве. В научных публикациях, кроме перечисленных,

предлагается определение также режима особого положения, характеристика которого у авторов отличается. В любом случае особые правовые режимы устанавливаются в экстраординарных условиях.

Юридические нормы, регулирующие правовое положение субъектов при введении особых правовых режимов, включаются в себя, прежде всего, ограничения некоторых прав граждан, возможность приостановления деятельности ряда предприятий и организаций, изменение системы управления для органов публичной власти, возможность формирования временной администрации. Что же касается дополнительной защиты гражданского населения в этих условиях, особенно это касается уязвимых слоев общества (к ним прежде всего относятся дети и женщины), то в российском законодательстве указанные положения не содержатся.

Но, например, в конституциях ряда государств, в отличие от Конституции России, содержатся пределы ограничений прав и свобод в условиях военного и исключительного (чрезвычайного) положений, касающиеся конкретно прав женщин и детей.

Так, конституция Польши содержит следующие нормы:

«Статья 233. Закон, определяющий объем ограничений свобод и прав человека и гражданина во время военного и исключительного положения, не может ограничивать свободы и права, определенные в статье 30 (достоинство человека), статье 34 и статье 36 (гражданство), статье 38 (охрана жизни), статье 39, статье 40 и части 4 статьи 41 (гуманное обращение), статье 42 (несение уголовной ответственности), статье 45 (доступ к суду), статье 47 (личные блага), статье 53 (совесть и религия), статье 63 (петиции), а также статье 48 и статье 72 (семья и ребенок).

Статья 48. Родители имеют право на воспитание детей согласно собственным убеждениям. Это воспитание должно учитывать степень зрелости ребенка, а также свободу его совести и вероисповедания, а также его убеждений. Ограничение или лишение родительских прав может наступить только в случаях, определенных в законе, и только на основании правомочного решения суда.

Статья 72. Республика Польша обеспечивает охрану прав ребенка. Каждый имеет право требовать от органов публичной власти защиты ребенка от насилия, жестокости, эксплуатации и деморализации. Ребенок, лишенный родительской опеки, имеет право на опеку и помощь публичных властей. В ходе установления прав ребенка органы публичной власти, а также лица, ответственные за ребенка, обязаны выслушать и по мере возможности учесть мнения ребенка. Закон определяет компетенцию и порядок назначения Уполномоченного по Правам Ребенка» [8].

В России есть норма о дополнительных социальных гарантиях и компенсациях военнослужащим женского пола и военнослужащим, воспитывающим детей без отца (матери). Это Указ Президента РФ от 10.11.2007 г. № 1495 «Об утверждении общевоинских уставов

Вооруженных Сил Российской Федерации» [9]. Но они не относятся к гражданскому населению.

Обратимся к международным источникам.

Мировое сообщество, осознавая тот факт, что количество жертв среди гражданского населения неимоверно больше, чем среди комбатантов, принимает после Второй мировой войны ряд Женевских конвенций, в которых отдельно закреплена защита наиболее уязвимых слоев населения – женщин и детей. В IV Женевской конвенции «О защите гражданского населения во время войны» есть отдельный раздел «Статус покровительствуемых лиц и обращение с ними», где содержатся нормы, закрепляющие защиту таких групп, как женщины и дети.

Так, ст. 27 указывает на то, что женщины будут специально охраняться от всяких покушений на их честь и, в частности, от изнасилования, принуждения к проституции или любой другой формы покушений на их нравственность [11, с. 161].

В ст. 50 говорится о том, что оккупирующая держава должна с помощью национальных и местных властей оказывать содействие учреждениям, которым поручено попечение и воспитание детей, для того чтобы их работа протекала успешно. Она должна будет принять все необходимые меры, чтобы способствовать установлению личности детей и регистрации их родственных связей. Она ни в коем случае не должна изменять их гражданского состояния, ни зачислять их в зависящие от нее формирования или организации [11, с. 169].

В ст. 89 говорится, что беременные, роженицы и дети до 15 лет должны получать дополнительное питание в соответствии с их физиологическими потребностями [11, с. 185].

В ст. 132 указано, что находящиеся в конфликте Стороны будут прилагать старания к заключению во время военных действий соглашений об освобождении, репатриации, возвращении на место жительства или госпитализации в нейтральной стране определенных категорий интернированных и особенно детей, беременных женщин и матерей с грудными или малолетними детьми, раненых и больных, а также интернированных, пробывших долгое время в местах интернирования [11, с. 205].

Женевские конвенции (1949 г.) и Дополнительные протоколы (1977 г.) к ним предусматривают судебные гарантии для женщин и детей (ст. 68 IV Женевской конвенции, ст. 6 (4) II Дополнительных протоколов к Женевским конвенциям) [10, с. 315].

Таким образом, IV Женевская конвенция и Дополнительные протоколы к Женевским конвенциям содержат нормы, направленные на защиту таких уязвимых слоев населения, как женщины и дети.

Ряд положений есть в Постановлении № 48-6 «О модельном Наставлении по международному гуманитарному праву для Содружества Независимых Государств», принятом на

Межпарламентской Ассамблее государств–участников Содружества Независимых Государств в г. Санкт-Петербурге 29.11.2018 г.

Так, ст. 7 Правила обращения с гражданским населением, жертвами вооруженных конфликтов, а также другими лицами и объектами, находящимися под международной правовой защитой закрепила следующие нормы:

2. Гражданское население и отдельные гражданские лица находятся под защитой, поэтому в дополнение к другим нормам международного гуманитарного права запрещается превращать их в объекты нападения, использовать для защиты определенных пунктов, районов или военных объектов от нападения...

Женщины и дети пользуются особым уважением, им обеспечивается защита от унижающего достоинство обращения, изнасилования, принуждения к проституции и любых других непристойных посягательств. Дети, не достигшие пятнадцатилетнего возраста, не подлежат вербовке в вооруженные силы или группы, им не разрешается принимать участие в боевых действиях. Дети такого возраста, принимавшие непосредственное участие в боевых действиях, пользуются международной правовой защитой в случае захвата [3].

Есть ряд норм о защите женщин и детей также в условиях чрезвычайного положения. Так, в ст. 25 «Модельного закона о чрезвычайном положении» (принят в г. Санкт-Петербурге 13.06.2000 г. Постановлением 15-15 на 15-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств–участников СНГ), нормы которого носят рекомендательный характер, указано, что в случае введения чрезвычайного положения по основаниям, указанным в п. 5 ч. 1 ст. 4 настоящего Закона, в дополнение к мерам, перечисленным в ст. 23, могут применяться следующие меры:

8) в исключительных обстоятельствах, связанных с необходимостью неотложного проведения аварийно-спасательных работ, допустима мобилизация трудоспособного населения и транспортных средств граждан для проведения указанных работ при обязательном обеспечении безопасности труда. Запрещается использование несовершеннолетних лиц, а также беременных женщин на работах, которые могут отрицательно повлиять на состояние их здоровья [1].

Отдельно защита таких уязвимых слоев населения, как женщины и дети, закреплена в условиях действия чрезвычайных ситуаций, вызванных пандемией.

Так, в г. Санкт-Петербурге 16.04.2021 г. было принято Постановление № 52-3 Межпарламентской Ассамблеей государств–участников СНГ «Законодательное регулирование миграционных процессов в период пандемии: роль парламентов государств-участников СНГ» (вместе с «Модельным миграционным кодексом...»), где в ст. 130. Страховые случаи установлены следующие положения:

1. Страховыми случаями на территории государства, при наступлении которых иностранные граждане и члены их семей приобретают право на страховые выплаты, признаются:

- 1) временная нетрудоспособность вследствие заболевания или травмы;
- 2) беременность и роды;
- 3) рождение ребенка (детей);
- 4) уход за ребенком до достижения им возраста, определенного нормативными правовыми актами государства;
- 5) смерть застрахованного лица или несовершеннолетнего члена его семьи;
- 6) несчастный случай на производстве или заболевание, приобретенное в силу выполнения профессиональных обязанностей.

2. В связи с материнством, если иное не определено нормативными правовыми актами государства, предусматриваются также следующие выплаты:

- 1) единовременное пособие женщинам, вставшим на учет в медицинских организациях на территории государства в ранние сроки беременности;
- 2) единовременное пособие при рождении ребенка;
- 3) ежемесячное пособие по уходу за ребенком в течение срока, предусмотренного нормативными правовыми актами государства и международными договорами и соглашениями, участником которых является государство [7].

Кроме СНГ, в рамках Совета Европы также были установлены положения, касающиеся защиты прав женщин и детей в чрезвычайных ситуациях, в условиях пандемии.

Так, в Заключении № 15 (2020 г.) Консультативного совета европейских прокуроров «О роли прокуратуры в чрезвычайных ситуациях, в частности в условиях пандемии» (CCPE(2020)2), принятом в Страсбурге 19.11.2020 г. говорится:

5. Пандемия сильно повлияла на жизнь, источники дохода и уровень жизни общества, на правительства, сообщества, семьи и отдельных лиц. Кроме того, влияние ограничительных мер сильнее всего почувствовали наиболее уязвимые группы.

7. Ограничения, введенные в результате чрезвычайных ситуаций, таких как пандемия, могут затрагивать не только гражданские и политические права, защищаемые Конвенцией, но и экономические, социальные и культурные права, что может быть сопряжено с возможной дискриминацией в отношении отдельных групп лиц, таких как медицинские работники, а также расовые и этнические меньшинства, которая приводит к языку вражды, расизму, ксенофобии, нападениям и принудительному возвращению беженцев и просителей убежища, жестокому обращению с иностранцами и мигрантами, а также

к сексуальному и гендерному насилию, домашнему насилию, включая насилие в отношении женщин и детей.

55. Воздействие чрезвычайных ситуаций обычно ощущается спустя длительное время после отмены ограничительных мер. Даже после их отмены ограничения для людей могут сохраняться, как в случае пандемии, в результате вынужденного нахождения на карантине или соблюдения какой-либо иной формы социальной изоляции. В еще большей степени это относится к уязвимым группам, которые несоразмерно пострадали в результате пандемии, особенно к группам меньшинств, лицам, которым угрожает нищета, пожилым людям, лицам с ограниченными возможностями, лицам, находящимся в домах престарелых, или к другим лицам, наиболее сильно пострадавшим от пандемии, мигрантам, беженцам, женщинам и детям, подверженным риску домашнего и сексуального насилия, потерпевшим от использования языка вражды и от торговли людьми. Указанные уязвимые группы лиц должны быть защищены, а не изолированы, и их защита должна быть в полной мере гарантирована, если это применимо, органами прокуратуры и прокурорами, которые должны обращаться с ними согласно принципам равенства перед законом и отсутствия дискриминации, чтобы обеспечить уважение их человеческого достоинства и соблюдение их прав человека [6].

Также в рамках Совета Европы Комитет Министров принял «Инструментарий для государств-членов Совета Европы «Соблюдение принципов демократии, верховенства права и прав человека в условиях эпидемиологического кризиса, вызванного коронавирусной инфекцией COVID-19» 07.04.2020 г.

В Инструментарии говорится о том, что целью настоящего документа является предоставление властям государств-членов Совета Европы инструментария для решения проблем, вызванных разворачивающимся в настоящее время беспрецедентным и широкомасштабным медицинским кризисом, затрагивающим соблюдение фундаментальных ценностей демократии, верховенства права и прав человека.

Кроме того, важно рассматривать инновационные средства, с тем чтобы у детей был доступ к телефонам доверия и горячим линиям в свете положений Конвенции Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуального насилия для сообщений о насилии, жестоком обращении и сексуальных домогательствах во время пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 [4].

Приняты международные нормы о защите женщин и детей в условиях угрозы террористических актов.

Так, в Московской декларации Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества от 10.11.2020 г. приняты следующие положения:

Государства-члены отмечают гуманитарную направленность осуществляемых операций по возвращению собственных граждан из зон вооруженных конфликтов, большинство из которых женщины и дети. Они придают особое значение мерам по социальной реабилитации и реинтеграции граждан, ставших жертвами терроризма [5].

В комментарии к Модельному антитеррористическому законодательству государств-участников СНГ «О противодействии терроризму», принятому на 33 пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ (постановление № 33-18 от 03.12.2009 г.) в ст. 178. Захват заложников есть положения:

(1) Захват или удержание лица в качестве заложника, совершенные в целях понуждения государства, организации или лица (группы лиц) совершить какое-либо действие или воздержаться от совершения какого-либо действия как условия освобождения заложника, – тяжкое преступление.

(2) Те же деяния, совершенные:

а) группой лиц по предварительному сговору;

б) с применением насилия, опасного для жизни и здоровья;

в) с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия;

г) в отношении заведомо несовершеннолетнего;

д) в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности;

е) в отношении лица, заведомо находящегося в беспомощном состоянии;

ж) в отношении двух или более лиц, – особо тяжкое преступление [2].

Таким образом, рассмотрев ряд международных источников, можно констатировать, что в них нашли отражение положения о защите таких уязвимых групп населения, как дети и женщины, что нельзя сказать о российском законодательстве. Проведя анализ законов Российской Федерации «О военном положении», «О чрезвычайном положении», «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», «О противодействии терроризму», можно утверждать, что они не содержат отдельных статей, посвященных защите таких групп, как женщины и дети, хотя со стороны государства требуются дополнительные меры их охраны. На постсоветском пространстве в большинстве государств (например, в Казахстане, Таджикистане, Кыргызстане, Туркменистане и т. д.) также отсутствуют указанные положения. В конституциях данных государств тоже не содержатся нормы, запрещающие ограничения ряда прав в отношении женщин и детей в экстраординарных условиях. Полагаем, что необходимо и далее совершенствовать чрезвычайное законодательство (законодательство, регулирующее «особые правовые режимы») и восполнять его нормами,

направленными на установление дополнительных мер защиты для таких категорий граждан, как дети и женщины.

Список литературы

1. Модельный закон о чрезвычайном положении (Принят в г. Санкт-Петербурге 13.06.2000 Постановлением 15-15 на 15-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Постановление № 39-28 Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ «О Комментариях к модельному антитеррористическому законодательству СНГ» (Принято в г. Санкт-Петербурге 29.11.2013 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Постановление № 48-6 Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ «О модельном Наставлении по международному гуманитарному праву для Содружества Независимых Государств» (вместе с «Правилами применения норм, касающихся опознавания и оповещения», «Регистрацией, хранением и распространением информации о неразорвавшихся боеприпасах...», «Документами, касающимися опознавания, эвакуации тел погибших...») (принято в г. Санкт-Петербурге 29.11.2018 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Инструментарий для государств-членов Совета Европы. Соблюдение принципов демократии, верховенства права и прав человека в условиях эпидемиологического кризиса, вызванного коронавирусной инфекцией COVID-19 (SG/INF(2020)11)» (принят 07.04.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Московская декларация Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества (принята 10.11.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
6. Заключение № 15 (2020) Консультативного совета европейских прокуроров
«О роли прокуратуры в чрезвычайных ситуациях, в частности в условиях пандемии» (CCPE(2020)2) (принято в г. Страсбурге 19.11.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
7. Постановление № 52-3 Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ «Законодательное регулирование миграционных процессов в период пандемии: роль парламентов государств – участников СНГ» (вместе с «Модельным миграционным кодексом...») (принято в г. Санкт-Петербурге 16.04.2021 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
8. Конституция Республики Польша от 02.04.1997 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://legalns.com/download/books/cons/poland.pdf> (дата обращения: 14.11.2024).
9. Указ Президента РФ от 10.11.2007 г. № 1495 (ред. от 01.03.2024 г.) «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации» // СЗ РФ. 2007. № 47 (1 ч.). Ст. 5749.
10. Гондаренко А.С. Основные судебные гарантии в контексте взаимодействия международного гуманитарного права и права прав человека // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 1. С. 311–319.

11. Женевские конвенции от 12 августа 1949 года и Дополнительные протоколы к ним. М., 2002. 344 с.

Об авторе:

КУВЫРЧЕНКОВА Татьяна Владимировна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного, административного и таможенного права ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 6900-5462, AuthorID: 541033, e-mail: kuvirchenkova@rambler.ru

Protection of vulnerable population groups under special legal regimes

T.V. Kuvyrchenkova

Tver State University, Tver

The subject of the study was the legal norms governing the protection of the rights and freedoms of vulnerable groups of the population, such as women and children under the conditions of "special legal regimes". The goal is to identify possible gaps in international sources, Russian legislation governing the protection of these groups, and to formulate proposals for improving national legislation. The main methods used in the work are comparative and systemic. The study found that the Russian emergency legislation does not contain any separate provisions devoted to the protection of vulnerable groups of the population, such as women and children. Unlike national legislation, a number of international treaties include the above issues as separate sections and articles. In connection with the above, it is proposed to further improve the legislation and fill the existing gaps.

Keywords: *special legal regimes, state of emergency, martial law, emergency situation, counter-terrorism operation regime, international treaties, vulnerable groups, women and children.*

About author:

KUVIRCHENKOVA Tatyana – PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutional, Administrative and Customs Law of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Tver State University" (170100, Tver, Zhelyabova St., 33), SPIN-code: 6900-5462, AuthorID: 541033, e-mail: kuvirchenkova@rambler.ru

Кувырченкова Т.В. Защита уязвимых групп населения в условиях действия особых правовых режимов // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 1 (81). С. 146–154.

Статья поступила в редакцию 25.01.2025 г.

Подписана в печать 12.03.2025 г.

Ответственность супругов по общим обязательствам в деле о несостоятельности (банкротстве) одного из супругов

А.В. Кузьмина

ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», г. Йошкар-Ола

В статье рассмотрены вопросы солидарной ответственности супругов по общим обязательствам, возникшим из договоров, заключенных только одним из супругов от своего имени без подтверждения согласия на совершение сделки другим супругом. Обращено внимание на пробельность и противоречивость семейного и банкротного законодательства, что создает различные проблемы при применении норм о супружеских обязательствах в делах о банкротстве граждан. Сделан вывод о том, что в деле о банкротстве одного супруга не могут погашаться требования кредитора по общим обязательствам за счет личного имущества другого супруга. Обосновано предложение о необходимости дополнения законодательства о банкротстве граждан нормами о совместном банкротстве супругов.

Ключевые слова: банкротство, супруги, супружеское имущество, обязательство, солидарная ответственность.

Законодательство о банкротстве граждан отдельно не регулирует совместное банкротство супругов (несостоятельность супружеского имущества) и лишь указывает на особенности реализации в деле о банкротстве имущества, принадлежащего гражданину на праве общей собственности с супругом (бывшим супругом). По этой причине оно позволяет создавать явные преференции кредиторам вопреки принципиальным положениям Семейного кодекса РФ, который, в свою очередь, также нуждается в изменении правил, прежде всего, о способах раздела супружеского имущества, о включении в его состав общих долговых обязательств супругов, о порядке обращения взыскания на совместное имущество супругов по таким обязательствам.

К сожалению, закон, содержащий подобные новеллы, не был принят. Нормы Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ), введенного в действие еще в 1995 г., не только терминологически отличаются от норм современного гражданского законодательства, но и подчас вступают в прямое противоречие с гражданским законодательством. Кроме того, часть положений самого СК РФ содержит внутренние противоречия, разрушающие конструкцию общей совместной собственности [5].

Пробельность и противоречивость семейного законодательства создает различные проблемы при применении действующих норм в делах о банкротстве одного из супругов.

Основные частноправовые нормы, регулирующие семейные правоотношения между супругами, исходят из их фидуциарного, особо доверительного характера. Такое понимание существа гражданско-правовых правил сохраняется и при совершении одним из супругов с иными гражданами и юридическими лицами различных сделок по распоряжению общим имуществом. В силу п. 2 ст. 35 СК РФ [1], п. 2 ст. 253 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) [2] предполагается, что он действует с согласия другого супруга. В этом состоит применяемая в отечественном семейном праве презумпция испрошенного согласия супруга на все сделки, совершаемые с общим имуществом по воле другого супруга. Тем самым законом презюмируется соблюдение супругом общих имущественных интересов семьи при заключении и исполнении им от своего имени всякого гражданско-правового договора, на участие в котором по результатам семейного обсуждения либо было дано согласие другого супруга, либо одобрение сделки осуществлено им по умолчанию на полном доверии между супругами. Поскольку супруг, ставший при ведении общих семейных дел стороной договорных имущественных обязательств, приобретает по ним для себя и другого супруга не только права кредитора, но и как должник несет обязанности в пользу другой стороны, то вполне логичным становится вывод о том, что ответственность за нарушение обязательств по совершенной с согласия супруга сделке может быть распространена на обоих супругов с возможным обращением взыскания на общее супружеское имущество. В таком толковании усматривается реализация правовой конструкции совместной собственности супругов и допускается формирование следующей презумпции: обязательства супругов признаются общими, если они связаны с совместной супружеской собственностью [10, с. 34]. А.В. Егоров утверждает, что доктрина совместной собственности в России представляет собой хаотично смотанный клубок разнородных правовых идей и не является последовательной: совместная собственность на недвижимость и наиболее ценное движимое имущество крайне напоминает долевую [7, с. 258–259, 290].

По российскому банкротному праву супруг отвечает в деле о банкротстве другого супруга по обязательствам, признанным арбитражным судом общими. Особо доверительный характер семейных отношений, направленный на реализацию общих имущественных интересов, лежит в основе возникновения общих супружеских обязательств из договоров, заключенных только одним из супругов от своего имени без подтверждения согласия на совершение сделки другим супругом.

Понятие и универсальные признаки общих обязательств супругов определены законом. В силу п. 2 ст. 45 СК РФ взыскание обращается на общее имущество супругов по общим обязательствам супругов, а также

по обязательствам одного из супругов, если судом установлено, что все, полученное по обязательствам одним из супругов, было использовано на нужды семьи. Здесь в качестве практической проблемы укажем на особенность законодательного определения объема расходования денежных средств на семейные нужды именно в полном размере. Только при таком условии пред кредитором отвечают оба супруга. По буквальному смыслу нормы, неполное, а лишь частичное использование должником, например, полученных на условиях потребительского кредита (займа) денежных средств, на различные цели, не связанные с интересами семьи, исключает совместное обязательство супругов. Общее обязательство супругов не может быть солидарным и личным одновременно.

Исходя из норм семейного права, по общим обязательствам взыскание может быть обращено изначально на общее имущество супругов и только при его недостаточности – на личное имущество каждого из них. Однако в деле о банкротстве очередность изменена: банкрот отвечает за неисполнение денежного обязательства, возникшего из заключенного им договора, прежде всего своим личным имуществом, включая право на долю в общем имуществе, а лишь при его недостаточности привлекается к ответственности по общим обязательствам и второй супруг, непризнанный банкротом.

Итак, в целях квалификации долга как общего обязательства супругов, только один из которых признан банкротом, подлежат тщательному документальному подтверждению конкретные факты расходования полученного по сделке в общих интересах на нужды семьи. Отметим, что в семейном законодательстве отсутствует четкое и исчерпывающее определение «нужд семьи». К ним в судебных актах традиционно относят расходы на приобретение продуктов питания, на одежду, коммунальные услуги, лечение, образование детей, приобретение и ремонт жилья для совместного проживания и иные расходы на поддержание необходимого уровня жизни семьи.

При разрешении в делах банкротстве гражданина, состоящего или состоявшего в зарегистрированном браке, вопроса об имущественной ответственности второго супруга по неисполненным обязательствам, оформленным на имя банкрота, соблюдается особое правило, указывающее на приоритет единственного должника: в гражданском и семейном законодательстве отсутствует презумпция наличия совместного долга супругов – напротив, долг считается индивидуальным, пока не будет доказано, что денежные средства по нему были потрачены на нужды семьи [4]. Это суждение сформировано высшей судебной инстанцией на примере разрешенного судом общей юрисдикции спора, возникшего из заключенного физическими лицами договора займа. Также в нем дополнительно закреплена универсальная процессуальная идея о возложении именно на сторону, претендующую на распределение

долга, бремени доказывания того, что должник все полученное потратил на имущественные нужды своей семьи. Несложно предположить, что займодавец, продавец, арендодатель, подрядчик и иные кредиторы, предоставившие должнику товары, работы, услуги, денежные средства, не могут располагать достаточными и достоверными доказательствами расходования приобретателем полученного не в личных, а в общих семейных интересах. Трудно подтвердить те факты, в совершении которых субъект обязанного доказывания не участвовал, и представить доказательства, которые у него отсутствуют. Бремя доказывания тех или иных фактов должно возлагаться на ту сторону спора, которая имеет для этого объективные возможности.

Между тем предложенное в указанном Обзоре судебной практики правило о бремени доказывания было критически воспринято в делах о банкротстве и со временем стало применяться с обратным пониманием. В делах о банкротстве, характеризующихся наличием конфликта между кредиторами и должником ввиду недостаточности средств, а равным образом между кредиторами и супругом должника, нежелающим отвечать по обязательству, стороной которого он предположительно является, с учетом объективной сложности получения кредитором отсутствующих у него прямых доказательств, в силу невовлеченности во внутрисемейные отношения, должна приниматься во внимание совокупность согласующихся между собой косвенных доказательств. Если кредитор приводит достаточно серьезные доводы и представляет существенные косвенные свидетельства, которые во взаимосвязи позволяют признать убедительным его аргумент о предоставлении денежных средств на нужды семьи, в силу ст. 65 Арбитражного процессуального кодекса РФ (далее – АПК РФ) бремя доказывания личного характера данного обязательства переходит на супругов [12].

Перераспределение бремени доказывания поддерживается и в научных исследованиях. Многочисленная практика Верховного Суда РФ по вопросу распределения обязанности по доказыванию во многом основывается на последствиях опровержения правовых презумпций и подчеркивает активную роль суда в этих вопросах [6, с. 215]. Кредиторы ограничены в процессе доказывания обстоятельств наличия совместных обязательств супругов, равно как и возможности доказать расход денежных средств последними непосредственно на нужды семьи, предусмотренные положениями семейного законодательства. В то же время супругам не представляет сложности представить суду доказательства, объективно свидетельствующие о том, на какие цели были израсходованы заемные денежные средства [8, с. 99].

Важно отметить, что супруг банкрота, возражающий против общего характера долгового обязательства и отрицающий использование денежных средств на нужды семьи, также может оказаться в положении стороны, ограниченной в средствах доказывания

личного характера долга банкрота, если этот супруг не знал о сделке и не имеет документов об использовании полученного при ее исполнении. Поэтому представляется более точным возлагать бремя доказывания индивидуальности обязательства только на супруга, признанного банкротом и отвечающего перед кредитором по единолично им заключенному договору.

С используемым в делах о банкротстве перенесением бремени доказывания на супругов, на наш взгляд, следует с очевидностью согласиться вплоть до того, что и в иных спорах, не связанных с банкротством, оно подлежит применению. Установление цели получения денежных средств, а также их использование на нужды семьи или на личные нужды должно исследоваться и оцениваться судом на основании доказательств, представленных должником. Его уклонение от доказывания необходимо сводить к презумпции о возникновении у супругов в период брака общих обязательств перед кредитором и в тех случаях, когда долг возник из договора, заключенного одним из супругов и исполненного в его пользу. Исключением могут стать факты прекращения совместного проживания и ведения общего хозяйства супругами. После их наступления обязательства должны признаваться личными обязательствами каждого супруга.

Вопрос о правовой природе общих обязательств супругов предполагает их отнесение либо к долевым, либо к солидарным обязательствам. Иного вида обязательств с множественностью лиц на стороне должника ГК РФ не знает (ст. 322–326 ГК РФ). СК РФ в п. 2 ст. 45 признает общие обязательства супругов перед кредитором солидарными. При таком понимании в случае неисполнения общего солидарного обязательства кредитором может быть предъявлен иск о взыскании денежных средств с любого солидарного должника или подано заявление о признании каждого супругами банкротом.

Иное толкование существа последствий признания супружеских обязательств общими применительно к возможности признания и второго супруга банкротом изложил Верховный Суд РФ в Определении от 19.12.2022 г. № 309-ЭС22-16470 [11]. Суд общей юрисдикции признал обязательство по возврату займа общим. Кредитор, помимо банкротства мужа, потребовал в своем отдельном заявлении признать банкротом и жену как солидарного должника по общему обязательству. Однако Судебная коллегия Верховного Суда РФ прекратила производство по такому заявлению кредитора и сделала следующие выводы:

– признание обязательств супругов общими не является основанием для возникновения у одного из супругов солидарной обязанности по погашению общей задолженности перед третьими лицами, с которыми он не вступал в правоотношения;

– последствием признания обязательства общим в силу п. 2 ст. 45 СК РФ является только возникновение у кредитора права на обращение взыскания на общее имущество супругов.

По нашему мнению, позиция Верховного Суда РФ создает правовую неопределенность в применении норм о солидарной ответственности супругов по их общим обязательствам. У супруга, не участвовавшего в сделке, солидарная ответственность не возникает немедленно в момент истечения срока исполнения обязательства основным должником, она может быть установлена судом после оценки исполнения обязательства этим должником и выявления недостаточности у него необходимого для погашения задолженности личного имущества, а также его доли в общем имущества супругов. Напротив, супруг не становится солидарным должником по обязательствам, если другой супруг полностью рассчитался с кредитором. Поэтому только после признания судом обязательства общим, а также при невозможности погасить долг без реализации общего имущества второй супруг может быть привлечен к солидарной ответственности по общим обязательствам и своим личным имуществом. Между тем текст определения Верховного Суда РФ позволяет усмотреть в нем описание особого процессуального явления, предполагающего судебное повторение по тем же фактическим обстоятельствам такого же спора, но с иным иском требованием: если судебный акт о признании обязательства общим не имеет юридической силы для признания второго супруга обязанным солидарным должником, то, ссылаясь на вступивший в законную силу судебный акт, кредитор вынужден будет предъявить новый иск о взыскании со второго супруга этого же общего денежного долга по правилам солидарной ответственности. Подобное процедурное действие противоречит нормам арбитражного процессуального законодательства, запрещающего споры между теми же лицами, о том же предмете и по тем же основаниям (п. 2 ч. 1 ст. 150 АПК РФ). Более того, неисполнение решения суда об удовлетворении иска о взыскании солидарного долга образует достаточное основание для возбуждения дела о банкротстве супруга должника.

Кроме того, если из признания обязательства общим у второго супруга не возникает обязанность отвечать солидарно с основным должником, то приходится искать ответ на вопрос о существовании в ГК РФ особого ограниченного права кредитора только на обращение взыскания на общее имущество должников без права требовать принудительного взыскания солидарного долга за счет реализации общего имущества. Однако принудительное обращение взыскания на имущество должника основывается на общем правиле, согласно которому гражданин отвечает по своим обязательствам всем принадлежащим ему имуществом (ст. 24 ГК РФ). Оно рассматривается

в науке гражданского права как механизм исполнения решения суда о привлечении должника к соответствующему виду ответственности, включая солидарную ответственность, за нарушение обязательства.

Изложенное в определении понимание последствия признания обязательства общим без права кредитора предъявить требование к солидарному должнику неизвестно ГК РФ. Если оно все же получит распространение в судебной практике, то с теоретической позиции, на наш взгляд, вывод о возникновении у кредитора только права на обращение взыскания на общее имущество супругов может быть обоснован правилами ст. 399 ГК РФ о субсидиарной (дополнительной по правовой природе) ответственности по обязательствам основного должника, возникающей только при отсутствии у должника достаточного имущества. Однако и в этом случае к субсидиарному должнику кредитор вправе предъявить исковое требование.

Тем самым, пытаясь обосновать невозможность признания второго супруга банкротом при неисполнении им только общего обязательства, Судебная коллегия небрежно обошлась с нормами процессуального и гражданского права. Между тем формулировки определения могут быть истолкованы как допускающие применение банкротства только к одному супругу по их общим обязательствам. Такая позиция получает распространение в судебной практике: наличие судебного акта о признании обязательства должника общим обязательством супругов не является применительно к п. 1 ст. 213.5 Закона о банкротстве решением суда, подтверждающим требование кредитора по денежному обязательству супруги должника [12].

К определению Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 19.12.2022 г. № 309-ЭС22-16470 предложен оригинальный комментарий [9]. Возможность обращения с требованием о признании супруга должника, не участвующего в заемном обязательстве, несостоятельным (банкротом) на основании указанного долга, который был признан общим, появляется только после того, как будет понятен остаток задолженности по такому долговому обязательству, а этот момент, в свою очередь, может быть определен не ранее, чем завершится процедура банкротства непосредственного заемщика. В связи с этим требование кредитора в комментируемом определении было преждевременным [9, с. 36]. Тем самым, по мысли комментатора, банкротство второго супруга в связи с неисполнением общих обязательств возможно только после завершения дела о банкротстве супруга, ставшего первоначальным должником в обязательстве. Такой подход явно неудобен для кредитора, обязанного в течение длительного времени ожидать размера солидарного обязательства второго супруга без права предъявить к нему иск (требование). Сомнительность такого толкования более очевидна при анализе обратной ситуации, возникающей в случаях, когда банкротом

признан супруг, не участвовавший от своего в заключении и исполнении договора, но полученное по сделке израсходовано на семейные нужды. По заявленной логике он несет солидарную ответственность, но кредитору следует предъявить иск только к одному супругу, дожидаясь обращения взыскания на личное имущество основного должника и на его долю в общем супружеском имуществе, а затем при недостаточности имущества по результатам исполнения сформировать требование ко второму супругу в рамках дела о его банкротстве. Такая последовательность противоречит прямой норме о солидарной ответственности супругов по общим обязательствам имуществом каждого из них. Суды общей юрисдикции массово рассматривают иски кредиторов о взыскании долгов с супругов в солидарном порядке и не ставят сумму взыскания в зависимость от стоимости общего имущества супругов или от стоимости личного имущества каждого должника.

Таким образом, заявление о признании обязательства общим применяются в деле о банкротстве по инициативе конкурсного кредитора с единственной целью наделить финансового управляющего правом на продажу каждой вещи, относящейся к общему имуществу супругов, и не выплачивать в пределах солидарного долга второму супругу денежные средства, приходящиеся на его долю от реализации общего имущества. При этом в деле о банкротстве одного супруга не могут погашаться требования кредитора по общим обязательствам за счет личного имущества другого супруга.

Федеральным законом от 08.08.2024 г. № 298-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» [3] внесены существенные дополнения, согласно которым стало обязательным участие супруга в деле о признании второго супруга банкротом с наделением его комплексом соответствующих прав и обязанностей, урегулирована возможность объединения дел о банкротстве каждого из супругов. Однако до сих пор отсутствуют нормы о банкротстве супружеского имущества (банкротстве семьи), несмотря на то, что по общим обязательствам супругов применяется идея их погашения, прежде всего, за счет реализации общего супружеского имущества. Видится необходимым завершить реформирование законодательства о банкротстве и ввести в действие институт совместного банкротства супругов. При таком банкротстве должна измениться и очередность реализации супружеского имущества: вначале подлежит продаже общее имущество супругов для расчетов по общим обязательствам, а затем в непогашенной части долга может быть реализовано и личное имущество по личным обязательствам каждого супруга. Удовлетворение требований кредиторов по общим и личным обязательствам супругов должно производиться по правилам семейного законодательства об обращении взыскания на имущество супругов.

Список литературы

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.10.2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон от 08.08.2024 г. № 298-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2016), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 13.04.2016 г. // СПС «КонсультантПлюс».
5. Законопроект № 835938-7. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/835938-7> (дата обращения: 11.01.2025).
6. Бакулин А.Ф., Кузьмина А.В. Слабая сторона предпринимательского договора: стандарты и бремя доказывания // Вестник гражданского процесса. № 2. 2020. Том 10. С. 204 -251.
7. Егоров А.В. Совместная собственность супругов: на перепутье // Гражданское право социального государства: сборник статей, посвященный 90-летию со дня рождения профессора А.Л. Маковского (1930-2020) / А.Г. Архипова, А.В. Асосков, В.В. Безбах и др.; отв. ред. В.В. Витрянский, Е.А. Суханов. М.: Статут, 2020. 480 с.
8. Ломакина П.А. Общие обязательства супругов в деле о банкротстве одного из них // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 5. С. 90-119.
9. Османова Д.О. Общие обязательства супругов в случае банкротства одного из них (определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 19 декабря 2022 г. № 309-ЭС22-16470) // Комментарий практики рассмотрения экономических споров (судебно-арбитражной практики). Выпуск 30 / под ред. О.В. Гутникова, С.А. Сеницына. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М.: Инфотропик Медиа, 2024. 124 с.
10. Трофимец И.А. Режим собственности супружеской пары по законодательству Королевства Испания (краткий обзор) // Нотариус. 2014. № 4. С. 33-36.
11. Определение Верховного Суда РФ от 19.12.2022 г. № 309-ЭС22-16470 // СПС «Гарант».
12. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 26 сентября 2024 г. № Ф09-5308/24 по делу № А50-21867/2021 // СПС «Гарант».

Об авторе:

КУЗЬМИНА Анна Вячеславовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры частного права России и зарубежных стран юридического факультета ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», (424000, г. Йошкар-Ола, Ленинский пр-т, д. 1), SPIN-код: 5240-3567, AuthorID: 470361, e-mail: tsyplenkova@mail.ru

Liability of spouses for common obligations in the case of insolvency (bankruptcy) of one of the spouses

A.V. Kuzmina

Mari State University, Yoshkar-Ola

The article examines the issues of joint liability of spouses for common obligations arising from contracts concluded only by one of the spouses on his/her behalf without confirmation of consent to the transaction by the other spouse. Attention is drawn to the gaps and inconsistencies of family and bankruptcy legislation, which creates various problems when applying the rules on marital obligations in cases of bankruptcy of individuals. It is concluded that in a bankruptcy case of one spouse, the creditor's claims for common obligations cannot be satisfied at the expense of the personal property of the other spouse. The proposal on the need to supplement the legislation on bankruptcy of individuals with rules on joint bankruptcy of spouses is substantiated.

Keywords: *bankruptcy, spouses, marital property, obligation, joint and several liability.*

About author:

KUZMINA Anna – PhD in Law, Associate Professor of the Department of Private Law of Russia and Foreign Countries of the Law Faculty of the Mari State University (424000, Yoshkar-Ola, Leninsky Prospekt, Bldg. 1), SPIN-code: 5240-3567, AuthorID: 470361, e-mail: tsypchenkova@mail.ru

Кузьмина А.В. Ответственность супругов по общим обязательствам в деле о несостоятельности (банкротстве) одного из супругов // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 1 (81). С. 155–164.

Статья поступила в редакцию 25.01.2025 г.
Подписана в печать 12.03.2025 г.

Принцип защиты материнства как правовое средство обеспечения интересов матери (на примере статьи 17 Семейного кодекса Российской Федерации)

Л.Б. Максимович

ФГБОУ ВО «Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации», г. Москва

В статье рассмотрено положение действующего законодательства в части ограничения права мужа на возбуждение дела о расторжении брака без согласия жены во время ее беременности и в течение года после рождения ребенка, вне зависимости от того, является ли родившийся ребенок общим ребенком супругов. Рассмотрены дискуссионные аспекты правовой нормы, содержащейся в ст. 17 Семейного кодекса РФ.

***Ключевые слова:** расторжение брака, ограничение права мужа на развод, согласие жены на развод, принцип защиты материнства, беременность, ребенок в возрасте до одного года, общий ребенок супругов.*

Понятие правовых средств весьма объемно. В него входят нормы и принципы права, презумпции и фикции, меры ответственности и меры защиты, индивидуальные властные предписания, правоприменительные акты, сделки, договоры, юридические факты, субъективные права, юридические обязанности, запреты, льготы, меры поощрения, меры наказания и т. д. [4]. По сути, правовые средства являются юридическим способом обеспечения интересов субъектов права, что есть проявление социальной ценности права в целом и социальной ценности правовых средств в частности.

Что касается принципов как правовых средств, то в основу регулирования семейных отношений положен конституционный принцип равенства правового положения мужчин и женщин (ст. 19 Конституции РФ). Следуя указанному принципу, подавляющее большинство семейно-правовых норм гендерно нейтрально, т. е. единое правовое регулирование установлено вне зависимости от половой принадлежности участников правоотношений.

Вместе с тем в законе имеются случаи гендерно асимметричных норм, базирующихся не на принципе равенства мужчины и женщины, а на принципе защиты материнства и детства (ч. 1 ст. 38 Конституции РФ). При этом выделяется так называемый период активного материнства, который охватывает время беременности женщины и грудного вскармливания ею ребенка.

К числу таких норм относится ст. 17 Семейного кодекса РФ [1] (далее – СК РФ), ограничивающая право на предъявление мужем требования о расторжении брака: муж не имеет права без согласия жены возбуждать дело о расторжении брака во время беременности жены и в течение года после рождения ребенка¹. В последнее время данная норма стала предметом обсуждения в литературе, особую остроту которому придает то, что право мужа на развод ограничено законом вне зависимости от того, является ли родившийся ребенок или ребенок, рождение которого ожидается, общим ребенком супругов или нет.

Так, по мнению С.В. Алборова, «ст. 17 СК РФ нарушает баланс интересов супругов, предоставляя жене право немотивированно ограничить право супруга расторгнуть брак». По мнению указанного автора, если «допустима ситуация, когда биологическим отцом ребенка будет некий третий человек, а бремя брачных отношений, которые жена не разрешает расторгнуть, будет нести законный муж», то это «может привести к ситуации, когда жена забеременела первым ребенком, потом в течение года вторым, третьим, и на протяжении всего этого времени она имеет законную возможность сохранять свой брак исключительно по своей воле». Не находя оснований того, «в чем может заключаться важность и необходимость такого узаконенного гендерного превосходства жены над мужем», С.В. Алборов утверждает, что «такой подход представляется ошибочным, требующим внесения изменения в СК РФ путем исключения из него статьи 17» [3].

Аналогичная точка зрения высказана Е.В. Князевой, по мнению которой, в ситуации, когда не исключается вероятность рождения замужней женщиной ребенка, отцом которого является не ее супруг, нарушаются права мужа. Если же вскоре после рождения первого ребенка не от мужа женщина также не от мужа родит второго ребенка, то муж не сможет реализовать право на расторжение брака в течение нескольких лет. В целях защиты интересов мужа указанный автор предлагает внести в ст.17 СК РФ уточнение о том, что ограничение права мужа на развод возможно во время беременности жены и в течение года после рождения общего ребенка. Тем более, отмечает Е.В. Князева, в настоящее время существуют современные методы, позволяющие идентифицировать отца ребенка во время беременности женщины [8].

Идея о необходимости внесения изменения в ст. 17 СК РФ озвучена не только в литературе. Летом 2024 г. по инициативе депутатов Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации был подготовлен проект федерального закона «О внесении изменения в

¹ Содержание ст. 17 СК РФ дословно воспроизводит положение ст. 31 Кодекса о браке и семье РСФСР «Недопустимость предъявления мужем требования о расторжении брака».

статью 17 Семейного кодекса Российской Федерации» № 666316-8 (далее – законопроект)¹, в котором предлагается указать, что ограничение права мужа на развод распространяется лишь на случаи рождения у супругов общего ребенка.

В пояснительной записке к указанному законопроекту отмечено, что предлагаемое изменение направлено на:

- 1) обеспечение баланса прав и интересов обоих супругов;
- 2) предотвращение возможных злоупотреблений со стороны неверной жены;
- 3) защиту имущественных прав обманутого мужа, не являющегося отцом ребенка;
- 4) снижение рисков финансовых потерь для обманутого мужа, не являющегося отцом ребенка;
- 5) укрепление института брака путем устранения необоснованных правовых рисков;
- 6) создание более справедливой системы семейных правоотношений;
- 7) повышение юридической точности и однозначности толкования нормы права;
- 8) приведение законодательства в соответствие с современными социальными реалиями;
- 9) косвенное содействие реализации права ребенка на воспитание его настоящим отцом;
- 10) улучшение правоприменительной практики в сфере семейного законодательства.

Представляется очевидным, что авторы законопроекта, равно как и ученые, разделяющие эту позицию, предлагают заменить принцип защиты материнства и детства, которым руководствовался законодатель, обоснованно отказавшийся в ст. 17 СК РФ от указания на то, что ограничение права мужа на развод возможно лишь при условии, что жена беременна общим ребенком или родившийся у супругов общий ребенок не достиг года, на принцип равенства мужчины и женщины при разводе, при котором право мужа возможно будет ограничить лишь при условии, что ребенок общий.

Данное предложение не может быть поддержано, поскольку в случае его реализации норма утратит изначально заложенный смысл, направленный, прежде всего, на охрану интересов женщины, находящейся в периоде активного материнства.

При формулировании названной правовой нормы необходимо было сделать выбор между субъективным правом одного лица, с одной стороны, и интересами двух и более лиц, а также социальной

¹ Система обеспечения законодательной деятельности [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/666316-8> (дата обращения: 25.01.2025).

значимостью рождения новых граждан – с другой [9], поскольку сам процесс развода может особенно неблагоприятно отразиться не только на здоровье беременной женщины или кормящей матери, но и на здоровье ребенка [13]. Выбор был сделан в пользу женщины (жены) и ребенка, интересы которых охраняются путем ограничения права мужа на развод вне зависимости от того, является ли ребенок общим ребенком супругов [5].

Данную позицию разделяют многие юристы, которые, в частности, отмечают, что назначение установленного ст. 17 СК РФ правового регулирования преследует своей целью защиту интересов беременной жены [10]; направлено на то, чтобы оградить женщину в период беременности и в течение года после рождения ребенка от ненужных волнений и переживаний, связанных с разводом, а значит, и на охрану здоровья матери и ребенка [6]; решает вопрос о защите интересов будущей или уже состоявшейся матери, ее психического и физического здоровья, которое повлияет и на здоровье ее ребенка; объектом охраны являются интересы беременной или родившей женщины (жены) как более слабой стороны в экономическом и моральном отношении, поскольку чаще всего в этот период жизни она по уважительной причине не имеет самостоятельного дохода, и нуждается в помощи и поддержке [11].

Также в литературе высказывалось предложение о том, что срок «моратория» на развод по инициативе мужа следует установить до достижения ребенком возраста трех лет, поскольку сам по себе бракоразводный процесс является психотравмирующей ситуацией для кормящей матери и может негативно отразиться на ее здоровье, а также на здоровье ребенка [9].

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает внимания точка зрения С.П. Гришаева, который отмечает, что в ст. 17 СК РФ ничего не говорится о возможности предъявления мужем других исков (например, о разделе совместно нажитого имущества). Следовательно, при буквальном толковании данной нормы можно сделать вывод о том, что такие иски могут быть предъявлены. Однако исходя из смысла ст. 17 СК РФ, ограничения, по мнению названного автора, должны быть установлены и в отношении других исков мужа к жене при указанных условиях [7].

Направленность рассматриваемой правовой нормы на охрану интересов женщины, ее психического и физического здоровья, подтверждается разъяснениями, содержащимися в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 05.11.1998 г. № 15 (ред. от 06.02.2007 г.) «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» [2] (далее – Постановление Пленума № 15), согласно которым положение ст. 17 СК РФ распространяется и на случаи, когда ребенок родился мертвым или умер

до достижения им возраста одного года. При отсутствии согласия жены на рассмотрение дела о расторжении брака судья и в этих случаях отказывает в принятии искового заявления, а если оно было принято, суд прекращает производство по делу (п. 1 ч. 1 ст. 134, абзац 2 ст. 220 Гражданского процессуального кодекса РФ).

Таким образом, в литературе правило ст. 17 СК РФ характеризуется как императивное, безвариантное, и отмечается, что с позиций юридической теории и частного права данная норма ограничивает правоспособность лица, поскольку статья действует даже в том случае, если муж не является отцом ребенка [7].

Весьма интересным и обоснованным представляется исследование О.Н. Шеменевой [14]. Отмечая, что норма, содержащаяся в ст. 17 СК РФ, по существу не подвергалась редактированию более 50 лет (со времени Кодекса о браке и семье РСФСР 1969 г.), данный автор подчеркивает, что она нуждается в значительной корректировке, поскольку существующая редакция порождает множество вопросов, на которые с учетом современных правовых реалий могут быть даны самые противоречивые ответы.

Так, по аргументированному мнению О.Н. Шеменевой, у мужа отсутствует право не на возбуждение гражданского дела о расторжении брака, а на удовлетворение данного материально-правового требования. То есть по результату рассмотрения искового заявления мужа по существу суду следовало бы вынести решение об отказе в удовлетворении заявленных требований о расторжении брака, а не отказывать в возбуждении дела на стадии подачи иска.

О.Н. Шеменова солидарна с Л.А. Грось, которая предлагает сформулировать положение ст. 17 СК РФ в соответствии с его семейно-правовым характером следующим образом: «Без согласия жены не может быть расторгнут брак во время ее беременности и в течение года после рождения ребенка» [14].

Отмечая, что преобладающим и в теории, и на практике является мнение о том, что норма ст. 17 СК РФ – это процессуальная норма, О.Н. Шеменова приходит к выводу о том, что именно «процессуальный» подход к толкованию рассматриваемой нормы следует из названия ст. 17 СК РФ. Он сформировался в судебной практике еще на основании положений ст. 31 Кодекса о браке и семье РСФСР и на сегодняшний день нашел отражение в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 05.11.1998 г. № 15, согласно которому «при отсутствии согласия жены на рассмотрение дела о расторжении брака судья отказывает в принятии искового заявления, а если оно было принято, суд прекращает производство по делу» [2].

Критическому осмыслению подвергнуто приведенное выше разъяснение Постановления Пленума № 15, из которого правоприменителю крайне сложно определить действительный смысл

содержащегося в ст. 17 СК РФ предписания. Ни из содержания ст. 17 СК РФ, ни из разъяснений Пленума не ясно, кому адресуется согласие супруги на возбуждение и рассмотрение дела о расторжении брака (мужу или суду), в какой форме оно может быть выражено, на каком этапе выяснится его наличие или отсутствие и др. Между тем от ответов на эти вопросы зависят и процессуальные последствия несоблюдения рассматриваемого предписания.

Следуя «процессуальной» концепции ст. 17 СК РФ, О.Н. Шеменева приходит к обоснованному выводу о том, что поскольку речь идет о согласии жены на возбуждение дела о расторжении брака и (или) на его дальнейшее рассмотрение, жена может адресовать его только суду, т. к. совершение ответных процессуальных действий находится именно в его компетенции. Муж не может «возбуждать дело», как об этом сказано в ст. 17 СК РФ. Это довольно грубая и досадная терминологическая ошибка семейного законодательства, из-за которой и возникают проблемы его толкования, практического применения, а также преподавания студентам юридических вузов и факультетов [1]. В связи с этим более удачной представляется редакция ст. 17 СК РФ, предложенная автором: «Суд не возбуждает и не рассматривает дело о расторжении брака по заявлению мужа при отсутствии согласия жены, находящейся в состоянии беременности, и в течение года после рождения ребенка».

Таким образом, принцип защиты материнства и детства является правовым средством охраны и защиты интересов женщины в период беременности и в течение года после рождения ребенка, путем ограничения права мужа на развод независимо от того, является ли ребенок общим ребенком супругов.

Список литературы

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.10.2023) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.11.1998 г. № 15 (ред. от 06.02.2007 г.) «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Актуальные проблемы эффективности частного права: монография / К.А. Абдуллаев, Э.Б. Абдуряхимова, С.В. Алборов и др.; отв. ред. А.Н. Левушкин, Э.Х. Надысева. М.: Юстицинформ, 2022. 464 с.
4. Алексеев С.С. Правовые средства: постановка проблемы: понятие, классификация // Советское государство и право. 1987. № 6. С. 12–19.
5. Биомедицинское право в России и за рубежом: монография / Г.Б. Романовский, Н.Н. Тарусина, А.А. Мохов и др. М.: Проспект, 2015. 368 с.
6. Борисова Т.Е. Суррогатное материнство в Российской Федерации: проблемы теории и практики: монография. М.: Проспект, 2012. 144 с.

7. Гришаев С.П. Постатейный комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации (2-е издание, переработанное и дополненное) // СПС «КонсультантПлюс».

8. Князева Е.В. К вопросу о справедливости в правовом регулировании семейных отношений. В сб.: Седьмой Пермский конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 18–19 ноября 2016 г.): сборник научных статей / В.В. Акинфиева, Л.А. Аксенчук, А.А. Ананьева и др.; отв. ред. В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. М.: Статут, 2017. 592 с.

9. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации: учебно-практический (постатейный) / под ред. С.А. Степанова. М.: Проспект, "Институт частного права", 2015.

10. Конвергенция частноправового регулирования общественных отношений сквозь призму эффективности права: монография / К.А. Абдуллаев, А.В. Абрамова, Э.А. Абызова и др.; отв. ред. А.Н. Левушкин, Э.Х. Надысева. М.: Юстицинформ, 2023. 672 с.

11. Ксенофонтова Д.С. Семейное право в условиях формирования новой социальной реальности: доктринальные начала правоприменения // *Lex Russica*. 2021, № 11. С. 124–133.

12. Матвеева Н.А. Запреты в семейном праве // Семейное и жилищное право. 2023. № 6. С. 2–5.

13. Семейное право: Учебник / Б.М. Гонгало, П.В. Крашенинников, Л.Ю. Михеева и др.; под ред. П.В. Крашенинникова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2019. 318 с.

14. Шеменева О.Н. Роль соглашений сторон в гражданском судопроизводстве. М.: Инфотропик Медиа, 2017. 312 с.

Об авторе:

МАКСИМОВИЧ Любовь Борисовна – кандидат юридических наук, доцент; профессор кафедры гражданского и предпринимательского права ФГБОУ ВО «Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации» (Россия, Москва, Воробьевское шоссе, 6а), AuthorID: 375043, e-mail: lubamaks@mail.ru

The principle of protection of motherhood as a legal means of ensuring the interests of the mother (using Article 17 of the Family Code of the Russian Federation as an example)

L.B. Maksimovich

All-Russian Academy of Foreign Trade Ministry of Economic Development
of the Russian, Moscow

The article examines the position of the current legislation in terms of limiting the husband's right to initiate proceedings for divorce without the wife's consent during her pregnancy and within a year after the birth of the child, regardless of whether the child born is a common child of the spouses. The controversial aspects of the legal norm contained in Article 17 of the RF IC are considered.

Keywords: *divorce, restriction of the husband's right to divorce, wife's consent to divorce, principle of maternity protection, pregnancy, child under one year of age, common child of the spouses.*

About author:

MAKSIMOVICH Liubov – PhD in Law, associate professor, professor of the Department of Civil and Entrepreneurial Law of the All-Russian Academy of Foreign Trade of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation (Russia, Moscow, Vorobyovskoe shosse, 6a), AuthorID: 375043, e-mail: lubamaks@mail.ru

Максимович Л.Б. Принцип защиты материнства как правовое средство обеспечения интересов матери (на примере статьи 17 Семейного кодекса Российской Федерации) // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 1 (81). С. 165–172.

Статья поступила в редакцию 25.01.2025 г.
Подписана в печать 12.03.2025 г.

Проблемы правосубъектности семьи: быть или не быть

О.Н. Низамиева

ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»,
г. Казань

Статья посвящена исследованию вопроса о наличии или отсутствии правосубъектности семьи. Автор анализирует сложившиеся доктринальные позиции по данному вопросу: 1) у семьи правосубъектность отсутствует; 2) семейный коллектив – самостоятельный субъект права; 3) семья – это квази-правосубъектное образование, для нее характерна частичная правосубъектность. Обозначаются различные модели реализации общих интересов членов семьи, затрагиваются проблемы правовых последствий совершения членом семьи действий не в интересах семейного коллектива.

Ключевые слова: семья, член семьи, правосубъектность семьи, представительство.

Дискуссия о правосубъектности семьи имеет давнюю историю. «Спор о семье как субъекте права ..., пожалуй, ... ведется со времен римского права» [26, с. 63]. И до настоящего времени единства взглядов относительно того, обладает ли семейный коллектив самостоятельной правосубъектностью, является ли семья носителем субъективных прав и обязанностей, в правовой науке не наблюдается. Наличие в международных и национальных правовых актах нормативного и программно-концептуального характера следующих формулировок обостряет научную полемику:

– «семья является естественной и основной ячейкой общества и имеет право на защиту со стороны общества и государства» [1];

– «семье, являющейся естественной и основной ячейкой общества, должны предоставляться по возможности самая широкая охрана и помощь, в особенности при ее образовании и пока на ее ответственности лежит забота о несамостоятельных детях и их воспитании» [2];

– «семейное законодательство исходит из необходимости укрепления семьи, ... взаимопомощи и ответственности перед семьей всех ее членов» [5];

– «меры государственной поддержки семей, имеющих детей, в целях создания условий, обеспечивающих этим семьям достойную жизнь» [7];

– «участие российских семей в реализации государственной семейной политики предполагает их активную роль в партнерстве с властью, бизнесом и общественностью» [11];

– «многодетным семьям в соответствии с законодательством РФ гарантируются: а) предоставление государственных пособий и выплат в связи с рождением и воспитанием детей; ... д) право на бесплатное посещение музеев, парков культуры и отдыха, выставок» [6];

– «предоставление молодым семьям и молодым ученым социальных выплат на приобретение (строительство) жилья» [10];

– «государство законодательно предоставляет молодой семье самостоятельный статус социального субъекта и обеспечивает соблюдение всех прав семьи в процессе политического, экономического и социокультурного развития общества» [12] и т.п.

В современной правовой доктрине по исследуемому вопросу сформировалось три основных позиции.

1. Большинство специалистов отрицают существование правосубъектности у семьи как таковой [15, с. 112–113; 16, с. 335–336; 17, с. 16; 24, с. 143–147; 27, с. 195]. «Сама семья в целом, как особая социальная группа, правоспособностью и дееспособностью не обладает и субъектом семейного или других отраслей права не является» [28, с. 33].

Так, Ю.А. Королев полагает, что объединение нескольких лиц в одну семью создает для них дополнительные права и обязанности, а также льготы, но лишь как для отдельных субъектов права. Семья же в целом не приобретает правосубъектности. Семья как таковая не подлежит регистрации в качестве юридического лица, не может заключать сделки, соглашения, договоры. Все это – прерогативы отдельных ее членов [26, с. 62]. Впрочем, отрицая правосубъектность семьи, автор констатировал, что «семья ... занимает промежуточное положение между физическим и юридическим лицами. Не будучи юридическим лицом, семья выступает в гражданском обороте как единое целое, например в вопросах жилищных, пенсионных, при получении льгот или преимуществ непосредственно на всю семью (размер квартплаты, пенсии, пособия)». Кроме того, по мнению Ю.А. Королева, при определенных обстоятельствах возможно проявление правосубъектности семьи, в частности, когда при наличии нотариально удостоверенного соглашения между отдельными членами семьи она выступает как субъект права и может иметь имущество в общесемейной собственности (совместной или долевой), учреждать семейное (фамильное) предприятие, крестьянское (фермерское) хозяйство, быть стороной в административных, гражданских, трудовых, земельных, жилищных и иных правоотношениях, затрагивающих ее интересы, быть истцом и ответчиком в суде, нести ответственность по своим обязательствам [26, с. 64, 66].

Разделяет данную точку зрения и А.М. Нечаева. По мнению профессора, «утверждение о том, что семья имеет свой правовой статус, означает, что она имеет определенные права и обязанности. На правовом языке это значит, что семья, семейный коллектив как таковой

может совершать одобряемые (желательные) с точки зрения государства действия и поступки. Но эти действия совершают конкретные члены семьи, входящие в ее состав. Их поступки не носят коллективного характера. То же можно сказать и об обязанностях, обладателем которых в правовом смысле быть нельзя. Сколько бы ни говорили о правоспособности семьи, ее правах и обязанностях, ответственности семейного коллектива, они не существуют как правовые понятия, поэтому невозможно говорить о правовой охране семьи как таковой. Правовая охрана и защита семьи осуществляются благодаря охране, защите каждого ее члена. И не может быть ответственности семьи вообще, она существует как нравственный постулат, и не более того. Ответственность – любую: гражданско-правовую, уголовно-правовую, семейно-правовую – несут только конкретные физические, а иногда и юридические лица» [31, с. 103; 32, с. 104].

Таким образом, основными аргументами, на которых базируется представленная точка зрения, являются:

- семья не имеет юридической личности, ни Гражданский кодекс РФ [3], ни Семейный кодекс РФ, не упоминают семью среди субъектов права. Осуществляя толкование Налогового кодекса РФ [4], Конституционный Суд РФ в одном из своих определений указал, что данный кодекс не рассматривает семью в целом как субъект налоговых правоотношений [13];

- правами и обязанностями обладают конкретные члены семьи, а не семья в целом. При этом в зависимости от отрасли законодательства и преследуемых законодателем целей круг лиц, составляющих семью, определяется различно. Законодатель персонифицирует члена семьи, который может осуществить право или должен исполнить обязанность. Например, ст. 3 Федерального закона от 29.12.2006 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» называет непосредственно матерей (усыновительниц), а при определенных обстоятельствах отцов (усыновителей) либо ребенка, у которых возникает право на дополнительные меры государственной поддержки. Льготами, предусмотренными трудовым законодательством, обладают работники с семейными обязанностями, а не сама семья;

- интересы семьи осуществляются и защищаются опосредованно, через защиту прав и законных интересов ее членов;

- невозможно привлечь к ответственности семейный коллектив, к ответственности привлекаются конкретные члены семьи.

2. Другие ученые (правоведы и социологи) настаивают на признании за семьей самостоятельного субъекта права [14, с. 217–218; 18; 25, с. 49–51; 29; 30, с. 59–61].

В частности, А.М. Рабец считает не только возможным и целесообразным, но и необходимым признание правосубъектности семьи, предоставление ей права выступать в качестве субъекта

правоотношений через своего представителя. Она обращает внимание на положения Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 г., в которой семья названа субъектом государственной семейной политики. Также автором отмечается, что «в настоящее время семья в нормотворческой и правоприменительной практике все чаще фигурирует как самостоятельное социальное образование, когда речь идет, к примеру, об адресности помощи семье, о совокупном доходе семьи, о семьях, находящихся в социально опасном состоянии или в трудных жизненных ситуациях, о правах семьи в сфере охраны здоровья, о различных типах семьи, к числу которых относятся материнская семья, молодая семья, неполная семья, многодетная семья, семья с детьми-инвалидами или родителями-инвалидами и т. п., каждая из которых нуждается не только в общих для всех семей, но и в специфических мерах правовой охраны, защиты и поддержки» [33, с. 52–53]. В связи с этим автор задается вопросами: каким образом и в качестве кого семья в целом, но прежде всего отдельные семьи, вступают в указанные правоотношения? Какими должны быть правовые механизмы участия отдельных семей в правоотношениях, механизмы охраны, поддержки и государственной защиты каждой конкретной семьи? В настоящий момент правовая охрана конкретной семьи осуществляется через посредство защиты прав и интересов отдельных ее членов. Однако у каждого из них существуют, помимо общих семейных, собственные автономные интересы, способные воздействовать на интересы семьи в целом не только конструктивно, но и деструктивно. Потому, полагает А.М. Рабец, семья не только как социальный институт, но и как субъект права должна стать предметом фундаментальных исследований, к числу которых, как представляется, относятся проблемы ее правосубъектности [33, с. 53–54].

В.И. Иванов и Ю.С. Харитоновна обращают внимание на то, что до настоящего времени семья является наиболее устойчивым социальным образованием, меняются выполняемые ею функции, но сама семья как уникальный социальный институт сохраняется. И несмотря на то что Семейный кодекс РФ, детально регулирующий все отношения между членами семьи, не рассматривает семью в целом как субъект правоотношений, положения других законов позволяют прийти к иным умозаключениям. В частности, Федеральный закон от 24.10.1997 г. № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» [8], который устанавливает правило предоставления помощи именно семье, а не супругам. Учет величины прожиточного минимума при оказании социальной поддержки гражданам в субъектах Российской Федерации исчисляется, исходя из среднедушевого дохода семьи (п. 1 ст. 6). Авторам представляется возможным увидеть семью как объединение граждан, участвующее в семейных (защита семейной тайны, чести и достоинства семьи, воссоединение семьи), имущественных (совместное

предпринимательство, приватизация, общая собственность), налоговых и бюджетных (налогообложение доходов и предоставление налоговых вычетов, дотаций и субсидий) и иных правоотношениях. В связи с изложенным делается вывод: семья должна признаваться субъектом права в целом, поскольку и сам законодатель воспринимает ее таким образом [22, с. 30–31].

3. Наконец, третья позиция, которая, на наш взгляд, наиболее близко отражает существующее на сегодняшний момент правовое положение объединения близких людей. Семья – это квази-правосубъектное образование, для нее характерна частичная правосубъектность.

Так, решение вопроса о правосубъектности семьи Н.Н. Тарусина видит в признании семьи как особой разновидности частного объединения. По аналогии с общественными объединениями граждан, для отдельных разновидностей которых совершенно необязательна юридическая личность и ее известные признаки, а также по аналогии с крестьянским (фермерским) хозяйством, строящимся на семейной основе (ст. 257 ГК РФ), Н.Н. Тарусина предполагает сходный статус и для семьи. Соответственно, член или члены семьи в этом случае рассматриваются не как персональные обладатели определенных прав и носители интересов, а как законные представители семьи. При таком подходе, по мнению автора, тексты семейного законодательства типа «семья находится под защитой государства», «ответственность перед семьей всех ее членов» (ст. 1 СК РФ), «сохранение семьи невозможно» (п. 1 ст. 22), «без намерения создать семью» (п. 1 ст. 27), «право жить и воспитываться в семье» (п. 2 ст. 54), «мнение при решении любого вопроса семьи» (ст. 57) и т. п. наряду с филологическим значением приобретут и вполне определенное юридическое [34, с. 121–122; 35, с. 74–75].

По мнению В.В. Долинской, нормы различных отраслей права и в источниках разной юридической силы позволяют характеризовать семью как квази-правосубъектное образование [19, с. 34–44]. При этом под семьей предлагается понимать общность физических лиц, не имеющую статуса юридического лица, но обладающую во внешних отношениях, как единое целое, очевидное для третьих лиц, частичной правосубъектностью. Для семьи характерны: 1) невозможность замены участников; 2) целевое объединение; 3) наличие общности имущества, участие в которой может не прекращать собственных правомочий участников, но являться предпосылкой более эффективной реализации права каждого из участников [20, с. 127–146; 21, с. 63–64].

Действительно, существует немало объединений, сообществ или групп граждан и (или) юридических лиц, которые не являются юридическими лицами, но выступают носителями общих интересов и соответствующих им прав и обязанностей, которые реализуются через действия их членов (участников), что может свидетельствовать о

наделении объединений, сообществ или групп отдельными элементами правосубъектности. Некоторые из таких объединений имеют в своей основе договор, например, соглашение о создании фермерского хозяйства, договор о совместной деятельности (простом товариществе, инвестиционном товариществе) и др. В этой связи представляет научный интерес предложенный О.Ю. Ильиной взгляд на семью (институт семейного права) как на договор о совместной деятельности. О.Ю. Ильина полагает, что наличие общей цели, совместная деятельность членов семьи по ее достижению, решение внутрисемейных вопросов по взаимному согласию позволяют сопоставить социально-правовую структуру семьи с конструкцией договора о совместной деятельности [23, с. 12–15].

Допуская существование подобных объединений, сообществ, законодатель предусматривает различные модели реализации общих интересов: 1) каждый из участников вправе действовать от имени всех остальных, 2) права и обязанности в общих интересах реализуются отдельными членами (участниками) либо 3) права и обязанности в общих интересах реализуются совместно всеми участниками.

Сходные механизмы выстраиваются и при осуществлении прав, предоставляемых семейному коллективу. В одних случаях обозначаются конкретные члены семьи, которые вправе совершить юридически значимые действия, например, как это сделано в ст. 3 и 7 Федерального закона от 29.12.2006 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» применительно к распоряжению средствами материнского (семейного) капитала. В других – допускается некоторая вариативность. В частности, один из родителей (усыновителей, опекунов или приемных родителей) может воспользоваться правом на получение единовременного пособия при рождении ребенка (ст. 11, 12.1 Федерального закона от 19.05.1995 г. № 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» [9]). В третьих ситуациях требуется участие и единогласие всех членов семьи, в частности, при заключении соглашения об установлении размера долей в праве на жилое помещение, приобретенное (построенное, реконструированное) с использованием средств материнского (семейного) капитала. (п. 4 ст. 10 Федерального закона от 29.12.2006 г. № 256-ФЗ).

В тех случаях, когда правами, обязанностями, льготами в интересах семьи наделяются строго определенные ее члены или соответствующие возможности предоставляются любому или нескольким членам семьи, вступление таковых в отношения с третьими лицами вполне резонно квалифицировать как представительские отношения, а вид представительства – представительство в силу закона. Однако вопрос о том, какие нормы применимы и какие должны наступать правовые последствия при совершении действий представителем не в интересах

семьи или при его бездействии, требует специального исследования. Тем более, что применение принудительных механизмов реализации субъективного права, исходя из его природы, весьма спорно.

Список литературы

1. Всеобщая декларация прав человека (принятая Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 г.) // РГ. 1995. № 67.
2. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (Принят 16.12.1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 291.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая. Федеральный закон от 30.10.1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
4. Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть первая. Федеральный закон от 31.07.1998 г. № 146-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.
5. Семейный кодекс Российской Федерации. Федеральный закон от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
6. Указ Президента Российской Федерации от 23.01.2024 г. № 63 «О мерах социальной поддержки многодетных семей» // СЗ РФ. 2024. № 5. Ст. 665.
7. Федеральный закон от 29.12.2006 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» // РГ. 2006. № 297.
8. Федеральный закон от 24.10.1997 г. № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1997. № 43. Ст. 4904.
9. Федеральный закон от 19.05.1995 г. № 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» // СЗ РФ. 1995. № 21. Ст. 1929.
10. Постановление Правительства РФ от 30.12.2017 г. № 1710 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 3. Ст. 546.
11. Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года, утв. распоряжением Правительства РФ от 25.08.2014 г. № 1618-р // СЗ РФ. 2014. № 35. Ст. 4811.
12. Письмо Министерства образования и науки РФ от 08.05.2007 г. № АФ-163/06 «О Концепции государственной политики в отношении молодой семьи» // СПС «КонсультантПлюс».
13. Определение Конституционного Суда РФ от 02.11.2006 г. № 444-О «По жалобе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации на нарушение конституционных прав гражданки Астаховой Ирины Александровны положением подпункта 1 пункта 1 статьи 220 Налогового кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2007. № 2. Ст. 407.
14. Андреев В. С. Право социального обеспечения в СССР. М.: Юрид. лит, 1980. 311 с.
15. Гараева Г.Х. Теоретические и практические проблемы семейной правосубъектности: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2022. 243 с.
16. Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 3 / под. ред. А.П. Сергеева. М.: Проспект, 2016. 736 с.

17. Данилин В.И. Реализация и охрана брачно-семейных прав. Уфа, 1989. 121 с.
18. Дармодехин С.В. Государственная семейная политика в современной России: дис. ... д-ра соц. наук. М., 1997. 348 с.
19. Долинская В.В. Баланс интересов членов семьи и стабильности гражданского оборота // Семейный бизнес & качество правовой среды: Монография / отв. ред. И.В. Ершова, А.Н. Левушкин. М.: Проспект, 2022. С. 34–44.
20. Долинская В.В. Семья в системе субъектов экономической деятельности // Семейный бизнес в правовом пространстве России: Монография / отв. ред. И.В. Ершова, А.Н. Левушкин. М.: Проспект, 2020. С. 127–146.
21. Долинская В.В., Муратова С.А. Проблемы субъектов и правосубъектности в семейном праве // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 5. С. 58–67.
22. Иванов В.И., Харитонов Ю.С. О субъектах права по законодательству России // Гражданское право. 2012. № 3. С. 27–33.
23. Ильина О.Ю. Современная российская семья как договор простого товарищества // Семейное и жилищное право. 2019. № 1. С. 12–15.
24. Ильина О.Ю. Проблемы интереса в семейном праве Российской Федерации. М.: Городец, 2007. 192 с.
25. Карцева Л.В. О социальной функции семьи как субъекта социальной ответственности // Семейное право на рубеже XX–XXI веков: к 20-летию Конвенции ООН о правах ребенка: материалы Международной научно-практической конференции, г. Казань, 18 декабря 2010 г. / отв. ред. О.Н. Низамиева. М.: Статут, 2011. С. 49–51.
26. Королев Ю.А. Семья как субъект права // Журнал российского права. 2000. № 10. С. 61–66.
27. Косенко Е.В. Отраслевое определение правоспособности и дееспособности в семейном праве // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Т. 157. № 6. С. 191–203.
28. Косова О. Ю. Семейное право: учебник. Иркутск, 2016. 560 с.
29. Луцев О.П. Семья как субъект права на жилплощадь в СССР. Алма-Ата, 1949.
30. Миролюбова О.Г. О правосубъектности семьи в жилищном праве // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2013. № 3. С. 59–61.
31. Нечаева А.М. Семейное право: актуальные проблемы теории и практики. М.: Юрайт-Издат, 2007. 279 с.
32. Нечаева А.М. Семья как самостоятельный объект правовой охраны // Государство и право. 1996. № 12. С. 99–107.
33. Рабец А.М. Проблемы правосубъектности семьи в семейном праве РФ // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2018. № 1 (54). С. 52–55.
34. Тарусина Н.Н. Российский семейный закон: между конструктивностью и неопределенностью: монография. Ярославль: ЯрГУ, 2012. 234 с.

35. Тарусина Н.Н. Семья – топ-менеджер общественной жизни или юридическое ничто? // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. 2012. № 3 (21). С. 73–76.

Об авторе:

НИЗАМИЕВА Ольга Николаевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (420008, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, 18), SPIN-код: 4700-2610, AuthorID: 395304, ORCID: 0000-0002-9587-7301, e-mail: Olga.Nizamieva@kpfu.ru

Problems of legal capacity of the family: to be or not to be

O.N. Nizamieva

Kazan (Volga region) Federal University, Kazan

The article is devoted to the study of question of the presence or absence of the legal personality of family. The author analyzes the prevailing doctrinal positions on this issue: 1) family has no legal personality; 2) family collective is an independent subject of law; 3) family is a quasi-legal entity, it is characterized by partial legal personality. Various models of the realization of the common interests of family members are outlined, the problems of the legal consequences of actions committed by a family member not in the interests of the family collective are touched upon.

Keywords: *family, family member, legal personality of the family, representation.*

About author:

НИЗАМИЕВА Ольга – PhD in Law, Associate Professor of the Department the Department of Civil Law of the Kazan Federal University (420008, Republic of Tatarstan, Kazan, Kremlevskaya St., 18), SPIN-код: 4700-2610, AuthorID: 395304, ORCID: 0000-0002-9587-7301, e-mail: Olga.Nizamieva@kpfu.ru

Низамиева О.Н. Проблемы правосубъектности семьи: быть или не быть // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 1 (81). С. 173–181.

Статья поступила в редакцию 15.11.2025 г.
Подписана в печать 12.03.2025 г.

Информационная безопасность детей: правовые основы и социальные проблемы

Н.О. Огаркова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В настоящее время информационные технологии развиваются очень быстро и, соответственно, возникает проблема обеспечения информационной безопасности. Особое внимание необходимо уделить информационной безопасности детей. Автор выделяет причины и последствия негативного воздействия сети Интернет, а также показывает, какая информация является запрещенной или ограниченной в распространении, как причиняющая вред здоровью и развитию детей. В статье перечисляются способы защиты и помощи детям как со стороны общества, так и государства.

Ключевые слова: информация, Интернет, информационная безопасность детей, родительский контроль.

С внедрением во все сферы жизни человека информационных технологий возникают как положительные, так и отрицательные возможности их использования. С юного возраста ребенок пользуется смартфоном, компьютером или планшетом. Интернет на сегодняшний день является важным инструментом для образования, развития, творчества, общения подрастающего поколения. Он может быть как полезным, например, для подготовки школьных заданий, но также и вредным. Например, там можно встретиться с жестокостью и руганью или случайно перейти на сайты, рассчитанные только для взрослых, т.е. столкнуться со множеством опасностей в виртуальном мире.

Согласно исследованиям, подростки проводят в соцсетях более 5 часов в день, у 88 % учеников начальной школы есть смартфоны. Более 90 % подростков сталкиваются в Интернете с угрозами цифровой безопасности и около 67 % процентов – с противоправным контентом. Такая вовлеченность молодого поколения в цифровую среду требует мер защиты, при этом запрещать выходить в Интернет невозможно и нецелесообразно.

В российском законодательстве существенным шагом по обеспечению информационной безопасности детей было принятие Федерального закона Российской Федерации от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», где дается определение информационной безопасности детей как «...состояние защищенности детей, при котором отсутствует риск, связанный с причинением информацией вреда их здоровью и (или) физическому, психическому, духовному, нравственному развитию» [3].

Статья 5 указанного закона закрепляет виды информации, запрещенной (ч. 2) или ограниченной (ч. 3) в распространении, как причиняющей вред здоровью и развитию детей.

В Российской Федерации запрещена к распространению следующая информация:

1) побуждающая детей к совершению действий, представляющих угрозу их жизни и (или) здоровью, в том числе к причинению вреда своему здоровью, самоубийству;

2) способная вызвать у детей желание употребить наркотические средства, психотропные и (или) одурманивающие вещества, табачные изделия, алкогольную и спиртосодержащую продукцию, принять участие в азартных играх, заниматься проституцией, бродяжничеством или попрошайничеством;

3) обосновывающая или оправдывающая допустимость насилия и (или) жестокости либо побуждающая осуществлять насильственные действия по отношению к людям или животным, за исключением случаев, предусмотренных настоящим Федеральным законом;

4) отрицающая семейные ценности, пропагандирующая нетрадиционные сексуальные отношения и формирующая неуважение к родителям и (или) другим членам семьи;

5) оправдывающая противоправное поведение;

6) содержащая нецензурную брань;

7) содержащая информацию порнографического характера;

8) содержащая информацию о несовершеннолетнем, пострадавшем в результате противоправных действий (бездействия), включая фамилии, имена, отчества, фото- и видеоизображения такого несовершеннолетнего, его родителей и иных законных представителей, дату рождения такого несовершеннолетнего, аудиозапись его голоса, место его жительства или место временного пребывания, место его учебы или работы, иную информацию, позволяющую прямо или косвенно установить личность такого несовершеннолетнего.

Ограничено распространение среди детей определенных возрастных категорий информации следующего характера:

1) представляемой в виде изображения или описания жестокости, физического и (или) психического насилия, преступления или иного антиобщественного действия;

2) вызывающей у детей страх, ужас или панику, в том числе представляемой в виде изображения или описания в унижающей человеческое достоинство форме ненасильственной смерти, заболевания, самоубийства, несчастного случая, аварии или катастрофы и (или) их последствий;

3) представляемой в виде изображения или описания половых отношений между мужчиной и женщиной;

4) содержащей бранные слова и выражения, не относящиеся к нецензурной брани [3].

Важную роль в обеспечении информационной безопасности детей играет Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», создавший механизм защиты от вредоносной информации в сети «Интернет» [4].

Распоряжением Правительства Российской Федерации от 28.04.2023 г. № 1105-р была утверждена Концепция информационной безопасности детей в Российской Федерации, в которой сказано, что «Современные дети – первое поколение, чье взросление происходит на фоне стремительно развивающихся информационно-коммуникационных технологий. В своих привычках, ценностях и поведении в сети “Интернет” эта группа принципиально отличается от представителей более старшей аудитории (18–45 лет). Их основными интересами являются общение в социальных сетях, просмотр видео и онлайн-игры. Вместе с тем указанная аудитория является крайне уязвимой с точки зрения информационной безопасности. В связи с высокой степенью анонимности интернет-пространства и возможностью выстраивания общения с использованием нескольких профилей и псевдонимов риск проявления асоциальных форм поведения в цифровой среде увеличивается» [7].

Согласно данной Концепции основной целью государственной политики в области информационной безопасности детей является развитие безопасного информационного пространства, защита российского общества от деструктивного информационно-психологического воздействия.

Изучить законы и правила сети, рассказать о них ребенку, сформировать информационный иммунитет – это задача взрослых, в том числе на уровне государства.

В соответствии с Конституцией Российской Федерации «Забота о детях, их воспитание – равное право и обязанность родителей» [1], что предполагает не столько равенство непосредственно прав и обязанностей родителей, сколько равную степень ответственности родителей в осуществлении заботы о детях, обеспечении всестороннего духовного, нравственного, интеллектуального и физического развития детей, воспитании в детях патриотизма, гражданственности, уважения к старшим.

Семейный кодекс Российской Федерации установил, что родительские права не могут осуществляться в противоречии с интересами ребенка. При осуществлении родительских прав родители не вправе причинять вред физическому и психическому здоровью детей, их нравственному развитию, а способы воспитания детей должны исключать пренебрежительное, жестокое, грубое, унижающее

человеческое достоинство обращение, оскорбление или эксплуатацию детей (п. 1 ст. 63, п. 1 ст. 65 СК РФ) [2].

Соответственно родители обязаны отслеживать, как их дети используют современные информационные технологии. Очень часто родители не понимают и недооценивают угрозы, которым подвергается ребенок, находящийся в сети Интернет. Некоторые из них считают, что ненормированное «сидение» ребенка в сети лучше, чем прогулки. Родители, с ранних лет обучая ребенка основам безопасности дома и на улице, как вести себя с незнакомыми людьми, что можно говорить, а что нет, между тем, «выпуская» его в Интернет, не представляют себе, что точно так же нужно обучить его основам безопасности в сети. Ребенок абсолютно незащищен перед потоком «сваливающейся» на него информации.

Не стоит забывать, что Интернет – это не только кладезь возможностей, но и источник угроз. Он может негативно влиять на физическое, моральное, духовное здоровье подрастающего поколения, порождать девиантное поведение у психически неустойчивых школьников, представлять для детей угрозу. Поэтому главной задачей сегодня является обеспечение безопасности детей, не способных иногда правильно оценить степень угрозы информации, которую они воспринимают или передают.

Рассмотрим основные риски, с которыми дети могут встретиться в Интернете в настоящее время:

- получение доступа к неподходящей по возрасту информации (контент) (порнографическая, дезинформация, обман, пропаганда ненависти, жестокости, экстремизма, наркомании);

- получение доступа к информации, побуждающие совершить действия или купить товары, потенциально опасные для них (как изготовить взрывчатые веществ, как купить оружие, воспользоваться предложением принять участие в азартных онлайн-играх);

- возможно подвергнуться притеснению со стороны других пользователей Интернета, которые грубо ведут себя, пишут оскорбления, угрожают или шантажируют. Не исключено, что ребенок может загрузить себе на компьютер вирусы и подвергнуться нападению хакеров;

- есть возможность стать жертвой безответственных торговцев, использующих нечестные, запрещенные маркетинговые методы, т.к. дети могут выдать важную информацию о персональных данных, заполняя анкеты и принимая участие в онлайн-конкурсах;

- велика возможность стать жертвами киберманьяков, ищущих личной встречи с ребенком.

Доверительные отношения между родителями и ребенком позволят всегда быть в курсе, с кем общается ребенок, как проводит время и что его интересует. Каждый человек нуждается в познавательной

деятельности и оптимальном времяпровождении, поэтому стоит «выделить в ребенке наиболее яркие качества, стремления к какому-либо виду деятельности: спорт, художественные, динамические или математические наклонности и т.п.» [9].

На сегодняшний день у родителей также есть возможность контролировать деятельность детей в Интернете с помощью современных программ, которые помогут отфильтровать вредное содержимое, выяснить, какие сайты посещает ребенок и что он делает на них. В настоящее время широко используется функция «Родительский контроль», чтобы оградить ребенка от пагубного влияния сети. Родительский контроль – общее определение для специальных программ и встроенных в гаджет инструментов, которые решают две главные задачи: не допускают детей до контента, который для них не предназначен, и ограничивают время, которое ребенок может провести в сети Интернет. Также с помощью родительского контроля возможно отслеживать перемещение ребенка до школы и обратно, слушать его окружение в течение дня.

Перед общеобразовательными учреждениями ставится задача по всестороннему развитию личности. Педагоги этих учреждений должны проводить мероприятия, посвященные обеспечению безопасности в информационной среде, где на конкретных примерах обучающиеся должны узнать о возможной угрозе в сети Интернет и как избежать пагубного влияния информационного мира.

Роль родителей и педагогов в решении проблемы информационной безопасности, несомненно, велика, поскольку им необходимо применять эффективные методы и средства, которые помогут защитить детей от негативного влияния в информационной среде.

Российская Федерация признает детство важным этапом развития человека и исходит из необходимости создания безопасных условий для реализации прав и законных интересов ребенка, подготовки детей к полноценной жизни в обществе, защиты детей от факторов, негативно влияющих на их физическое, интеллектуальное, психическое, духовное и нравственное развитие. В целях совершенствования государственной политики в сфере защиты детства Указом Президента РФ от 29.05.2017 г. № 240 2018–2027 гг. объявлены Десятилетием детства [6]. За последние десять лет реализация в Российской Федерации последовательной государственной политики в интересах детей позволила наметить положительные тенденции в обеспечении благополучного и защищенного детства.

В 2023 г. Указом Президента РФ № 358 была утверждена Стратегия комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 г., в которой отмечается: «С учетом темпов развития информационных технологий особую актуальность приобретают угрозы безопасности детей в информационном пространстве. Деструктивное

воздействие через средства массовой информации, сеть “Интернет” формирует негативную морально-психологическую атмосферу, способствует росту психических заболеваний, разрушает сложившиеся нормы нравственности, провоцирует противоправное поведение, наносит моральный вред, а также вред здоровью» [5].

Согласно Стратегии основной задачей в сфере формирования безопасной информационной среды для детей является, в том числе «государственная поддержка создания для детей произведений литературы и искусства, кинематографической, театральной, телевизионной и иной аудиовизуальной продукции, печатной продукции, продукции, распространяемой посредством сети “Интернет”, которые направлены на сохранение традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры, и обеспечение контроля за качеством указанной информационной продукции» [5].

Освоение современных информационных технологий поможет ребенку в будущем получить хорошее образование и высокооплачиваемую работу. Необходимо усилить контроль со стороны государства за созданием медиаконтентов, направленных на обучение и саморазвитие подрастающего поколения, чтобы создать для них безопасную интернет-среду.

Обеспечение информационной безопасности детей возможно только при условии эффективного сочетания государственных и общественных усилий при определяющей роли семьи. Только тесное сотрудничество всех участников позволит построить эффективную систему регулирования потребления информационной продукции, максимально безопасную для психического и физического развития и здоровья подрастающего поколения» [8].

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12.12.1993 г., с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г. // СПС «КонсультантПлюс».
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.10.2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Федерального закона Российской Федерации от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Указ Президента РФ от 17.05.2023 г. № 358 «О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года».
6. Указом Президента РФ от 29.05.2017 г. № 240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Распоряжение Правительства РФ от 28.04.2023 г. № 1105-р «Об утверждении Концепции информационной безопасности детей в Российской Федерации».

Федерации и признании утратившим силу Распоряжения Правительства РФ от 02.12.2015 г. № 2471-р» // СПС «КонсультантПлюс».

8. Букреева О. Защити своих детей от экстремизма и пропаганды терроризма [Электронный ресурс]. URL: <https://oxpaha.ru/national/zashhiti-svoih-detej-ot-ekstremizma-i-propagandy-terrorizma/> (дата обращения: 25.01.2025).

9. Валеева Г.В., Кутепова Е.А. Роль родителей и педагогов в профилактике экстремизма в информационной среде и информационной безопасности детей // Сб. «Социокультурные и психологические проблемы современной семьи: актуальные вопросы сопровождения и поддержки»: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Тула: Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, 2018. С. 78-80.

Об авторе:

ОГАРКОВА Наталья Олеговна – старший преподаватель кафедры экологического права и правового обеспечения профессиональной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33), SPIN-код: 3865-1541, AuthorID: 1065615, e-mail: Ogarkova.NO@tversu.ru

Information security of children: legal bases and social problems

N.O. Ogarkova

Tver State University, Tver

Currently, information technologies are developing very quickly and, accordingly, the problem of ensuring information security arises. Particular attention should be paid to the information security of children. The author highlights the causes and consequences of the negative impact of the Internet, and also shows what information is prohibited or limited in distribution, as causing harm to the health and development of children. The article lists ways of protecting and helping children from both society and the state. In the work, general scientific and special methods of cognition were used, including methods of formal logic (description, analysis), as well as the formal-legal method.

Keywords: *information, Internet, information security of children, parental control.*

About author:

OGARKOVA Natalya – senior lecturer of the department of in environmental law and legal support of professional activity of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova st., 33), SPIN-code: 3865-1541, AuthorID: 1065615, e-mail: Ogarkova.NO@tversu.ru

Огаркова Н.О. Информационная безопасность детей: правовые основы и социальные проблемы // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 1 (81). С. 182-188.

Статья поступила в редакцию 25.01.2025 г.

Подписана в печать 12.03.2025 г.

Об особом статусе матери при решении вопроса об ограничении родительских прав

И.И. Ординарцев

Головинская межрайонная прокуратура г. Москвы, г. Москва

Автор обращает внимание на проявление специфики принципа равенства прав родителей при применении судом ограничения родительских прав. Отмечая открытый характер предусмотренного законом перечня оснований ограничения родительских прав, автор особо акцентирует внимание на соотношении гражданско-правовых и семейно-правовых последствий психического расстройства родителей, смены пола одним из родителей. В результате проведенного исследования автор приходит к выводу об особой социальной роли, выполняемой матерью, и более высокой степени ответственности матери при ограничении родительских прав не только ее, но и отца ребенка.

Ключевые слова: *семейные правоотношения, родительские права, ограничение родительских прав, ответственность матери.*

Ограничение родительских прав является одним из институтов семейного права и законодательства, который характеризуется своей относительной стабильностью с точки зрения определения оснований, порядка и последствий применения соответствующей меры ответственности (а именно так большинство представителей науки семейного права оценивают ограничение родительских прав [7]), что, однако, не снижает степень внимания исследователей к этому институту в связи с объективно широким возможным толкованием оснований для применения судом данной меры ответственности родителей или одного из них.

Как известно, законодатель весьма неоднозначно, оставляя суду фактически неограниченные возможности, устанавливает перечень (хотя формально это и перечнем вряд ли является) оснований, наличие которых позволяет ограничить родительские права одного или обоих родителей.

Ограничение возможно, если оставлять ребенка с родителями (одним из них) опасно в связи с обстоятельствами, не зависящими от родителей (одного из них). При этом в п. 2 ст. 73 Семейного кодекса Российской Федерации [1] (далее – СК РФ) предлагается открытый перечень подобных оснований. По мнению законодателя, следует учитывать психическое расстройство или иное хроническое заболевание, стечение тяжелых обстоятельств и др.

Можно предположить, что соответствующее расстройство и (или) иное заболевание может быть у одного из родителей, в то время как стечение тяжелых обстоятельств, очевидно, касается всех членов семьи, прежде всего отца и матери ребенка. Означает ли это, что родительские

права ограничиваются только у родителя, который страдает психическим расстройством, или же оба родителя могут быть временно ограничены в праве личного воспитания ребенка?

Согласимся, если речь идет о психическом расстройстве, не требующем стационарного лечения, но предполагающем особое внимание и заботу со стороны другого супруга (он же и родитель общего несовершеннолетнего ребенка), то в каждом конкретном случае суду надлежит тщательно изучить все обстоятельства дела и, возможно, ограничить родительские права обоих родителей, временно изъяв ребенка из семьи.

В том случае, если в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации [2] (далее – ГК РФ) один из родителей признан судом ограниченно дееспособным (п. 2 ст. 30 ГК РФ) или недееспособным (ст. 29 ГК РФ), правовые последствия в семейных правоотношениях совершенно, на наш взгляд, неоднозначны. Согласно п. 1 ст. 121 СК РФ указанные обстоятельства квалифицируются как отсутствие родительского попечения, вследствие чего обязанность по защите прав и интересов детей возлагается на органы опеки и попечительства. Но, обратим внимание, законодатель не называет соответствующее решение суда среди оснований для ограничения родительских прав, как, впрочем, и для лишения родительских прав (ст. 69 СК РФ).

Полагаем, что в большей степени поставленный нами вопрос соотносится со статусом матери. Наличие психического расстройства, повлекшее за собой ограничение дееспособности женщины или признание ее недееспособной, не может лишить ее статуса матери.

Как указывают судебные психиатры, из 96 лиц, страдавших хроническими психическими расстройствами, в отношении которых при судебно-психиатрической экспертизе было дано заключение, соответствующее ограничению дееспособности, детей имели 11 человек [12].

Согласно результатам других исследований тех же авторов, среди лиц, страдающих тяжелыми хроническими психическими расстройствами, при которых чаще всего встает вопрос о понижении гражданско-правового статуса, детей чаще имеют женщины, что связывается с гендерными особенностями протекания психических заболеваний [13].

Справедливости ради укажем и на позицию Пленума Верховного Суда Российской Федерации, выраженную в п. 8 постановления, посвященного применению судами законодательства при разрешении соответствующих споров: «При этом закон не связывает возможность ограничения в родительских правах с признанием родителей недееспособными или ограниченно дееспособными» [4].

Во многих случаях матери, страдающие тяжелыми хроническими психическими расстройствами, выступают единственными родителями ребенка и не имеют поддержки от других членов семьи [8].

Можно предположить, что и матери, ограниченные в дееспособности или признанные судом недееспособными вследствие психического расстройства, могут выступать единственным родителем ребенка. В связи с этим полагаем, что в каждом конкретном случае суд должен предельно внимательно относиться к представленному медицинскому заключению о состоянии здоровья матери и применять в качестве способа защиты прав и интересов одновременно матери и ребенка ограничение ее родительских прав. Конечно же, если прогноз специалистов, так скажем, не может восприниматься как утешительный с точки зрения прогрессирования психического расстройства, ребенок объективно остается без материнского попечения, но это не может быть основанием для лишения матери впоследствии родительских прав.

По мнению же Н.Н. Тарусиной, «если ситуация “патовая”, например, у душевнобольного родителя нет шансов на излечение, органу опеки и попечительства целесообразно ставить вопрос о лишении данного лица дееспособности ...» [10, с. 318].

С этой позицией категорически не согласны судебные психиатры, которые указывают, что признание гражданина недееспособным приводит к тотальному ограничению гражданских прав, тогда как ограничение родительских прав, в случае опасности оставления ребенка с данным родителем, имеет менее ограничительный и функциональный характер и не распространяется на другие гражданские права [9].

Полагаем, что такая постановка вопроса обладает практической значимостью, ведь ограничение родительских прав по основанию, предусмотренному в абзаце первом п. 2 ст. 73 СК РФ, не предполагает какой-либо «испытательный» срок в отличие от основания, обозначенного в следующем абзаце данного пункта, к исследованию которого мы и переходим.

Весьма актуальным видится вопрос и осуществления родительских прав родителем, изменившим свой пол. К сожалению, официальная статистика, изучение которой позволило бы предположить, кто чаще из родителей меняет пол, недоступна, но публикации на открытых ресурсах свидетельствуют о том, что чаще всего соответствующие преобразования происходят с мужчинами. Сложилась и соответствующая судебная практика, согласно которой отец ребенка ограничивается в родительских правах. По мнению О.Ю. Ильиной, перемена пола родителем означает полное изменение его семейно-правовой роли в воспитании ребенка, в связи с чем необходимо лишение родительских прав [5]. Кстати, еще в 2016 г. представители науки семейного права указывали на необходимость законодательного разрешения данной проблемы: «Впрочем, в судебной практике начали

появляться решения о лишении родительских прав родителя, сменившего пол. Однако в качестве основания признаются факты неадекватного публичного поведения родителя в присутствии ребенка, которое наносит вред интересам последнего, а не сам факт смены пола и появления у ребенка двух пап или двух мам» [11].

Заметим, что чаще всего вопрос перемены пола обсуждается применительно к отцу ребенка, что, как свидетельствуют специальные исследования психиатров, не исключает в то же время постановки проблемы осуществления родительских прав и обязанностей, а также обязанностей по воспитанию приемных детей женщиной после перемены ею пола [6].

Итак, суд может вынести решение об ограничении родительских прав, если ребенка опасно оставлять с родителями (одним из них), но в данном случае законодатель соотносит опасность с поведением родителей (одного из них). И при таких уже обстоятельствах орган опеки и попечительства, руководствуясь п. 2 ст. 73 СК РФ, обязан по истечении шестимесячного «испытательного» срока обратиться в суд с иском о лишении родителей (одного из них) родительских прав, если они не изменят своего поведения, сохраняя тем самым опасность для ребенка. Кстати, следует заметить, что исходя из интересов ребенка орган опеки и попечительства может инициировать такой иск и до истечения названного срока.

Ключевым признаком, позволяющим различать основания, изложенные в абзацах первом и втором п. 2 ст. 73 СК РФ, является поведение родителей, что может выражаться как в совершаемых ими действиях, так и в бездействии.

Опять-таки, обращаясь к особому статусу матери, заметим, что именно мать своим безмолвным поведением может способствовать (или даже содействовать, хотя часто и соучаствовать) нарушению прав и интересов ребенка со стороны отца или иного лица, проживающего с ней и ребенком совместно. Как свидетельствуют материалы судебной практики, достаточно часто бытовые преступления совершаются в семье, где супруг матери не является отцом ребенка или же мать проживает с мужчиной без регистрации заключения брака. Кстати, заметим, что в соответствии со ст. 69 СК РФ родители могут быть лишены родительских прав, если «совершили умышленное преступление против жизни или здоровья своих детей, другого родителя детей, *супруга, в том числе не являющегося родителем детей* (курсив мой – О.И.), либо против жизни или здоровья иного члена семьи». Учитывая социологическую характеристику современной семьи, следует признать, что совершение преступления против жизни или здоровья отчима детей фактически лишает их родительского попечения (при отсутствии возможности передать детей на попечение отцу), выступает основанием для лишения матери родительских прав.

Однако полагаем обоснованным поставить вопрос о наличии взаимосвязи между осуществлением матерью своих родительских прав и совершением преступления в отношении супруга, не являющегося отцом воспитываемых ею детей. Ни отчим, ни так называемый сожитель не имеют прав и обязанностей по воспитанию и содержанию детей, почему же в случае совершения преступления против жизни или здоровья последних мать (ни в коем случае не оправдываем ее за совершение преступления!) может быть чуть ли не автоматически лишена родительских прав? Может быть, именно подобная ситуация может повлечь за собой ограничение матери в родительских правах на определенный срок?

В контексте наших рассуждений об особом статусе матери при рассмотрении вопроса об ограничении ее родительских прав считаем значимым отметить следующее: у детей, которых в течение жизни родила женщина, могут быть разные отцы, но при этом именно эта женщина является матерью, осуществляя родительские права надлежащим или ненадлежащим образом в отношении всех детей, как минимум несовершеннолетних. В связи с этим предположение, что родительские права матери, которая, допустим, страдает психическим расстройством, будут ограничены в отношении лишь некоторых ее детей, маловероятно. Кстати, Пленум Верховного Суда РФ в п. 5 названного постановления подчеркивает: «Если требование об ограничении родительских прав либо о лишении родительских прав, об отмене ограничения родительских прав или о восстановлении в родительских правах, ... заявлено в отношении двух и более детей, оно подлежит разрешению судом с учетом интересов каждого ребенка».

Акцентируя внимание на особом статусе матери при решении судом вопроса об ограничении ее родительских прав, считаем необходимым указать еще на одно разъяснение, данное Пленумом ВС РФ в том же постановлении: «В целях защиты прав несовершеннолетнего и обеспечения надлежащих условий его дальнейшего воспитания, а также охраны прав родителя, не проживающего вместе с ребенком, суду необходимо известить этого родителя о времени и месте судебного разбирательства дела об ограничении или о лишении родительских прав и разъяснить ему, что он вправе заявить требование о передаче ему ребенка на воспитание» (п. 20).

Ни для кого не секрет, что чаще всего при расторжении брака, и уж тем более, если брак вовсе не был зарегистрирован, раздельное проживание родителей сопровождается совместным проживанием ребенка именно с матерью. В связи с этим при рассмотрении судом дела об ограничении родительских прав матери Пленум ВС РФ рекомендует установить место нахождения отца ребенка и как бы предложить ему забрать ребенка на воспитание. По нашему мнению, такой подход явно противоречит принципу равенства прав и обязанностей родителей (п. 1

ст. 61 СК РФ). Если отец не был ранее ограничен в родительских правах или лишен их, он просто обязан взять ребенка себе на воспитание, в противном же случае орган опеки и попечительства либо прокурор должны предъявить требование о лишении такого отца родительских прав. То, что фактически или даже юридически (по соглашению между родителями или на основании решения суда) место жительства ребенка было определено с матерью, совершенно не освобождает родителя, проживающего отдельно, от осуществления родительских прав и исполнения родительских обязанностей, при этом надлежащее исполнение обязанности по уплате алиментов на содержание несовершеннолетнего не должно соотноситься с осуществлением родительских прав в полном объеме. Конечно же, сразу ответим на предполагаемое замечание критиков озвученного нами выше тезиса: принудительная передача ребенка другому родителю вряд ли будет соответствовать интересам ребенка, но и безразличное поведение этого родителя недопустимо.

Заметим, что данный вопрос интересен и с точки зрения гражданского процесса: в качестве кого привлекается к участию в процессе другой родитель?

Полагаем, что практическая значимость решения вопроса об ограничении родительских прав в настоящее время приобрела особую актуальность в свете совершенствования так называемого миграционного законодательства. Так, в январе 2025 г. вступили в силу изменения в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [3], в соответствии с которыми одним из оснований отказа в выдаче или аннулирования ранее выданного разрешения на временное проживание, вида на жительство может стать решение суда об ограничении родительских прав. Как свидетельствуют статистические данные, чаще всего фиктивными признаются браки, заключенные между женщинами, являющимися гражданами РФ, и мужчинами, имеющими иностранное гражданство; встречаются и случаи установления отцовства в административном порядке, когда иностранный гражданин с согласия матери ребенка заявляет о своем отцовстве в отношении ребенка, вследствие чего приобретает некоторые послабления в легализации своего пребывания на территории РФ. Можно предположить, что некоторый процент таких браков и установления отцовства, действительно, основан на любви и намерении создать семью, но материалы правоприменительной практики свидетельствуют о значительном числе государственной регистрации фиктивных по своей сути актов гражданского состояния. В открытом доступе пока еще нет информации о лишении или об ограничении родительских прав мужчин, являющихся гражданами иностранных государств, но осмелимся предположить о наличии вины и матери ребенка в создании условий, не соответствующих интересам

ребенка, его нормальному физическому, психическому, духовному и нравственному развитию.

Провозглашение 2024 г. Годом семьи, как неоднократно заявлял Президент РФ В.В. Путин, имело своей целью повышение авторитета семьи и ответственного родительства, создание условий для достойного воспитания детей. Полагаем, что именно мать ребенка как женщина, принявшая решение о его рождении, объективно в большей степени несет ответственность и за его воспитание. Заключение и возможное расторжение брака, признание брака недействительным, применение мер семейно-правовой и иной отраслевой ответственности за ненадлежащее осуществление родительских прав и обязанностей всегда должно сопровождаться учетом особой кровной и эмоциональной связи матери и ребенка при формальном равенстве прав родителей.

Список литературы

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.10.2023) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Гражданский кодекс Российской Федерации» (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 14.04.2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон от 25.07.2002 г. № 115-ФЗ (ред. от 25.12.2023 г.) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14.11.2017 г. № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Ильина О.Ю. Тенденции изменения Семейного кодекса Российской Федерации и практики его применения // Lex russica. 2024. Т. 77, № 12. С. 10–22.
6. Менделевич В. Д. О многодетной матери Юлии Савиновых, лишённой приёмных детей из-за желания сменить пол (трагические юридические последствия несовершенства психиатрических классификаций) // Неврологический вестник. 2018. Т. 50, № 1. С. 5-14.
7. Ординарцев И.И. Ограничение родительских прав как институт семейного права Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 25 с.
8. Русаковская О.А., Голубев С.А., Андрианова С.Б., Ныркова А.А. Особенности представления родителями, находящимися под диспансерным наблюдением, анамнестических сведений о ребёнке // Российский психиатрический журнал. 2020. № 5. С. 74–82.
9. Русаковская, О. А. Проблемы судебно-психиатрической экспертизы по искам об ограничении родительских прав лиц с психическими расстройствами /// Российский психиатрический журнал. 2018. № 6. С. 27–34.
10. Тарусина Н.Н. Семейное право: Очерки из классики и модерна: монография. Ярославль: ЯрГУ, 2009. С. 318.

11. Тарусина Н.Н., Исаева Е.А. Гендер в законе: ограничения, преференции, нейтрализация // Социально-юридическая тетрадь. 2016. № 6. С. 5–33.

12. Харитонов Н.К. Применение стандартизированного протокола экспертного исследования в делах по заявлениям об изменении гражданско-правового статуса: практическое пособие / Н.К. Харитонов, О.А. Русаковская, В.И. Васянина. М.: Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского, 2023. 53 с.

13. Rusakovskaya O.A., Kharitonova N.K., Movina L.G., Papsuev O.O. Real-life functioning in women with schizophrenia living in residential facilities: Gender-based comparison // *Frontiers in Psychiatry*. 2023. Vol. 14, No. MAR. P. 1120141.

Об авторе:

ОРДИНАРЦЕВ Игорь Игоревич – кандидат юридических наук, заместитель Головинского межрайонного прокурора г. Москвы, советник юстиции (123167, г. Москва, Ленинградский пр-т, 45, корп. 3), e-mail: law9999599@mail.ru

On the special status of the mother when deciding on the restriction of parental rights

I.I. Ordinartsev

Golovinskaya Interdistrict Prosecutor's Office of Moscow, Moscow

The author draws attention to the manifestation of the specificity of the principle of equality of parents' rights when applying the restriction of parental rights by the court. Noting the open nature of the list of grounds for restricting parental rights provided by law, the author particularly focuses on the relationship between the civil and family law consequences of mental disorder of parents, gender reassignment by one of the parents. As a result of the study, the author comes to the conclusion about the special social role performed by the mother and the higher degree of responsibility of the mother when restricting parental rights not only hers, but also the child's father.

Keywords: *family legal relations, parental rights, restriction of parental rights, responsibility of the mother.*

About author:

ORDINARTSEV Igor – PhD in Law, deputy Golovinsky interdistrict prosecutor of Moscow, justice adviser (123167, Moscow, Leningradsky pr-t., 45, bldg. 3), e-mail: law9999599@mail.ru

Ординарцев И.И. Об особом статусе матери при решении вопроса об ограничении родительских прав? // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 1 (81). С. 189–196.

Статья поступила в редакцию 25.01.2025 г.
Подписана в печать 12.03.2025 г.

Отдельные аспекты правового статуса матери в законодательстве Республики Беларусь

Т.М. Русенчик

Белорусский государственный университет, г. Минск

В семейном праве вопросам исследования правового статуса субъектов семейных правоотношений уделяется мало внимания. В статье рассматриваются отдельные аспекты нормативного закрепления правового статуса матери. Целью исследования выступает анализ действующего законодательства Республики Беларусь, закрепляющего правовые гарантии реализации правового статуса матери. Методологию исследования составили общенаучные методы анализа и синтеза, а также формально-юридический метод. В статье представлен авторский взгляд на определение понятия правового статуса матери. Автором сделаны выводы об определении момента возникновения правового статуса матери, а также о наличии единственного основания его прекращения.

Ключевые слова: *правовой статус матери, гарантии реализации правового статуса матери, мать, материнство, ребенок, дети.*

Политика Республики Беларусь на современном этапе направлена на укрепление института семьи. Законодательное регулирование семейных отношений исходит из ведущего принципа семейного права Республики Беларусь, закрепленного в ст. 32 Конституции Республики Беларусь, согласно которой семья, материнство, отцовство и детство находятся под защитой государства [1]. Материнство наряду с семьей, отцовством и детством в 2023 г. были впервые на законодательном уровне провозглашены как традиционные ценности Республики Беларусь (п. 26.1 Концепции правовой политики Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 28.06.2023 г. № 196 «О Концепции правовой политики Республики Беларусь» [5]). Охрана материнства является одной из приоритетных задач законодательства Республики Беларусь о браке и семье (ст. 1 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС) [4]) и реализуется прежде всего путем закрепления в законодательстве правового статуса матери, социальных и правовых гарантий, его обеспечивающих. Об этом, в частности, свидетельствуют положения раздела 3 КоБС.

В законодательстве, правоприменительной практике и научной литературе термины «правовой статус» и «правовое положение» личности рассматриваются как равнозначные понятия [12]. Правовой статус личности чаще всего рассматривается как совокупность прав, свобод и обязанностей, которыми лицо наделяется как субъект

правоотношений. Права и свободы физических лиц разграничиваются на права человека и права гражданина, права женщин и мужчин, права взрослых и детей [13, с. 36–37].

В зависимости от сферы и контекста, в рамках которых складывается и функционирует правовой статус лица, выделяют отраслевой статус. В контексте семейно-правового регулирования понимание правового статуса следует ограничивать совокупностью категорий «права» и «обязанности» лица.

В семейном праве вопросам исследования правового статуса субъектов семейных правоотношений уделяется мало внимания. Это относится как к определению понятий «мать», «материнство», «отец», «отцовство», «родители», «дети», так и наполнению содержанием их правового статуса от момента его возникновения до момента прекращения существования. Несмотря на то что законодатель активно оперирует указанными юридическими категориями, ясность в этом вопросе отсутствует и в действующем законодательстве Республики Беларусь о браке и семье [16, с. 577; 17, с. 214].

Одной из гарантий реализации правового статуса матери является закрепление момента его возникновения. Исходя из общего понимания правоспособности, права и обязанности лица возникают в результате самого факта рождения человека.

В ч. 1 ст. 50 КоБС закреплено одно из важнейших положений семейного права, которое состоит в том, что взаимные права и обязанности родителей и детей основываются на происхождении детей, удостоверенном в установленном порядке. Однако в ч. 2 ст. 50 КоБС законодатель делает уточнение, что «взаимные права и обязанности между матерью и ребенком возникают с момента рождения ребенка». Полагаем, что, формулируя нормы подобным образом и связывая момент возникновения прав и обязанностей матери с моментом рождения ребенка, законодатель Республики Беларусь, по сути, закрепляет лишь фактический статус матери. Следовательно, данный подход предполагает разграничение между установлением фактической связи матери и ребенка, обусловленной фактом рождения, и возникновением правовой (юридической) связи, которая основывается на факте удостоверения происхождения ребенка при внесении соответствующих сведений в запись акта о рождении. В специальной литературе мы используем термины «фактический отец» и «фактическое отцовство», в то время как понятия «фактическая мать» и «фактическое материнство» в законодательстве Республики Беларусь и научной литературе практически не упоминаются. В законодательстве используются термины «лицо, фактически воспитывающее ребенка» (п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26.09.2002 г. № 7 «О судебной практике по делам о лишении родительских прав» (далее – Постановление Пленума от 26.09.2002 г.

№ 7) [8] или «лицо, которое фактически воспитывает ребенка» (ст. 79 КоБС, п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 30.09.2004 г. № 11 «О практике рассмотрения судами споров, связанных с воспитанием детей») [7]. Несмотря на кажущееся тождество приведенных понятий, в первом случае возможность фактического родительства предполагается (подразумеваемая отсутствие удостоверяющих документов), в втором случае речь идет о субъектах, противостоящих родителям в споре, связанном с защитой родительских прав. Думаем, что такой подход законодателя нельзя считать оправданным при регулировании правоотношений родителей и детей.

Полагаем, что использование понятия «фактическая мать» становится актуальным, во-первых, когда возникает вопрос о привлечении к ответственности женщины, родившей ребенка и отказавшейся без уважительных причин взять его после рождения из организации здравоохранения. В этом случае КоБС предписывает обязательное предъявление к такому лицу иска о лишении родительских прав (ч. 3 ст. 80 КоБС). Однако лишить родительских прав лицо, у которого юридическая связь с ребенком не возникла, не представляется возможным и требует предварительного (до принятия дела о лишении родительских прав к рассмотрению суда) установления происхождения ребенка, поскольку согласно п. 5 Постановления Пленума от 26.09.2002 г. № 7 иски о лишении родительских прав не могут быть предъявлены к лицам, фактически воспитывающим ребенка, но не указанным в качестве родителей в записи акта о его рождении.

Во-вторых, не менее актуальным является использование понятий «фактическая мать» и «фактическое материнство» для отношений суррогатного материнства, учитывая тот факт, что правоотношение суррогатного материнства осложнено, с одной стороны, наличием договора, а с другой – участием в нем одновременно двух женщин. В данном правоотношении договор суррогатного материнства является не только основанием возникновения отношений суррогатного материнства (ст. 20 Закона Республики Беларусь от 07.01.2012 г. № 341-З «О вспомогательных репродуктивных технологиях» (далее – Закон о ВРТ) [6]), но и предпосылкой для установления происхождения ребенка от матери наряду с фактом его рождения.

Участие в правоотношении двух женщин, одна из которых – суррогатная мать – женщина, выносившая и родившая ребенка, вторая – женщина, заключившая с суррогатной матерью договор суррогатного материнства (ч. 5 ст. 52 КоБС) – генетическая мать или женщина, воспользовавшаяся донорской яйцеклеткой (ч. 1 ст. 21 Закона о ВРТ), влечет необходимость четкого понимания, кто из этих двух женщин будет наделен фактическим и правовым статусом в отношении рожденного ребенка.

Что касается фактического статуса, то практика показывает, что он может быть определен сторонами договора самостоятельно.

Следовательно, фактическое материнство в отношении суррогатного материнства может определяться по усмотрению сторон. Стороны договора суррогатного материнства вправе определить объем прав (кто будет осуществлять кормление ребенка, уход за ним в первые часы и дни жизни ребенка) и момент перехода прав от одной стороны к другой, который связывается с моментом передачи ребенка от суррогатной матери к генетической матери (ч. 2 ст. 21 Закона о ВРТ).

Презумпция материнства генетических родителей (генетической матери, женщины, заключившей договор суррогатного материнства, и ее супруга (при его наличии), закрепленная в законодательстве в Республики Беларусь, предполагает, что юридический статус матери возникает исключительно у женщины, заключившей с суррогатной матерью договор суррогатного материнства (ч. 5 ст. 52 КоБС). Условием для возникновения юридического статуса матери в отношении суррогатного материнства является наличие в совокупности трех фактов: факта рождения ребенка, медицинской справки о рождении, удостоверяющей факт рождения и договора суррогатного материнства, оформленного надлежащим образом (ч. 1 ст. 51, ч. 5 ст. 52 КоБС, п. 13.2 Инструкции о порядке заполнения формы 103/у-10 «Медицинская справка о рождении», утвержденной постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 16.12.2010 г. № 168, п. 19 Положения о порядке регистрации актов гражданского состояния и выдачи документов и (или) справок органами, регистрирующими акты гражданского состояния, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 14.12.2005 г. № 1454 (далее – Положение 1454)). Одна из специфических особенностей установления происхождения ребенка в данном правоотношении заключается в том, что справка о рождении выдается не суррогатной матери (женщине, выносившей и родившей ребенка), а женщине, заключившей с суррогатной матерью договор суррогатного материнства, на основании которой устанавливается происхождение ребенка (п. 19 Положения 1454).

Таким образом, полагаем, что с момента рождения до момента внесения соответствующих сведений в запись акта о рождении ребенка, женщину, выносившую и родившую ребенка, следует считать фактической матерью как лицо, чей статус основывается на факте рождения и не подтвержден юридически, поскольку в этот период мать осуществляет фактические права, направленные на реализацию как биологических, так и социальных потребностей ребенка в заботе о нем и его здоровье, тепле, питании, уходе и т. д. Правовой статус состоит в большей степени в возможности реализовать те права и обязанности, которые регламентируются законодательством (ст. 68 КоБС и иными нормами) и, по нашему мнению, возникает с момента записи акта о рождении ребенка.

Исходя из изложенного и поддерживая ранее высказанную нами точку зрения [16, с. 577], считаем, что правовая связь матери и ребенка,

как и правовой статус матери, возникает с момента внесения соответствующих сведений в запись акта о рождении, что подтверждается свидетельством о рождении. До этого момента отношения находятся в статусе фактических, что несомненно направлено на охрану и защиту интересов ребенка.

Исторически регулирование отношений родителей и детей складывалось так, что родительская власть, а следовательно, и правовые статусы отца и матери не были равнозначными, несмотря на то что в отношении и отца, и матери употреблялся термин «родители» [14, с. 6]. Современное законодательство Республики Беларусь о браке и семье закрепляет принцип равенства прав и обязанностей родителей (ст. 76 КоБС). Однако вопрос о равенстве прав и обязанностей отца и матери, а также равенстве (равнозначности) их правовых статусов не находит однозначного ответа и сегодня. Не стоит забывать, что и вопрос о равенстве прав родителей в аспекте защиты материнства и отцовства сам по себе продолжает оставаться актуальным и дискуссионным [11].

Законодатель активно оперирует дефинициями «мать», «материнство», «отец», «отцовство». В частности, термины «мать» и «отец» упоминаются в статьях КоБС 57 и 53 раза соответственно, термины «материнство» и «отцовство» – 37 и 34 раза соответственно. Статистический анализ положений КоБС показывает, что внимание со стороны законодателя к вопросам регламентации правового статуса материнства, пусть и в незначительной мере, является более пристальным.

Следующей гарантией правового статуса матери является закрепление принципа равенства прав и обязанностей родителей (ст. 76 КоБС). Мы придерживаемся позиции, что в правоотношении между родителями и ребенком каждый родитель выступает как самостоятельный субъект [9, с. 17]. В то же время каждый родитель обладает по отношению к ребенку такими же правами и несет перед ним те же обязанности, что и другой родитель. Однако полагаем, что равенство прав и обязанностей родителей в объективном смысле, т. е. по форме (право по воспитанию ребенка, право по определению места жительства ребенка и т.д.), не влечет равенство прав и обязанностей по сути, т. е. по объему их реализации. Полагаем, что, закрепляя принцип равенства прав и обязанностей родителей, законодатель преследовал лишь идею недопущения приоритета прав и обязанностей одного родителя перед другим, как это было в дореволюционный период регулирования отношений родителей и детей, когда имело место безусловное доминирование прав отца в семье [14, с. 6], и законодатель не стремился установить равенство прав и обязанностей матери и отца в абсолюте (например, если один родитель занимался уходом за ребенком в первой половине дня, то второй выполняет те же обязанности во второй: если один родитель занимался воспитанием ребенка в первые две недели месяца, то второй реализует те же права в последующие две недели и т. д.).

Следует отметить, что правовой статус матери в отношении ребенка не ограничивается исключительно семейными правоотношениями [15, с. 356]. В случаях, когда речь идет о защите прав и законных интересов детей или о реализации полномочий по представительству ребенка (ст. 73 КоБС), правовой статус матери включает права и обязанности в сфере гражданско-правовых, гражданских процессуальных, уголовно-процессуальных отношений, отношений в сфере образования, здравоохранения, социального обеспечения и др. Таким образом, регулирование и охрана правового статуса матери осуществляются, помимо законодательства о браке и семье, нормами соответствующего отраслевого законодательства.

К числу гарантий реализации правового статуса матери, по нашему мнению, следует относить определение момента его прекращения.

Необходимо отметить, что законодателем не регламентируется ни основание, ни момент прекращения правового статуса матери. В этом аспекте законодатель ограничивается лишь регламентацией вопроса о прекращении прав и обязанностей родителя в отношении несовершеннолетнего ребенка и в отдельных случаях в отношении совершеннолетнего нетрудоспособного ребенка. Применительно к целям данной статьи, такой подход можно объяснить социальной ролью матери как одного из родителей в социализации ребенка в обществе, его становления как личности, а также обеспечении прав и законных интересов ребенка в период его существования в статусе социально уязвимого субъекта.

Полагаем, что достижение ребенком возраста 18 лет является фактом, оказывающим существенное влияние на содержание правоотношения между родителем и ребенком. Другими словами, достижение ребенком совершеннолетия влечет изменение характера и объема прав и обязанностей родителей и ребенка, но не является основанием прекращения правоотношения между ними. В частности, у родителей прекращается юридическая обязанность по воспитанию ребенка, но при этом фактически сохраняется право на общение с ним. Также у родителя возникает право на получение содержания от совершеннолетнего ребенка, а у последнего возникает корреспондирующая этому праву обязанность.

Дискуссионным является вопрос о влиянии лишения родительских прав на правоотношение между родителями и ребенком. Полагаем, что факт лишения родительских прав также оказывает влияние лишь на содержание правоотношения, прекращая отдельные права и сохраняя обязанности родителя (ст. 82, 93 КоБС) и не прекращает правоотношение в целом. Данный тезис находит подтверждение в гражданском законодательстве (ст. 944 Гражданского кодекса Республики Беларусь [2]), устанавливающим ответственность родителей, лишенных родительских прав, за вред, причиненный несовершеннолетним, а также в уголовном законе (ст. 174 Уголовного

кодекса Республики Беларусь [3]), устанавливающим ответственность за уклонение родителей от содержания детей либо от возмещения расходов, затраченных государством на содержание детей, находящихся или находившихся на государственном обеспечении.

Открытым является вопрос о влиянии усыновления на правоотношение между родителями и ребенком. Согласно действующему законодательству о браке и семье Республики Беларусь одним из правовых последствий усыновления, по общему правилу, является прекращение личных неимущественных и имущественных прав и обязанностей между родителями и ребенком (ч. 1 ст. 134 КоБС). Вместе с тем, как показывает анализ законодательства, усыновление не во всех случаях прекращает родительское правоотношение. В частности, согласно ч. 3 ст. 134 КоБС при усыновлении ребенка одним лицом личные неимущественные и имущественные права и обязанности могут быть сохранены по желанию матери, если усыновитель – мужчина, или по желанию отца, если усыновитель – женщина. В этом случае сведения о сохранении правоотношений усыновленного ребенка с одним из родителей указываются в решении суда об усыновлении ребенка (ч. 3 ст. 134 КоБС). Как объясняется в литературе, подобные ситуации маловероятны в действительности [10, с. 19], однако наличие к тому нормативных предпосылок требует оценки влияния правовых последствий установления усыновления на правоотношение между родителями и ребенком.

Полагаем, что прекращение правоотношения между родителем и ребенком, а следовательно, и прекращение правового статуса родителя в силу естественного права может иметь место исключительно на основании факта смерти родителя и (или) ребенка или объявления одного из них умершим. Смерть и объявление умершим одного из субъектов данного правоотношения являются объективными, безусловными основаниями его прекращения.

Исходя из изложенного, правовой статус матери следует рассматривать как совокупность прав, обеспеченных установленными законодательством гарантиями их реализации и защиты, обязанностей по отношению к ребенку и второму родителю и ответственности перед ребенком, а также обществом и государством.

Правовой статус матери возникает с момента внесения сведений в запись акта о рождении, что подтверждается свидетельством о рождении.

Основанием прекращения правового статуса матери следует считать факт смерти матери и (или) ребенка или объявление одного из них умершим.

Список литературы

1. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <https://russia.mfa.gov.by/ru/embassy/news/a8d9143b178c9aae.html> (дата обращения: 14.11.2024).

2. Гражданский кодекс Республики Беларусь от 07.12.1998 г. № 218-3 [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9800218> (дата обращения: 14.11.2024).
3. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 09.07.1999 г. № 275-3 [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275> (дата обращения: 14.11.2024).
4. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [Электронный ресурс]. URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=hk9900278> (дата обращения: 14.11.2024).
5. Указ Президента Республики Беларусь № 196 от 28.06.2023 г. «О Концепции правовой политики Республики Беларусь» [Электронный ресурс]. URL: <https://president.gov.by/ru/documents/ukaz-no-196-ot-28-iyunya-2023-g> (дата обращения: 14.11.2024).
6. Закон Республики Беларусь от 07.01.2012 г. № 341-3 «О вспомогательных репродуктивных технологиях» [Электронный ресурс]. URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=h11200341> (дата обращения: 10.11.2024).
7. Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 30.09.2004 г. № 11 «О практике рассмотрения судами споров, связанных с воспитанием детей» [Электронный ресурс]. URL: https://court.gov.by/ru/jurisprudence/post_plen/civil/matrimony/e9050b2daca94052.html (дата обращения: 10.11.2024).
8. Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26.09.2002 г. № 7 «О судебной практике по делам о лишении родительских прав» [Электронный ресурс]. URL: https://www.court.gov.by/ru/jurisprudence/post_plen/civil/matrimony/19c95270afdd4e2a.html (дата обращения: 10.11.2024).
9. Ворожейкин Е.М. Актуальные проблемы теории семейных правовых отношений в СССР: автореф. дис. ... д-ра юридических наук. М., 1973. 34 с.
10. Гринева А.В. К вопросу о тождестве статуса родителей и усыновителей // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 3 (79). С. 16–29.
11. Ильина О.Ю. Проблемы реализации принципа равенства прав родителей при получении дополнительных мер государственной поддержки (материнского капитала) // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 3. С. 83–86.
12. Кивель В.Н. Понятие правового статуса личности: вопросы теории // Вестник БГУ. Серия 3, История. Экономика. Право. Минск : БГУ, 2014. № 1. С. 57–61.
13. Наумович Т.В. Ребенок и его правовой статус: обзор законодательства Республики Беларусь // София: электрон. науч.-просветит. журн. 2018. № 2. С. 36–40.
14. Очкина А.А. Отдельные аспекты становления правового статуса отца в России // Семейное и жилищное право. 2024. № 2. С. 5–8.
15. Русенчик Т.М. Права родителей по осуществлению представительства от имени своих детей и обеспечению защиты прав и законных интересов детей: сущность и содержание // Теоретико-прикладные аспекты развития гражданского законодательства Республики Беларусь под влиянием цифровизации: сб. науч. ст. / Нац. центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь ; под ред.: О.А. Бакинской,

М.В. Мещановой. Минск: Колорград, 2022. С. 354–361.

16. Русенчик Т.М. Родительское правоотношение: основания возникновения и субъекты // Государство и право в XXI веке : материалы международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию юридического факультета Белорусского государственного университета, 26–27 ноября 2020 г., г. Минск / БГУ, Юридический фак.; [редкол.: Т. Н. Михалёва (гл. ред.) и др.]. Минск: БГУ, 2021. С. 576–580.

17. Семейное право: учеб. пособие / В. Н. Годунов [и др.]; под ред. В.Н. Годунова, М.П. Короткевич. Минск: Изд. центр БГУ, 2024. 392 с.

Об авторе:

РУСЕНЧИК Татьяна Марьяновна – старший преподаватель кафедры гражданского права юридического факультета Белорусского государственного университета (220030, г. Минск, ул. Ленинградская, 8), SPIN-код: 4022-6648, e-mail: tarus-m@yandex.ru

Several aspects of the legal status of the mother in the legislation of the Republic of Belarus

T.M. Rusenchyk

Belarusian State University, Minsk

In family law, there is little attention paid to a study of the legal status of the subjects of family legal relations. The article explores some aspects of statutorization of the legal status of the mother. The objective of the study is to analyze the current legislation of the Republic of Belarus that establishes legal guarantees for the implementation of the legal status of the mother. The research methodology includes scientific methods of analysis and research synthesis, as well as the formal legal method. The article presents the author's view on the definition of the concept of the legal status of the mother. The author makes conclusions about the determination of the time when the mother's legal status occurs, as well as about the existence of a single basis for its termination.

Keywords: *legal status of the mother, guarantees for the implementation of the mother's legal status, mother, motherhood, child, children.*

About author:

RUSENCHYK Tatiana – the senior lecturer, department of civil law, law Faculty, Belarusian State University (8, Leningradskaya St., 220030, Minsk, Belarus), SPIN-code: 4022-6648, e-mail: tarus-m@yandex.ru

Русенчик Т.М. Отдельные аспекты правового статуса матери в законодательстве Республики Беларусь // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 1 (81). С. 197–205.

Статья поступила в редакцию 15.11.2024 г.

Подписана в печать 12.03.2025 г.

Порядок выезда за границу несовершеннолетних граждан Российской Федерации

А.А. Сладкова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В целях предотвращения незаконного выезда из РФ несовершеннолетнего РФ установлен определенный порядок, сопряженный с наложением запрета на такой выезд одним из родителей в силу его возможной неосведомленности о планах второго родителя, с которым постоянно проживает несовершеннолетний. Однако данная превентивная мера как гарантирует право на равное участие в воспитании ребенка, так и создает условия для злоупотребления со стороны одного из законных представителей. Нормы права, устанавливающие порядок выезда несовершеннолетнего гражданина РФ из РФ, стали предметом проверки Конституционного Суда Российской Федерации, результаты которой нашли отражение в изменении законодательства в 2021 г. Целью данной статьи является рассмотрение порядка выезда несовершеннолетнего гражданина РФ из РФ в сопровождении одного из родителей. Проведен обзор изменений законодательства по установлению внесудебного отзыва заявления о несогласии выезда несовершеннолетнего РФ из РФ в свете позиций Конституционного Суда Российской Федерации. Практическая значимость работы заключается в выявлении факторов, которые влияют на разрешение вопроса о выезде несовершеннолетнего гражданина РФ из РФ в сопровождении одного из родителей.

Ключевые слова: выезд несовершеннолетних из РФ, законные представители несовершеннолетнего, спор о детях.

Согласно положениям ст. 27 Конституции Российской Федерации «каждый может свободно выезжать за пределы Российской Федерации (далее – РФ). Гражданин РФ имеет право беспрепятственно возвращаться в РФ» [1]. Однако для несовершеннолетних граждан РФ в силу их возраста установлены определенные ограничения на выезд из РФ, так как требуется согласие законных представителей (родителей, усыновителей, опекунов или попечителей).

Родители ребенка могут совместно и не проживать, при этом совместно участвовать в воспитании ребенка, ведь ст. 66 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) [2] гарантирует право родителя, проживающего отдельно от ребенка, на осуществление родительских прав, а именно право на общение с ребенком, участие в его воспитании и решении вопросов получения ребенком образования. Однако родители могут злоупотреблять своими правами на воспитание

и создавать непреодолимые препятствия для общения с ребенком, например выехать для проживания в другую страну.

В настоящее время порядок выезда несовершеннолетних граждан РФ за границу с территории РФ установлен положениями Федерального закона от 15.08.1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» (далее – ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию») [3] и Приказа МВД России от 31.08.2021 г. № 651 (ред. от 02.04.2024 г.) «Об утверждении Порядка подачи, отзыва, приема и учета заявлений о несогласии на выезд из Российской Федерации несовершеннолетнего гражданина Российской Федерации» (далее – Приказ № 651) [4].

В силу положений ст. 20 ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию», если несовершеннолетний гражданин РФ выезжает из РФ без сопровождения законных представителей, он должен иметь при себе, кроме паспорта, нотариально оформленное согласие хотя бы одного из законных представителей на выезд несовершеннолетнего гражданина РФ с указанием срока выезда и государства (государств), которое (которые) он намерен посетить.

Если же несовершеннолетний выезжает в сопровождении одного из законных представителей, не требуется нотариальное согласие второго родителя, но при этом вторым родителем не должно быть подано заявление в МВД России о несогласии на выезд из РФ несовершеннолетнего гражданина РФ.

Согласно положениям Приказа № 651, заявление о несогласии на выезд из РФ несовершеннолетнего гражданина РФ одним из родителей подается в подразделение по вопросам миграции территориального органа Министерства внутренних дел РФ на региональном или районном уровнях.

Учет заявлений о несогласии на выезд осуществляется подразделениями по вопросам миграции территориальных органов МВД России на региональном уровне по месту жительства (пребывания) несовершеннолетнего гражданина, указанному в таких заявлениях.

Согласно п. 25 и 26 Приказа № 651 должностное лицо, уполномоченное на учет заявлений, не позднее рабочего дня, следующего за днем приема (поступления) заявления либо судебного акта должно:

- уведомить второго родителя о поступлении заявления о запрете на выезд несовершеннолетнего за пределы РФ посредством простого почтового отправления;
- передать сведения об ограничении (снятии ограничения) права несовершеннолетнего гражданина Российской Федерации на выезд из РФ в Департамент пограничного контроля Пограничной службы

Федеральной службы безопасности Российской Федерации (далее – ДПК ПС ФСБ России) посредством единой информационно-технологической инфраструктуры системы «Мир».

Сотрудники пограничной службы РФ отмечают, что на практике встречаются такие случаи, когда один родитель может быть введен в заблуждение другим, например, ребенок проживает с матерью, а отец оформил нотариальное согласие на выезд ребенка с ней, но при этом без ее ведома написал заявление в МВД о запрете на выезд ребенка. В такой ситуации сотрудники пограничной службы руководствуются не нотариальным согласием, а наличием в базе данных заявления о запрете на выезд. А мать ребенка, не зная порядка выезда, озабочилась получением только нотариального согласия, которое необходимо для получения визы в страну прибытия, но не выезда из РФ.

Исходя из вышеописанных положений Приказа МВД № 651, становится ясным, что родитель может получить почтовое отправление о наличии «заявления о несогласии на выезд» намного позже, чем информация появится в базе пограничной службы.

В ст. 21 ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» определено, что в случае, если один из родителей, усыновителей, опекунов или попечителей заявит о своем несогласии на выезд из РФ несовершеннолетнего гражданина РФ, вопрос о возможности его выезда из РФ разрешается в судебном порядке в рамках гражданского судопроизводства по иску одного из родителей. Так, родитель, не согласный с наложением другим родителем ограничения на выезд ребенка, должен обратиться в суд с исковым заявлением о снятии ограничения права на выезд ребенка за пределы РФ. Судом может быть временно снят запрет на выезд в определенную страну (или страны) на определенный срок.

Показательным в плане разрешения вопроса о выезде ребенка из РФ с одним из родителей является следующий пример из судебной практики. Гражданка М. обратилась в Якутский городской суд Республики Саха (Якутия) в целях отмены ограничения на выезд ребенка из РФ на период с июня по ноябрь 2023 г., наложенного бывшим супругом, который подал в МВД по Республике Саха (Якутия) заявление о несогласии на выезд из РФ несовершеннолетнего сына до достижения 18 лет. Гражданка М. настаивала на том, что ребенок часто болеет, поэтому по медицинским показаниям нуждается в санаторно-курортном лечении за пределами РФ, а ограничения на выезд ущемляют его права. Суд первой инстанции исковые требования удовлетворил, однако суды апелляционной и кассационной инстанций не поддержали позицию первой инстанции и установили, что «гражданка М. просила разрешить выезд несовершеннолетнего в Республику Азербайджан, гражданином которой является сама истец и где проживают родственники, указывая также на состояние здоровья ребенка, которому

необходим более благоприятный климат. При этом указание истцом требований о разрешении не конкретизировано, что предполагает разрешение на выезд до совершеннолетия ребенка. А поскольку снятие ограничения на выезд несовершеннолетнего за пределы РФ нарушает принцип равенства прав родителей, ограничивая право ответчика на участие в воспитании сына и выражение мнения по вопросам целесообразности его выезда за пределы РФ, оснований для удовлетворения исковых требований об отмене ограничения на выезд у суда не имелось» [7]. В данной ситуации суды апелляционной и кассационной инстанций, видимо, исходили из опасности выезда несовершеннолетнего на постоянное жительство совместно с матерью, которая являлась гражданской другой страны.

В вопросе выезда из РФ несовершеннолетних в сопровождении одного из родителей важное значение имеет Постановление Конституционного Суда РФ от 25.06.2020 г. № 29-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 21 Федерального Закона "О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию" в связи с жалобой гражданина И.В. Николаенко» (далее – Постановление КС № 29-П), в котором указано, что «существующая модель правового регулирования – когда временный запрет на выезд несовершеннолетнего за границу устанавливается в административном порядке общим образом, а разрешение на выезд в судебном порядке принимается *ad hoc* (ситуативно) – является хотя и не единственно возможной или предпочтительной, но конституционно допустимой, поскольку позволяет обеспечить реальное, а не иллюзорное участие обоих родителей в жизни своего ребенка» [5].

В Постановлении КС № 29-П также отмечены и систематизированы важные положения, касающиеся обстоятельств, на которые стоит обращать внимание судам при рассмотрении спора о детях в части снятия ограничения на выезд:

- подача «заявления о несогласии на выезд» в административном порядке свидетельствует о наличии спора между родителями по поводу выезда ребенка, что требует участия суда в исследовании возможности и необходимости конкретных поездок определенной продолжительности и в определенные государства;

- суд должен учесть все значимые обстоятельства дела, с тем чтобы временный запрет на выезд не приобретал постоянного характера и не ограничивал право на передвижение необоснованно;

- суд может снять запрет на выезд, если сохранение в силе этого запрета (в полном объеме или в части – для выезда в конкретную страну и конкретные сроки) не отвечает больше интересам самого ребенка. Например, требуется выезд тому родителю (исполнение трудовых обязанностей или лечение), с которым проживает ребенок на законных

основаниях (место жительства определено судом или мировым соглашением).

Самое главное достижение Постановления КС № 29-П состоит в том, что ч. 1 ст. 21 ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» была «признана не соответствующей Конституции Российской Федерации в той мере, в какой по смыслу, придаваемому правоприменительной практикой, она, допуская решение судом вопроса о возможности выезда несовершеннолетнего за пределы РФ в сопровождении одного из родителей лишь в отношении конкретной поездки (в определенное государство и в определенный период) и тем более действуя в системе правового регулирования, исключающего решение этого вопроса во внесудебной процедуре в случае достижения родителями взаимного согласия, в полной мере применяется и к тому из родителей, с которым на законных основаниях постоянно проживает ребенок и который ранее в установленной процедуре заявил о своем несогласии на такой выезд» [6].

В 2021 г. в ст. 21 ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» были внесены изменения, которые корреспондируют выводы Конституционного Суда РФ о том, что запрет на выезд, данный одним из родителей, не распространяется на выезд несовершеннолетнего гражданина из РФ в сопровождении гражданина РФ и заявившего о таком несогласии законного представителя несовершеннолетнего.

Также изменения коснулись ведения учета заявлений о несогласии на выезд из РФ несовершеннолетнего гражданина РФ. В ранее действовавшем Приказе МВД России от 11.02.2019 г. № 62 «Об утверждении Порядка подачи, рассмотрения и ведения учета заявлений о несогласии на выезд из Российской Федерации несовершеннолетнего гражданина Российской Федерации» [8] не было механизма отзыва «заявления о несогласии на выезд» в административном порядке. Данный вопрос мог быть разрешен только в судебном порядке. Во исполнение Постановления КС № 29-П был утвержден новый приказ МВД (действующий в настоящее время), в котором содержится часть II. «Отзыв заявления о несогласии на выезд», что позволяет отозвать заявление о несогласии на выезд из РФ несовершеннолетнего гражданина РФ во внесудебном порядке родителем, подавшим ранее такое заявление. Данное положение также теперь закреплено и в ст. 21 ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию».

Таким образом, при выезде несовершеннолетнего без сопровождения законных представителей, но в сопровождении третьего лица, например тренера, требуется нотариальное согласие одного из родителей, а также не должно быть в базе МВД и пограничной службы заявления о несогласии на выезд из РФ несовершеннолетнего

гражданина РФ. Если же несовершеннолетний выезжает в сопровождении одного из родителей, то не должно быть заявления о несогласии на выезд из РФ. При несогласии родителя с запретом, наложенным вторым родителем, необходимо обратиться в суд, однако стоит учитывать несколько факторов: цель выезда, период и страна посещения, а также наличие гражданства иного государства у родителя, с котором предполагается выезд несовершеннолетнего.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г. // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.10.2023 г.) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
3. Федеральный закон от 15.08.1996 г. № 114-ФЗ (ред. от 25.12.2023 г.) «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» // СЗ РФ. 1996. № 34. Ст. 4029.
4. Приказ МВД России от 31.08.2021 г. № 651 (ред. от 02.04.2024 г.) «Об утверждении Порядка подачи, отзыва, приема и учета заявлений о несогласии на выезд из Российской Федерации несовершеннолетнего гражданина Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2021.
5. Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 25.06.2020 г. № 29-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 21 Федерального Закона "О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию" в связи с жалобой гражданина И.В. Николаенко» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Обзор практики Конституционного Суда Российской Федерации за второй квартал 2020 г. // СПС «КонсультантПлюс».
7. Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 16.11.2023 г. № 88-9842/2023 по делу № 2а-2173/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Приказ МВД России от 11.02.2019 г. № 62 «Об утверждении Порядка подачи, рассмотрения и ведения учета заявлений о несогласии на выезд из Российской Федерации несовершеннолетнего гражданина Российской Федерации» (утратил силу) // СПС «КонсультантПлюс».

Об авторе:

СЛАДКОВА Алена Александровна – кандидат философских наук, доцент кафедры экологического права и правового обеспечения профессиональной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 4410-8106, e-mail: Sladkova.AA@tversu.ru

Procedure for traveling abroad for minor citizens of the Russian Federation

A.A. Sladkova

Tver State University, Tver

In order to prevent the illegal departure of a minor from the Russian Federation, the Russian Federation has established a certain procedure associated with the imposition of a ban on such departure by one of the parents due to his or her possible ignorance of the plans of the second parent, with whom the minor permanently resides. However, this preventive measure both guarantees the right to equal participation in the upbringing of the child and creates conditions for abuse by one of the legal representatives. The legal norms establishing the procedure for the departure of a minor citizen of the Russian Federation from the Russian Federation became the subject of an audit by the Constitutional Court of the Russian Federation, the results of which were reflected in the amendment of the legislation in 2021. The purpose of this article is to consider the procedure for the departure of a minor citizen of the Russian Federation from the Russian Federation accompanied by one of the parents. A review of the changes in the legislation on the establishment of an extrajudicial withdrawal of an application for disagreement with the departure of a minor of the Russian Federation from the Russian Federation is provided in light of the positions of the Constitutional Court of the Russian Federation. The practical significance of the work lies in identifying the factors that influence the resolution of the issue of a minor citizen of the Russian Federation leaving the Russian Federation accompanied by one of the parents.

Keywords: *departure of minors from the Russian Federation, legal representatives of a minor, dispute about children.*

About author:

SLADKOVA Aljona – PhD in Philosophy, associate professor of subdepartment of environmental law and legal support of professional activity of the Law Department of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova st., 33), SPIN-код: 4410-8106, e-mail: Sladkova.AA@tversu.ru

Сладкова А.А. Порядок выезда за границу несовершеннолетних граждан Российской Федерации // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 1 (81). С. 206–212.

Статья поступила в редакцию 25.01.2025 г.
Подписана в печать 12.03.2025 г.

Одинокое материнство: социально-юридический этюд¹

Н.Н. Тарусина

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет
им. П.Г. Демидова», г. Ярославль

Рассматриваются вопросы о юридических основаниях возникновения одинокое материнства в различные периоды развития российского законодательства – от имперского до настоящего времени. Дается критическая оценка ряду нормативно-правовых решений, дискриминирующих статус одинокой матери. Предлагается социальная характеристика одинокое материнства. Выявляются социально-юридические разновидности данного явления – одинокое материнство на основе фиктивного развода, фактического вдовства, суррогатного материнства, эмансипированного мировоззрения и др.

Ключевые слова: одинокое материнство, основания возникновения, исторические и современные тенденции явления, дискриминационные решения, социальный портрет, особые случаи одинокое материнства.

В официально-нормативной юридической терминологии явление одинокое материнства («одинокое матери») проникло в российское (советское) законодательство в 1944 г. – с принятием Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания “Мать-героиня” и учреждении ордена “Материнская слава” и медали “Медаль материнства”» [5]. Данное терминологическое упреждение не только активно реализуется в современном российском законодательстве и правоприменительной практике, а также иных социальных практиках (в том числе в жесткой вариации «мать-одиночка»), но и «обогащено» союзом с термином «одинокая женщина», более широким по объему и еще более негативным по интеллектуальному и эмоциональному восприятию. Последний присутствует в нормах ст. 55 Федерального закона от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» («Одинокая женщина также имеет право на применение вспомогательных репродуктивных технологий») [4], а первый – в Трудовом кодексе РФ (ст. 2261 и 263) [2]. При этом, как мы уже отмечали в своих работах [18, с. 117], термин «одинокый мужчина» в законодательстве и правоприменительном обыкновении не только не используется, но даже и не предполагается к использованию. Видимо,

¹ Финансирование: ЯрГУ (проект VIP-014).

неженатый или вдовый мужчина в нашем гендерном идеологическом и филологическом менталитете одиноким не является и не мыслится по умолчанию. В последние годы появился замещающий (и гендерно нейтральный) термин «одинокий родитель», однако и обсуждаемый дискриминационный контекст не дезавуирован.

Между тем именно в означенном контексте одинокое материнство (как явление) имеет глубокие исторические корни и разнообразно яркие образцы – от княжеского до имперского российского законодательства. Они являлись следствием вдовства и внебрачного родительства. В последнем случае женщина становилась единственной носительницей родительской власти, отцовская же власть допускалась лишь в случаях узаконения внебрачного ребенка, что было скорее исключением, нежели правилом, особенно в дворянской среде, но даже и тогда она была слабее материнской [19, с. 632–635]. При этом, как отмечается в исторической науке, законодатель того периода решал не только идеологические задачи, но и сугубо прагматичные: предотвращение детоубийства, прикрывающего «женский позор», а также определение субъекта по уплате подушной подати (последнее являлось заботой владельцев одиноких матерей-крестьянок) [11, с. 281]. «Материнским одиночеством» могло сопровождаться и вдовство (с законным рождением ребенка в установленный после смерти мужа срок), однако оно не несло той социальной напряженности и того общественного осуждения и тягот, которые сопровождали классическое внебрачное материнство.

Дальнейшая тенденция относительно одинокого материнства характеризовалась явной противоречивостью. Так, запрет аборт в 1936 г. достаточно жестко отразился на социальном статусе всех советских женщин, но особенно незамужних («одиноких»), т. к. именно они в ситуации следования данному запрету, как правило, были лишены поддержки и мужчины-партнера, и общества, и государства¹. Означенное ранее Указом ПВС СССР от 08.07.1944 г. их положение оказалось еще более ущемленным, т. к. наряду с поддержкой многодетности (что было, есть и будет объективно необходимо, и нами, конечно, приветствуется), им предусматривался полный отказ в правовой защите внебрачного детства и материнства: запрещалось добровольное (административное) и судебное установление отцовства ребенка, рожденного за пределами законного брака (а также и детей, рожденных в фактическом супружестве, если не последовало его узаконение по предложенным правилам). В этом смысле советское законодательство, по сути, вернулось к имперской традиции, что оценивается нами как неприемлемое решение, нарушающее права

¹ В социологии отмечается, что замужние женщины в целом положительно реагировали на данный запрет [12, с. 34].

женщины, дискриминирующее ее [13, с. 139]. Незамужние женщины в силу естественного стремления к материнству, конечно, продолжили свое великое предназначение. Видимо, в том числе и на это был расчет. Однако расчет, по сущности своей не отвечающий справедливым и гуманистическим началам, на коих следует строиться семейному законодательству.

Как известно, данное нормативное решение было изменено лишь в 1968 г. (в Основях законодательства о браке и семье Союза ССР и союзных республик и подтверждено в ст. 48 Кодекса о браке и семье РСФСР (далее – КоБС РСФСР) 1969 г.). Однако изменение оказалось с изъяном: правила ст. 48 предусматривали исчерпывающий перечень обстоятельств (оснований иска, элементов предмета доказывания), сводившихся к фактическому браку (совместному проживанию и ведению общего хозяйства), совместному воспитанию/содержанию ребенка либо признанию своего отцовства, что не охватывало всего многообразия жизненных ситуаций. Это, в частности, подтверждается и материалами дела по жалобе И.Л. Шульгиной в Конституционный Суд РФ [6], которые свидетельствуют, на наш взгляд, об избыточно формальном подходе к проблеме: по сути, заявительницей оспаривалась конституционность нормы ст. 48 КоБС РСФСР (ущемляющая права ее и рожденного ею вне брака ребенка) – во взаимосвязи с нормами ст. 49, п. 2 ст. 168 и п. 1 ст. 169 Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ) [3]. В норме ст. 49 были сняты ограничения по основаниям иска и содержанию предмета доказывания, но означенными нами нормами о введении в действие СК РФ данному решению не придана обратная сила, что ставило детей, рожденных одинокими матерями в период действия дискриминационной нормы ст. 48 КоБС РСФСР, в неравное положение с детьми, рожденными после указанного срока¹. Соображения Суда о значении генетической экспертизы как лишь одним из средств доказывания и судебного познания не исчерпывает проблемы: набор косвенных доказательств и результат данного экспертного исследования далеко не всегда приводил к положительному решению суда, основанному на толковании нормы ст. 48 КоБС РСФСР и, напротив, следование смыслу положений ст. 49 СК РФ вполне позволяет удовлетворять иски об установлении отцовства.

Однако в конце 2024 г. Конституционный Суд РФ, не меняя своей правовой позиции относительно конституционности нормы ст. 48 КоБС РСФСР, в своем постановлении подчеркнул, что трактовка судами ее смысла не обеспечивает равной защиты прав граждан и не должна исключать возможность признания факта происхождения ребенка от определенного лица посредством молекулярно-генетической экспертизы, в связи с чем выявленный конституционно-правовой смысл

¹ Подробнее об этом см. другие наши труды [14, с. 73].

указанной нормы, толкуемый в системе с нормами гражданско-процессуального закона о правилах доказывания, является общеобязательным при ее применении [7]. Это, разумеется, принципиально меняет поход к проблеме. При этом полагаем, что существо решения как раз и свидетельствует о необоснованном ограничении прав ребенка и незамужней женщины нормой ст. 48: именно в связи с таковыми суды, в отсутствие установленных ею доказательственных фактов, и не могли опираться на соответствующее экспертное заключение.

Следует также заметить, что и в формулировке нормы ст. 49 действующего кодекса, предполагающей свободу судейского усмотрения по рассматриваемой категории семейных дел, не обошлось без своеобразного «рудимента», созвучного с прежней позицией законодателя: судам предписывается опираться исключительно на достоверные доказательства. Видимо, при решении других юридических казусов это требование не относится к обязательным?... (Предположение хотя и абсурдно, но вполне соответствует формально-логическим построениям, особенно в системе с другими материально-правовыми нормами.)

Предложенные факты и соображения подтверждают заявленный нами ранее тезис о противоречивой тенденции российского законодательства в вопросе определения статуса одинокой матери и справедливой охране и защите ее прав и интересов.

Согласно социологическим исследованиям среди женщин обсуждаемой группы 15 % имеют возраст от 26 до 30 лет, 78 % – от 31 до 50 лет. Из них 43 % воспитывают одного ребенка, 39 % – двоих детей, 18 % – троих; 48 % не состояли в браке, более трети находятся в разводе; 70 % женщин занимаются профессиональной деятельностью, более трети – с высшим образованием; около 57 % женщин обеспокоены материальными проблемами, которые частично снимаются социальной поддержкой государства [12, с. 35]. Разумеется, их социальные портреты существенно различаются, но объединяет, за редким исключением, одно общее качество – достойное материнство (которое не менее, если не более достойно должно сопровождаться эффективными мерами государственной поддержки – от материальной до идеолого-духовной и психологической).

В настоящее время явление одинокого материнства, наряду с классическим, характеризуется разнообразием оснований возникновения и актуализируется специфическими вариациями. Так, оно может оказаться следствием смерти отца ребенка, лишением его родительских прав (либо их ограничением, в том числе вследствие недееспособности), признания безвестно отсутствующим. Фактическое одинокое материнство возникает в связи с нахождением отца ребенка в

местах лишения свободы (вплоть до пожизненного срока), уклонением его от выполнения родительских обязанностей.

К особым, совершенно необычным случаям, относится фиктивный развод, осуществленный с целью приобретения женщиной («бывшей супругой») обсуждаемого статуса в целях получения социальных пособий и иных льгот, при сохранении между мужчиной и женщиной отношений, характерных для действительного супружества. Поскольку подобная ситуация должна квалифицироваться как безусловно незаконная, возникает вопрос о схеме правовых последствий. Однако семейное законодательство среди разнообразных видов фиктивных актов регулирует только фиктивность в брачной сфере (фиктивный брак как основание признания его недействительности – ст. 27 СК РФ), на фиктивные брачный договор и соглашение о разделе общесупружеского имущества реагирует с помощью гражданского закона о сделках, на фиктивную опеку – только через общие основания ее отмены, на фиктивное усыновление/удочерение – посредством применения оснований для отмены судебного решения по вновь открывшимся обстоятельствам, на фиктивное взыскание алиментов – неопределенно, но с возможностью исследования судом действительных взаимоотношений сторон, а фиктивный развод (и фиктивное признание отцовства) оставляет за скобками ясных (или возможных) правовых последствий [17]. В доктрине же и судебной практике распространены противоположные подходы – от допущения полной аналогии с нормами о признании недействительным фиктивного брака до лишь частичного применения правовых последствий (например, аннулирования незаконно полученных материальных благ). Последняя версия представляется, до необходимой (долго ожидаемой) корректировки СК РФ, более обоснованной: аннулирование только побочного результата фиктивного развода (к которому, собственно, супруги и стремились) – с оставлением основной ситуации без правопрекращающего решения относительно судьбы самого брачного союза [10, с. 53].

Своеобразную и самостоятельную нишу занимают «одинокие матери» с «эмансипированной изюминкой» своего мировоззрения и жизнедеятельности. Они, как правило (хотя, разумеется, есть и исключения), имеют высшее образование, карьерно успешны и приобретают социальный статус одинокой матери осознанно. Соответственно, избегают документально фиксировать отцовство ребенка (любыми предоставленными семейным законом способами) и нередко не стремятся использовать даже такую щадящую их суверенную позицию технологию, как фиктивная запись об отце ребенка (ч. 3 ст. 51 СК РФ). В доктрине высказано предположение, что диспозитивный характер данной нормы («...по указанию матери») не нарушает интересов ребенка [9, с. 41], с чем мы не согласны: отсутствие в «метрике» сведений об отце может стать известным

недобросовестным третьим лицам, а также и самому ребенку, что вряд ли окажет благоприятное воздействие на его мировосприятие в целом и семейный статус в частности.

Среди вдов к особой категории можно отнести женщин-матерей, состоявших в фактическом супружестве. С одной стороны, семейный закон предоставляет возможность как прижизненного признания мужчиной-партнером по данному союзу своего отцовства (или его судебного установления), так и посмертного отыскания родительства (ст. 50 СК РФ), а также не дифференцирует статус детей в зависимости от обстоятельств их рождения. С другой стороны, хотя такие «фактические вдовы» имеют право на детские пособия и другие детские льготы, сами они поддержки государства лишены, что для их семьи немаловажно. Среди них и вдовы погибших участников СВО. Как известно, после общения таких женщин с Президентом России в Государственную Думу РФ в январе 2024 г. был внесен законопроект [7], приравнивающий их по социальным льготам и другим позициям к вдовам, состоявшим с погибшими мужчинами в браке. Однако, во-первых, новеллы локализованы в Гражданском кодексе РФ [1], что, на наш взгляд, не соответствует сущностной природе отношений в фактическом браке как разновидности семейного союза [16, с. 371–372]. Во-вторых, проект не охватывает всех значимых, с гуманистической (и справедливой) точки зрения, ситуаций: 1) цифровое ограничение в три года пребывания в фактическом супружестве вызывает сомнение, т. к. перед нами не имущественная сделка, а сложный комплекс личных отношений; 2) погибший боец мог формально состоять в зарегистрированном браке и в течение более 5 лет (как пример) – в фактическом (как известно, фактическое прекращение брачных отношений, устойчивое и длительное раздельное проживание нормой ч. 4 ст. 38 СК РФ признается юридически значимым и дает суду право квалифицировать имущество, нажитое в этот период, раздельным, а обратная ситуация, нами обозначенная, во внимание не принимается); 3) распространение на обсуждаемый семейный союз требований, предъявляемых к юридической действительности союза зарегистрированного, в целом является верным, однако не следует забывать, что несоблюдение оных при заключении брака предполагает льготы для добросовестной стороны в недействительном браке (ст. 30 СК РФ): логично, а главное справедливо было бы иметь в виду данное правило и для фактического супружества. Следует также заметить, что, несмотря на президентское одобрение просьбы фактических вдов, законопроект с января 2024 г. находится в «подвешенном» состоянии (включен в программу октября 2024 г.).

Обладает спецификой и одинокое материнство, возникшее в рамках программы по вынашиванию ребенка для генетических родителей-

заказчиков. Оно возникает, если суррогатная мать¹ реализует предоставленное ей право отказать заказчикам в записи об их родительстве и оставить ребенка под своей опекой (ч. 4 ст. 51 СК РФ). Данное право с завидным постоянством подвергается не только доктринальной критике, но и неоднозначно оценивается высшими российскими судами – Конституционным Судом РФ и Верховным Судом РФ². Тем не менее норма сохраняет свою силу и расставленные приоритеты. Мы же полагаем, что она должна быть преобразована из императивной в диспозитивную – с тем чтобы у суда при разбирательстве и постановке решения по конкретному делу имелось право выбора, право на действия по судебскому усмотрению с ориентацией не только на факты злоупотребления суррогатной матерью своим правом, но и на оценку индивидуальной конфликтной ситуации, семейного положения сторон, иных обстоятельств их жизни. Следует также иметь в виду, что заказчиком может выступать женщина, страдающая бесплодием. В этом случае появляется своеобразная коллизия интересов двух «одиноких женщин»...

Предложенные размышления не исчерпывают всей «портретной галереи» одинокого материнства и всего юридического контекста, его окружающего, однако они позволяют раскрыть наиболее явные черты данного явления, увидеть законодательные пробелы или несправедливые нормативные решения, ему прямо или опосредованно посвященные.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 18.12.2006 г. № 230-ФЗ. Часть 4 (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 2006. № 52 (ч. I). Ст. 5496.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
4. Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ (с изм. и доп.) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.
5. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 08.07.1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства» // СПС «Гарант».
6. Определение Конституционного Суда РФ от 20.06.2006 г. № 226-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Шульгиной Ирэны

¹ Мы неоднократно критиковали использование данного термина, подчеркивающего, по сути, сомнительность программы...

² Подробно об этом см. в других наших трудах [15].

Леонидовны на нарушение конституционных прав несовершеннолетнего Шульгина Святослава Сергеевича частью 2 статьи 48 КоБС РСФСР и Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 25.10.1996 г. № 9 «О применении Семейного кодекса РФ при рассмотрении дел об установлении отцовства и о взыскании алиментов» // СПС «КонсультантПлюс».

7. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.11.2024 г. № 55-П по делу о проверке конституционности статьи 48 Кодекса о браке и семье РСФСР в связи с жалобой гражданки М.» // СПС «КонсультантПлюс».

8. Законопроект № 539969-8 «О внесении изменений в Федеральный закон «О введении в действие части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» (о фактических брачных отношениях) [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/539969-8> (дата обращения: 27.09.2024).

9. Ильина О.Ю. Применение аналогии закона и аналогии права при регулировании отношений в сфере регистрации рождения детей // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2014. № 3. С. 38–45.

10. Микрюков В.А. Пределы аналогии в установлении правовых последствий фиктивного развода // Lex Russica (Русский закон). 2024. Т. 77. № 6. С. 46–56.

11. Полянский П.Л. Правовое регулирование брачно-семейных отношений в российском обществе: историко-правовое исследование. М.: Зерцало-М, 2016. 399 с.

12. Ростовская Т.К., Хасбулатова О.А., Смирнова И.Н. Одинокие матери в российском обществе: штрихи к социальному портрету // Женщина в российском обществе. 2023. № 1. С. 32–42.

13. Тарусина Н.Н. Гендер в законе и семейные ценности: в поисках баланса // Lex Russica (Русский закон). 2022. Т. 75. № 1. С. 131–146.

14. Тарусина Н.Н. Одинокое материнство как социально-правовое явление // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 7. С. 68–84.

15. Тарусина Н.Н. О правотворческом и коллизионном смысле правовых позиций высших судов РФ (на примере семейных дел) // Вестник гражданского процесса. 2023. Т. 13. № 2. С. 95–109.

16. Тарусина Н.Н. Семья: ценностные и формально-юридические ориентиры // Демидовский юридический журнал. 2023. Т.13. № 3. С. 364–381.

17. Тарусина Н.Н., Сочнева О.И. О фиктивности в семейно-правовой сфере // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 6. С. 52–56.

18. Тарусина Н.Н. Субъективные заметки о юридических терминах // Вестник ТвГУ. Серия : Право. 2022. № 3 (71). С. 115–122.

19. Шершеневич. Г. Ф. Учебник русского гражданского права. 5-е изд. Казань, 1905. 795 с.

Об авторе:

ТАРУСИНА Надежда Николаевна – кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой социального и семейного законодательства ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова», Заслуженный юрист РФ, SPIN-код: 5565-5523, AuthorID: 525260, e-mail: nant@uniyar.ac.ru

Single motherhood: a socio-legal study

N.N. Tarusina

Yaroslavl State University named after P.G. Demidov, Yaroslavl

The questions of the legal grounds for the emergence of single motherhood in various periods of the development of Russian legislation – from the imperial to the present time are considered. A critical assessment is given to a number of regulatory and legal decisions that discriminate against the status of a single mother. A social characteristic of single motherhood is proposed. The socio-legal varieties of this phenomenon are revealed – single motherhood based on fictitious divorce, actual widowhood, surrogate motherhood, emancipated worldview, etc.

Keywords: *single motherhood, the reasons for its occurrence, historical and modern trends of the phenomenon, discriminatory decisions, social portrait, special cases of single motherhood.*

About author:

TARUSINA Nadezhda – PhD in Law, Professor, Head of the Department of Social and Family Law of the Yaroslavl State University named after P.G. Demidov, Honored Lawyer of the RF, SPIN-code: 5565-5523, SPIN-код: 5565-5523, AuthorID: 525260, e-mail: nant@uniyar.ac.ru

Тарусина Н.Н. Одинокое материнство: социально-юридический этюд // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. №. С. 213–221.

Статья поступила в редакцию 25.01.2025 г.
Подписана в печать 12.03.2025 г.

Влияние частного и публичного интереса на формирование содержания соглашения об осуществлении семейных прав и/или исполнении семейных обязанностей

Е.П. Титаренко

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», г. Барнаул

Статья посвящена вопросам определения пределов договорной свободы при формировании условий соглашения об осуществлении семейных прав и/или исполнении семейных обязанностей. Автором делается вывод о влиянии публичного интереса на усмотрение субъектов семейных отношений, заключающих соглашения, как предусмотренные законодательством РФ, так и не указанные в нем. В статье определены характерные особенности семейных отношений и представлена позиция о наличии в фактическом браке семейных связей и, как следствие, о заключении фактическими супругами соглашений, которые регулируют осуществление семейных прав и/или исполнение семейных обязанностей.

Ключевые слова: *соглашение, супруги, фактический брак, частный интерес, публичный интерес.*

Семья строится на согласии и невозможна без него. В юридической литературе семья совершенно справедливо названа наиболее устойчивым социальным образованием. Меняются выполняемые ею функции, но сама семья как уникальный социальный институт сохраняется. Согласно ст. 38 Конституции РФ [1] материнство, детство и семья находятся под защитой государства.

Успешное выполнение задач по укреплению семьи возможно только при учете специфики социальных связей внутри семьи, тех ролей, которые выполняют члены семьи, традиционных семейных ценностей, присущих как каждой отдельной семье, так и целым поколениям. Следует согласиться с позицией, высказанной в юридической литературе: «правовое регулирование должно соответствовать социальным задачам, для решения которых была установлена данная правовая возможность» [16, с. 14]. При этом нужно заметить, что государство с большой долей вероятности не может и не сможет урегулировать все отношения внутри семьи. Однако в качестве ориентира следует определить вектор правового регулирования семейных отношений, способствующий обеспечению построения отношений внутри семьи на чувствах взаимной любви и уважения, взаимопомощи и ответственности перед семьей всех ее членов,

недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи, беспрепятственному осуществлению членами семьи своих прав (п. 1 ст. 1 Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ)).

Соглашение в этом аспекте выступает одним из наиболее эффективных средств индивидуального регулирования семейных отношений, поскольку нацеливает на добровольное осуществление семейных прав и/или исполнение семейных обязанностей. Во-первых, как правило, при заключении соглашений происходит «гармонизация интересов их субъектов, поддержание традиционных семейных ценностей» [4, с. 10]. Во-вторых, путем заключения соглашения можно предупредить семейный конфликт или разрешить имеющийся. В-третьих, законодателем предложены виды соглашений, в заключении которых субъекты семейных отношений могут быть заинтересованы для бесконфликтного решения целого ряда вопросов. В-четвертых, соглашением можно урегулировать вопросы, оставшиеся за пределами внимания законодателя, но важные для отдельно взятой семьи. В-пятых, как правило, добровольно заключенное соглашение так же добровольно исполняется, что очень важно для субъектов семейных отношений. В этом случае члены семьи обычно не проводят какой-либо формальной границы между семейными правами и семейными обязанностями, осуществляя их объективно во взаимосвязи, исходя из своего статуса в семье.

Право субъектов на индивидуальное регулирование семейных отношений посредством соглашений, несомненно, актуализирует вопрос о влиянии публичного интереса в семейном праве на их усмотрение при формировании условий заключаемого соглашения. Публичный интерес государства выражается в упорядочении семейных отношений и имеет явный приоритет перед частным. При этом крайне важен баланс соблюдения интересов семьи, отдельных ее членов и государства, поскольку последнее не должно причинять вред семье излишним вмешательством в ее дела. Не вызывает сомнения актуальность мнения, высказанного Т.В. Шершень: «Законодателю необходимо стремиться к тому, чтобы соблюдение публичных интересов было выгодным каждому носителю частного интереса. Средством достижения этой гармонии может выступать ограничение проявления частных интересов, не соответствующих интересам общества и государства» [18, с. 149]. При этом публичный и частный интерес не должны противопоставляться друг другу, поскольку «публичное право призвано охранять интересы отдельной личности посредством охраны общества в целом» [12, с. 48].

Государство, проявляя публичный интерес при регулировании семейных отношений, устанавливает и поощряет одобряемую им модель поведения, меры ответственности за нарушение императивных норм. Например, может быть признано недействительным соглашение об уплате алиментов, нарушающее интересы ребенка или

совершеннолетнего недееспособного члена семьи (ст. 102 СК РФ). Примечательно, что одним из критериев недействительности соглашения об уплате алиментов на несовершеннолетнего ребенка законодатель указывает размер алиментов ниже того, который мог быть установлен судом. Тем самым воля родителей по установлению размера алиментов соотносится с той гарантией содержания ребенка, которую обеспечивает государство: не менее 25 % заработной платы и/или иного дохода плательщика на одного ребенка (ст. 81 СК РФ).

При этом публичный интерес, преобладающий в методе семейного права, гармонично сочетается с «согласительностью и договорностью» [11, с. 17] большинства семейных связей, что позволяет субъектам семейных отношений осуществлять многие семейные права и/или исполнять семейные обязанности посредством заключения соглашений. Исследователи семейного права акцентируют внимание на пределах осуществления семейных прав (ч. 2 п. 1 ст. 7 СК РФ) в связи с договорной свободой участников семейных правоотношений [10, с. 10; 17, с. 54], ограниченной императивными нормами, содержащимися в большом количестве в семейном законодательстве, и устанавливающими своеобразные границы договорной свободы субъектов семейных соглашений. Например, с целью обеспечения защиты интересов несовершеннолетних и нуждающихся нетрудоспособных лиц, которые в юридической литературе получили название «слабого» субъекта семейного правоотношения [5, с. 68; 9, с. 3]. В частности, в соглашении об уплате алиментов на несовершеннолетнего ребенка не может быть предусмотрен размер алиментов ниже предела, указанного в п. 1 ст. 81 СК РФ.

Целесообразно заметить, что законодатель, устанавливая требования к различным семейно-правовым соглашениям, по-разному подходит к ограничению свободы потенциальных субъектов соглашений посредством указания на условия, которые могут быть или, наоборот, не могут быть включены в содержание данного соглашения. Так, содержанию брачного договора посвящена ст. 42 СК РФ под одноименным названием, п. 3 которой содержит прямой запрет на включение в договор указанных в этом пункте условий. Вывод о содержании соглашения о разделе общего имущества супругов может быть сделан, исходя из анализа п. 2 ст. 38 СК РФ. Содержание соглашения об имени ребенка определено нормами ст. 58 СК РФ, регламентирующими пределы договорной свободы родителей при выборе имени ребенка, его отчества и фамилии.

Таким образом, можно заявить о тесной взаимосвязи права на индивидуально-договорное регулирование семейных отношений с обязанностью учитывать содержание императивных предписаний законодателя применительно к соглашению того или иного вида. Указанная взаимосвязь прав и обязанностей подлежит учету при

заключении как поименованных в СК РФ и иных нормативных актах, так и не поименованных в законодательстве Российской Федерации соглашений, но при этом регулирующих осуществление семейных прав и/или исполнение семейных обязанностей.

Уместно заметить, что семейным законодательством Российской Федерации не определены пределы индивидуально-договорного регулирования семейных отношений, а также критерии допустимости использования соглашений как договорной конструкции для регламентации семейных отношений. Представляется, что, заключая непоименованное соглашение и определяя его условия, субъекты семейных отношений в целях соблюдения императивных предписаний СК РФ должны установить отраслевую природу отношений, которые они желают урегулировать таким соглашением. Это необходимо для определения применимого законодательства. Исследователи семейного права выделяют ряд специфических признаков семейных отношений, среди которых их строго лично-доверительный характер [6, с. 2–3], неотчуждаемость, непередаваемость и безвозмездность [19, с. 39], волевой признак (основаны на согласии) [8, с. 87; 13, с. 101], приоритет личных отношений перед имущественными [19, с. 15], длительный характер [7, с. 15].

Можно резюмировать, если заключаемое соглашение регулирует отношение, обладающее указанными выше отличительными признаками, то его содержанием являются условия об осуществлении семейных прав и/или исполнении семейных обязанностей. Законность такого соглашения предопределяется соблюдением его субъектами императивных требований, содержащихся в нормах СК РФ.

Сказанное актуализирует еще один вопрос. Являются ли отношения, возникающие в фактическом браке, семейными, а соответственно, и соглашения, заключаемые такими «супругами»? В юридической литературе отстаивается позиция, которую можно назвать продуманной и заслуживающей внимания, о признании отношений в фактическом браке семейными. Данный вывод автора основан на характеристике семейных связей: «Семейные связи, семейная жизнь, семья выступают одной из наивысших ценностей. При этом очевидной тенденцией определенно становится расширение понятия “семейная жизнь” и включение в него фактических брачных союзов, а также прочных связей между лицами, не имеющими биологического родства, но считающими себя родственниками». К ключевым факторам семейной жизни, по справедливому мнению автора, можно отнести «совместное проживание, его длительность и устойчивость, кровное родство, тесные личные и экономические связи» [14, с. 144]. Можно констатировать, что в процессе сожительства мужчины и женщины возникают семейные связи, отвечающие указанным выше признакам, а также в полной мере отвечающие критериям семейных отношений:

лично-доверительный характер, согласит, приоритет личных неимущественных отношений над имущественными.

Следует отметить, что количество фактических браков в России за последние 12 лет увеличилось в 4 раза и составило в 2022 г. 43,7 % у мужчин и 38,7 % у женщин от общего количества союзов по информации Росстата [15]. Приведенные данные красноречиво свидетельствуют о том, что граждане РФ все более заинтересованы в создании семьи без соответствующего юридического оформления своих отношений (регистрации брака). Реализуя частный интерес, они выбирают наиболее приемлемую для них форму сожительства. При этом задачей государства является выработка подходов к регулированию таких отношений (имущественных и неимущественных) с учетом их семейного характера.

Отсутствие правового регулирования отношений сожителей с учетом семейных связей между ними порождает ряд проблем. Например, не выработан единый подход к разделу имущества, нажитого фактическими супругами в период совместного проживания. Судебная практика предлагает совершенно различные варианты разрешения таких дел. В одних случаях суды отказывают в признании права общей долевой собственности на имущество, приобретенное во время сожительства, ссылаясь на отсутствие соглашения, заключенного «супругами» в письменной форме [21]. В других случаях одноименный иск удовлетворяется, поскольку один из «супругов» доказал факт вложений, увеличивающих стоимость имущества другого «супруга» [22, 23]. В иных случаях суды признают имущественное участие одного из фактических супругов в приращении имущества другого супруга даром либо благотворительностью [20]. Противоречивая судебная практика по данной категории дел способствует нарушению имущественных прав одного из фактических супругов, а также оказывает негативное влияние на стабильность гражданского оборота.

Между тем наличие у фактических супругов семейных связей, а соответственно, и интереса в построении семьи, упрочении их общего материального благополучия является причиной участия обоих фактических супругов в приобретении имущества в период совместного проживания. Фактический супруг, участвующий в погашении ипотеки, оформленной на другого «супруга», помогающий своими силами и денежными средствами построить дом, купить машину и тому подобное другому «супругу», преследует и свой собственный интерес в создании комфортной моральной и финансовой среды в семье. Представляется, что установление в процессе рассмотрения дела о разделе имущества факта наличия семейных связей между фактическими супругами должно рассматриваться судом как доказательство заключения ими соглашения о приобретении имущества в долевую собственность. Доли в праве на приобретенное в фактическом браке имущество должны

определяться судом, исходя из доказанности размера материального вклада каждого фактического супруга.

Таким образом, можно сделать вывод, что особое соотношение частного и публичного интереса в семейном праве обуславливает наличие ограничения свободы субъектов семейных отношений при формировании условий соглашения, регулирующего осуществление семейных прав и/или исполнение семейных обязанностей. Отношения, возникающие в фактическом браке, имеют все признаки семейных и приемлют индивидуально-договорное регулирование. В этой связи правовая регламентация должна осуществляться с учетом соотношения публичного и частного интереса, установленного для сферы семейных отношений. Данный подход в полной мере обеспечит выполнение государственной задачи по укреплению семейных связей и их построение на основе взаимной любви и уважения, взаимопомощи и ответственности перед семьей всех ее членов.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.20 (дата обращения: 20.09.2024).
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
3. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 16.06.2020 г. № 5-КГ20-29 [Электронный ресурс]. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1895866&fbclid=IwAR0wEVndrrRd2fI0Nfjz0ct (дата обращения: 17.09.2024).
4. Багрова Н.В. Индивидуальное правовое регулирование имущественных отношений супругов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2019. 28 с.
5. Беседкина Н.И. Частное и публичное в семейном праве // Образование и наука. 2013. № 7 (47). С. 67–81.
6. Беспалов Ю.Ф. К вопросу о предмете семейного права // Семейное и жилищное право. 2013. № 6. С. 2–5.
7. Ворожейкин Е.М. Семейные правоотношения в СССР. М.: Юрид. лит., 1977. 245 с.
8. Воронина С.В., Филиппова Т.А. Виды волеизъявления по гражданскому законодательству: доктринальный подход и правоприменительная практика // Изв. Алт. гос. ун-та. 2017. № 3 (94). С. 86–90.
9. Гуляева О.Н. Слабая сторона частно-правовых отношений: цивилистический аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2024. 28 с.
10. Звенигородская Н.Ф. Содержание семейно-правового договора: проблема свободы его формирования // Семейное и жилищное право. 2011. № 6. С. 8–11.

11. Ильина О.Ю. Конкуренция соглашений о детях в семейном законодательстве Российской Федерации и Республики Беларусь // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 4 (72). С. 15–23.
12. Ильина О.Ю. Проблемы интереса в семейном праве. М.: Городец. 2007. 192 с.
13. Низамиева О.Н. К вопросу о перспективах развития договорного регулирования семейных отношений // Ученые записки Казан. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2011. Т. 153. Кн. 4. С. 100–106.
14. Ситкова О.Ю. Семья, семейные связи, семейные ценности: проблемы понимания в современных условиях // Правовая политика и правовая жизнь. 2022. № 4. С. 142–150.
15. Ушакова И. В России резко выросла доля «гражданских браков» // Вести московского региона. 2023. 3 марта [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mosregion.info/2023/03/03/v-rossii-rezko-vyroslo-dolya-grazhdanskih-brakov/> (дата обращения: 17.09.2024).
16. Филиппова С.Ю. Юридические действия как юридические факты в российском гражданском праве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021. 42 с.
17. Чефранова Е.А. Непоименованные договоры как основание регулирования семейных отношений // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 7. С. 48–54.
18. Шершень Т.В. Частный и публичный интерес в семейном праве // Вестник Пермского университета. 2009. № 2 (4). С. 149–161.
19. Яковлев В.Ф. Избранные труды. М.: Статут, 2012. Т. 2. Кн. 1. 976 с.
20. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 16.06.2020 г. № 5-КГ20-29 [Электронный ресурс]. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1895866&fbclid=IwAR0wEVndrrRd2fi0Nfjz0ctHGhuNoaesleaERXkgbB1njkvceya1Dq8M6d0 (дата обращения: 17.09.2024).
21. Решение Бердского городского суда Новосибирской области от 10.03.2016 г. по делу № 2-105/2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/d1yjvtpYZJmg/> (дата обращения: 17.09.2024).
22. Решение Пролетарского районного суда г. Тулы от 14.10.2026 г. № 2-1949/2016 [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/cSHuhm8StvdW/?regular-txt=%D0%BC%D0%B0%D1%80%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%B0+%D1%8E.%D0%B2++%D0%B1%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F+%D0%BD.%D0%B8®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&snippet_pos=840#snippet (дата обращения: 17.09.2024);
23. Решение Ленинского районного суда города Махачкалы от 09.03.2017 г. по делу № 2-973/2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/VsF5CElSogL8/#top> (дата обращения: 17.09.2024).

Об авторе:

ТИТАРЕНКО Елена Петровна – старший преподаватель кафедры трудового, экологического права и гражданского процесса ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет» (656049, Алтайский край, город

Барнаул, проспект Ленина, дом 61), SPIN-код: 4550-3230, AuthorID: 848141, e-mail: eptitarenko@bk.ru

The influence of private and public interest on the formation of the agreement content on the exercise of family rights and/or family responsibilities

E.P. Titarenko

Altai State University, Barnaul

The article is devoted to the issues of determining the limits of contractual freedom when forming the terms of an agreement on the exercise of family rights and/or the performance of family duties. The author concludes that the influence of public interest on the discretion of family relations subjects entering into agreements, both provided for by the legislation of the Russian Federation and not specified in it. The article defines the characteristic features of family relations and presents a position on the presence of family ties in an actual marriage and, as a result, on the conclusion by the actual spouses of agreements that regulate the exercise of family rights and/or the performance of family duties.

Keywords: *agreement, spouses, de facto marriage, private interest, public interest.*

About author:

TITARENKO Elena – senior lecturer, department of labor, environmental law and civil procedure, Altai State University (656049, Altai Krai, Barnaul, Lenin Avenue, Building 61) SPIN-code: 4550-3230, AuthorID: 848141, e-mail: eptitarenko@bk.ru

Титаренко Е.П. Влияние частного и публичного интереса на формирование содержания соглашения об осуществлении семейных прав и/или исполнении семейных обязанностей // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 1 (81). С. 222–229.

Статья поступила в редакцию 15.11.2024 г.
Подписана в печать 12.03.2025 г.

Правовые аспекты защиты и поощрения материнства

И.А. Толстова, Н.С. Акатова

ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет»,
г. Клин

В статье анализируются основные инструменты нормативно-правовой и социально-правовой базы защиты и поощрения социального института материнства. Приводятся данные оперативного учета Федеральной службы государственной статистики относительно рождаемости и смертности за период 2024 г. В связи с ростом демографического кризиса рассматриваются государственные механизмы защиты и поощрения материнства.

Ключевые слова: *социальный институт материнства, демографический кризис, нормативно-правовая база, инструменты защиты и поощрения, государственная поддержка, материнский капитал.*

Анализ реализуемой на современном этапе государством в Российской Федерации семейной политики позволяет отметить повышение значимости правовых аспектов взаимодействия государства и такого социального института, как семья.

Объектом повышенного внимания является нормативная регламентация поощрения материнства, его защиты. Материнство является объектом защиты государства, поскольку представляет собой социальный институт, роль которого сложно переоценить.

Нормативное понимание сущности материнства представлено в Семейном кодексе РФ (далее – СК РФ). Согласно данному модифицированному акту, когда рождается ребенок, происходит автоматическое признание происхождения ребенка от определенной матери, т. е. материнства. Основой его установления являются подтверждающие факт рождения в медучреждении ребенка документы. В п. 1 ст. 48 СК РФ предусмотрено, что подтверждение материнства осуществляется на основе доказательств различного рода, в т. ч. показаний свидетелей, документов медицинского характера в случае, если ребенок рождается не в медучреждении [2].

Принимая во внимание указанные обстоятельства, способность рожать детей, осуществлять их выкармливание и воспитание детей, реализованную женщиной, следует трактовать в качестве материнства.

На современном этапе в условиях многократного превышения смертности над рождаемостью, наличия кризисной ситуации в демографической сфере возрастает значимость такого элемента анализируемого социального института, как рождаемость.

Согласно представленным Росстатом данным, в 2024 г. за первые шесть месяцев смертность возросла в республике Карелия и в ряде областей: Курганской, Тамбовской, Костромской, Новгородской, Тверской, Кировской, Ивановской, Орловской, Владимирской [8].

На протяжении того же периода число родившихся составляло 8,3 человека на 1 000 жителей страны. Соответствующее значение является достаточно низким [8].

Количество жителей страны составляет 146,2 млн человек. Отмечена тенденция сокращения значения данного показателя в сопоставлении с предшествующим годом.

Для того чтобы защищать, укреплять семейные ценности в соответствии с ориентированной на перспективу до 2023 г. Стратегией безопасности детей глава государства 22.11.2023 г. подписал Указ № 875, согласно которому 2024 г. объявлен Годом семьи [6]. В данном акте отмечена роль семьи в качестве основы, обеспечивающей возможности для того, чтобы строить крепкое общество.

Поскольку кризисные тенденции в демографической сфере являются достаточно выраженными, нормативное регулирование обеспечения защищенности детства и материнства подвергается изменению. Оно ориентировано на то, чтобы удовлетворять имеющиеся у российских семей ключевые потребности в обеспечении безопасности, материальном благосостоянии, получении образования, охране здоровья.

Составляющие обеспечивающего защиту материнства государственного механизма представлены мероприятиями, которые характеризуются отличиями с точки зрения целевого назначения, содержания, объемов, сроков осуществления.

Следует отметить достаточно широкий подход к использованию в Конституции России понятия защиты в отношении семьи, детства, материнства. Защита определена в качестве деятельности, ориентированной на то, чтобы предусматривать гарантии, предупреждать нарушения, противодействовать их появлению, устранять нарушения, если таковые возникают [1].

Защита состоит в том, чтобы предотвращать совершение нарушений, противодействовать действиям, являющимся противозаконными, возмещать вред. Комплекс охватываемых понятием защиты мероприятий ориентирован на то, чтобы обеспечить возможности для надлежащего и свободного осуществления прав.

Комплекс мероприятий, ориентированных на то, чтобы формировать условия, благоприятствующие полноценному развитию детей, гарантировать имеющиеся у детей и матерей интересы, поощрять материнство, составляет содержание защиты материнства и соответствующего государственного механизма [9, с. 60].

В п. 2 ст. 7 Конституции содержатся относящиеся к защите детства, отцовства, материнства базовые положения. Также следует отметить содержание п. 1 ст. 38, в котором указано, что государство защищает семью, детство, материнство [1].

Детализация регулирования соответствующих положений обеспечивается актами текущего законодательства (федеральными, региональными).

В ч. 1 ст. 72 Конституции РФ, а также в Федеративном договоре (ст. II) предусмотрено, что предметом совместного ведения федерального центра и регионов является координация связанных с детством и материнством вопросов.

Относящиеся к правовой защите материнства положения содержат кодифицированные акты СК РФ № 223-ФЗ от 29.12.1995 г. и Трудовой кодекс РФ № 197-ФЗ от 30.12.2001 г. (далее – ТК РФ) [2, 3].

Также подобные положения представлены в содержании ряда федеральных законов, регулирующих пособия имеющим детей гражданам (Федеральный закон от 19.05.1995 г. № 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» [5]), охрану здоровья граждан РФ (Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 323), где присутствует отдельный раздел, посвященный охране здоровья детей и матерей – глава 6) [4]).

Принимая во внимание существующее нормативное регулирование, следует обратить внимание на обеспечение государством правовой защиты, вследствие чего у значительного числа родителей имеется возможность получения дополнительных компенсационных выплат и льгот, обеспечивающих формирование необходимых для полноценного воспитания детей условий.

Развитие института семьи обеспечивается в том числе за счет совершенствования поощряющих, защищающих институт семьи нормативно-правовых актов.

Нормативно-правовые средства поощрения материнства могут быть охарактеризованы следующим образом.

1. Поощрение и охрана со стороны государства института материнства предусмотрены в ст. 52 ФЗ № 323 (указанный акт действует с учетом вступивших в силу с 01.09.2024 г. дополнений и изменений).

Наряду с указанной нормой существует значительное число нормативно-правовых актов, поощряющих, охраняющих детство, материнство. Соответствующие нормы содержат Конституция РФ, акты трудового, гражданского, уголовного, семейного и иного законодательства.

Нормативная фиксация предусматривающих поощрение, охрану материнства положений составляет фундамент для формирования

механизмов, позволяющих воплощать соответствующие положения в жизнь.

В 1977 г. впервые в отечественной правовой системе на конституционном уровне было зафиксировано принципиальное требование, связанное с охраной материнства государством. На современном этапе внутригосударственное законодательство РФ, регулирующие связанные с охраной материнства вопросы, соотносится с положениями международно-правовых актов, защищающими права человека.

2. Высший орган конституционного контроля 22.11.2011 г. принял Постановление № 25-П/2011, в котором указал, что цели предоставления государством гарантий женщинам в силу материнства, воспитания детей состоят в том, чтобы обеспечить для женщин условия, при которых они смогут реализовывать относящиеся к рождению и воспитанию детей и одновременно осуществлять трудовую и иную деятельность. Примером подобных гарантий является исключение возможности лишения защиты со стороны государства при увольнении матерей, которые воспитывают детей возрастом менее 14 лет и являются одиночками. Подобные гарантии предоставляются для того, чтобы защищать детство и материнство [7].

3. ТК РФ содержит значительное число положений, предусматривающих применительно к воспитывающим детей и осуществляющим трудовую деятельность женщинам меры защиты [3].

Следует в данном отношении отметить запреты на направление женщин в состоянии беременности в командировки, привлечение их к работе по ночам в дни, являющиеся нерабочими праздничными и выходными, к осуществлению работ в сверхурочном режиме, запрет на применение женского труда на работах, на которых условия трудовой деятельности сопряжены с опасностью, вредом.

В отношении женщин с детьми до 3 лет возможность направления в командировки, привлечение их к осуществлению работы по ночам и в сверхурочном режиме обуславливается тем, что женщина должна быть информирована работодателем, что она вправе не осуществлять подобную работу, а также тем, что медицинские противопоказания должны отсутствовать и женщиной должно быть предоставлено согласие в письменной форме.

В отношении женщин с детьми до 1,5 лет предусматривается предоставление получасовых перерывов с периодичностью каждые 3 часа, необходимых для кормления (наряду с основным перерывом на питание и отдых).

Предусматривается предоставление подобных перерывов в отношении каждого из детей, если у женщины имеется 2 ребенка.

В отношении женщин указанных категорий рабочее время может быть сокращено за счет переноса соответствующих перерывов на конец рабочего дня либо на его начало.

Существует возможность заменять в отношении женщин в состоянии беременности часть оплачиваемого отпуска на возмещение в денежной форме, запрещено отзывать подобных женщин из отпусков.

В отношении подобных женщин до завершения полугодового периода постоянной работы до связанного с беременностью, родами отпуска и после него осуществляется предоставление основного оплачиваемого отпуска.

В отношении указанных женщин на основе заявления и в соответствии с заключением медучреждения осуществляется перевод на работу, на которой отсутствуют факторы, сопряженные с опасностью, вредом, или производится сокращение норм выработки. В отношении подобных женщин предусматривается сохранение выплачивавшейся на предшествующей работе средней заработной платы.

Также для работодателя в общем случае исключается возможность расторгнуть в отношении женщин указанной категории трудовой договор по собственной инициативе.

Предусматривается обязанность работодателя в общем случае в соответствии с заключением медучреждения в отношении состояния беременности и заявления беременной женщины в ситуациях, когда заключается трудовой договор, являющийся срочным, и по завершении периода действия данного договора продлевать его срок до момента, когда беременность завершится. Исключение составляют ситуации, когда причина заключения подобного договора состоит в том, что женщина в состоянии беременности замещает сотрудника, который отсутствует временно.

В подобных случаях завершение периода, на который заключен трудовой договор, может сопровождаться увольнением женщины, находящейся в состоянии беременности. При этом применительно к подобным случаям предусматривается обязанность работодателя по переводу данной женщины на иную работу (если женщиной предоставлено согласие). Она может быть уволена только тогда, когда не желает переходить на иную работу.

Необходимо обратить внимание на нормативный запрет в отношении увольнения женщин, у которых имеется ребенок в возрасте менее 18 лет с инвалидностью, женщин, которые одни воспитывают ребенка возрастом менее 14 лет, а также женщин с детьми, не достигшими трехлетнего возраста.

Предусматривается ежемесячное предоставление дополнительного выходного в отношении трудящихся на сельских территориях женщин (сохранение заработной платы на данный день не предусматривается, он предоставляется на основе волеизъявления женщин указанной

категории). Формальным основанием его предоставления является документ, который подтверждает, что ребенок не получает полного государственного обеспечения в профильном учреждении, а также то, что имеется инвалидность).

Также для работодателей нормативно исключается возможность не принимать на работу имеющих детей женщин и женщин, являющихся беременными.

4. Содержащиеся в СК РФ положения также ориентированы на то, чтобы защищать материнство. Данный кодифицированный акт предусматривает, что женщина, родившая ребенка (кроме связанных с суррогатным материнством ситуаций), признается в качестве его матери.

Государство с 2007 г. обеспечивает содействие материнству, в том числе посредством меры, связанной с материнским капиталом. Предусмотренная на 2024 г. величина указанного капитала определяется с учетом даты рождения/усыновления ребенка, а также с учетом того, каким по счету он является в семье. Выплаты в отношении ребенка, являющегося вторым, который родился с начала 2020 г. при рождении первого до указанной даты, составляют 833 024,74 руб. Величина выплат в отношении ребенка, являющегося третьим, при рождении его с начала 2020 г. при рождении первого, второго до 2007 г., равна 833 024,74 руб. Выплаты в отношении ребенка, являющегося вторым, при рождении и первого, и второго детей до начала 2020 г., составляют 630 380,78 руб. Выплаты при рождении второго ребенка после начала 2020 г., если рождение первого состоялось после указанной даты, составляют 202 643,96 руб. При рождении первого ребенка после 2020 г. размер выплат на него составляет 630 380,78 руб.

В ряде субъектов РФ на случай рождения ребенка предусмотрена выплата дополнительного материнского капитала, именуемого региональным.

Высшим органом конституционного контроля 27.03.2018 г. в Постановлении № 13-П/2018 поддержан подход, сформулированный законодателем применительно к обеспечению посредством предоставления материнского капитала поддержки семьи, материнства [7].

5. В ФЗ № 323 предусматривается предоставление в медучреждениях медпомощи беременным женщинам, женщинам во время родов и по их завершении. Данная медпомощь предоставляется в соответствии с Программой гарантий предоставления медпомощи на бесплатной основе [4]. При предоставлении указанной медпомощи женщина вправе самостоятельно решать связанный с материнством вопрос.

Женщина обладает правом в отношении:

– получения в состоянии беременности, в процессе и по завершении родов медпомощи специализированного характера;

- прохождения обследования медико-генетического характера в целях исключения у ребенка заболеваний, являющихся наследственными, получения на безвозмездной основе связанных с планированием семьи консультаций;
- искусственной стерилизации на добровольной основе, если имеется минимум 2 детей либо при возрасте 35 лет или более;
- имплантации эмбрионов либо оплодотворения искусственным путем;
- прерывания беременности искусственным путем.

Также осуществляется предоставление женщинам по беременности, родам отпуска, длительность которого составляет (в календарных днях) по 70 дней до родов и по их завершении.

Предусматривается более продолжительный отпуск, если беременность многоплодная, длительность его возрастает на 14 дней. Предусмотрено увеличение соответствующего отпуска на 16 дней, если роды осложненные. Отпуск предоставляется на 110 дней, если число родившихся детей от двух. Соответствующие сроки зафиксированы в ТК РФ в ст. 255.

Предоставление женщине связанного с уходом в отношении ребенка до трехлетнего возраста отпуска осуществляется на основе ее волеизъявления. Предусмотрена выплата связанных с государственным социальным страхованием пособий при беременности, родах, рождении ребенка.

Изучение судебной практики позволяет отметить, что медработники нередко совершают нарушения, связанные с предоставлением медпомощи в соответствующие периоды. Примером может являться Определение № 53-КГ19-3, вынесенное СК по гражданским делам ВС РФ 13.05.2019 г.

Таким образом, государство принимает меры социально-правового, нормативно-правового характера, для того чтобы укреплять семью, поощрять материнство, обеспечивать его защиту. Согласно пункту «к» ч. 1 ст. 72 Конституции России РФ и регионы совместно координируют связанные с материнством вопросы. Акты федерального уровня, поощряющие и защищающие материнство, представлены в виде СК РФ и ТК РФ, федеральных законов, регламентирующих предоставление имеющим детей гражданам государственных пособий, охрану здоровья граждан и др.

Необходимо обратить внимание на принятие программ, ориентированных на то, чтобы совершенствовать существующие механизмы. Данные программы принимаются на государственном уровне, для того чтобы обеспечить должные условия для осуществления имеющих различную отраслевую принадлежность нормативных положений, связанных с поощрением материнства, его охраной.

На основе вышеизложенного следует отметить, что охрана материнства в качестве особо значимого социального института обеспечивается за счет многообразных инструментов нормативно-правового характера, ориентированных в первую очередь на то, чтобы защищать имеющиеся у детей и матерей интересы.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // РГ. 1993. № 237.
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 08.08.2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 08.08.2024 г.) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Федеральный закон от 19.05.1995 г. № 81-ФЗ (ред. от 25.12.2023 г.) «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Указ Президента РФ от 22.11.2023 г. № 875 «О проведении в РФ Года семьи в 2024 году» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.03.2018 г. № 13-П/2018 «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 1 Закона Ставропольского края “О признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Ставропольского края” в связи с жалобой гражданки М.С. Колесниковой» // СПС «КонсультантПлюс».
8. Росстат представляет данные о естественном движении населения в июле 2024 года. // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/244580> (дата обращения: 17.11.2024).
9. Тарасенкова А.Н., Маслова Т.А. «Детская Конституция»: как, опираясь на законы, действительно защищать права детей. М.: Российская газета, 2005. 192 с. (Библиотечка «Российской газеты»; Вып. № 11).

Об авторах:

ТОЛСТОВА Ирина Александровна – кандидат юридических наук, доцент: заведующая кафедры экономики, управления и права ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет», филиал в г. Клину Московской области (Россия, Московская область, Клин, ул. Волоколамское шоссе, д. 20/1.), SPIN-код: 7456-2068, AuthorID: 769774, e-mail: i.tolstova2012@yandex.ru

АКАТОВА Наталья Сергеевна – кандидат психологических наук, доцент: заведующая кафедры педагогики, психологии и социальной работы ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет», филиал в г. Клину Московской области (Россия, Московская область, Клин,

ул. Волоколамское шоссе, д. 20/1.), SPIN-код: 9411-3753, AuthorID: 622409, e-mail: katavochka@mail.ru

Legal aspects of protection and promotion of motherhood

I.A. Tolstova, N.S. Akatova

Russian State Social University, Klin

The article analyzes the main instruments of the regulatory and social-legal framework for the protection and promotion of the social institution of motherhood. The data of the operational accounting of the Federal State Statistics Service on birth and mortality for the period of 2024 are provided. In connection with the growth of the demographic crisis, state mechanisms for the protection and promotion of motherhood are considered.

Keywords: *social institution of motherhood, demographic crisis, legal framework, instruments of protection and encouragement, state support, maternity capital.*

About authors:

TOLSTOVA Irina – PhD in Law, Associate Professor: Head of the Department of Economics, Management and Law of the Russian State Social University, branch in Klin, Moscow Region (Russia, Moscow Region, Klin, Volokolamskoe Shosse St., 20/1), SPIN-code: 7456-2068, AuthorID: 769774, e-mail: i.tolstova2012@yandex.ru

AKATOVA Natalya – PhD in psychological sciences, associate professor: head of the department of pedagogy, psychology and social work of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Russian State Social University”, branch in Klin, Moscow Region (Russia, Moscow Region, Klin, Volokolamskoe shosse st., 20/1), SPIN-code: 9411-3753, AuthorID: 622409, e-mail: katavochka@mail.ru

Толстова И.А., Акатова Н.С. Правовые аспекты защиты и поощрения материнства // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 1 (81). С. 230–238.

Статья поступила в редакцию 15.11.2024 г.
Подписана в печать 12.03.2025 г.

Материнство и отцовство в правовом контексте: возможно ли фактическое и юридическое равенство?

М.В. Ульянова

ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»,
г. Москва

Исследование интереса матери и отца выходит на первый план на фоне возросшего интереса в обществе к семье как ценности. Целью является исследование фактического и юридического равенства интересов матери и отца. Использован сравнительно-правовой метод, метод анализа, синтеза. В результате автор пришел к выводу о фактическом неравенстве, обусловленном естественным характером происхождения детей, государственной защитой и обеспечением интересов женщины в период беременности и родов, при наблюдающемся равенстве при осуществлении родительских прав. Выявлено влияние исторически сложившихся представлений о намерениях матерей и отцов, которое отражается на процессе доказывания при определении места жительства ребенка.

Ключевые слова: *материнство, отцовство, родительские права, интересы ребенка, законные интересы ребенка, гендерное равенство, судебное усмотрение, определение места жительства ребенка, порядок общения, равенство родительских прав.*

Современная российская правовая действительность столкнулась с серьезной проблемой трансформации семьи [13, с. 10–11; 12, 71–79; 20, с. 144–145]: возросшим количеством разводов и как, следствие, ростом споров об определении места жительства ребенка и порядке общения с ним¹. Все это происходит на фоне возрастающего интереса к ценности семьи, родительским правам и правам ребенка.

Огромное внимание уделяется созданию семейно ориентированной среды, направленной на реализацию родительских прав в традиционной модели семьи, которая является естественной и наилучшей обстановкой для развития ребенка. Семейность представляется трендом. Правовое, политическое, экономическое и социальное поле направлено не только на создание семейных союзов среди молодежи, укрепление существующих, но и поддержание лиц в кризисные периоды семейной жизни. Отцовство и материнство как социальный феномен и как правовые категории являются значимыми для анализа не только психологами, педагогами, социологами, но и правоведами.

¹ Например, <https://www.cdep.ru/>, не менее интересны статистические данные о разводах по Европейским государствам https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Marriage_and_divorce_statistics (дата обращения: 12.11.2024).

В рамках научных дискуссий обсуждение прав ребенка привело к необходимости обсуждения и выявления проблем, связанных с осуществлением родительских прав, выявления интереса матери и отца.

Согласно Конституции РФ государство обеспечивает поддержку и защиту материнства (ч. 2 ст. 7 и ч. 1 ст. 38). В п. «ж» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ закреплено, что защита материнства отнесена к предмету совместного ведения РФ и субъектов РФ.

Конституционные гарантии получают детализацию в нормах Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ). Статья 1 СК РФ – материнство, отцовство находятся под защитой государства. Далее реализация интереса матери предусмотрена в п. 1 ст. 11 СК РФ о заключении брака: брак регистрируется в день подачи заявления при наличии особых обстоятельств (беременность женщины), а также существует ограничение на требование о расторжении брака во время беременности и в течение года после рождения ребенка (п. 2 ст. 16 СК РФ).

Подпункт 2 п. 2 ст. 89 и п. 1 ст. 90 СК РФ предусматривают право требования жены и бывшей жены в период беременности (если она наступила в период состояния в браке) предоставления алиментов в судебном порядке.

Помимо того, вопросы материнства и охраны материнства отражены в Трудовом кодексе РФ: обеспечение охраны здоровья женщин на отдельных видах работ, перевод на другую работу беременных женщин и женщин, имеющих детей в возрасте до полутора лет и др.

Законодатель в Федеральном законе от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» в ч. 1 ст. 52 охраняет здоровье женщин и предусматривает необходимые меры. Помимо того, ряд актов закрепляют поддержку материнства в рамках социального законодательства: Федеральный закон от 19.05.1995 г. № 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» [3], Федеральный закон от 29.12.2006 г. № 255-ФЗ (ред. от 25.12.2023 г.) «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством» [4]. Законодатель и правоприменитель наделяет женщину правом на меру государственной поддержки в связи с рождением ребенка (Федеральный закон от 29.12.2006 г. № 256-ФЗ (ред. от 12.06.2024 г.) «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей») [5].

Н.В. Летова отмечает, что принцип государственной защиты материнства исторически относится к числу базовых положений нашего законодательства, а его наличие свидетельствует об особом значении материнства для государства [16, с. 120–127].

Согласно п. 2 ст. 24 Конвенции о правах ребенка: государства–участники добиваются полного осуществления права ребенка, которое

видится во взаимосвязи с п. «д» – предоставление матерям надлежащих услуг по охране здоровья в дородовой и послеродовой периоды [2].

Пункты 1, 3 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 г. № 16 (ред. от 26.12.2017 г.) «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» уравнили положения матери и отца при установлении происхождения ребенка, чему способствовали и развивающиеся вспомогательные репродуктивные технологии, в том числе суррогатное материнство. Изменения в ст. 89, 90 СК РФ уравнили в правах матерей и отцов, которые фактически осуществляют уход за ребенком.

Таким образом, наблюдается государственная защита материнства на этапе беременности и в первые годы жизни ребенка, а также прослеживается в законодательстве взаимосвязь материнства и отцовства.

Представляется возможным условно выделить два этапа: первый – состояние беременности и родов, второй – развитие ребенка и забота о нем. Интересы матери и их реализация не могут рассматриваться в отрыве от интересов ребенка, в связи с рождением которого она и приобретает соответствующий родительский статус. Наиболее благоприятная среда для жизни и развития ребенка – это семья, в идеальном варианте полная семья, интересы матери и ребенка взаимосвязаны с отцовством. Логично сделать вывод, что в силу естественных причин нет фактического равенства в период беременности женщины и после рождения ребенка, поэтому государство обеспечивает и гарантирует защиту материнства и интересы матери.

В рамках исследований европейских ученых проблемы отцовства и материнства также занимают значительное место [23], что обусловлено подходом восприятия семьи как наилучшей среды для жизни и развития ребенка (п. «д» Преамбулы Конвенции¹). Более того, авторы придерживаются мнения, основанного на положениях Конвенции о правах ребенка (ст. 5, п. 2 ст. 14, 18 и п. 2 ст. 27), которое, безусловно, заслуживает внимания и одобрения – о необходимости поддержки традиционной модели семьи².

В Конвенции о правах ребенка подчеркивается интерес родителей в уходе за ребенком (например, в ст. 5, п. 2 ст. 14, 18 и п. 2 ст. 27), и

¹ «Ребенку для полного и гармоничного развития его личности необходимо расти в семейном окружении, в атмосфере счастья, любви и понимания».

² Наилучшие эмоциональные интересы ребенка неразрывно связаны с эмоциональными интересами обоих родителей или даже с интересами бабушек, дедушек и других родственников. Такой подход отражен в Особом мнении судьи Зупанчича, к которому присоединились судьи Панцыру и Тюрмен в ЕСПЧ 27.06.2000 г. (Нуутинен против Финляндии) № 32842/96 [О-19].

очевидно, что традиционная модель семьи рассматривается как идеальная среда для ребенка. Хотя в Конвенции не дано определения «родителей», под этим термином обычно подразумеваются лица, от которых ребенок произошел, т. е. имеется в виду биологическое происхождение. Есть подход, основанный на социальной связи, что необходимо разумно учитывать, избегая конфликта интересов. В рамках данной статьи рассматриваются интересы родителей, являющихся родственными ребенку. Согласно закону (ст. 61 СК РФ) оба родителя равны в своих правах. Если семья – родители и ребенок – проживают вместе, то и какого-либо различия в том, кто фактически заботится о ребенке, не просматривается. При надлежащей совместной заботе о ребенке личные качества родителей и их способности к уходу за ребенком как самостоятельные не представляют интереса для исследования, скорее предполагается, что оба родителя являются частью единого целого по отношению к своим детям, наделяются их совместной ответственностью, т. е., если семья традиционная, совместно проживающая, то и дальнейшее обсуждение осуществления родительских прав отдельно матери и отца теряет актуальность, и действует принцип недопустимости произвольного вмешательства в дела семьи или, как его называют зарубежные коллеги, «семейной автономии».

В большинстве случаев сравнение так называемых качеств по уходу за ребенком, заботе о ребенке для состоящих в браке друг с другом родителей не имеет смысла, если только семейная ячейка не распадается. В этом случае возникает вопрос: кому отдать предпочтение при определении места жительства ребенка? Этот вопрос на основании принципа недопустимости произвольного вмешательства в дела семьи определяется по соглашению родителей, но при недостижении согласия или если один родитель полагает, что есть угроза нарушения его права при расторжении брака, а также при рождении ребенка лицами, не состоящими в браке, проживающими раздельно, в судебном порядке.

Один из подходов в решении вопроса может базироваться на равенстве прав родителей, основанном на гендерном равенстве мужчин и женщин (ч. 3 ст. 19 Конституции РФ), второй подход исходит из потребностей ребенка и основан «на наилучших», «законных интересах ребенка».

Проблемы материнства и отцовства рассматриваются в работах по философии и педагогике, авторы выделяют и дают им определения, в том числе и родительству, как общему понятию. Важно обратить внимание, что материнство видится как образ жизни женщины, то, к чему она готовится и в чем она реализуется [18, с. 121–125; 14, с. 142–146]. Специалисты в области педагогики отмечают, что для взросления ребенка, для его благополучия «материнство носит основополагающий характер». Мать связана с ребенком более тесными, «кровными» узами в прямом смысле этого слова. «Отцовство не менее важно» [11, с. 67–

70], определяет «... порядок, стабильность, надежность и защиту, оно является одним из проявлений мужской идентичности. Особенно важно присутствие отца рядом с мальчиками, от него он заимствует модели мужского поведения в обществе. Обесценивать роль отцовства невозможно, поскольку это может привести к потере гендерной идентичности и кризису маскулинности» [17, с. 124–126].

Корни существующих социальных ожиданий от мужчин и женщин уходят в историю. Идеологический фон родительства был исследован Элисон Дидак [21, с. 527], которая утверждала, что отцы и матери должны обладать несколько разными характеристиками: от мужчин «ожидаются наличие власти, экономических возможностей и намерения создания семьи», тогда как для женщин такое «намерение является основным» [22, с. 11]. Социальные ожидания накладывают отпечаток на поведение лиц, однако в современном мире, при большем сглаживании социальных ролей, в отпуск по уходу за ребенком не только вправе уйти, но и уходят как мужчины, так и женщины, опираясь на свои ожидания от родительства, а также основываясь на имущественном состоянии семьи. Например, при имеющемся пассивном доходе отцы также заняты заботой о ребенке, не обращая внимание на потребность в заработке [6]; при более высоком заработке супруги отец ребенка находится в отпуске и фактически осуществляет уход за ребенком. Изменения в ст. 89, 90 СК РФ о праве требовать алименты супругом, фактически осуществляющем уход за ребенком, являются тому подтверждением.

В Принципе 6 Декларации о правах ребенка закреплена рекомендация о неразлучности и привязанности ребенка к матери в нежном возрасте, которая основана на гендерных ожиданиях от родителей [1].

Таким образом, в ситуациях определения места жительства детей в судебном порядке, связанных с разводом или не состоящими в браке партнерами, отцы доказывают свою способность («ресурсность» [7]) или фактический уход за ребенком, т. е. что они способны и могут «воспроизводить идеологию материнства», в то время как от матери этого не требуется, в отношении нее это презюмируется.

Важны качества родителя, которые могут быть установлены судом, и обстоятельства конкретного дела, что свидетельствует, соответствует ли оставление ребенка с конкретным родителем его наилучшим интересам, законным интересам. В результате для решения вопроса об определении места жительства ребенка с отцом в суде определяется готовность и способность отца к заботе о ребенке и опровергается в отношении матери, т. е. решается в отношении конкретных лиц и конкретного ребенка.

Полагаю, основываясь на усмотрении суда по семейным спорам, в основу выбора родителя, в отношении которого будет определено место

жительства ребенка, следует положить гендерно-нейтральный подход с учетом интересов ребенка, исследуя информацию о качествах родителя, которые позволят обеспечить заботу о благосостоянии и развитии ребенка (п. 3 ст. 31, п. 1 ст. 63 СК РФ).

Европейские ученые на основании судебной практики¹ выделяют и противопоставляют подход, основанный на гендерном равенстве, и подход, основанный на интересах ребенка. Полагаю, что именно гендерное равенство позволило говорить о качестве заботы о ребенке, о его интересе, не акцентируя внимание на том, кто является родителем. Безусловно, социальные ожидания в большей степени ориентированы на женщину, однако в рамках судебных споров известны и иные ситуации [8].

Не менее важным видится рассмотрение реализации интереса матери и отца в контексте иных прав личности. Так, можем обратить внимание на трудовое законодательство. В трудовых отношениях введение в законодательство отпуска по уходу за ребенком способствовало уравниванию прав родителей [9]. В рамках миграционного правового регулирования и правоприменения так же не прослеживается дифференциация по гендерному признаку [10]. Авторы обращают внимание на акценты, имеющие место в германском регулировании, направленные на защиту материнства, в том числе создание социальных институтов, без учета интереса отцов [15, с. 42–59; 9].

Таким образом, при отсутствии фактического равенства в силу естественных отношений законодатель обеспечил гарантии прав матери и реализацию интересов матери в период беременности и родов. При осуществлении прав ребенка, родительских прав, законодатель уравнил родителей, предоставив решение вопроса об определении места жительства ребенка при раздельном проживании родителей суду, не предусматривая приоритет матери или отца, а основываясь на их способности по уходу и заботе о ребенке.

Список литературы

1. Декларация прав ребенка (Принята 20.11.1959 Резолюцией 1386 (XIV) на 841-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Международная защита прав и свобод человека. Сборник документов. М.: Юридическая литература, 1990. С. 385–388.
2. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989 г.) (вступила в силу для СССР 15.09.1990 г.) // Сборник международных договоров СССР. 1993. Выпуск XLVI.

¹ Например, позиция о учете наилучших интересов детей отражены в ряде дел: «Х. против Латвии» (X. v. Latvia) от 26.11.2013 г., жалоба № 27853/09 // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2016. № 1; Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Нойлингер и Шурук против Швейцарии» (Neulinger and Shuruk v. Switzerland) от 06.07.2010 г., жалоба № 41615/07 // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2021. № 4.

3. Федеральный закон от 19.05.1995 г. № 81-ФЗ (ред. от 08.08.2024 г.) «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.11.2024).
4. Федеральный закон от 29.12.2006 г. № 255-ФЗ (ред. от 25.12.2023 г.) «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2024 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.11.2024).
5. Федеральный закон от 29.12.2006 г. № 256-ФЗ (ред. от 08.08.2024 г.) «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.11.2024).
6. Определение Верховного Суда РФ № 5-КГ16-67 от 10.05.2016 г. [Электронный ресурс]. URL: www.vsrfr.ru (дата обращения: 10.11.2024).
7. Определение Верховного Суда РФ № 5-КГ18-68 от 05.06.2018 г. по иску Доброневской к Харламову об определении места жительства ребенка, и встречному иску об ограничении родительских прав [Электронный ресурс]. URL: www.vsrfr.ru (дата обращения: 10.11.2024).
8. Определение Верховного Суда РФ № 5-КГ16-67 от 10.05.2016 по иску Гидирим к Фоменковой об определении места жительства ребенка [Электронный ресурс]. URL: www.vsrfr.ru (дата обращения: 10.11.2024).
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.01.2014 г. № 1 «О применении законодательства, регулирующего труд женщин, лиц с семейными обязанностями и несовершеннолетних» // Российская газета. 2014. № 27.
10. Постановление Верховного Суда РФ от 18.09.2023 г. № 5-АД23-57-К2 [Электронный ресурс]. URL: <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-18092024-n-35-ad24-7-k2/> (дата обращения: 10.11.2024).
11. Беть Я.Е. Родительство как социальный институт // Актуальные научные исследования в современном мире. 2020. № 1–3 (57). С. 67–70.
12. Богдан В.В. Защита традиционных семейных ценностей в парадигме трансформации семейных отношений: балансируем на грани // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 2 (78). С. 71–79.
13. Гармонизация частных и публичных интересов в семейном праве Российской Федерации: Научная школа доктора юридических наук, профессора, почетного работника сферы образования Российской Федерации О.Ю. Ильиной. Москва: ООО «Изд-во ЮНИТИ-ДАНА», 2023. С. 10–11 (Предисловие Ильиной О.Ю.)
14. Елисеева Т.В. Материнство как предмет философской рефлексии // Вестник Омского университета. 2018. № 2. С. 142–146.
15. Кожевников О.А., Кузнецова С.С. Принцип федерализма в миграционной политике России и зарубежных стран: сравнительно-правовое исследование // Российский юридический журнал. 2023. № 4. С. 42–59.
16. Летова Н.В. Материнство и детство как основа семейной политики: современность и историческое наследие // Государство и право. 2023. № 3. С. 120–127.

17. Луценко Э.М., Некрасов С.И. К вопросу о понятии родительство и его сущности // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 2. С. 124–126.

18. Мохов А.А. О семейноцентричном законодательстве Российской Федерации // Актуальные проблемы частного и публичного прав: Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции, Волгоград, 27 октября 2023 года. Волгоград: Волгоградская академия МВД РФ, 2024. С. 121–125.

19. Правовое регулирование социально-трудовых отношений с иностранными гражданами: междисциплинарный подход: монография / И.В. Войтковская, А.В. Гребенщиков, Е.Н. Доброхотова и др.; под общ. ред. Е.Б. Хохлова, Е.В. Сыченко. М.: Юстицинформ, 2019. 320 с.

20. Ульянова М.В. Доктринальные подходы типологизации института семьи // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 2 (133). С. 144–150.

21. Diduck A., 'The Unmodified Family: The Child Support Act and the Construction of Legal Subjects', Journal of Law and Society 1995 vol. 22, p. 527–548, 535.

22. Maccoby E., Mnookin R., Dividing the Child: Social and Legal Dilemmas of Custody, Cambridge/London: Harvard University Press 1992, p. 283–284.

23. Tapio Pauli Aleksi Koivula LLN Parental Equality in the European Human Rights Regime: Does European Human Rights Law Allow for Mothers and Fathers to be Evaluated by Different Standards in the Context of Custody Disputes? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.familyandlaw.eu/tijdschrift/fenr/2023/02/FENR-D-22-00002> (дата обращения: 10.11.2024).

Об авторе:

УЛЬЯНОВА Марина Вячеславовна – кандидат юридических наук, заместитель заведующего кафедрой, доцент кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», SPIN-код: 7852-4170, AuthorID: 952056, e-mail: maryulianova14@gmail.com

Motherhood and paternity in the legal context: is actual and legal equality possible?

M.V. Ulyanova

Russian State University of Justice, Moscow

The study of the interests of the mother and father comes to the fore against the background of increased interest in society in the family as a value. The goal is to study the actual and legal equality of interests of the mother and father. The comparative legal method, the method of analysis, synthesis are used. As a result, the author came to the conclusion about the actual inequality caused by the natural nature of the origin of children, state protection and ensuring the interests of women during pregnancy and childbirth, with the observed equality in the exercise of parental rights. The influence of

historically established ideas about the intentions of mothers and fathers, which is reflected in the process of proof when determining the place of residence of the child, is revealed.

Keywords: *motherhood, fatherhood, parental rights, interests of the child, legitimate interests of the child, gender equality, judicial discretion, determination of the place of residence of the child, communication procedure, equality of parental rights.*

About author:

ULYANOVA Marina – PhD in Law, Deputy Head of Department, Associate Professor of the Department of Civil Law of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Russia State University of Justice”, SPIN-code: 7852-4170, AuthorID: 952056, e-mail: maryulianova14@gmail.com

Ульянова М.В. Материнство и отцовство в правовом контексте: возможно ли фактическое и юридическое равенство? // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 1 (81). С. 239–247.

Статья поступила в редакцию 15.11.2024 г.
Подписана в печать 12.03.2025 г.

Защита интересов семьи в ходе принудительного исполнения судебных актов по делам административного судопроизводства

А.С. Федина

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Порядок принудительного исполнения затрагивает права и интересы не только непосредственно самих сторон исполнительного производства, но также права и интересы членов их семей. На обеспечение интересов членов семьи в исполнительном производстве направлены многие правила. Среди них особенно выделяются правила имущественного иммунитета, определения видов доходов должника-гражданина, на которые не может быть обращено взыскание, установления размера удержаний из заработной платы и иных доходов должника и др. В исполнительном производстве любые решения, связанные с интересами членов семьи взыскателя или должника, особенно их несовершеннолетними детьми, находящимися под защитой государства, требуют взвешенного подхода на основе его принципов.

Ключевые слова: члены семьи, исполнительное производство, взыскатель, должник, административное судопроизводство, стороны.

Исполнение судебных актов по делам административного судопроизводства призвано обеспечить эффективное восстановление нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций в публично-правовой сфере.

По общему правилу судебные акты по делам административного судопроизводства исполняются без участия судебного пристава-исполнителя. Как указано в ч. 1 ст. 352 Кодекса административного судопроизводства РФ (далее – КАС РФ) судебные акты по делам административного судопроизводства приводятся в исполнение после вступления их в законную силу, за исключением случаев немедленного исполнения, в порядке, установленном настоящим Кодексом и другими федеральными законами, регулирующими вопросы исполнительного производства [3].

В случае необходимости принудительное исполнение судебного акта производится на основании выданного судом исполнительного листа, если иное не предусмотрено настоящим Кодексом. В соответствии с законодательством об исполнительном производстве принудительному исполнению будут подлежать не исполненные добровольно судебные акты, вынесенные в порядке административного судопроизводства, которые предусматривают исполнение обязанностей, закрепленных в ч. 1 ст. 1 Федерального закона от 02.10.2007 г. № 229-

ФЗ «Об исполнительном производстве» (далее – ФЗИП), т. е. по передаче другим гражданам, организациям или в соответствующие бюджеты денежных средств и иного имущества либо совершению в их пользу определенных действий или воздержанию от совершения определенных действий, за исключением случаев, когда законодательством предусмотрен иной специальный порядок принудительного исполнения соответствующих судебных актов [2].

Сторонами исполнительного производства являются взыскатель и должник. В качестве таковых могут выступать гражданин или организация, а также объединение граждан, не являющееся юридическим лицом (ст. 49 ФЗИП). Взыскателем является лицо, в пользу или в интересах которого выдан исполнительный документ. Должником является лицо, обязанное по исполнительному документу совершить определенные действия (передать денежные средства и иное имущество, исполнить иные обязанности или запреты, предусмотренные исполнительным документом) или воздержаться от совершения определенных действий. В исполнительном производстве могут участвовать несколько взыскателей или должников (соучастников).

Установленный в законодательстве об исполнительном производстве (ст. 3 ФЗИП) порядок принудительного исполнения затрагивает права и интересы не только непосредственно самих сторон исполнительного производства, но также права и интересы членов их семей.

Согласно п. «ж» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ к совместному ведению РФ и субъектов РФ относится «защита семьи, материнства, отцовства и детства; защита института брака как союза мужчины и женщины; создание условий для достойного воспитания детей в семье, а также для осуществления совершеннолетними детьми обязанности заботиться о родителях» [1]. В то же время в сфере принудительного исполнения устанавливаются единые стандарты обеспечения защиты прав семьи, поскольку «процессуальное законодательство», в которое входит исполнительное производство, относится к ведению РФ (п «о» ст. 71 Конституции РФ).

В исполнительном производстве перед судебным приставом-исполнителем стоят задачи, обозначенные в ст. 2 ФЗИП, в ходе выполнения которых должен быть обеспечен баланс прав и законных интересов взыскателей и должников так, чтобы порядок исполнения решения суда отвечал требованиям справедливости, соразмерности и не затрагивал существа гарантированных прав лиц, участвующих в исполнительном производстве, в том числе права взыскателя на исполнение судебного акта.

Необходимость обеспечения баланса интересов кредитора и гражданина-должника требует защиты прав последнего путем не только соблюдения минимальных стандартов правовой защиты, отражающих применение мер исключительно правового принуждения к исполнению

должником своих обязательств, но и сохранения для него и лиц, находящихся на его иждивении, необходимого уровня существования, с тем чтобы не оставить их за пределами социальной жизни (абз. 4 п. 5(1) Постановления Конституционного Суда РФ от 12.07.2007 г. № 10-П) [8].

Справедливость в юридическом процессе, к которому относится в том числе и исполнительное производство, достигается должными правовыми процедурами.

Согласно ст. 68 ФЗИП порядок принудительного исполнения содержит различные меры принудительного исполнения в зависимости от характера требований исполнительного документа: обращение взыскания на имущество должника, в том числе на денежные средства и ценные бумаги; изъятие у должника имущества, присужденного взыскателю; наложение ареста на имущество должника, находящееся у должника или у третьих лиц, и др. Однако меры принудительного исполнения будут различаться применительно к исполнению имущественных и неимущественных требований исполнительных документов. Соответственно, будут различны и правила принудительного исполнения, обеспечивающие интересы членов семьи сторон исполнительного производства.

По делам административного судопроизводства исполнение требований имущественного характера о взыскании обязательных платежей и санкций, о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок и другое предполагает обращение на взыскание денежных средств и другое имущество должника-гражданина.

В целях сохранения нормальных условий жизни должнику-гражданину и членам его семьи установлен имущественный (исполнительский) иммунитет, как запрет обращать взыскание на определенные виды имущества. Правила имущественного иммунитета направлены на сохранение для должника-гражданина и членов его семьи жилищных условий, которые признаются приемлемыми в конкретной социально-экономической ситуации на том или ином этапе развития общества и государства.

В качестве имущества должника, на которое невозможно обратить взыскание, ст. 446 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее – ГПК РФ) [4] называет:

1) жилое помещение (его части), если для гражданина-должника и членов его семьи, совместно проживающих в принадлежащем помещении, оно является единственным пригодным для постоянного проживания помещением, за исключением случаев, если оно является предметом ипотеки и на него в соответствии с законодательством об ипотеке может быть обращено взыскание;

- 2) земельные участки, на которых расположены эти объекты;
- 3) предметы обычной домашней обстановки и обихода, вещи индивидуального пользования (одежда, обувь и другие), за исключением драгоценностей и других предметов роскоши;
- 4) продукты питания и деньги на общую сумму не менее установленной величины прожиточного минимума самого гражданина-должника и лиц, находящихся на его иждивении, в том числе на заработную плату и иные доходы гражданина-должника в размере величины прожиточного минимума и др. [...].

Вопрос о пределах действия имущественного иммунитета при обращении взыскания по исполнительным документам на принадлежащие гражданину-должнику на праве собственности объекты недвижимости, включая жилые помещения, затрагивался Конституционным Судом РФ неоднократно. В последнем Постановлении Конституционного Суда РФ № 15-П от 26.04.2021 г. о проверке конституционности ст. 446 ГПК РФ им высказана правовая позиция по вопросу исключения из конкурсной массы единственного жилья, принадлежащего гражданину-должнику в ситуации, когда оно значительно превышает разумно достаточное для удовлетворения конституционно значимой потребности в жилище [9].

В случае возникновения спора, связанного с принадлежностью имущества, на которое обращается взыскание, заинтересованные лица, в качестве которых могут выступать члены семьи должника, могут обратиться в суд с иском об освобождении имущества от наложения ареста или исключения его из описи (ст. 119ФЗИП).

Изучение правоприменительной практики по вопросам обращения взыскания на имущество должника показало, что суды забирают автомобиль у должников даже несмотря на то, что он нужен им для работы. Аргументацией является необходимость соблюдать «баланс интересов кредиторов и должника», а также то, что деньги, полученные от продажи машины, составят существенный процент от конкурсной массы. Так, в деле № А41-91541/2018 апелляционный суд указал: «Автомобиль не является предметом первой жизненной необходимости. Его реализация не повлечет нарушения права должника на достойную жизнь и достоинство личности» [12]. В другом деле суд отказал в обращении взыскания на автомобиль, мотивируя необходимостью поддержания достойного уровня жизни несовершеннолетних детей, а также для обеспечения супруге-инвалиду II группы своевременного и надлежащего доступа к медицинской помощи (№ А07-33097/2019) [13].

Для правильного толкования ст. 446 ГПК РФ правоприменитель исходит из принципа, действующего в исполнительном производстве: неприкосновенность минимума имущества, необходимого для существования должника-гражданина и членов его семьи (п. 4 ст. 4ФЗИП). Сущностная идея данного принципа заключается в социальной

природе исполнительного производства, осуществление которого не может быть направлено на то, чтобы должник и члены его семьи остались без средств существования.

В ст. 101 ФЗИП установлен перечень видов доходов должника-гражданина, на которые не может быть обращено взыскание. Среди них, представляется, предусмотрены денежные выплаты социального характера, которые защищены законом в интересах в том числе и членов семьи должника-гражданина. Так, взыскание не может быть обращено на следующие виды доходов:

- денежные суммы, выплачиваемые в возмещение вреда в связи со смертью кормильца;
- денежные суммы, выплачиваемые лицам, получившим увечья (ранения, травмы, контузии) при исполнении ими служебных обязанностей, и членам их семей в случае гибели (смерти) указанных лиц;
- компенсационные выплаты за счет средств федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов гражданам в связи с уходом за нетрудоспособными гражданами;
- денежные суммы, выплачиваемые в качестве алиментов, а также суммы, выплачиваемые на содержание несовершеннолетних детей в период розыска их родителей;
- денежные суммы, выплачиваемые организацией в связи с рождением ребенка, со смертью родных, с регистрацией брака;
- пенсии по случаю потери кормильца, выплачиваемые за счет средств федерального бюджета;
- пособия и выплаты гражданам, имеющим детей, беременным женщинам, осуществляемые за счет средств федерального бюджета, государственных внебюджетных фондов, бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов;
- средства материнского (семейного) капитала, предусмотренные Федеральным законом от 29.12.2006 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей»;
- социальное пособие на погребение;
- денежные средства, выделенные гражданам, пострадавшим в результате чрезвычайной ситуации, в качестве единовременной материальной помощи и (или) финансовой помощи в связи с утратой имущества первой необходимости и (или) в качестве единовременного пособия членам семей граждан, погибших (умерших) в результате чрезвычайной ситуации, и гражданам, здоровью которых в результате чрезвычайной ситуации причинен вред различной степени тяжести;
- выплаты, осуществляемые в соответствии с нормативными правовыми актами Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации в целях предоставления мер социальной поддержки отдельным категориям граждан и семьям, имеющим детей;

– денежные выплаты, осуществляемые малоимущим гражданам в рамках оказания государственной социальной помощи, в том числе на основании социального контракта;

– денежные выплаты, осуществляемые военнослужащим, лицам, проходящим службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации и имеющим специальные звания полиции, сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации в связи с участием в боевых действиях, операциях, боевых заданиях, выполнении задач за пределами территории Российской Федерации, не указанные в других пунктах настоящей части;

– социальная пенсия по инвалидности, федеральная социальная доплата к пенсии, региональная социальная доплата к пенсии, назначаемые детям-инвалидам, инвалидам, признанным в установленном законодательством Российской Федерации порядке недееспособными.

В то же время, ч. 2 ст. 101 ФЗИП не запрещает обращать взыскание на виды доходов должника-гражданина, установленные п. 1, 4 и 21 ч. 1 настоящей статьи, по алиментным обязательствам в отношении несовершеннолетних детей, а также по обязательствам о возмещении вреда в связи со смертью кормильца есть ограничения по обращению взыскания. Получается, что по смыслу данной правовой нормы, за ребенком, которому причитаются выплаты сумм в качестве алиментов, пенсий, пособий, фактически признается право собственности на эти суммы, а родители либо лица, их заменяющие, являются лишь распорядителями таких денежных средств, расходование которых определено законом исключительно на содержание, воспитание и образование ребенка.

На обеспечение баланса интересов взыскателя и членов его семьи, с одной стороны, и должника гражданина и членов его семьи, с другой стороны, направлены правила определения размера удержаний из заработной платы и иных доходов должника (ст. 99 ФЗИП). По общему правилу при исполнении исполнительного документа (нескольких исполнительных документов) с должника-гражданина может быть удержано не более 50 % заработной платы и иных доходов, но с сохранением заработной платы и иных доходов должника ежемесячно в размере прожиточного минимума трудоспособного населения в целом по Российской Федерации (ч. 2 ст. 99 ФЗИП). Судебный пристав-исполнитель может отойти от этого правила при исполнении определенного рода исполнительных документов (при взыскании алиментов на несовершеннолетних детей, возмещении вреда, причиненного здоровью, возмещении вреда в связи со смертью кормильца и возмещении ущерба, причиненного преступлением), установив размер удержания из заработной платы и иных доходов должника-гражданина не выше семидесяти процентов (ч. 3 ст. 99 ФЗИП).

На обеспечение интересов членов семьи сторон исполнительного производства направлены правила ст. 111 ФЗИП об очередности удовлетворения требований взыскателей. А именно, в случае, когда взысканная с должника денежная сумма недостаточна для удовлетворения в полном объеме требований, содержащихся в исполнительных документах, указанная сумма распределяется между взыскателями, предъявившими на день распределения соответствующей денежной суммы исполнительные документы, в следующей очередности:

1) в первую очередь удовлетворяются требования по взысканию алиментов, возмещению вреда, причиненного здоровью, возмещению вреда в связи со смертью кормильца, возмещению ущерба, причиненного преступлением, а также требования о компенсации морального вреда;

2) во вторую очередь удовлетворяются требования по выплате выходных пособий и оплате труда лиц, работающих (работавших) по трудовому договору, а также по выплате вознаграждений авторам результатов интеллектуальной деятельности;

3) в третью очередь удовлетворяются требования по обязательным платежам в бюджет и во внебюджетные фонды;

4) в четвертую очередь удовлетворяются все остальные требования.

Основания предоставления отсрочки или рассрочки исполнения требований исполнительного документа, изменение способа и порядка его исполнения также могут быть связаны с обеспечением интересов членов семьи сторон исполнительного производства.

Реализация имущества должника с торгов соединяет в себе черты права публичного, в силу которого в этом процессе участвуют органы судебной власти, судебный пристав-исполнитель, применяющие свойственные власти меры принуждения, и права частного, в силу которого возникают и прекращаются гражданские права, прежде всего право собственности.

Правила организации и проведения торгов по реализации имущества должника закреплены в ст. 448 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), их подготовка судебным приставом-исполнителем – в ст. 52, 54 и 62 ФЗИП. Согласно ч. 5 ст. 449.1 ГК РФ в публичных торгах не могут участвовать должник, организации, на которые возложены оценка и реализация имущества должника, и работники указанных организаций, должностные лица органов государственной власти, органов местного самоуправления, чье участие в торгах может оказать влияние на условия и результаты торгов, а также члены семей соответствующих физических лиц.

Постановлением Конституционного Суда РФ от 16.05.2023 г. № 23-П пункт 1 ст. 250 ГК Российской Федерации признан не соответствующим Конституции РФ, ее ст. 2, 17 (ч. 3), 19 (ч. 1 и 2), 35 (ч. 1, 2 и 3) и 55 (ч. 3), в той мере, в какой содержащиеся в нем

положения в системе действующего правового регулирования и с учетом правоприменительной практики являются неопределенными в части возможности и порядка реализации гражданами – участниками долевой собственности преимущественного права покупки доли в праве собственности на жилое помещение и земельный участок, на котором оно расположено, в случае ее продажи постороннему лицу с публичных торгов в рамках процедуры банкротства гражданина [10]. Правовые позиции Конституционного Суда РФ, выраженные в настоящем Постановлении, должны быть распространены в том числе и на сферу принудительного исполнения до внесения в действующее правовое регулирование соответствующих изменений, что с учетом особенностей реализации имущества должника на торгах выражается в следующем.

При продаже с публичных торгов доли в праве общей собственности, принадлежащей должнику, судебный пристав-исполнитель направляет другим участникам долевой собственности предложение приобрести принадлежащую должнику долю с указанием ее стоимости, равной начальной цене на торгах. При наличии согласия судебный пристав-исполнитель заключает договор купли-продажи с соответствующим участником (участниками) долевой собственности. При неполучении согласия в течение месячного срока доля в праве общей собственности, принадлежащая должнику, продается с торгов. При этом правило о преимущественном праве покупки участников долевой собственности не применяется в этом случае, а также при продаже с повторных торгов и продаже посредством публичного предложения. Подобное правовое регулирование и правоприменительная практика направлены на обеспечение прав и интересов членов семьи должника, которые чаще всего и выступают долевыми собственниками.

К требованиям неимущественного характера, содержащимся в исполнительных документах, выданных на основании судебных актов по делам административного судопроизводства, могут быть отнесены следующие:

- о госпитализации гражданина в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, в недобровольном порядке, о продлении срока госпитализации гражданина в недобровольном порядке или о психиатрическом освидетельствовании гражданина в недобровольном порядке (гл. 30 КАС РФ);

- о госпитализации гражданина в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке (гл. 31 КАС РФ);

- о защите интересов несовершеннолетнего или лица, признанного в установленном порядке недееспособным, в случае отказа законного представителя от медицинского вмешательства, необходимого для спасения жизни (гл. 31.1 КАС РФ).

Согласно ст. 275 КАС РФ, заявление о госпитализации лица в медицинскую организацию, оказывающую помощь в стационарных условиях, в недобровольном порядке подается в суд представителем медицинской организации, в которой находится лицо, либо прокурором. Члены семьи лица, нуждающегося в лечении, не могут сами подать административное исковое заявление о его госпитализации. Прокуроры вправе предъявлять иски в защиту прав, свобод и законных интересов граждан, неопределенного круга лиц или интересов Российской Федерации, субъектов РФ, муниципальных образований, а также граждан, если гражданин по состоянию здоровья, возрасту, недееспособности и другим уважительным причинам не может сам обратиться в суд, преимущественно в суды общей юрисдикции (ч. 1 ст. 39 КАС РФ).

Сам факт вынесения соответствующего акта не гарантирует его исполнения обязанным субъектом, что «часто и происходит в действительности» [15, с. 29–33]. Поэтому единственным механизмом реализации таких актов является принудительный характер их исполнения, который возложен на орган принудительного исполнения в лице Федеральной службы судебных приставов РФ (далее – ФССП РФ).

В соответствии с п. 13.2 Санитарно-эпидемиологических правил СП 3.1./3.2.1379-03, утвержденных и введенных в действие на основании Постановления Главного государственного санитарного врача РФ от 09.06.2003 г. № 129, эвакуация (транспортирование) больных в инфекционные больницы (отделения) осуществляется специальным санитарным транспортом в сопровождении врача или медицинской сестры [7]. Изложенное свидетельствует, что роль ФССП в исполнении подобного рода исполнительных документов заключается исключительно в организации и контроле диспансеризации больного сотрудниками лечебного учреждения. При этом личный контакт должностных лиц ФССП с больными гражданами и их перевозка на служебном транспорте категорически запрещена.

Федеральный закон от 18.06.2001 г. № 77-ФЗ «О предупреждении распространения туберкулеза в РФ» (далее – ФЗ № 77) [5] и Закон РФ от 02.07.1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» [6] также закрепляют возможность участия в исполнительном производстве прокурора и руководителя медицинской организации.

Исполнительный документ по требованиям неимущественного характера, связанным с обеспечением защиты жизни и здоровья граждан, подлежит немедленному исполнению. В Решении Ленинского районного суда г. Ставрополя от 16.05.2019 г. по делу № 2А-2839/2019, по мнению суда, замедление исполнения решения о принудительной госпитализации в ГБУЗ СК «Краевой клинический противотуберкулезный диспансер» может нанести значительный ущерб интересам окружающих.

При анализе правоприменительной практики и российского законодательства исполнительные документы по осуществлению требований неимущественного характера, связанных с обеспечением защиты жизни и здоровья граждан, можно отнести в группу, где действия могут быть исполнены только самим должником непосредственно.

В случае неисполнения исполнительного документа неимущественного характера исполнительский сбор с должника-гражданина устанавливается в размере пяти тысяч рублей (ч. 3 ст. 112 ФЗИП). С одной стороны, исполнительский сбор может быть также наложен на гражданина, больного опасным заболеванием, с другой – возникает вопрос, как будет оплачивать исполнительский сбор гражданин, больной психическим опасным заболеванием, который является недееспособным и не может отдавать отчет своим действиям. При этом, абз. 3 п. 78 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.11.2015 г. № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства» уточняет, поскольку применение мер публично-правовой ответственности в отношении физических лиц носит индивидуальный персонифицированный характер, постановление о взыскании исполнительского сбора не подлежит исполнению правопреемником должника-гражданина [11].

Стоит отметить, что нет четкого понимания, с кого будет взыскиваться исполнительский сбор в случае неисполнения исполнительного документа по требованиям неимущественного характера, связанным с обеспечением защиты жизни и здоровья граждан, в течение суток с момента получения копии постановления.

Глава 31.1 КАС РФ регулирует вопрос о защите интересов несовершеннолетнего или лица, признанного в установленном порядке недееспособным, в случае отказа законного представителя от медицинского вмешательства, необходимого для спасения жизни. Однако практическая сторона такой защиты остается дискуссионной на сегодняшний день.

Исходя из анализа судебной практики, административным истцом в данной категории дел является медицинская организация. Так, в Решении Железнодорожного районного суда г. Хабаровска от 18.09.2019 г. по делу № 2А-2972/2019 были удовлетворены требования по административному исковому заявлению КГБУЗ «Центр по профилактике и борьбе со СПИД и инфекционными заболеваниями» министерства здравоохранения к ФИО2 в защиту прав несовершеннолетнего ФИО1 о понуждении к медицинскому вмешательству.

Представленными доказательствами подтверждается, что ФИО2 была уведомлена о наличии у нее ВИЧ-инфекции, о необходимости

медицинского обследования ее малолетнего ребенка с целью своевременного получения сведений о состоянии здоровья. Обследование ребенка не произведено, ВИЧ-статус его неизвестен. В связи с возможным заражением в перспективе для малолетнего/несовершеннолетнего лица возникает реальная опасность жизни и здоровью. В настоящее же время нарушены права на социальное обеспечение в случае болезни, право на охрану здоровья и медицинскую помощь.

Решением суда родители были обязаны заботиться о здоровье ребенка путем прохождения обследования малолетнего/несовершеннолетнего лица ФИО1 в специализированном медицинском учреждении, вплоть до достижения ребенком совершеннолетия [14].

По аналогии с госпитализацией больных граждан в медицинскую организацию в недобровольном порядке можно предположить, что контроль по осуществлению обязанностей представителей несовершеннолетнего или недееспособного лица по прохождению медицинского обследования должен осуществлять также судебный пристав-исполнитель.

В данном случае необходимо наличие исполнительного документа, закрепляющего требования неимущественного характера, связанные с обеспечением защиты жизни и здоровья граждан. По нашему мнению, данная категория дел является проблемной и дискуссионной на сегодняшний день и требует более детального рассмотрения с разных правовых отраслей.

Интересы членов семьи, семейные ценности непосредственно затрагиваются при исполнении многих судебных актов по делам административного судопроизводства. Так, у иностранного гражданина или лица без гражданства, лица, подлежащего административному выдворению за пределы Российской Федерации, на ее территории могут остаться члены семьи (ст. 109.1 ФЗИП).

Нередко родители злоупотребляют своими родительскими правами, вовлекая своих несовершеннолетних детей в деятельность различных сектантских организаций. Исполнение решений суда об удовлетворении административного иска о ликвидации общественного объединения, религиозной и иной некоммерческой организации, о запрете их деятельности прекратит вовлечение детей в деятельность запрещенного законом общественного или религиозного объединения (ч. 3 ст. 264 КАС РФ).

Таким образом, правовое регулирование порядка принудительного исполнения судебных актов по делам административного судопроизводства и правоприменительная практика по нему стремятся учитывать интересы членов семьи сторон исполнительного производства посредством установления различных его правил: имущественного иммунитета, определения видов доходов должника-гражданина, на которые не может быть обращено взыскание, установления размера

удержаний из заработной платы и иных доходов должника и др. Любые решения, связанные с интересами членов семьи взыскателя или должника, особенно их несовершеннолетними детьми, находящимися под защитой государства, являются непростыми, требующими взвешенного подхода на основе принципов исполнительного производства.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 02.10.2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 г. № 21-ФЗ (ред. от 08.08.2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 06.04.2024 г., с изм. от 04.06.2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Федеральный закон от 18.06.2001 г. № 77-ФЗ «О предупреждении распространения туберкулеза в РФ» // СПС «Гарант».
6. Закон РФ от 02.07.1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» // СПС «Гарант».
7. Санитарно-эпидемиологические правила СП 3.1./3.2.1379-03 (утв. Постановлением Главного государственного санитарного врача РФ от 09.06.2003 № 129) // СПС «Гарант».
8. Постановление Конституционного суда РФ от 12.07.2007 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца третьего части первой статьи 446 ГПК РФ в связи с жалобами граждан В.В. Безменова и Н.В. Калабуна // СПС «КонсультантПлюс».
9. Постановление Конституционного Суда РФ от 26.04.2021 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 3 статьи 213.25 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина И.И. Ревкова» // СПС «КонсультантПлюс».
10. Постановление от 16.05.2023 г. № 23-П по делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 250 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В. Шестакина // СПС «КонсультантПлюс».
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.11.2015 г. № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства» // СПС «Гарант».
12. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 07.10.2019 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/utYzw5gOeSW8/> (дата обращения: 10.10.2024).

13. Решение Арбитражного Суда Республики Башкортостан от 24.01.2020 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/B09YGsfEiYNt/> (дата обращения: 10.10.2024).

14. Решение Железнодорожного районного суда г. Хабаровска от 18.09.2019 г. по делу № 2А-2972/2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/case/1B8ejsZd1Pd/> (дата обращения: 12.10.2024).

15. Швейгер А.О. Неисполнение законных требований пристава-исполнителя как признак нарушения законодательства об исполнительном производстве // Сибирский юридический вестник. 2020. № 4 (91).

Об авторе:

ФЕДИНА Анжелика Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной власти и правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 6641-7075, AuthorID: 459882, e-mail: as.fedina@mail.ru

Protecting the interests of the family during compulsory execution of judicial acts in cases of administrative proceedings

A.S. Fedina

Tver State University, Tver

The enforcement procedure affects the rights and interests not only of the parties to the enforcement proceedings themselves, but also the rights and interests of their family members. Many rules are aimed at ensuring the interests of family members in enforcement proceedings. Among them, the rules of property immunity, the definition of the types of income of the debtor-citizen, which cannot be levied, the establishment of the amount of deductions from wages and other income of the debtor, etc. are particularly distinguished. In enforcement proceedings, any decisions related to the interests of family members of the claimant or debtor, especially their imperfect children under State protection, require a balanced approach based on its principles.

Keywords: *family members, enforcement proceedings, recoverer, debtor, administrative proceedings, parties.*

About author:

FEDINA Anzhelika – PhD in Law, Associate Professor of the Department of Judicial Authority and Law Enforcement Activities of the Tver State University” (Tver, Zhelyabova St., 33), SPIN-code: 6641-7075, AuthorID: 459882, e-mail: as.fedina@mail.ru

Федина А.С. Защита интересов семьи в ходе принудительного исполнения судебных актов по делам административного судопроизводства // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 1 (81). С. 248–260.

Статья поступила в редакцию 25.01.2025 г.

Подписана в печать 12.03.2025 г.

Проблемы государственной защиты материнства в Российской Федерации

О.В. Храпина

ФБГОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»,
г. Москва

Автор рассматривает государственный механизм защиты материнства как комплекс мер отличных по содержанию, целевому назначению, объему проводимых мероприятий, которые обеспечивают реализацию конституционной обязанности государства по защите материнства. Также автором обозначена проблематика защиты прав матери и ребенка от произвольного вмешательства государства в детско-родительские отношения, в решение внутрисемейных вопросов. Проведенный в статье анализ позволяет сделать вывод о необходимости законодательного закрепления критериев допустимого вмешательства государства в дела семьи, в частности детско-родительские отношения, что позволит выработать эффективные направления по совершенствованию семейного законодательства Российской Федерации в области защиты прав членов семьи.

Ключевые слова: материнство и детство, защита, семейная политика, регулирование семейных отношений, недопустимость произвольного вмешательства в дела семьи.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 22.11.2023 г. № 875 «О проведении в Российской Федерации Года семьи» [4], 2024 г. был объявлен Годом семьи, что подчеркивает приоритетность направления государственной политики страны в области поддержки и защиты российской семьи, охраны материнства и детства. На сегодняшний день в России выдвигается на первый план проблема сохранения и укрепления семьи и семейных отношений, формирования здоровой нации, обеспечения охраны интересов матери и ребенка, недопустимости вмешательства в семейные дела третьих лиц. Президент РФ поставил перед Федеральным Собранием задачу по развитию эффективной защиты семьи, материнства и детства, призвал следовать традиционным российским семейным ценностям [5].

Семейная политика государства включает в себя комплекс мер (социально-правового, экономического и политического характера), различных по своему содержанию, но имеющих единую цель – реализацию конституционной обязанности государства по охране материнства, детства и семьи. В ст. 39 Конституции РФ [1] закреплено понятие роли материнства, которую выполняет именно женщина с

момента вынашивания ребенка и на протяжении времени после его рождения.

Т.В. Шершень справедливо отмечает, что государственный механизм защиты материнства и детства призван не только предотвращать возможные нарушения прав, но и устранять возможные угрозы материнству и детско-родительским отношениям [9, с. 4].

Деятельность государства по защите материнства в России определена законодательством. Так, в Трудовом кодексе Российской Федерации [3] (далее – ТК РФ) содержатся нормы по охране труда беременных женщин и женщин, имеющих детей в возрасте до трех лет. Статья 261 ТК РФ гласит, что расторжение трудового договора с беременной женщиной по инициативе работодателя недопустимо, за исключением особых случаев. В соответствии со ст. 254 ТК РФ женщина, имеющая ребенка в возрасте до полутора лет, имеет право перевода на другую работу с оплатой труда по выполняемой работе не ниже среднего заработка по прежней работе до достижения ребенком возраста полутора лет. Женщина, имеющая ребенка в возрасте до трех лет, получает особые условия труда, которые заключаются в запрете направления в служебные командировки, привлечения к сверхурочной работе, работе в ночное время или в нерабочие праздничные дни без ее письменного согласия. Труд женщины в период беременности и до достижения ребенком возраста трех лет должен соответствовать нормам обеспечения благополучных условий осуществления трудовой деятельности, а при необходимости нормы выработки должны быть снижены.

Если рассмотреть социальные меры поддержки семьи, материнства и детства, то хотелось бы отметить положительную тенденцию в развитии программ в сфере медицинского обслуживания. На сегодняшний день необходимые лекарственные препараты и витамины беременная женщина может бесплатно получать в женской консультации, а так же дети до трех лет имеют право на бесплатное получение лекарственных препаратов по утвержденному перечню, рецепт на которые выдает педиатр. Для того чтобы беременная женщина могла получить качественную медицинскую помощь при рождении ребенка, с 2006 г. были введены родовые сертификаты, в соответствии с которыми женщина имеет право на бесплатное ведение ее беременности и родов врачом-гинекологом и акушером.

В качестве дополнительной меры государственной поддержки семей с 1 января 2020 г. был введен материнский (семейный) капитал за рождение (усыновление) первого ребенка, а с 2007 г. гарантировано право на получение денежных средств в рамках программы материнского (семейного) капитала за рождение (усыновление) второго ребенка. Так же Федеральным законом от 19 мая 1995 г. «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» [6]

установлены шесть видов государственных пособий. По поручению Президента РФ В.В. Путина в 2018 г. государство запустило льготную ипотечную программу «Семейная ипотека», по условиям которой семья-заемщик, имеющая второго или последующего ребенка, имеет гарантированную ставку по кредиту на покупку жилья не более 6 %.

Ограниченные рамки статьи не позволяют остановиться на всех механизмах защиты материнства, поддержки семей с детьми, однако хотелось бы отметить, что сформированная сегодня законодательная база отвечает требованиям международно-правовых стандартов и направлена на укрепление традиционных семейных ценностей.

На наш взгляд, обеспечение прав членов семьи в процессе ее общественного развития осложнено наличием оценочных категорий при реализации механизма защиты семьи от произвольного вмешательства. О.Ю. Ильина верно определила, что российская семья, обладая сложным внутренним строением, естественными задачами, вправе самостоятельно решать возникающие внутренние жизненные вопросы, и любое произвольное вмешательство кого-либо во внутреннюю жизнь семьи, во взаимоотношения между родителями и детьми является недопустимым [7, с. 24]. Полагаем возможным согласиться с ученым в том, что случаи вмешательства в семью, в детско-родительские отношения возможны исключительно для защиты ее членов от преступных посягательств и поддержания общественного порядка.

Несмотря на закрепление в нормативных правовых актах положений о защите семьи от произвольного вмешательства, остается открытым вопрос о механизме реализации данного положения. Поскольку Семейный кодекс Российской Федерации [2] (далее – СК РФ) не содержит четкого определения того, что есть «произвольное вмешательство», это позволяет субъективно его толковать, предоставляя неограниченную свободу усмотрения в процессе применения. Данное положение приводит к невозможности выработки действенных средств правовой защиты семьи (ее членов) от произвольного вмешательства со стороны кого-либо, поскольку в случае отсутствия нормативно-закрепленного определения понятия «произвольное вмешательство» остается невыясненным вопрос о необходимости защиты семьи в той или иной ситуации. Помимо этого, остается открытым вопрос о критериях допустимости вмешательства в семейные дела: в каких случаях вмешательство в семью необходимо считать допустимым, а в каких вмешательство будет недопустимым (т. е. не основанным на законе).

М.В. Ульянова справедливо отмечает, что наличие оценочных категорий при реализации принципа недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи приводит к незаконному, нередко бесцеремонному вмешательству в семью и детско-родительские отношения [8, с. 31].

Все вышеперечисленные вопросы требуют толкования и возлагают на высшие судебные инстанции, а также научную доктрину задачу по выработке направлений для совершенствования семейного законодательства. В связи с чем можно сделать обоснованный вывод о необходимости продолжения исследований в направлении разработки понятий недопустимости произвольного вмешательства в дела семьи, анализируя способы (виды) вмешательства, критериев допустимости этого вмешательства и выработки направлений по совершенствованию семейного законодательства Российской Федерации в области охраны и защиты семьи и ее членов от произвольного вмешательства.

В заключение хотелось бы надеяться, что действующие правовые нормы в области охраны и защиты семьи, материнства и детства будут продолжать реализацию на практике, а органы законодательной власти попытаются закрепить новые механизмы, обеспечивающие эффективную защиту этой важной сферы общественных отношений.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
3. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 06.04.2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Указ Президента РФ от 22.11.2023 г. № 875 «О проведении в Российской Федерации Года семьи» // СЗ РФ. 2023. № 48. Ст. 8560.
5. Обращение Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному собранию [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/73585> (дата обращения: 27.11.2024).
6. Федеральный закон от 19.05.1995 г. № 81-ФЗ (ред. от 25.12.2023 г.) «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Ильина О.Ю. Невмешательство в дела семьи или обеспечение прав третьих лиц: основания и приоритеты // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 2 (70). С. 23–31.
8. Ульянова М.В. Принципы осуществления семейных прав и исполнения обязанностей: монография. М.: Российский государственный университет правосудия, 2024. 321 с.
9. Шершень Т.В. В Год семьи о понятии семьи в современном российском праве // Семейное и жилищное право. 2008. № 5. С. 2–7.

Об авторе:

ХРАПИНА Олеся Владимировна – преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Центрального филиала ФБГОУ ВО «Российский

государственный университет правосудия» (Россия, Воронеж, ул. 20-летия Октября, 95), SPIN-код: 2395-7088, AuthorID: 1192212, e-mail: climenko.olesia@yandex.ru

Problems of state protection of maternity in the Russian Federation

O.V. Khrapina

Russian State University of Justice, Voronezh

The author considers the state mechanism of maternity protection as a set of measures that differ in content, purpose, and scope of activities that ensure the implementation of the constitutional obligation of the state to protect motherhood. The author also identifies the problems of protecting the rights of mother and child from arbitrary state interference in child-parent relations, in solving intra-family issues. The analysis carried out in the article allows us to conclude that it is necessary to legislate the criteria for permissible state interference in family affairs, in particular, child-parent relations, which will allow us to develop effective directions for improving family legislation of the Russian Federation in the field of protecting the rights of family members.

Keywords: *motherhood and childhood, protection, family policy, regulation of family relations, inadmissibility of arbitrary interference in family affairs.*

About author:

KHRAPINA Olesya – lecturer of the Department of Civil Law Disciplines of the Central Branch of the Russian State University of Justice (Russia, Voronezh, ul. 20-Letiya Oktyabrya, 95), SPIN-code: 2395-7088, AuthorID: 1192212, e-mail: climenko.olesia@yandex.ru

Храпина О.В. Проблемы государственной защиты материнства в Российской Федерации // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 1 (81). С. 261–265.

Статья поступила в редакцию 15.11.2024 г.

Подписана в печать 12.03.2025 г.

Финансово-правовые аспекты обеспечения интересов многодетных семей

О.И. Юстус

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В рамках представленной статьи анализируются меры государственной поддержки, оказываемые на федеральном и региональном уровнях семьям с детьми. Выявлено отсутствие системности в формировании и нормативно-правовом закреплении исследуемых мер, что, по мнению автора, нарушает принцип правовой определенности, составляющий основополагающее начало любого правотворчества. В целях защиты прав и законных интересов граждан предлагается разработка и принятие федерального закона, законов субъектов РФ, содержащих исчерпывающий перечень федеральных (региональных) мер государственной поддержки семей с детьми, принципы их предоставления, источники финансирования, размер конкретных мер и (или) порядок его определения, а также понятийный аппарат, связанный с предоставлением таких мер; при этом каждый из законов должен сопровождаться отдельным и единичным нормативным правовым актом, закрепляющим применительно к РФ, субъекту РФ порядок назначения и предоставления мер государственной поддержки материнства и детства.

Ключевые слова: *меры государственной поддержки семей с детьми, меры социальной поддержки, социальное казначейство, многодетная семья, демографическая политика государства.*

Поддержка материнства и детства, а также улучшение демографической ситуации в стране, безусловно, являются одними из главных приоритетов России.

В соответствии положениями Стратегии национальной безопасности [8] (далее – Стратегия), выступающей базовым документом стратегического планирования Российской Федерации, определяющим национальные интересы и стратегические национальные приоритеты государства на долгосрочную перспективу, сбережение народа России и развитие человеческого потенциала является целью, достижение которой обеспечивает национальную безопасность страны (п. 2, 27 Стратегии).

Поскольку народ Российской Федерации определяется главным ее достоянием (п. 28 Стратегии), необходимо уделение особого внимания поддержке материнства (п. 30 Стратегии). Достижение целей государственной политики в сфере сбережения народа России и развития человеческого потенциала обеспечивается, в том числе,

посредством решения таких задач, как повышение рождаемости, формирование мотивации к многодетности (пп.3 п. 33 Стратегии).

Реализация государством обозначенной задачи в значительной степени достигается посредством определенных финансовых механизмов.

Исследовательский интерес представляют установленные во время Великой Отечественной войны Указом Президиума Верховного Совета СССР от 08.07.1944 г. [7] меры государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, которые были дополнены Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19.05.1949 г. «Об улучшении дела государственной помощи многодетным и одиноким матерям и улучшении условий труда и быта женщин» [18].

Позднее, в целях регламентации порядка назначения и выплаты пособий беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям было принято Положение, утвержденное постановлением Совета Министров СССР от 12.08.1970 г. № 659 [19]. Несмотря на то, что Указ от 08.07.1944 г. несколько раз вплоть до 1986 г. изменялся и дополнялся, данный нормативный правовой акт совместно с Положением от 12.08.1970 г. являлись базовыми документами, закрепляющими финансово-правовые основы расходов на социальное обеспечение материнства и детства в СССР. Такая «компактность» нормативно-правовой базы, как представляется, в максимальной степени обеспечивала прозрачность системы государственных мер поддержки, что, в свою очередь, позволяло населению рассчитывать на помощь государства в деле рождения и воспитания детей.

Показательным являлось не только осуществление государством расходов на цели охраны материнства и детства, но и формирование доходов с учетом заботы о детях и женщинах-матерях. Помимо денежных средств, привлекаемых в бюджет посредством налога с холостяков, одиноких и малосемейных граждан СССР [17], продолжительный характер взимания которого позволяет предположить его экономическую эффективность как источника бюджетных доходов, использовались и другие финансовые механизмы. Например, несовершеннолетним детям, родители которых уклонялись от уплаты алиментов и разыскивались органами внутренних дел, выплачивались пособия, которые после розыска родителей взыскивались с последних с начислением 10 % на уплаченные суммы. Одновременно с этим, в целях частичного покрытия расходов государства на выплату пособий детям в указанных выше случаях на специальных счетах в Госбанке аккумулировались 50 % сумм государственной пошлины, взимаемой в повышенных размерах (до 100 руб.) за расторжение брака судами и органами загса [23, с. 366].

Что касается ныне действующих механизмов поддержки материнства и детства, в широком смысле к таковым могут быть

отнесены непосредственно меры государственной поддержки, предусматривающие выплату из бюджета денежных средств в виде пенсий, пособий, единовременных и прочих денежных выплат, а также неналоговые расходы публично-правовых образований, под которыми в силу ст. 6 Бюджетного кодекса Российской Федерации [1] (далее – БК РФ) понимаются выпадающие доходы бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, обусловленные налоговыми льготами, освобождениями и иными преференциями по налогам, сборам, таможенным платежам, страховым взносам на обязательное социальное страхование, предоставляемые субъектам поддержки. Кроме того, за счет бюджетов публично-правовых образований происходит оказание натуральной помощи семьям с детьми, организация социального обслуживания и пр. Соответственно, помимо использования механизма налоговых расходов публично-правовых образований при предоставлении мер государственной и муниципальной поддержки задействован механизм выделения бюджетных ассигнований на социальное обеспечение населения, предусмотренный ст. 74.1 БК РФ. При этом расходные обязательства публично-правового образования могут возникать и в результате принятия публичных нормативных обязательств, исполняемых бюджетными (автономными) учреждениями.

Категории получателей мер государственной поддержки весьма разнообразны. Так, например, отдельные категории получателей согласно Закону города Москвы от 23.11.2005 г. № 60 «О социальной поддержке семей с детьми в городе Москве» (далее – Закон № 60) [11] составляют:

- многодетные семьи;
- студенческие семьи, т. е. семьи, в которой оба родителя или одинокая мать (одинокый отец) обучаются по очной форме в профессиональных образовательных организациях или образовательных организациях высшего образования (п. 3 ст. 2 Закона № 60);
- молодые семьи (пп. 4 п. 1 ст. 6 Закона № 60);
- одинокие матери (одинокие отцы), воспитывающие детей (ст. 10 Закона № 60), в том числе детей-инвалидов;
- семьи, в которых один из родителей уклоняется от уплаты алиментов;
- семьи, где родители являются инвалидами или пенсионерами;
- семьи военнослужащих, проходящих военную службу по призыву;
- социально незащищенные семьи;
- семьи, имеющие детей, не достигших семилетнего возраста и иные.

Расходы на реализацию мер социальной поддержки осуществляются за счет средств федерального бюджета и бюджетов субъектов РФ. Последние вправе вводить дополнительные меры социальной поддержки, и, следовательно, определять основания их применения. Таким образом,

расходы на реализацию мер социальной поддержки составляют расходные обязательства Российской Федерации или субъекта РФ, возникающие в силу нормативных правовых актов, договоров (соглашений) федерального и регионального уровня (ст. 6 БК РФ).

Правовую основу мер социальной поддержки семей с детьми на федеральном уровне, помимо БК РФ и Налогового кодекса Российской Федерации [2] (далее – НК РФ), составляют такие нормативные правовые акты, как: Федеральный закон от 19.05.1995 г. № 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» [3], Федеральный закон от 29.12.2006 г. № 255-ФЗ «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством» [4], Федеральный закон от 29.12.2006 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» [5], Федеральный закон от 03.07.2019 г. № 157-ФЗ «О мерах государственной поддержки семей, имеющих детей, в части погашения обязательств по ипотечным жилищным кредитам (займам) и о внесении изменений в статью 13.2 Федерального закона "Об актах гражданского состояния"» [6] и иные. При этом информация об установлении мер государственной поддержки на основании ст. 17.4 Федерального закона от 19.05.1995 г. № 81-ФЗ размещается в государственной информационной системе «Единая централизованная цифровая платформа в социальной сфере».

Что касается граждан, то последние могут получить информацию о конкретных мерах социальной поддержки посредством обращения на Единый портал государственных и муниципальных услуг. При этом в рамках реализуемой в Российской Федерации концепции социального казначейства [25, с. 239–248] предоставление большинства мер социальной поддержки федерального уровня осуществляется удаленно (посредством единого портала), в автоматическом режиме (без участия должностных лиц), проактивно и комплексно (исходя из конкретных жизненных ситуаций), персонифицированно (с учетом фактической нуждаемости гражданина), омниканально («бесшовно» для различных систем) и экстерриториально.

Вместе с тем отсутствие единого нормативного правового акта, содержащего информацию обо всех категориях получателей мер государственной поддержки, связанных с материнством и детством, видах, объеме и форме таких мер вызывает обеспокоенность, поскольку создает риски нарушения прав граждан, претендующих на их получение.

С учетом тематики настоящего исследования акцентируем внимание на мерах государственной поддержки, предоставляемых многодетным семьям.

В силу п. 1 Указа Президента РФ от 23.01.2024 г. № 63 «О мерах социальной поддержки многодетных семей» (далее – Указ № 63) [9] к

категории многодетной семьи относится семья, имеющая трех и более детей.

Как следует из содержания Указа № 63, особое внимание при реализации государственной политики, направленной на совершенствование мер социальной поддержки многодетных семей, необходимо уделить совершенствованию регионального уровня таких мер. В частности, высшим должностным лицам субъектов РФ было рекомендовано установить такие меры социальной поддержки многодетных семей, как: бесплатное обеспечение детей лекарственными препаратами, бесплатное питание и проезд в городском и пригородном транспорте обучающихся, предоставление льгот по оплате жилья и коммунальных услуг в размере не ниже 30 % от установленного и пр. (пп. «а» п. 6 Указа № 63).

Как представляется, значимым положением Указа № 63 является запрет на уменьшение объема и снижение уровня осуществляемых за счет бюджетных ассигнований бюджетов субъектов РФ мер социальной поддержки многодетных семей, реализуемых на региональном уровне к моменту вступления в силу обозначенного указа (п. 8). Помимо этого, следует особо отметить рекомендацию Президента РФ об определении порядка и условий предоставления многодетным семьям мер социальной поддержки, а также закрепление за субъектами РФ права на расширение категории многодетной семьи и установление дополнительных мер социальной поддержки.

Проведем сравнительный анализ региональных мер государственной поддержки многодетных семей, реализуемых в настоящий период в городе Москве и на территории Тверской области. Данное сопоставление представляется интересным с точки зрения специфики имеющихся миграционных процессов, в том числе трудовой миграции.

Так Закон № 60 предусматривает следующие виды государственной поддержки многодетных семей, реализуемые за счет бюджета субъекта РФ:

- 1) единовременная компенсационная выплата на возмещение расходов в связи с рождением (усыновлением) одновременно трех и более детей (пп. 3 п. 1 ст. 6 Закона № 60);
- 2) ежемесячная компенсационная выплата на возмещение расходов в связи с ростом стоимости жизни многодетным семьям (пп. 5 п. 1 ст. 7, 12 Закона № 60);
- 3) ежемесячная компенсационная выплата многодетным семьям, имеющим 10 и более детей (пп. 8 п. 1 ст. 7, ст. 14 Закона № 60);
- 4) ежемесячная компенсационная выплата матерям, родившим 10 и более детей и получающим пенсию (пп. 9 п. 1 ст. 7, ст. 15 Закона № 60);
- 5) ежемесячная компенсационная выплата на возмещение расходов по оплате за жилое помещение и коммунальные услуги многодетным семьям (пп. 12 п. 1 ст. 7, ст. 17.1 Закона № 60);

6) ежемесячная компенсационная выплата за пользование телефоном многодетным семьям (пп. 13 п. 1 ст. 7 Закона № 60);

7) ежемесячная компенсационная выплата на возмещение роста стоимости продуктов питания (пп. 4 п. 1 ст. 12 Закона № 60);

8) ежемесячная компенсационная выплата на приобретение товаров детского ассортимента которая предусмотрена для семей с пятью и более детьми (ст. 13 Закона № 60);

9) ежегодная компенсационная выплата к Международному дню семьи (п. 1 ст. 18 Закона № 60) и ко Дню знаний (п. 2 ст. 18 Закона № 60) многодетным семьям, имеющим 10 и более детей;

10) ежегодная компенсационная выплата на приобретение комплекта детской одежды для посещения занятий на период обучения (п. 3 ст. 18 Закона № 60);

11) натуральная помощь и льготы для многодетных семей, в том числе: бесплатное двухразовое питание детей, обучающихся в образовательных организациях по основным общеобразовательным программам (пп. 3 п. 1 ст. 29 Закона № 60); бесплатный проезд на всех видах городского пассажирского транспорта (пп. 4 п. 1 ст. 29 Закона № 60), а также на пригородном железнодорожном транспорте (пп. 6 п. 1 ст. 29 Закона № 60); прием детей в первоочередном порядке дошкольные образовательные учреждения без взимания платы (пп. 5 п. 1, пп. 1 п. 2 Закона № 60) и иные.

Примечательно, что выплаты, предусмотренные в п. 2, 3, 5, 6, 8, 12, были введены или пересмотрены в связи с положениями Указа Президента РФ от 15.08.2022 г. № 558. Вместе с тем анализируемый закон не содержит конкретных размеров социальных выплат. Указанный размер не может быть определен и путем обращения к официальному portalу Мэра и Правительства Москвы mos.ru [21]. Однако информация о размерах выплат частично содержится на официальных сайтах публичных органов власти [22].

Предоставление мер государственной поддержки многодетных семей на территории Тверской области осуществляется на основании Закона Тверской области от 29.12.2004 г. № 78-ЗО «О многодетной семье в Тверской области и мерах по ее социальной поддержке» (далее – Закон) [10]. Проанализируем указанные меры.

Первой из них является установленное ежемесячное базовое пособие многодетной семье, как следует из текста п. 1 ст. 6 Закона, в размере 178 рублей, увеличивающееся в процентном отношении, начиная с четвертого ребенка, но не более чем на 90 %. Конкретный размер указанного пособия в текущем периоде можно установить путем анализа официальных сайтов органов публичной власти [20].

Также Законом определяются дополнительные по отношению к федеральным единовременные денежные поощрения матери в связи с присвоением ей звания «Мать-героиня» в размере 500 000 рублей,

одному из родителей (усыновителей), награжденному орденом «Родительская слава» – 100 000 рублей, награжденному медалью ордена «Родительская слава» – 75 000 рублей (ст. 6.1 Закона).

Формой поощрения многодетного отца за заслуги в воспитании детей, укреплении семьи, за вклад в возрождение лучших семейных традиций является учрежденный на территории региона почетный знак Тверской области «Слава Отца». При награждении данным знаком согласно ст. 4 Закона Тверской области от 25.12.2019 г. № 100-ЗО «О почетном знаке Тверской области "Слава Отца"» [12] выплачивается единовременное денежное поощрение, размер которого, однако, Законом № 100-ЗО не установлен.

Согласно ст. 6.2 Закона в Тверской области предусмотрен материнский (семейный) капитал в размере 50 000 (без учета индексации) рублей, являющийся также дополнительной мерой социальной поддержки многодетных семей применительно к расходным обязательствам Российской Федерации.

Кроме того, Закон предусматривает такие виды натуральной помощи и льгот для многодетных семей как: обеспечение детей из таких семей школьной формой (ст. 6.4 Закона); обеспечение приобретения, страхования и оснащения автотранспорта для многодетной семьи, воспитывающей пять и более детей (ст. 6.5 Закона); предоставление первоочередного права приема детей в организации отдыха и оздоровления (ст. 7 Закона), а также организации, реализующие образовательные программы дошкольного образования (ст. 7.1); освобождение от уплаты коммунальной услуги за обращение с твердыми коммунальными отходами (ст. 8.1 Закона). Также матерям из многодетных семей предоставляется компенсация на изготовление и ремонт зубных протезов (ст. 6.6 Закона).

Информация о порядке предоставления указанных мер, как правило, содержится в подзаконных нормативных правовых актах, например: установка и проверка обеспечения многодетных семей автотранспортом, а также возмещение затрат на его страхование регламентируется постановлением Правительства Тверской области от 19.09.2020 г. № 424-пп [14].

Ряд мер социальной поддержки непосредственно установлен подзаконными нормативными правовыми актами, в частности:

- социальная выплата при рождении (усыновлении) детей семьям, приобретающим жилье с использованием ипотечных жилищных кредитов – постановлением Правительства Тверской области от 03.04.2019 г. № 97-пп [13];

- установка и проверка автономных дымовых пожарных извещателей в жилых помещениях многодетных семей – распоряжением Правительства Тверской области от 28.06.2019 г.

№ 399-пп [15]; указанная мера государственной поддержки предоставляется в натуральной форме;

– обеспечение жилыми помещениями малоимущих многодетных семей – постановлением Правительства Тверской области от 15.02.2024 г. № 52-пп [16]; указанная мера государственной поддержки предоставляется в форме субсидий муниципальным образованиям.

Завершая настоящее исследование, позволим себе сделать следующие выводы.

Во-первых, выявлено значительное количество и разнообразие мер государственной поддержки материнства и детства, в том числе, многодетных семей, реализуемых на уровне Российской Федерации и субъектов РФ и составляющих расходные обязательства указанных публично-правовых образований.

Во-вторых, меры государственной поддержки, предоставляемые за счет бюджетов субъектов РФ, выступают как дополнительные по отношению к федеральным мерам социальной поддержки; при этом характер и объем таких мер зависит не столько от национальных и демографических особенностей развития того или иного региона, сколько, прежде всего, от уровня расчетной бюджетной обеспеченности субъектов РФ [24].

В-третьих, анализ совокупности мер государственной поддержки позволил выявить отсутствие системности в их формировании и нормативно-правовом закреплении, что как представляется, нарушает принцип правовой определенности, являющийся универсальным и общеобязательным, а также составляющий основополагающее начало любого правотворчества.

В-четвертых, функционирование «социального казначейства» в части предоставления информации о видах и условиях мер государственной поддержки, а также реализации указанных мер решает ситуацию лишь частично, поскольку публичные порталы, а также официальные сайты публичных органов власти содержат неполную информацию о таких мерах, что, безусловно, нарушает права и законные интересы граждан.

В-пятых, целесообразным способом разрешения указанной проблемы может являться разработка и принятие нормативного правового акта как на уровне Российской Федерации (в форме федерального закона), так и на уровне каждого субъекта РФ (в форме закона субъекта РФ), содержащего исчерпывающий перечень мер государственной поддержки семей с детьми, принципы их предоставления, источники финансирования, размер конкретных мер и (или) порядок его определения, а также понятийный аппарат, связанный с предоставлением мер. При этом каждый из законов должен сопровождаться отдельным и единичным нормативным правовым актом, закрепляющим применительно к РФ, субъекту РФ порядок назначения и предоставления мер государственной поддержки.

Указанное, полагаем, обеспечит максимальную прозрачность мер социальной поддержки семей с детьми, что окажет безусловное положительное влияние на достижение национальных целей демографической политики России.

Список литературы

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 г. № 145-ФЗ (ред. от 26.12.2024) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 г. № 117-ФЗ (с ред. от 08.08.2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон от 19.05.1995 г. № 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон от 29.12.2006 г. № 255-ФЗ «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Федеральный закон от 29.12.2006 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Федеральный закон от 03.07.2019 г. № 157-ФЗ «О мерах государственной поддержки семей, имеющих детей, в части погашения обязательств по ипотечным жилищным кредитам (займам) и о внесении изменений в статью 13.2 Федерального закона "Об актах гражданского состояния"» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 08.07.1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении высшей степени отличия – звания "Мать-героиня" и учреждении ордена "Материнская слава" и медали "Медаль материнства"» (по состоянию на 7 мая 1986 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
8. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
9. Указ Президента РФ от 23.01.2024 г. № 63 «О мерах социальной поддержки многодетных семей» // СПС «КонсультантПлюс».
10. Закон Тверской области от 29.12.2004 г. № 78-ЗО «О многодетной семье в Тверской области и мерах по ее социальной поддержке» // СПС «КонсультантПлюс».
11. Закон города Москвы от 23.11.2005 г. № 60 «О социальной поддержке семей с детьми в городе Москве» // СПС «КонсультантПлюс».
12. Закон Тверской области от 25.12.2019 г. № 100-ЗО «О почетном знаке Тверской области "Слава Отца"» // СПС «КонсультантПлюс».
13. Постановление Правительства Тверской области от 03.04.2019 г. № 97-пп «О Порядке предоставления социальных выплат при рождении (усыновлении) детей семьям на погашение ипотечных жилищных кредитов // СПС «КонсультантПлюс».

14. Постановление Правительства Тверской области от 19.09.2020 г. № 424-пп «Об автотранспорте многодетным семьям в Тверской области» // СПС «КонсультантПлюс».

15. Распоряжение Правительства Тверской области от 28.06.2019 г. № 399-рп «О дополнительных мерах по обеспечению пожарной безопасности жилых помещений многодетных семей, а также семей, находящихся в социально опасном положении, семей, находящихся на социальном сопровождении, семей "группы риска" на территории муниципальных образований Тверской области» // СПС «КонсультантПлюс».

16. Постановление Правительства Тверской области от 15.02.2024 г. № 52-пп «О распределении из областного бюджета Тверской области бюджетам муниципальных образований Тверской области субсидий на обеспечение жилыми помещениями малоимущих многодетных семей, нуждающихся в жилых помещениях, в 2024 году» // СПС «КонсультантПлюс».

17. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 21.11.2041 г. «О налоге с холостяков, одиноких и малосемейных граждан СССР» (утратил силу) // СПС «КонсультантПлюс».

18. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19.05.1949 г. «Об улучшении дела государственной помощи многодетным и одиноким матерям и улучшении условий труда и быта женщин» (утратил силу) // СПС «КонсультантПлюс».

19. Постановление Совета Министров СССР от 12.08.1970 г. № 659 «Об утверждении Положения о порядке назначения и выплаты пособий беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям» (утратило силу) // СПС «КонсультантПлюс».

20. Ежемесячное пособие многодетным семьям за счёт средств бюджета Тверской области // Официальный сайт Министерства семейной и демографической политики Тверской области [Электронный ресурс]. URL: <https://minsemya.tverreg.ru/mery-podderzhki-semey-s-detmi/aktualnye-mery-sotsialnoy-podderzhki/mnogodetnye-semi/-ezhemesyachnoe-posobie-mnogodetnym-semyam/> (дата обращения: 26.01.2025).

21. Как получить помощь для многодетной семьи // Официальный портал Мэра и Правительства Москвы [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mos.ru/otvet-socialnaya-podderjka/lgoti-mnogodetnim-semyam/#3> (дата обращения: 26.01.2025).

22. Многодетные семьи // Официальный сайт Департамента труда и социальной защиты населения города Москвы [Электронный ресурс]. URL: <https://dszn.ru/deyatelnost/Socialnye-vyplaty-i-posobiya/-Vyplaty-semyam-s-detmi/Socialnye-vyplaty-i-posobiya> (дата обращения: 26.01.2025).

23. Советское финансовое право: Учебник. М.: Юрид. лит., 1987. 464 с.

24. Уровень расчетной бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации после распределения дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации и индекс бюджетных расходов субъектов Российской Федерации на 2025 год // Официальный сайт Министерства финансов Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=310183 (дата обращения: 26.01.2025).

25. Юстус О.И. Дефиниция «социальное казначейство» в системе категорий финансового права // Финансовое право в парадигме

конституционной реформы: Материалы Международной научно-практической конференции. Москва, 26 ноября 2021 г. М.: РГУП, 2022. С. 239–248.

Об авторе:

ЮСТУС Ольга Ивановна – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного, административного и таможенного права ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код 6648-9867, e-mail: olga.i.yustus@gmail.com

Financial and legal aspects of ensuring the interests of large families

O.I. Justus

Tver State University, Tver

The article analyzes the measures of state support provided at the federal and regional levels to families with children. The lack of consistency in the formation and regulatory consolidation of the measures under study has been revealed, which, in the author's opinion, violates the principle of legal certainty, which is the fundamental principle of any law-making. In order to protect the rights and legitimate interests of citizens, it is proposed to develop and adopt a federal law and laws of the constituent entities of the Russian Federation containing an exhaustive list of federal (regional) measures of state support for families with children, the principles of their provision, sources of funding, the amount of specific measures and (or) the procedure for determining it, as well as the conceptual framework related to the provision of such measures. measures; At the same time, each of the laws must be accompanied by a separate and single regulatory legal act that establishes, in relation to the Russian Federation, the subject of the Russian Federation, the procedure for appointing and providing state support measures for motherhood and childhood.

Keywords: *state support measures for families with children, social support measures, social treasury, large family, demographic policy of the state.*

About author:

YUSTUS Olga – PhD in Law, associate Professor of the Department of constitutional, administrative and customs law of Tver state University (33 Zhelyabova str., Tver, 170100), SPIN-code: 6648-986, e-mail: olga.i.yustus@gmail.com

Юстус О.И. Финансово-правовые аспекты обеспечения интересов многодетных семей // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 1 (81). С. 266–276.

Статья поступила в редакцию 25.01.2025 г.
Подписана в печать 12.03.2025 г.

Трибуна молодого ученого

УДК 347.626.1

DOI: 10.26456/vtpravo/2025.1.277

Некоторые вопросы правовой защиты имущественных интересов матери

И.В. Базунов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Целью работы выступает обоснование необходимости совершенствования механизмов правовой защиты имущественных интересов замужней женщины в период материнства от недобросовестных действий со стороны мужа и третьих лиц. Автор статьи обращает внимание на то, что правовое положение женщины в первые годы после рождения ребенка является крайне уязвимым в силу невозможности полноценно участвовать в экономической жизни семьи и необходимости сосредоточиться на воспитании ребенка. Вместе с тем закрепленная в п. 2 ст. 35 Семейного кодекса Российской Федерации презумпция согласия супруга на совершение сделок с общим имуществом представляется серьезным фактором риска для женщины в данный период, т. к. позволяет мужу осуществлять ряд сделок фактически без необходимости получения согласия. Анализируя данную проблему, автор приходит к выводу о необходимости совершенствования семейного законодательства с целью защиты имущественных интересов замужней женщины в период материнства.

Ключевые слова: *имущественные интересы матери, презумпция согласия супруга, общее имущество супругов, семейные отношения.*

Согласно п. 1 ст. 38 Конституции Российской Федерации, институты семьи и материнства находятся под защитой государства. Безусловно, одной из важнейших задач семейной политики России является обеспечение финансового благополучия членов семьи, защита их имущественных прав и законных интересов. На наш взгляд, для женщины первые годы после рождения ребенка сопряжены с большим количеством рисков имущественного характера, что связано с невозможностью в подавляющем большинстве случаев осуществлять трудовую деятельность и полноценно участвовать в экономической жизни семьи. По данным из Единой межведомственной информационно-статистической системы, на первый квартал 2024 г. в отпуске по уходу за ребенком на срок до достижения им возраста полутора лет находилось более семисот тысяч женщин [6]. Согласимся с утверждением, что в немалом числе случаев в данный период жена не может осуществлять контроль за совершаемыми мужем сделками с общим имуществом в силу необходимости сосредоточиться на

воспитании ребенка, а также большими физическими и психоэмоциональными нагрузками [5, с. 171]. Все это обуславливает необходимость освещения ряда проблемных вопросов, связанных с защитой имущественных интересов матери от противоправных и недобросовестных действий со стороны мужа или третьих лиц, что и стало целью настоящей работы.

По мнению автора, одним из спорных аспектов семейного законодательства, связанных с защитой имущественных интересов матери, является презумпция согласия супруга на совершение сделок с имуществом, находящимся в совместной собственности супругов. Согласно п. 2 ст. 35 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ), согласие другого супруга на совершение сделок с общим имуществом предполагается [1]. Рассматривая данную презумпцию в свете п. 3 ст. 35 СК РФ, мы пришли к выводу, что ее действие распространяется только на сделки, которые не требуют государственной регистрации и нотариально удостоверенного согласия другого супруга. Тем не менее под данную категорию могут попадать крайне крупные сделки, значительно влияющие на изменение состава общего имущества супругов.

Отметим, что презумпция согласия супругов является оспоримой, т. к. в абз. 2 п. 2 ст. 35 СК РФ законодатель устанавливает возможность признания сделки с общим имуществом недействительной в случае, если другая сторона «знала или заведомо должна была знать о несогласии другого супруга на совершение данной сделки». Бремя доказывания факта отсутствия согласия возлагается на супруга, не являющегося стороной сделки.

В основе данной презумпции лежит принцип разрешения внутрисемейных вопросов по взаимному согласию. Предполагается, что супруги распоряжаются общим имуществом согласованно, основываясь на любви, взаимном уважении и желании поиска компромисса. Это утверждение кажется особенно актуальным в свете общего интереса родителей по обеспечению финансового благополучия новорожденного ребенка. Но на практике муж может воспользоваться презюмированным согласием жены на совершение сделок с общим имуществом с целью получения личной выгоды именно в тот момент, когда она является особенно уязвимой.

Нельзя не отметить, что презумпция согласия значительно облегчает гражданский оборот, т. к. позволяет одному из супругов осуществлять множество повседневных сделок, не получая прямого согласия другого супруга. При этом данная презумпция не является в строгом смысле основанием для самовольного распоряжения одним из супругов общей собственностью. Как высказался по данному вопросу А.А. Добровинский: «Законодатель, даже вводя “презумпцию согласия супруга”, тем не менее никоим образом не освобождает супруга,

совершающего сделку с общим имуществом, от получения такого согласия» [4, с. 14].

Признавая положительное влияние презумпции согласия на гражданский оборот, следует принять во внимание, что само ее наличие ведет в отдельных случаях к ущемлению имущественных прав супруга в части распоряжения общим имуществом. Бремя доказывания отсутствия согласия возлагается на супруга, не являющегося стороной сделки, что ставит его в заведомо неравное положение по сравнению с другой стороной спора. Как показывает практика арбитражных судов, супруг, не являющийся стороной сделки, может узнать о факте ее совершения спустя годы [3]. Поскольку женщина в период материнства не может осуществлять полноценный контроль за совершаемыми мужем сделками, данная проблема становится еще более острой.

Отметим также, что норма п. 2 ст. 35 СК РФ явно направлена на защиту интересов третьего лица, являющегося в данном случае приобретателем общей собственности супругов. Подтверждение этому обнаруживается в практике Верховного Суда Российской Федерации. Так, правоприменитель последовательно отстаивает позицию, что неблагоприятные последствия совершения сделки с общим имуществом супругов не могут возлагаться на третьих лиц [2]. Аргументом в пользу данного подхода выступает тот факт, что предоставление супругу больших возможностей по оспариванию совершаемых другим супругом сделок привело бы к дестабилизации гражданского оборота. Соглашаясь с данным аргументом, мы считаем необходимым указать на то, что в законодательстве не предусмотрен случай, когда обе стороны сделки преследуют цель по нарушению прав супруга, который о сделке не знает и в силу этого не может выразить свое несогласие. По нашему мнению, приведенные в абз. 2 п. 2 ст. 35 СК РФ требования к добросовестности другой стороны сделки с общим имуществом являются слишком мягкими и не обеспечивают надлежащую защиту имущественных интересов супруга, который не принимает активного участия в экономической жизни семьи в силу различных жизненных обстоятельств, в том числе необходимости сосредоточиться на воспитании ребенка.

Стоит добавить, что право собственности на ряд движимых и недвижимых вещей может быть зарегистрировано только на одного из супругов. Данный супруг, являясь титульным владельцем вещи, имеет значительно большее число правомочий в отношении распоряжения такой вещью, что также следует рассматривать в качестве фактора риска.

В силу перечисленных обстоятельств замужняя женщина в период материнства вынуждена осуществлять контроль за сделками, которые совершает другой супруг, что не позволяет ей в полной мере сосредоточиться на воспитании ребенка. В связи с этим автором

предлагаются следующие возможные пути совершенствования механизма защиты имущественных интересов матери:

– разработка комплексного подхода к определению крупных сделок с общим имуществом супругов, для совершения которых одному из супругов не требуется получать нотариально удостоверенное согласие другого супруга. Крупной в данном случае предлагается считать такую сделку (или цепочку взаимосвязанных сделок), которая привела к значительному уменьшению состава общего имущества супругов. При этом следует исключить возможность оспаривания мелких сделок, совершаемых одним из супругов на повседневной основе;

– повысить требования к добросовестности другой стороны сделки с общим имуществом супругов в случае, если такая сделка носит крупный характер;

– с учетом наших предложений, считаем необходимым внести изменения в абз. 2 п. 2 ст. 35 СК РФ и изложить его в следующей редакции: «крупная сделка по распоряжению общим имуществом супругов, совершенная одним из супругов, может быть признана судом недействительной по мотивам отсутствия согласия другого супруга только по его требованию и только в случаях, если доказано, что другая сторона в сделке знала или могла узнать о несогласии другого супруга на совершение данной сделки».

Список литературы

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023 г.) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
2. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 28.08.2023 г. № 305-ЭС23-8438 по делу № А40-91941/2022 [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/> (дата обращения: 10.09.2024).
3. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 25.12.2023 г. № Ф05-32345/2023 по делу № А40-230959/2022 [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/> (дата обращения: 10.09.2024).
4. Добровинский А.А. Проблемы толкования пункта 2 статьи 35 Семейного кодекса РФ в российской правовой науке и судебной практике // *Lex russica*. 2020. Т. 73, № 3. С. 9–19.
5. Литнарович Л.М., Кучер А.С., Сулима А.Н., Ольшевская Н.С., Рыбалка А.Н., Беглицэ Д.А., Дига М.А. Психоэмоциональный статус женщин в дородовом и послеродовом периодах // *Таврический биологический вестник*. 2019. Т. 22, № 1. С. 170–175.
6. Численность женщин, находящихся в отпуске по уходу за ребенком // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/59531> (дата обращения: 10.09.2024).

Об авторе:

БАЗУНОВ Игорь Валерьевич – аспирант третьего года обучения, кафедра

гражданского права, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»
(г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: Comrade.Bazunov@yandex.ru

Some issues of legal protection of property interests of the mother

I.V. Bazunov

Tver state University, Tver

The purpose of the work is to substantiate the need to improve the mechanisms of legal protection of the mother's property interests from unfair actions on the part of her husband and third parties. The author of the article draws attention to the fact that the legal status of a woman in the first years after the birth of a child is extremely vulnerable due to the impossibility of fully participating in the economic life of the family and the need to focus on raising a child. At the same time, the presumption of the spouse's consent to transactions with common property, enshrined in paragraph 2 of Article 35 of the Family Code of the Russian Federation, seems to be a serious risk factor for a woman during motherhood, since it allows the husband to carry out a number of transactions virtually without the need to obtain consent. Analyzing this problem, the author comes to the conclusion about the need to improve family legislation in order to protect the property interests of a married woman during motherhood.

Keywords: *property interests of the mother, presumption of consent of the spouse, common property of the spouses, family relations.*

About author:

BAZUNOV Igor – third-year postgraduate student, Department of Civil Law, Tver State University (Russia, Tver, Zheljabova st., 33); e-mail: Comrade.Bazunov@yandex.ru

Баунов И.В. Некоторые вопросы правовой защиты имущественных интересов матери // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 1 (81). С. 277–281.

Статья поступила в редакцию 25.01.2025 г.

Подписана в печать 12.03.2025 г.

Баланс интересов всех кредиторов плательщика алиментов при решении вопроса о недействительности соглашения об уплате алиментов на несовершеннолетних детей при банкротстве граждан

И.Д. Ерёмин

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье рассмотрен вопрос поиска баланса интересов всех кредиторов должника при недействительности соглашения об уплате алиментов на несовершеннолетних детей при банкротстве граждан. Произведен анализ судебного акта Верховного Суда РФ, положившего начало формированию единообразной судебной практики по спорам, связанным с недействительностью алиментных соглашений в процедуре банкротства граждан. Был сделан вывод о недостаточности научной разработки категории «баланса интересов». Автором выявлены недостатки существующей терминологической базы по данному вопросу, в связи с чем в статье представлена альтернативная концепция «гармонизации интересов кредиторов».

Ключевые слова: *соглашение об уплате алиментов, недействительность сделок, алиментные обязательства, банкротство гражданина, несовершеннолетние дети, баланс интересов кредиторов, гармонизация.*

Современное российское законодательство располагает наличием такого института, как несостоятельность (банкротство). В качестве основы правовой регламентации данного института выступает Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве) от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ (далее – Закон о банкротстве) [3]. В 2015 году, после вступления в силу Федерального закона от 29.12.2014 г. № 476-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О несостоятельности (банкротстве)” и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования реабилитационных процедур, применяемых в отношении гражданина-должника» [4], своеобразным новшеством стало внедрение в действующую правовую систему механизма проведения банкротных процедур в отношении граждан, не являющихся индивидуальными предпринимателями. Развитие института в данном направлении способствует реализации государственной политики в части формирования и обеспечения стабильности экономики как одного из факторов жизнедеятельности общества.

С учетом приведенных обстоятельств в 2015 г. возникла потребность в соответствующей научно-правовой разработке

совокупного применения положений Закона о банкротстве с нормами других отраслей российского законодательства, а также в разрешении определенных вопросов правоприменительной практики. Целесообразность изучения такой правовой категории обуславливается необходимостью правильного и качественного понимания применения норм о банкротстве в целях оздоровления хозяйственной сферы и активизации деятельности участников экономического оборота.

По прошествии девяти лет одним из предметов обсуждения до сих пор выступает проблематика комплексного применения норм Закона о банкротстве и Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ) [2] по вопросу недействительности соглашения об уплате алиментов на несовершеннолетних детей при банкротстве граждан, не являющихся индивидуальными предпринимателями.

В соответствии с содержанием ст. 99 СК РФ соглашение об уплате алиментов (размере, условиях и порядке выплаты алиментов) заключается между лицом, обязанным уплачивать алименты, и их получателем. Поскольку такое соглашение является сделкой, оно может быть признано недействительным по специальным основаниям, предусмотренным Законом о банкротстве, при наличии определенных квалифицирующих признаков.

В ходе судебного разбирательства, в рамках которого решается правовая судьба алиментного соглашения, перед судом остро стоит вопрос разрешения конфликта интересов кредиторов должника по алиментным обязательствам, возникшим из заключенного между родителями несовершеннолетнего ребенка соглашения, и кредиторов по общегражданским сделкам.

Суд, руководствуясь нормами законодательства об арбитражных судах [1], разрешает спор, опираясь на одну из основных задач арбитражных судов – защита нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов лиц, участвующих в арбитражном процессе. В ситуации, когда предметом спора выступает признание недействительным алиментного соглашения, речь идет о гипотетическом нарушении прав и законных интересов кредиторов должника по общегражданским сделкам, а противопоставляются им оспариваемые права кредиторов по алиментному соглашению. Такое соглашение представляет собой специфическую правовую конструкцию, черты и особенности которой сформулированы непосредственно в СК РФ, в связи с чем можно однозначно сказать, что недопустимо в рамках проведения той или иной процедуры несостоятельности (банкротства) не учитывать положения семейного законодательства при разрешении вопроса о недействительности такого соглашения.

В соответствии с СК РФ, целью установления алиментных обязательств является обеспечение условий жизни, необходимых для развития, воспитания и образования несовершеннолетних детей, а также

предоставление содержания иным членам семьи, нуждающимся в материальной поддержке.

Закон о банкротстве устанавливает специфические условия для очередности удовлетворения требований кредиторов должника. Так, в соответствии с положениями п. 3. ст. 213.27 Закона о банкротстве требования о взыскании алиментов, в том числе по заключенному соглашению, относятся к требованиям кредиторов первой очереди, соответственно, взыскиваться будут вперед других требований, включенных в реестр требований кредиторов должника. Обязательства по алиментам, возникшим после принятия заявления о банкротстве к рассмотрению, являются уже текущими расходами, и выплаты по ним подлежат удовлетворению вне основной очередности требований кредиторов.

Несовершеннолетние дети, выступающие в качестве слабой стороны правоотношения, имеют право на определенные меры поддержки и защиты их интересов со стороны государства. Однако нельзя забывать и об интересах кредиторов должника по общегражданским сделкам, которые также в силу закона имеют право на надлежащее исполнение должником своих обязательств. В такой ситуации остро встает вопрос о том, как разрешить сложившийся спор, не допустив нарушения интересов одной из сторон, а также ущемления правового и социального положения одних кредиторов перед другими.

В качестве отправной точки для изучения вышеуказанного вопроса автор предлагает обратить внимание на позицию Верховного суда РФ (далее – ВС РФ). В 2017 г. судебная коллегия по экономическим спорам ВС РФ рассмотрела спор [13], в рамках которого супруги оформили соглашение об уплате алиментов. В соответствии с ним один из родителей обязался выплачивать на троих несовершеннолетних детей ежемесячно алименты в размере 90 % от суммы заработной платы и иных доходов. Интересным обстоятельством является факт, что сделка была заключена через несколько дней после того, как в отношении одного из супругов суд вынес решение о взыскании 8 100 000 руб. в пользу юридического лица. Впоследствии указанное решение стало основанием для обращения кредитора в суд для признания должника банкротом. К делу был привлечен финансовый управляющий, посчитавший, что заключенное соглашение об уплате алиментов является недействительным.

Суды первой и апелляционной инстанции отказали в удовлетворении заявленных требований арбитражного управляющего, а вот кассационный суд выдвинул позицию, что нижестоящими судами не были в должной степени исследованы обстоятельства дела, в том числе не была произведена оценка обстоятельства заключения соглашения об уплате алиментов через несколько дней после принятия решения суда в отношении супруга о взыскании денежных средств. Судебная коллегия

ВС РФ в своем последующем определении представила совсем иной подход к пониманию рассматриваемых вопросов.

Изучив текст указанного Определения ВС РФ, автор делает следующие заключения.

Ситуация спора демонстрирует несколько признаков, говорящих о недобросовестном поведении супругов при реализации своих прав по заключению соглашения об уплате алиментов на несовершеннолетних детей:

- сделка заключена на дату, последующую за датой образования задолженности одного из супругов по решению суда;
- объем денежных средств, подлежащих выплате в соответствии с указанным соглашением, составлял основную часть дохода супруга-должника, в связи с чем не оставалось доступных средств ни для жизнедеятельности самого должника, ни, тем более, для удовлетворения требований кредиторов, что можно рассматривать как момент явного ущемления интересов одной из сторон спора;
- поскольку возникшая спорная ситуация вокруг алиментного соглашения имела место быть в период нахождения лиц в браке, другой супруг должен быть осведомлен о наличии установленной по решению суда задолженности.

Однако несмотря на все представленные выше аргументы, ВС РФ принял отличную позицию, сделав свои собственные определенные замечания. Так, суд однозначно дал понять, что в вопросе установления завышенного и чрезмерного объема подлежащих выплате алиментов нужно исходить не из процентного показателя, а из абсолютной величины денежных средств, выделенных ребенку. То есть в каждой конкретной ситуации нужно исходить из того, насколько итоговая сумма денежных средств будет превышать разумно достаточные потребности ребенка в материальном содержании.

Отдельно стоит выделить позицию суда касательно разрешения вопроса о соотношении интересов кредиторов по алиментным обязательствам и кредиторов по общегражданским сделкам. Так, по мнению ВС РФ, рассматривая допустимость оспаривания алиментного соглашения, в первую очередь надлежит соотнести две правовые ценности: права ребенка на определенный достойный уровень жизни, с одной стороны, и право кредитора по общегражданским сделкам получить надлежащее исполнение обязательств должником, с другой стороны. Итогом такого соотношения, по мнению суда должно стать установление баланса между указанными ценностями. При этом под соответствующим балансом не может пониматься равенство интересов детей как кредиторов по алиментам и других кредиторов. Российская Федерация является социальным государством, под защитой которого находятся материнство, детство и семья, в связи с чем достичь упомянутого баланса можно только в случае учета интереса детей, как

имеющих приоритетное значение по отношению к обычным кредиторам. В то же время суд, поясняя, что нельзя понимать под «балансом», не дает никаких пояснений относительно содержания данной категории. Демонстрируя свою позицию учета баланса интересов кредиторов при банкротстве, судебная коллегия ВС РФ оперирует двумя критериями допустимости оспаривания алиментного соглашения:

- само обязательство, в рассматриваемом случае – по уплате алиментных платежей на содержание несовершеннолетнего. Суть данного критерия заключается в обеспечении достойного уровня жизни ребенку;

- семейно-правовой статус плательщика алиментов, его определение как «родителя». Так, несмотря на наличие некоторых объективных признаков недействительности сделки в соответствии с требованиями Закона о банкротстве, суд допустил обоснованность размера выплачиваемых денежных средств ввиду специфики правоотношения и его субъектного состава.

По мнению автора, при схожих обстоятельствах заключения алиментного соглашения, но уже не на содержание несовершеннолетнего ребенка, а на содержание нетрудоспособного родителя, исход судебного разбирательства может быть другой. Обратим внимание на следующие материалы дела [14]. В рамках представленного дела было заявлено требование о признании недействительным соглашения об уплате алиментов на содержание отца. Требование было удовлетворено и впоследствии засилено судами апелляционной и кассационной инстанций, поскольку на момент заключения сделки должник имел признаки неплатежеспособности, также была установлена цель заключения соглашения – вывод денежных средств из конкурсной массы. По мнению автора, данная ситуация находит точки пересечения с обстоятельствами, которые рассматривал ВС РФ, за исключением лица, на содержание которого уплачивались алименты.

Исходя из формулируемых критериев, не следует обоснованность выплаты алиментов именно в размере, указанном в оспариваемом соглашении.

Путем вынесения указанного определения, ВС РФ задал вектор направления формирования правоприменительной практики. Судам надлежит рассматривать обстоятельства обособленных споров именно с точки зрения поиска баланса интересов, при котором интересы несовершеннолетних имеют приоритетное значение, при этом отсутствует комплексный перечень критериев, при наличии которых суд может вынести решение о признании соглашения об уплате алиментов на несовершеннолетних детей недействительным.

С точки зрения автора, подобный подход вызывает некоторые вопросы, в связи с чем видится возможным представление некоторой конструктивной критики. Для этого, в первую очередь, обратимся к этимологии слова «баланс». В свое время Шанский Н.М. в своем этимологическом словаре [12] дал пояснение о происхождении рассматриваемого слова: «Балáнс. Заимств. в Петровскую эпоху из франц. яз., где balance в значении “равновесие” возникло из balance “уравновешенные весы”, восходящего к лат. bilanx “весы с двумя чашками”, сложению bi(s) “два” и lanx “чашка”». В Малом академическом словаре [9] и Большой советской энциклопедии [5] слово «баланс» также определяется как «равновесие», ввиду чего полагаем необходимым рассмотреть пояснения данного слова в различных толковых словарях. В.И. Даль дает пояснение о значении слова «равновесие» как о чем-то «равном»: «Равный чему, с чем, одинаковый, один, во всем подобный, относительно величины, количества, качества, свойств и пр; верста, ровня» [6]. С.И. Ожегов, в свою очередь, описывает «равновесие» как «состояние покоя, в котором находится система под воздействием равных, противоположно направленных сил» [10].

Подводя итоги данного небольшого ликбеза, можно подытожить, что баланс при соотношении прав и интересов ребенка на определенный достойный уровень жизни и законных интересов кредиторов по общегражданским сделкам в обязательном порядке должен подразумевать собой именно равенство, по итогам которого одна из сторон спора не будет занимать необоснованно лидирующего положения. Однако с учетом социальной направленности Российской Федерации, особенностей отечественного законодательства, сформировавшихся позиций в рамках правоприменительной практики, нельзя говорить именно о балансе интересов конкурирующих кредиторов, поскольку он является недостижимым ввиду особенностей физического, психологического и правового характера несовершеннолетних как лиц, занимающих наиболее слабую позицию в спорах о недействительности соглашения об уплате алиментов.

Несмотря на то что некоторые ученые-правоведы рассматривают данный вопрос именно с точки зрения поиска баланса интересов (см. работы Е.А. Чефрановой [11], П.А. Ломакиной [8]), полагаем, что такой подход является неосновательным и неподходящим духу отечественного семейного права. В качестве дополнительного аргумента к позиции автора предлагается обратиться непосредственно к научным трудам специалистов в области семейных правоотношений, в частности к диссертации [7] О.Ю. Ильиной, посвященной разбору проблемы соотношения частных и публичных интересов в семейном праве РФ. Научная работа ученого посвящена, в числе прочего, изучению «баланса» применительно к вопросу о частных и публичных интересах в семейном праве, однако считаем, что представленные в

работе выводы могут быть использованы и в контексте исследования категории недействительности соглашения об уплате алиментов на несовершеннолетних при банкротстве граждан. По мнению О.Ю. Ильиной, для семейных правоотношений неприемлем баланс. Семейно-правовое регулирование должно быть основано на так называемой «гармонизации», поскольку она подразумевает собой «приведение в состояние соответствия, слаженности», что позволит добиться определенной эффективности применения семейно-правовых норм, в то время как «баланс» предполагает равновесие. Автор настоящей статьи выражает свое согласие с подобной позицией, ведь, как уже было отмечено ранее, равновесия в отдельно взятых обстоятельствах не всегда получится достичь в силу особенностей самих правоотношений, складывающихся в процессе оспаривания алиментного соглашения. Ввиду того, что такое соглашение является специфической семейно-правовой конструкцией, рассматривать вопрос об оспаривании данной сделки необходимости в ракурсе комплексного применения норм СК РФ и Закона о банкротстве. Таким образом, специфика семейно-правового регулирования также оказывает влияние и на регулирование в области несостоятельности (банкротства) по вопросу оспаривания алиментного соглашения.

Чтобы обеспечить «гармонизацию интересов кредиторов» по вопросу недействительности алиментного соглашения при банкротстве граждан, необходимо учитывать максимально возможное количество критериев допустимости такой недействительности, а не только специфику самого правоотношения и его субъектного состава. К таким категориям, в частности, можно отнести:

- финансовые возможности должника после несения расходов по уплате алиментных платежей. Условия соглашения в действительности могут обеспечивать привычные для ребенка условия жизни, в которых он находился до заключения оспариваемого соглашения, однако оставшиеся после уплаты алиментов денежные средства должника могут оказаться недостаточными даже для покрытия обязательных нужд и расходов самого должника, в связи с чем у других кредиторов не остается шансов на получение надлежащего исполнения должником своих обязательств;

- финансовые последствия принятия решения судом по рассматриваемому спору для всех кредиторов плательщика алиментов. Кредиторы плательщика алиментов по общегражданским сделкам могут находиться в прямой экономической зависимости от того или иного решения суда по спору о признании недействительным алиментного соглашения. Так, в качестве такого кредитора может выступать другое физическое лицо, на попечении у которого находятся несовершеннолетние дети. Неисполнение должником своих обязательств в подобном случае может сказаться на обеспечении

жизненных условий детей кредитора, в то время как интересы детей должника будут находиться под защитой суда. Либо же пример другой ситуации, когда в качестве кредитора выступает юридическое лицо, находящееся в процедуре банкротства. От итогов рассмотрения спора может зависеть судьба организации, ее сотрудников, их семей. По мнению автора, данный критерий стоит отнести к основным, подлежащим к оцениванию судами в обязательном порядке;

– специфику требований кредиторов. Физическое лицо может быть привлечено к субсидиарной ответственности в рамках процедуры банкротства юридического лица, где тот выступает в качестве единоличного исполнительного органа, участника, акционера и т. д. Впоследствии данный факт может служить основанием для подачи заявления о признании несостоятельным (банкротом) уже в отношении самого физического лица. Весьма интересным образом может сложиться ситуация, если гражданина привлекли к субсидиарной ответственности по обязательствам юридического лица, вытекающим из выполнения государственного контракта, заключенного в целях обеспечения государственного оборонного заказа. При данных обстоятельствах на стыке соотнесения правовых ценностей будут находиться интересы несовершеннолетних детей и интересы государства. Налицо столкновение частных и публичных интересов, что является очередным аргументом в пользу использования термина «гармонизация», а не «баланс».

Вышеуказанный перечень не является исчерпывающим, здесь представлены те критерии, которые, по мнению автора, либо не рассматриваются судами, либо рассматриваются в недостаточной степени.

Подводя итоги всему вышеизложенному в настоящей статье, предлагаем сосредоточиться на изучении непосредственно категории гармонизации конкурирующих интересов кредиторов, а не поиске так называемого баланса.

Гармонизация интересов кредиторов должника по алиментным обязательствам, выходящим из заключенного соглашения, и кредиторов по общегражданским сделкам – это концепция, предполагающая справедливый и пропорциональный учет прав и законных интересов конкурирующих кредиторов должника в процессе его банкротства, при котором интересы одного из кредиторов имеют наиболее приоритетное значение. Данный процесс направлен на приведение в согласие, соответствие друг другу интересов сторон. Такая гармонизация подразумевает, что при распределении имеющихся активов должника следует учитывать не только размер задолженности, особенности сформированного правоотношения и субъектный состав, но также и специфику требований кредиторов, их правовые основания, возможные последствия для каждого из них. Все это необходимо для достижения справедливого разрешения ситуации, минимизации конфликтов и

обеспечения правовой определенности для всех сторон, участвующих в споре по вопросу недействительности соглашения об уплате алиментов на содержание несовершеннолетних детей.

Список литературы

1. Федеральный конституционный закон от 28.04.1995 г. № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (в ред. от 31.07.2023, с изм. и доп., вступ. в силу с 26.10.2023 г.) // СЗ РФ. 1996 г. № 1. Ст. 16.
3. Федеральный закон от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (в ред. от 25.12.2023, с изм. и доп., вступ. в силу с 05.01.2024) // СЗ РФ. 2002 г. № 43. Ст. 4190.
4. Федеральный закон от 29.12.2014 г. № 476-ФЗ (в ред. от 29.06.2015) «О внесении изменений в Федеральный закон “О несостоятельности (банкротстве)” и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования реабилитационных процедур, применяемых в отношении гражданина-должника» // СЗ РФ. 2015 г. № 1. Часть I. Ст. 29.
5. Большая советская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <https://gufo.me/dict/bse> (дата обращения: 18.12.2024)
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://gufo.me/dict/dal> (дата обращения: 18.12.2024)
7. Ильина О.Ю. Частные и публичные интересы в семейном праве Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. 374 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dslib.net/civil-pravo/chastnye-i-publichnye-interesy-v-semejnom-prave-rossijskoj-federacii.html#>: (дата обращения: 18.12.2024).
8. Ломакина П.А. Оспаривание алиментных соглашений в банкротстве. Поиск баланса интересов детей и конкурсных кредиторов. – научная статья // Закон. 2018. № 6 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Малый академический словарь [Электронный ресурс]. URL: <https://gufo.me/dict/mas> (дата обращения: 18.12.2024).
10. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Однотомный толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov> (дата обращения: 18.12.2024).
11. Чефранова Е.А. Недействительность части сделки как результат оспаривания соглашения об уплате алиментов в деле о банкротстве гражданина // Семейное и жилищное право. 2024. № 4 // СПС «КонсультантПлюс».
12. Шанский Н.М., Боброва Т.А. Школьный этимологический словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://gufo.me/dict/shansky> (дата обращения: 18.12.2024)
13. Определение СК по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 27.10.2017 г. № 310-ЭС17-9405 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71699902/> (дата обращения: 18.12.2024).

14. Постановление Арбитражного суда Северо-западного округа от 29.02.2024 г. по делу № А05-17416/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

Об авторе:

ЕРЁМИН Илья Дмитриевич – аспирант первого года обучения, направление научной специальности 5.1.3. «Частно-правовые (цивилистические науки)», кафедра гражданского права, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: eremin.ilya@list.ru

The balance of interests of all creditors of the alimony payer when deciding on the invalidity of the agreement on the payment of alimony for minor children in the bankruptcy of citizens

I.D. Eremin

Tver State University, Tver

The article considers the issue of finding a balance of interests of all creditors of the debtor in case of invalidity of the agreement on the payment of alimony for minor children in case of bankruptcy of citizens. The analysis of the judicial act of the Supreme Court of the Russian Federation, which initiated the formation of uniform judicial practice in disputes related to the challenge of alimony agreements in the bankruptcy procedure of citizens. The problem of insufficient scientific elaboration of the category of "balance of interests" was identified, the author identified the shortcomings of the existing terminology base on this issue, and therefore the article presents an alternative concept of "harmonization of creditors' interests."

Keywords: *alimony payment agreement, invalidity of transactions, alimony obligations, bankruptcy of a citizen, minor children, balance of creditors' interests, harmonization.*

About author:

EREMIN Ilya – postgraduate student of the first year of study, direction of scientific specialty 5.1.3. "Private Law (Civil Sciences)", Department of Civil Law, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova str., 33), e-mail: eremin.ilya@list.ru

Ерёмин И.Д. Баланс интересов всех кредиторов плательщика алиментов при решении вопроса о недействительности соглашения об уплате алиментов на несовершеннолетних детей при банкротстве граждан // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 1 (81). С. 282–291.

Статья поступила в редакцию 23.01.2025 г.
Подписана в печать 12.03.2025 г.

Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право
решением Президиума ВАК включён в Перечень российских
рецензируемых научных журналов в редакции 2022 года, в которых
должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Контактные данные редакционной коллегии:

170021, г. Тверь, ул. 2-я Грибоедова, д. 22, каб. 222.

Тверской государственный университет: телефон/факс: (4822) 70-06-57.

Главный редактор – Ильина Ольга Юрьевна (8-968-968-6161);

технический редактор – Огаркова Наталья Олеговна;

law.vestnik@tversu.ru

Вестник Тверского государственного университета

Серия: Право

№ 1 (81), 2025

Подписной индекс: **85714** (подписной интернет-каталог «Пресса России»)

Подписано в печать 14.03.2025. Выход в свет 21.03.2025.

Формат 70 x 108 ¹/₁₆. Бумага типографская № 1.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 25,55.

Тираж 500 экз. Заказ № 53.

Издатель – Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Тверской государственный университет».

Адрес: Россия, 170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33.

Отпечатано в издательстве Тверского государственного университета.

Адрес: Россия, 170100, г. Тверь, Студенческий пер., д. 12, корпус Б.

Тел.: 8 (4822) 35-60-63. *Цена свободная.*